ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION
FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
INSTITUTE OF ECONOMY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

3(120)
2023

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Демографический переход в России и Китае
The demographic transition in Russia and China

Интеграция платежного пространства Евразийского экономического союза
Integration of the payment space of the Eurasian Economic Union

Фейки как угроза медиабезопасности в России XXI века
Fakes as a Threat to Media Safety in 21st Century Russia

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Редакционная коллегия

В.С. Мирзеханов – главный редактор, доктор исторических наук, профессор, ИВИ РАН, Россия, *В.Н. Бабенко* – доктор исторических наук, профессор, ВГУЮ (РПА Минюста России), Россия, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *З.А. Дадабаева* – доктор политических наук, ИЭ РАН, Россия, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, Германия, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.В. Ильин* – доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, Россия, *О.И. Киянская* – зам. главного редактора, доктор исторических наук, профессор, РГГУ, Россия, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, Франция, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Р.М. Нуреев* – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, ИНИОН РАН, Россия, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, ИНИОН РАН, Россия, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, ИЭ РАН, Россия, *Л.Н. Шаншиева* – кандидат философских наук, ИНИОН РАН, Россия, *М.А. Ядова* – кандидат социологических наук, ИНИОН РАН, Россия

Ответственный секретарь
кандидат исторических наук *М.В. Ковалев*
Ведущий научный сотрудник редакции
доктор филологических наук *А.Г. Готовцева*
Ведущий редактор *М.В. Виноградова*
Ведущий редактор *Н.М. Токарева*
Художник обложки *Г.И. Козубов*
Редактор сайта журнала (www.rossovmir.ru)
кандидат социологических наук *М.А. Ядова*

DOI: 10.31249/rsm/2023.03.00

ISSN 1726–5223

© ИНИОН РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Мозиас П.М., Мазерская Э.А.
Особенности демографического перехода в России и Китае **7**

Горбачева Н.В.
Динамика энергоперехода Сибири и Скандинавии: факторы трансформации **21**

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Mozias P.M., Mazerskaya E.A.
Peculiarities of the demographic transition in Russia and China

Gorbacheva N.V.
Energy transition in Siberia and Scandinavia: dimensions of transformation

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Семеко Г.В.
Интеграция платежного пространства Евразийского экономического союза: потенциал суверенных цифровых валют **42**

Аватков В.А., Евстафьев Д.Г.
Постсоветская Евразия в эпоху глобальных трансформаций: вызов институциональности и управления **58**

Коровникова Н.А.
Зеленая энергетика ЕС в контексте российско-украинского конфликта: цели, реалии, перспективы **72**

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

Semeko G.V.
Integration of the payment space of the Eurasian economic union: the potential of sovereign digital currencies

Avatkov V.A., Evstafyev D.G.
Post-Soviet Eurasia in the Era of Global Transformations: the Challenge of Institutionality and Governance

Korovnikova N.A.
EU green energy in the context of the Russian-Ukrainian conflict: goals, realities, prospects

Гасанова М.А.,
Магомедова П.А.
Исламский дискурс в России: специфика функционирования и ключевые концепты **89**

Gasanova M.A.,
Magomedova P.A.
Islamic Discourse in Russia: Specifics of functioning and key concepts **89**

Неренц Д.В.
Фейки как угроза медиабезопасности в России XXI в. **101**

Nerents D.V.
Fakes as a Threat to Media Safety in 21st Century Russia **101**

Юнеман Р.А.
Фактор диаспоры в гуманитарной политике России в отношении Казахстана: вызовы и перспективы **113**

Yuneman R.A.
The Diaspora Factor in Russia's Humanitarian Policy towards Kazakhstan: Challenges and Prospects **113**

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY

Шубин А.В.
Формирование политики «единого фронта» Коминтерна на фоне советской внешней политики 1921–1922 гг. **129**

Shubin A.V.
Formation of the «united front» policy of the Comintern and the Soviet foreign policy of 1921–1922 **129**

Груздинская В.С.
Французская наука глазами советских ученых: из опыта заграничных командировок 1920–1930-х годов **148**

Gruzdindkaya V.S.
French science through the eyes of Soviet scientists: the experience of business trips abroad in the 1920–1930s **148**

ДОКУМЕНТЫ

DOCUMENTS

Ланник Л.В.,
Тарасов К.А.
Финансист контрреволюции. Прогерманский политико-экономический проект К.И. Ярошинского в 1918 г. Документы. **163**

Lannik L.V.,
Tarasov K.A.
Financier of the counter-revolution. Pro-German political and economic project of Karl Jaroszynski in 1918. Documents **163**

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Белинский А.В.
Люди «часа ноль». Социально-психологический портрет первого поколения западногерманских политиков. **188**

Ступенькова З.Е., Кашуро И.А.
Страны БРИКС и цели в области устойчивого развития Организации Объединенных Наций **206**

Мостаджеран Г.М., Габдуллин Р.Р., Роженко А.С.
Исламская Республика Иран в контексте эффективного осуществления энергетической дипломатии **226**

Коданева С.И.
Политика управления регионами в Британии: история и современность **242**

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

Гиголаев Г.Е.
Рец. на: Окончание холодной войны в восприятии современников и историков: 1985–1991 / Под ред. О.В. Павленко, В.И. Журавлевой. М.: РГГУ, 2021. 300 с. **261**

REFLECTIONS, COMMUNICATIONS, COMMENTS

Belinskij A.V.
The people of «Hour Zero»: A socio-psychological portrait of the first generation of West German politicians **188**

Stupenkova Z.E., Kashuro I.A.
BRICS Club and the United Nations sustainable development goals **206**

Mostageran G.M., Gabdullin R.R., Rozhenko A.S.
Islamic Republic of Iran in the context of an effective implementation of energy diplomacy **226**

Kodaneva S.I.
Regional governance policy in Britain: history and modernity **242**

REVIEWS

Gigolaev G.E.
Review of the End of the Cold War in Representations of Its Contemporaries and Historians: 1985–1991 / ed. by O.V. Pavlenko, V.I. Zhuravleva. M.: RGGU, 2021. 300 p. **261**

Любин В.П.
Рец. на: Riefer F. Russlands Außenpolitik unter Putin 2000–2018: Welchen Einfluss haben russische Think Tanks auf die auswärtige Politikgestaltung des Kremls? Berlin: SpringerVS, 2020. 189 S.
267

Lubin V.P.
Review of Riefer F. Russlands Außenpolitik unter Putin 2000–2018: Welchen Einfluss haben russische Think Tanks auf die auswärtige Politikgestaltung des Kremls? Berlin: SpringerVS, 2020. 189 S.

Кузякин Д.С.
Экосистемы современных медиа: подходы к проблеме
273

Kuzyakin D.S.
Ecosystems of modern media: approaches to the problem

Леонов В.И.
«Информированный сотрудник» в современном бизнесе. Размышления над книгой: «Исследуя внутренние коммуникации. Голос информированного сотрудника» (М., 2022)
278

Leonov V.I.
«The Informed Employee» in Modern Business. Reflections on the book: Exploring Internal Communications. The Voice of the Informed Employee. M., 2022

DOI: 10.31249/rsm/2023.03.01

П.М. Мозиас, Э.А. Мазерская

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА В РОССИИ И КИТАЕ

Аннотация. *В Китае, самой многонаселенной стране мира, начало демографического перехода и современного экономического роста произошло существенно позже, чем в развитых европейских странах, и оно было модифицировано существованием сложившейся в середине XX в. командно-административной системы. Основные фазы демографического перехода в Китае те же, что и в других странах, но механизмы его специфичны. В частности, в снижении рождаемости большую роль сыграло не накопление человеческого капитала, а государственная политика «планового деторождения». На сегодняшний день в КНР на первом плане стоит уже не проблема избыточного населения, а возможный недостаток трудовых ресурсов и старение населения.*

Россия – тоже крупная страна с переходной экономикой, которой также было свойственно позднее начало демографического перехода. На демографических тенденциях непосредственно сказались катаклизмы, которые пережила наша страна в XX в. (война, коллективизация, репрессии). Ныне России присущи не только старение населения, но и его абсолютное уменьшение. Остается актуальным вопрос о причинах подобных отрицательных изменений: либо это – общие закономерности, присущие развитым странам и проявляющиеся в России, либо же на подобные перемены влияют наследие советского прошлого и негативные тенденции, свойственные переходной экономике. Изучение этой проблематики нужно для определения адекватной политики властей с целью улучшения ситуации. Несмотря на различия в масштабах населения, демографические тенденции КНР и РФ имеют много общего, поэтому необходимо изучение возможностей для взаимного обмена опытом демографической политики между Китаем и Россией.

Ключевые слова: *демографический переход; человеческий капитал; рождаемость; командно-административная система; смертность; продолжительность жизни; современный экономический рост.*

Мозиас Пётр Михайлович – кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник отдела Азии и Африки ИНИОН РАН,
доцент департамента мировой экономики НИУ ВШЭ. Россия, Москва.
E-mail: pmozias@hse.ru

Мазерская Эльвира Александровна – менеджер по логистике и внешнеэкономической деятельности ООО «ЮниМакс Транзит». Россия, Москва.
E-mail: elviramaz@mail.ru

Mozias P.M., Mazerskaya E.A. Peculiarities of the demographic transition in Russia and China

Abstract. *In China, the most populous country in the world, the beginning of the demographic transition and modern economic growth occurred much later than in developed European countries, and it was modified by the existence of the command-and-control system that emerged in the middle of the 20th century. The main phases of the demographic transition in China are the same as in other countries, but its mechanisms are specific. In particular, it was not the accumulation of human capital that played a large role in the decline in the birth rate, but the state policy of «planned childbearing». Today, the problem of the surplus population is no longer at the forefront, but the possible lack of labor resources and the aging of the population are the most serious issues.*

Russia is also a large country with its economy in transition, and it also had a late start in the demographic transition. Demographic trends were directly affected by the cataclysms that our country experienced in the 20th century (war, collectivization, repression). Today, Russia is characterized not only by the aging of the population, but also by its absolute decrease. The study of the reasons for such negative changes remains relevant: either these are general patterns inherent in developed countries and manifested in Russ.ia, or such changes are influenced by the legacy of the Soviet past and negative trends inherent in the transitional economy. The study of this issue is necessary to determine an adequate government policy in order to improve the situation. Despite the differences in the scale of the population, the demographic trends of the PRC and the Russian Federation have much in common, so it is necessary to study the possibilities for mutual exchange of experience in demographic policy between China and Russia.

Keywords: *demographic transition; human capital; birth rate; command-and-control system; mortality; modern economic growth; life expectancy.*

Mozias Petr Mikhailovich – Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher of the Department of Asia and Africa, INION RAS, Associate Professor of the Department of World Economy, National Research University Higher School of Economics. Russia, Moscow.
E-mail: pmozias@hse.ru

Mazerskaya Elvira Alexandrovna – Logistics and Foreign Economic Activity Manager of UniMax Transit LLC. Russia, Moscow.
E-mail: elviramaz@mail.ru

Демографические тенденции в России и Китае, на первый взгляд, сильно отличаются друг от друга. Во-первых, Китай – самая густонаселённая страна мира, а в России население распределено неравномерно из-за огромной территории страны. Во-вторых, Китай является ресурсодефицитным государством с высокой демографической нагрузкой на среду обитания, Россия же имеет достаточное количество природных ресурсов. Однако при всех различиях существуют аналогии, связанные, во-первых, с поздним началом индустриализации и демографического перехода в обеих странах, а во-вторых, с тем, что демографические процессы долгое время проходили в условиях командно-административной системы.

В 1950-е годы с приходом коммунистов к власти в Китае начинается процесс комплексной индустриализации. До этого очаги промышленности возникали благодаря присутствию в стране иностранного капитала и политике Гоминьдана. Индустриализация носила анклавный характер, а демографические тенденции не менялись, оставаясь мальтузианскими, т.е. высокая рождаемость сочеталась с высокой смертностью.

Еще с середины XIX в. – со времени Опиумных войн – смертность находилась на высоком уровне. Затем началась Первая мировая война, а в 1920–1930-е годы – гражданская война между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая. Из гражданской войны Китай сразу перешел во Вторую мировую. И когда в 1945-м мир постепенно отходил от сражений, в Китае все еще продолжались внутренние распри. Только в 1949 г. с образованием КНР военное время закончилось. Но рождаемость также была высокой, поскольку в китайской культуре исторически сформировалось положительное отношение к большим семьям, превалировало консервативное отношение к семье: «Больше детей – больше богатства». Кроме того, Китай оставался аграрной страной, в которой большую часть населения составляли сельские жители. В таких условиях большая семья помогала выжить [Селиверстова 2021].

Только с началом фронтальной индустриализации после 1949 г. в стране начинается демографический переход. Однако поскольку это специфическая командно-административная индустриализация, основанная на организованном государством изъятии ресурсов из сельского хозяйства и протекающая в условиях репрессивного политического режима, то и демографический переход также является специфическим. В целом, фазы демографического перехода в Китае те же, что и в странах Запада, а также в других странах Восточной Азии, но динамика и механизмы демографического перехода отличаются.

Согласно теоретической модели демографического перехода, он начинается со снижения смертности. После 1949 г. в Китае смертность начала снижаться (рис. 1), что было связано с окончанием длительного периода войн, а также с постепенным налаживанием системы здравоохранения в городах и деревнях. После Второй мировой войны у развивающихся стран, к которым

относился и Китай, появились возможности заимствовать из развитых стран, в том числе и из Советского Союза, медицинские технологии и лекарства. То, что в Китае до этого было недоступно, стало внедряться с советской помощью, что само по себе способствовало снижению смертности, в том числе младенческой, и в какой-то степени – увеличению продолжительности жизни.

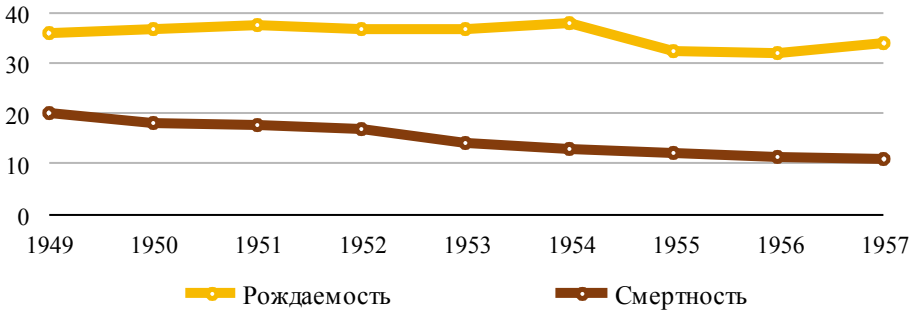

Рис. 1. Показатели рождаемости и смертности КНР с 1949 по 1957 г. (на 1000 человек)

Составлено по: [National bureau]

В первой фазе демографического перехода также обычно происходит рост рождаемости. Но повышение рождаемости в Китае в 1950-е годы (рис.1) нельзя связать с ростом доходов населения. Речь идет скорее о том, что увеличение рождаемости произошло в связи с окончанием гражданской войны. В обществе восстановилась относительная стабильность, в результате чего в начале 1950-х годов стали проявляться традиционные установки китайского общества на многодетность. К тому же китайское руководство придерживалось мнения, что большое население – источник силы и могущества страны, оно воспринималось как благо, позволяющее развивать экономику и построить коммунизм.

В связи с этим создавались благоприятные условия для образования новых семей, что также стимулировало рождаемость. Это отразилось в первом законодательном акте, принятом после образования КНР – Законе о браке, обнародованном 1 мая 1950 г. Согласно Закону, устанавливались равенство мужчины и женщины в браке, свобода (от воли родителей) в заключении брака. Объявлялись вне закона все насильственно заключенные браки, были уравнены в правах внебрачные дети и дети, рожденные в браке, закреплялась обязанность родителей воспитывать и содержать своих детей. Предусматривалась обязанность супругов официально регистрировать свой брак в местных административных учреждениях. Одним из важных аспектов было определение официального минимального возраста вступления в брак: для

мужчин – 20 лет, для женщин – 18 лет. Тем самым принятый закон положил конец традиционной системе семейных отношений, где положение женщины было совершенно бесправным, и способствовал образованию миллионов семей [Веремейчик 2013, с. 474].

Итак, эти тенденции схожи с классической первой стадией демографического перехода, однако динамика и механизмы здесь иные. С началом Промышленной революции в странах Запада происходил постепенный рост доходов, который поначалу привел к увеличению рождаемости. В случае же с Китаем в период после прихода коммунистов к власти подобный механизм не работал в связи с административным изъятием ресурсов из сельского хозяйства, карточной системой и бедностью населения в целом.

Вторая фаза классического варианта демографического перехода начинается со снижения рождаемости в связи с тем, что начинают работать механизмы накопления человеческого капитала, т.е. люди теперь придают больше значения собственной карьере и образованию детей, а потому заводят их в меньшем количестве. Китаю же в период командно-административной системы данный механизм был присущ в малой степени. Несмотря на то, что в промышленности создавались новые рабочие места, требующие более высокой квалификации, а также началось распространение образования, это не приводило к значительному приросту доходов и существенной вертикальной мобильности.

В тот период в Китае мотивация, связанная с человеческим капиталом, была ослаблена из-за того, что индустриализация в основном происходила за счет тяжелой капиталоемкой промышленности и касалась относительно небольшой доли населения. Кроме того, вертикальная мобильность, связанная с накоплением человеческого капитала в городах, была ограничена по причине сдерживания роста городского населения с помощью системы прописки. В таких условиях институты вертикальной мобильности работали слабо. В большей степени они были связаны не с накоплением человеческого капитала и повышением уровня образования, а с построением партийной карьеры.

Фактор, описанный в модели Г.С. Беккера, К.М. Мёрфи и Р. Тамуры, также работает в слабой степени в отношении тогдашнего Китая. Согласно этой модели, люди делают выбор в пользу качества детей, а не их количества, так как они сопоставляют время, потраченное на воспитание детей, с упущенными возможностями для собственного потребления [Becker 1990, p. 15]. Однако в случае с Китаем трудно говорить о заметном росте потребления в связи с наличием карточной системы, товарного дефицита и широким распространением бедности. Увеличение потребления тормозилось и из-за установления фиксированных цен, тогда как по идее в ходе индустриализации цены на промышленную продукцию по сравнению с сельскохозяйственной должны снижаться. В «классическом» варианте большая доступность

промышленной продукции стимулирует потребление промышленных товаров, но этого не происходило в данном случае.

Таким образом, рождаемость не снижалась естественным путем, продолжая оставаться высокой. Несмотря на временное снижение рождаемости в начале 1960-х годов (рис. 2) в связи с последствиями «Большого скачка» (1958–1960), она продолжала расти и была высокой даже в годы «Культурной революции» (1966–1976). То есть механизмы, обычно свойственные демографическому переходу, когда накопление человеческого капитала тормозит рождаемость, приводя к её постепенному замедлению, в данном случае работали в очень слабой степени. В связи с этим в 1950-е годы наметился новый очевидный рост числа жителей КНР. Так, в период с 1950 по 1957 г. их численность увеличилась с 541,67 млн до 646, 53 млн человек при среднегодовом приросте 13,11 млн человек [Энциклопедия нового Китая 1989, с. 26].

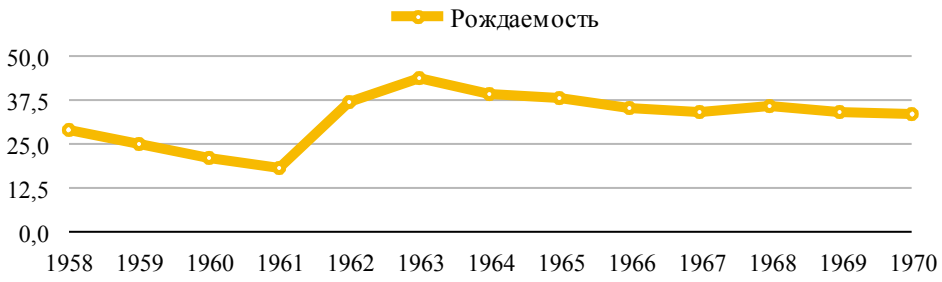

Рис. 2. Показатели рождаемости КНР с 1958 по 1970 г. (на 1000 человек)

Составлено по: [National bureau]

Подобные демографические показатели вызвали необходимость специальных мер контроля над рождаемостью. Иначе говоря, если естественный экономический механизм не приводит к снижению рождаемости, которое должно наступить на второй стадии демографического перехода, то государство начинает проводить осознанную политику угнетения рождаемости командно-административными методами.

В сентябре 1956 г. Чжоу Эньлай в своем докладе на VIII съезде КПК официально заявил о новом направлении демографической политики, которое касалось ограничения деторождения [Коновалов 1974, с. 37]. В 1953–1958 гг. начала проводиться кампания по контролю над рождаемостью.

В конце 1970-х годов численность населения Китая приблизилась к отметке в 1 млрд человек, практически удвоившись по сравнению с 1949 г. (рис. 3). Ежегодный естественный прирост населения в конце 1970-х годов находился

в пределах 12–13 млн человек, демографическое давление ставило под угрозу достижение намеченных социально-экономических показателей. В 1978 г. среднедушевые доходы в деревне составляли всего 138 юаней, в городе – 405 юаней в год. Число безработных в городах, по официальным данным, достигло 26–30 млн человек, создавая угрозу социальной стабильности.

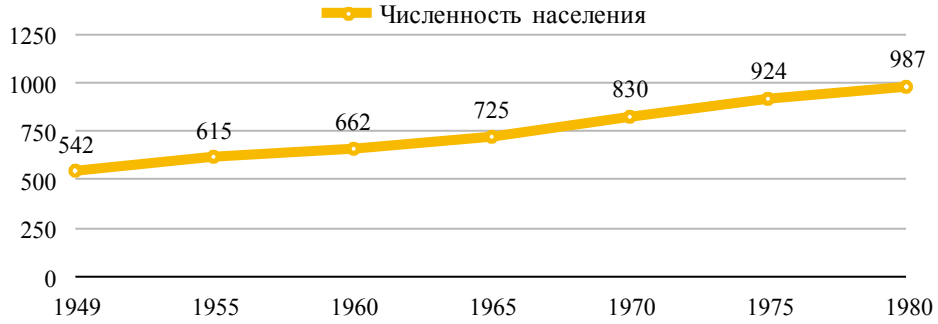

Рис.3. Показатели численности населения КНР с 1949 по 1980 г. (в млн человек)

Составлено по: [National bureau]

С целью преодоления кризисных явлений в развитии страны в 1978 г. на III Пленуме ЦК КПК XI созыва было принято решение о начале рыночных реформ, в государстве стала проводиться политика «планового деторождения». В 1979 г. была провозглашена кампания «Одна семья – один ребенок», и в 1982 г. положение о государственном контроле над рождаемостью было внесено в Конституцию КНР: «Брак, семья, материнство и младенчество находятся под охраной государства. Супруги – муж и жена обязаны осуществлять планирование рождаемости» [Партия сказала 2021]. Но в ходе реализации подобной политики накапливалось скрытое социальное недовольство со стороны тех, чьи родительские потребности не были реализованы полностью. Строгие репродуктивные запреты все чаще нарушались, хотя это и влекло за собой выплату высоких штрафов. Как попытки обходить ограничения, развивался «материнский туризм» в Гонконг, где действовало собственное репродуктивное законодательство. Погодков регистрировали как близнецов, записывали детей на одиноких родственников.

Политика «одного ребенка», безусловно, внесла свой вклад в социально-экономическое развитие государства. В ходе осуществления мер контроля над численностью населения было элиминировано около 400 млн рождений [Баженова 2014, с. 192]. Иными словами, промежуточный результат от политики «планового деторождения» был достигнут, и рождаемость начала снижаться уже в ходе реформ (рис. 4). По мере рыночной трансформации, развития

частного предпринимательства и механизмов материального стимулирования работающих по найму, роста удельного веса горожан в населении страны и всё большего распространения высшего образования в действие вступили и факторы снижения рождаемости, связанные с накоплением человеческого капитала. Это соответствовало второй фазе демографического перехода, на которой происходит движение от высокой рождаемости при низкой смертности к низкой рождаемости при низкой смертности.

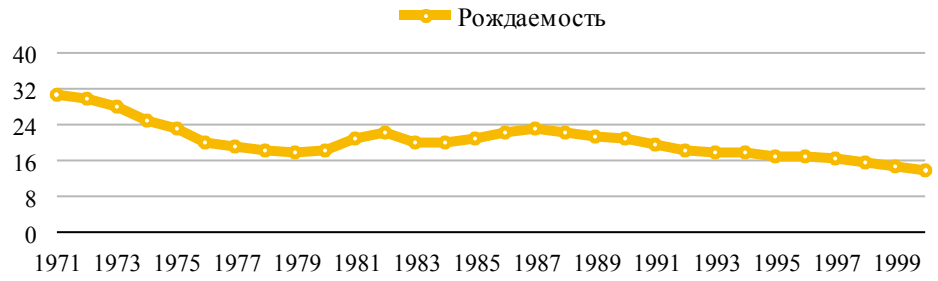

Рис. 4. Показатели рождаемости КНР с 1971 по 2000 г. (на 1000 человек)

Составлено по: [National bureau of statistics of China]

Современный Китай вступает в третью фазу демографического перехода, характеризующуюся низкими уровнями рождаемости и смертности: страна показывает один из самых низких коэффициентов рождаемости – 1,18, что является даже недостаточным для замещения поколений [Ли Юань 2011, с. 64]. Ожидается, что демографическая ситуация в КНР стабилизируется примерно к 2040 г., показатели рождаемости и смертности будут уравновешивать друг друга.

Таким образом, за последние 50 лет произошло существенное изменение демографических тенденций в КНР, что непосредственно сказывается на экономическом развитии страны, и если не взять новые тенденции под контроль, то последствия, вызванные долгосрочными эффектами политики «планового деторождения», усугубят существующие экономические проблемы.

Датируя снижение смертности и рождаемости в России, стоит отметить, что оно началось позже, чем в большинстве западных стран. Исследователи отмечают, что подобное «отставание» составляет примерно 30–40 лет [Захаров 2005, с. 21]. Уровень рождаемости оставался высоким в XIX в., потому что для России были характерны ранние браки и отсутствовали традиции, связанные с регулированием рождаемости. По этому показателю Россию можно было сравнить с США, которые имели динамичный прирост населения за счет приема большого количества эмигрантов. Замедление прироста

населения началось примерно с середины 1890-х годов, начало этого процесса было связано с аграрной реформой в России, инициированной царским Указом 1861 г. об освобождении крестьян, а также с началом индустриализации в стране [Захаров 2005, с. 21].

Несмотря на позднее начало снижения рождаемости, оно происходило быстрыми темпами (рис. 5), что позволило нашей стране завершить вторую фазу демографического перехода практически одновременно с другими странами – в середине 1960-х годов, когда среднее число детей на одну женщину уже составляло два ребенка [Захаров 2005, с. 21]. Драйверами данных изменений в советское время стали распространение бесплатной медицины, образования и индустриализация, т.е. процессы, способствующие накоплению человеческого капитала.

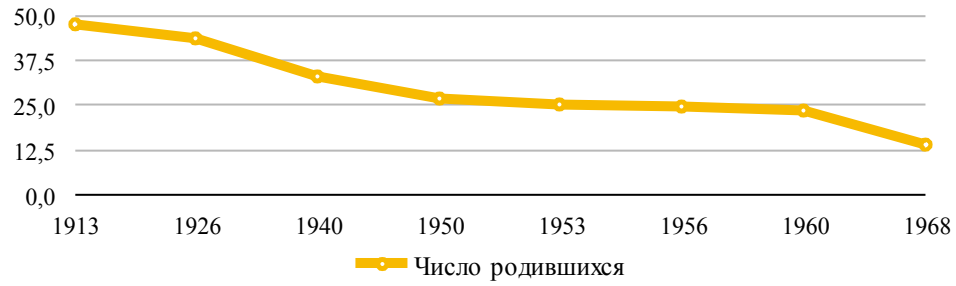

Рис. 5. Динамика рождаемости в России (на 1000 человек)

Составлено по: [Федеральная служба]

Однако помимо общих экономических тенденций и социальных закономерностей (урбанизация, появление пенсионной системы), на демографический переход в России повлияли особенности командно-административной системы и индустриализации, предполагавшей чрезмерное вовлечение женщин в деятельность вне домашнего хозяйства. Уже в 1950 г. доля российских женщин, совмещавших работу с домашними обязанностями, была примерно равна соответствующим показателям постиндустриальных обществ Германии и Франции 2000 г. [Гайдар 2005, с. 435].

В периоды социальных кризисов демографические показатели резко ухудшались. Так, во время голода, вызванного коллективизацией, в 1933–1934 гг. естественная убыль населения достигла 19%, младенческая смертность возросла до 300 на 1000 родившихся, ожидаемая продолжительность жизни снизилась до 15 лет у мужчин и 20 лет у женщин, что соответствовало режиму воспроизводства, при котором каждое последующее поколение будет в 2 раза менее многочисленным [Андреев 1998, с. 93]. Геополитические

потрясения (Вторая мировая война) также способствовали сокращению прироста населения.

Расширенное воспроизводство обеспечивали поколения, родившиеся до 1905–1907 гг. А более поздним поколениям был свойственен низкий уровень воспроизводства как из-за очень высокой смертности (поколения, родившиеся до Второй мировой войны), так и из-за недостаточной рождаемости (послевоенные поколения). Длительное сохранение суженного режима воспроизводства поколений положило начало отрицательному естественному приросту населения, а также убыли населения.

До начала 70-х годов XX в. показатели продолжительности жизни в России и в странах, являющихся лидерами современного экономического роста, сближались. Еще в 1960-е годы СССР по демографическим характеристикам стал более похож на развитые страны, чем на развивающиеся. Однако после этого рост средней продолжительности жизни замедлился, чему способствовали два фактора.

Во-первых, на продолжительность жизни влияют питание матери во время беременности и питание ребенка в первые годы жизни. Если принять во внимание поколения, родившиеся в период с конца 1920-х до начала 1950-х годов, то эти характеристики были хуже, чем у предыдущего и последующих поколений, потому что людям пришлось пережить не только войну, но и коллективизацию и голод.

Во-вторых, в России сложилась особая традиция употребления алкоголя. Предпочтение отдавалось крепким напиткам, широко распространено было употребление алкоголя на рабочем месте. По сути, в силу институциональной специфики экономики для Советского Союза было характерно алкогольное поведение, присущее раннеиндустриальной эпохе [Гайдар 2005, с. 440].

За счет сочетания двух составляющих – снижения рождаемости из-за массового вовлечения женщин в производство и прекращения роста продолжительности жизни к 60-м годам XX в., а также ряда кризисных явлений в российской истории (голод, войны, коллективизация) произошел переход от модели, которой свойственны высокая рождаемость, высокая детская смертность и ранние браки к модели суженного воспроизводства населения. Схожим образом разворачивались события в Китае, приведшие в своё время к значительному сокращению населения: войны, «Большой скачок», голод на рубеже 1950–1960-х годов.

Сейчас Россия находится в третьей фазе демографического перехода. Данный этап характерен увеличением среднего возраста вступления в брак и материнства, увеличением интервала между рождениями, увеличением доли никогда не вступавших в зарегистрированный брак и не имевших детей [Захаров 2000, с. 47–81]. Те же тенденции появились в Китае в последние годы.

Переход к данной фазе соответствует вступлению общества в постиндустриальную стадию развития. Современное российское общество – это общество потребления, что специфично влияет на демографическую ситуацию. С одной стороны, возможности для воспитания детей увеличиваются в связи с доступностью детских товаров. С другой стороны, согласно модели Г.С. Беккера, К.М. Мёрфи и Р. Тамуры, поскольку у родителей больше желания наращивать собственное потребление, то они заводят меньше детей [Becker 1990, p. 15]. Кроме того, специфика постиндустриального общества подразумевает широкое распространение высшего образования и, соответственно, накопление человеческого капитала. Это также выступает в качестве фактора, угнетающего рождаемость.

В целом, демографические процессы в России соответствуют мировым тенденциям, но имеют свою специфику: по низкой рождаемости Россия находится на уровне развитых стран, а по высокой смертности – на уровне отсталых (рис. 6) [Антонов 2010, с. 134].

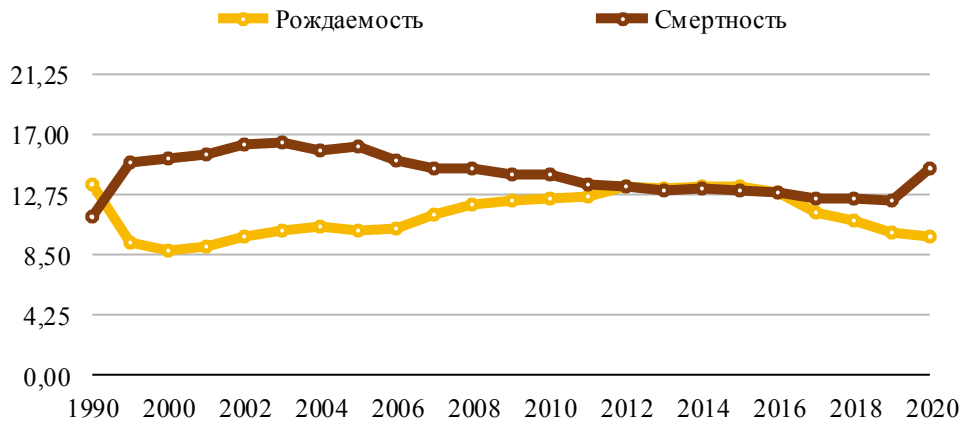

Рис. 6. Показатели рождаемости и смертности России с 1990 по 2020 г. (на 1000 человек)

Составлено по: [Федеральная служба]

Можно сказать, что самое более длительное, чем у КНР, нахождение России в командно-административной системе вызвало более серьезные, чем в Китае, негативные демографические последствия. Поэтому перед Россией стоит ряд важнейших, в том числе экономических, задач, для решения которых требуется непосредственное государственное воздействие на рождаемость и смертность.

Итак, можно констатировать, что на процесс демографического перехода и в Китае, и в России оказывал влияние ряд специфических факторов. В первой фазе перехода смертность снижалась быстро, это отчасти связано с тем, что индустриализация в данных странах проходила позже, чем на Западе. Именно это позволяло воспользоваться медицинскими достижениями других стран, увеличивая коэффициент естественного прироста населения. Высокая рождаемость сохранялась и во второй фазе демографического перехода, поскольку в России и Китае накопление человеческого капитала происходило неактивно по ряду причин. Во-первых, капиталоёмкая индустриализация не позволяла создавать большое количество рабочих мест, из-за чего каналы вертикальной мобильности были относительно узкими. Во-вторых, товарный дефицит ограничивал возможности для наращивания потребительского спроса и не побуждал домохозяйства делать выбор в пользу качества детей, а не их количества. Демографическую ситуацию на данных этапах усложнили процессы коллективизации и «Большого скачка», которые приводили к резкому повышению смертности.

В СССР переход к низкой рождаемости, характерный для третьей фазы демографического перехода, произошел уже в 1960-е годы в условиях командной системы и был ускорен еще и циклически проявляющимися с интервалом в 20–25 лет последствиями людских потерь в ходе Второй мировой войны. В Китае же снижение рождаемости началось только в процессе реформ. Поскольку подобный процесс в Китае не происходил естественным образом, то переход был достигнут в том числе и за счет политики «планового деторождения».

В Китае политика «планового деторождения» имела краткосрочный положительный эффект, в том числе в плане увеличения «демографического дивиденда». Так называют ситуацию, когда рождаемость уже упала, но люди, рожденные в предыдущих поколениях, продолжают выходить на рынок труда, из-за чего увеличивается совокупное предложение рабочей силы, а это создает условия для ускоренного роста ВВП. Но в долгосрочной перспективе данная политика привела к ускоренному старению населения и возникновению дефицита рабочей силы на более раннем этапе развития, чем это было в своё время на Западе. Обостряющиеся демографические проблемы в 2010-е годы отразились на динамике роста китайской экономики.

В целом на демографический переход в обеих странах повлияли особенности командно-административной системы и социалистической индустриализации, однако само более длительное, чем у КНР, нахождение России в условиях командной системы вызвало более тяжелые, чем в Китае, демографические последствия.

Библиография

Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959. М.: Информация, 1998. 187 с.

Антонов А.И. Современные демографические тенденции и аналитические прогнозы, проблемы семейно-демографической политики в социальном государстве // Социология и политология. М.: Изд-во МГУ, 2010. № 4. С. 134–150.

Баженова Е.С. Новые аспекты демографической ситуации в КНР // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. М.: ИД «Форум», 2014. С. 192–209.

Веремейчик А.С. Законодательное регулирование демографической политики в Китае (на примере Северо-Восточного региона) // Общество и государство в Китае. Т. 43. М.: ИИАЭ ДВО РАН, 2013. С. 474–484.

Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Издательство Института Гайдара, 2005. 656 с.

Захаров С.В. Рождаемость в России: первый и второй демографический переход // Отечественные записки. М., 2005. № 3. С. 19–26.

Захаров С.В., Иванова Е.И. Брачность и рождаемость. Население России 1999 // Седьмой ежегодный демографический доклад. М., 2000. С. 47–81.

Коновалов Е.А. Социально-экономический аспект народонаселения КНР // Проблемы Дальнего Востока. М., 1974, № 1. С. 35–43.

Кузнецов А.Н. Энциклопедия нового Китая. Прогресс. М.: Прогресс, 1989. 520 с.

Ли Юань. О пределе демографического давления (определение временной точки максимума численности КНР) // Власть. М., 2011, № 9. С. 62–66.

Братерский А.В. Партия сказала: «Надо!». В Китае разрешили иметь трех детей в семье // Финам. URL: https://www.finam.ru/analysis/newsitem/partiya-skazala-nado-v-kitae-razreshili-imet-trex-deteiy-v-seme-20210531-17535/ (дата обращения: 31.03.2022).

Селиверстова Ю.А. О запрете на рождение более одного ребенка, старении населения и других особенностях китайской демографии. Основы делопроизводства: демографическая политика Китая // Постнаука. 2021. URL: https://postnauka.ru/longreads/156638 (дата обращения: 30.03.2022).

Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 13.04.2022).

Becker G.S., Murphy K.M., Tamura R. Human Capital, Fertility, and Economic Growth // Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98. № 5. P. 12–36.

National bureau of statistics of China. URL: http://www.stats.gov.cn/english/ (дата обращения: 14.02.2022).

References

Andreev E.M., Darskii L.E., Harkova T.L. Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927–1959 [Demographic history of Russia: 1927–1959]. M., Informatika, 1998. 187 p. (In Russ.)

Antonov A.I. Sovremennye demograficheskie tendencii i analiticheskie prognozy, problemy semeino-demograficheskoi politiki v social'nom gosudarstve [Modern demographic trends and analytical forecasts, problems of family and demographic policy in a welfare state]. Sociologiya i politologiya [Sociology and Political Science]. M.: Izd-vo MGU. 2010. N 4. P. 134–150. (In Russ.)

Bazhenova E.S. Novye aspekty demograficheskoi situacii v KNR [New aspects of the demographic situation in China]. Kitaiskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. K 65-letiyu

KNR [People's Republic of China: politics, economics, culture. To the 65th anniversary of the People's Republic of China]. M.: ID «Forum». 2014. P. 192–209. (In Russ.)

Becker G.S., Murphy K.M., Tamura R. Human Capital, Fertility, and Economic Growth. Journal of Political Economy. Vol. 98. N 5. 1990. P. 12–36.

Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Federal State Statistics Service]. URL: https://rosstat.gov.ru (date of access: 13.04.2022). (In Russ.)

Gaidar E.T. Dolgoe vremya. Rossiya v mire: ocherki ekonomicheskoj istorii [A Long Time. Russia in the World: Essays on Economic History]. M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara. 2005. 656 p. (In Russ.)

Konovalov E.A. Social'no-ekonomicheskij aspekt narodonaseleniya KNR [Socio-economic aspect of the PRC population]. Problemy Dal'nego Vostoka [Problems of the Far East]. M., 1974. N 1. P. 35–43. (In Russ.)

Kuznetsov A.N. Enciklopediya novogo Kitaya [Encyclopedia of New China]. M.: Progress, 1989. 520 p. (In Russ.)

Li Yuan. O predele demograficheskogo davleniya (opredelenie vremennoj tochki maksimuma chislennosti KNR) [On the limit of demographic pressure (determination of the time point of the maximum number of the PRC)]. Vlast' [Power]. M., 2011. N 9. P. 62–66. (In Russ.)

National bureau of statistics of China. URL: http://www.stats.gov.cn/english/ (date of access: 14.02.2022).

Bratersky A.V. Partiya skazala: «Nado!». V Kitae razreshili imet' trekh detej v sem'e [The party said: «It is necessary!». In China, they allowed to have three children in the family]. Finam. URL: https://www.finam.ru/analysis/newsitem/partiya-skazala-nado-v-kitae-razreshili-imet-trex-deteiy-v-seme-20210531-17535/ (date of access: 31.03.2022). (In Russ.)

Seliverstova U.A. O zaprete na rozhdenie bolee odnogo rebenka, starenii naseleniya i drugih osobennostyah kitajskoj demografii [On the ban on the birth of more than one child, the aging of the population and other features of Chinese demography]. Osnovy deloproizvodstva: demograficheskaya politika Kitaya [Fundamentals of records management: the demographic policy of China]. Postnauka. 2021. URL: https://postnauka.ru/longreads/156638 (date of access: 30.03.2022). (In Russ.)

Veremeichik A.S. Zakonodatel'noe regulirovanie demograficheskoi politiki v Kitae (na primere Severo-Vostochnogo regiona) [Legislative regulation of demographic policy in China (on the example of the North-East region)]. Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and state in China]. V 43. M.: IIAE DVO RAN, 2013. P. 474–484. (In Russ.)

Zaharov S.V. Rozhdaemost' v Rossii: pervyj i vtoroj demograficheskij perekhod [Birth rate in Russ.ia: the first and second demographic transition]. Otechestvennye zapiski [Domestic notes]. M., 2005. N 3. P. 19–26. (In Russ.)

Zaharov S.V., Ivanova E.I. Brachnost' i rozhdaemost'. Naselenie Rossii 1999 [Marriage and fertility. Population of Russia 1999]. Sed'moj ezhegodnyj demograficheskij doklad [Seventh Annual Demographic Report]. M., 2000. P. 47–81. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2023.03.02

Н.В. Горбачева

ДИНАМИКА ЭНЕРГОПЕРЕХОДА СИБИРИ И СКАНДИНАВИИ: ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ[1]

Аннотация. *Настоящий поликризис, когда интенсифицируются и переплетаются экономические, геополитические и климатические проблемы, усугубляются противоречия и усложняются конфликты в глобальной энергосистеме, что ведет к трудностям энергоперехода для целого ряда стран и регионов. В качестве ответа на эти вызовы текущие ресурсные, технологические, человеческие потоки, от которых во многом зависит скорость, масштаб и глубина энергетических трансформаций, аккумулируются в рамках мегарегионов и региональных хабов, образуя во многом самодостаточные, конкурентоспособные конгломераты территориальных образований.*

Сибирь и Скандинавия представляют релевантные мегарегионы для исследования основных трансформационных процессов, которые определяются достаточностью ресурсов, экологичностью и инновационностью производства энергии. Оба мегарегиона обладают подобными природными ареалами, энергетическим и промышленным потенциалом, численностью населения и уровнем его образования, структурой рабочей силы, степенью урбанизации. Будучи по ряду параметров схожими, мегарегионы выбирают разные типы декарбонизации энергосистемы в виде сочетания традиционных и возобновляемых источников энергии.

На основе проведенного компаративистского анализа использования традиционных и возобновляемых источников энергии в двух подобных социоэкономических контекстах – Сибири и Скандинавии, делается вывод, что, во-первых, достаточность сырья и материалов (не только энергоресурсов, но и редкоземельных металлов) приобретает приоритетное значение для масштабного энергоперехода. Во-вторых, факторы экологии и климата смещают акцент от сокращения выбросов в пользу наращивания поглощения парниковых газов для компенсации «углеродного следа» как традиционной, так и возобновляемой энергетики. В-третьих, инновации не только в самой энергетике, но и энергоемкой промышленности становятся ключевым параметром, определяющим динамику энергетических трансформаций в двух мегарегионах.

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20308 (https://rscf.ru/project/22-28-20308) и финансовой поддержке Правительства Новосибирской области.

Ключевые слова: *изменение климата; энергопереход; электроэнергетика; декарбонизация; углеводороды; возобновляемая энергетика; инновации; мегарегион; Сибирь; Скандинавия.*

Горбачева Наталья Викторовна – кандидат экономических наук
СИУ РАНХиГС, старший научный сотрудник Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН.
Россия, Новосибирск.
E-mail: Nata_lis@mail.ru
Web of Science Researcher ID: E-6894-2017
ORCID: 0000-0001-7988-1848

Gorbacheva N.V. Energy transition in Siberia and Scandinavia: dimensions of transformation[2]

Abstract. *The present polycrisis which reveals itself in economic, geopolitical and climate challenges being interwoven and mutually intensified, when conflicts and controversies in the global energy system appear to be more complicated and deeper than anticipated. These make it challenging for many countries to engage in energy transition. As a response to these challenges, current resource, technological, and human flows, which greatly influence the speed, scale, and depth of energy transformation, have been concentrated in megaregional and regional hubs, creating self-sufficient, competitive agglomerations of territorial formations.*

The Siberia and Scandinavia megaregions appear to be relevant for studying basic transformation processes, which are determined by the availability of resources, sustainability, and innovation of energy use.

Both megaregions possess similar environmental characteristics, energy and industrial capacities, quantity of population and level of education, structure of labour force and degree of urbanization. Despite being quite comparable based on a number of similar dimensions, however, they choose different modes of decarbonization, i.e. combination of conventional and renewable sources of energy.

On the basis of comparative analysis of energy use in the two similar socio-economic contexts of Siberia and Scandinavia, it is possible to draw a conclusion that, firstly, the availability of commodities, not only energy resources but also rare earth metals, becomes a priority for large-scale energy transition. Secondly, ecological and climate change factors shift focus from cutting emission to removing carbon dioxide with purpose to offset «carbon footprint» from conventional and renewable energy. Thirdly, innovations not only

2. I am grateful to the Russian Science Foundation (RSF), grant No. 22-28-20308 «Assessing Benefits and Costs of Decarbonasing the Economy: Comparative Analysis of Siberia and Scandinavia regions» (https://rscf.ru/project/22-28-20308) and Government of the Novosibirsk region.

in the energy sector, but also in manufacturing become a key parameter determining the dynamics of energy transformation in the two similar megaregions.

Keywords: *climate change; energy transition; electricity generation; decarbonization; fossil fuels; renewables; innovation; megaregion; Siberia; Scandinavia.*

Gorbacheva Natalya Viktorovna – Candidate of Economic Sciences,
Institute of Economics and Organization of Industrial Production
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Novosibirsk.
E-mail: Nata_lis@mail.ru
Web of Science Researcher ID: E-6894-2017
ORCID: 0000-0001-7988-1848

Введение

Экономическая нестабильность и геополитическая неопределенность усугубляют противоречия и конфликты в глобальной энергосистеме, усложняя энергопереход для разных стран и регионов. Уровень и интенсивность использования традиционных и возобновляемых источников энергии, будучи разнонаправленными процессами, определяют *скорость, масштаб и глубину* энергетических трансформаций, детерминанты которых меняются. Если раньше энергопереход планировался как эволюционный, поступательный процесс, требующий нескольких десятков лет, где был предусмотрен полный отказ от самого токсичного вида энергии – угля, при этом природному газу и атомной энергетике отводилась роль транзитного топлива, а долю ВИЭ предполагалось увеличивать постепенно с учетом накопления опыта и знаний, то сейчас энерготранзит приобретает противоречивый характер, когда угольная генерация пролонгируется, а природный газ становится слишком дефицитным и дорогим для выполнения своей основной роли, темпы внедрения ВИЭ стремительно ускоряются. По оценкам Международного энергетического агентства (МЭА), в 2022–2027 гг. совокупная установленная мощность возобновляемых источников энергии в мире увеличится на 2400 ГВт, т.е. будет расти на 85% быстрее, чем в предыдущие пять лет, и на 30% быстрее, чем МЭА предсказывало годом ранее[3]. Несмотря на то что ежегодно за последние пять лет (2017–2021) глобальные инвестиции в энергетику снижались в среднем на 1,3 %[4], вложения в электроэнергетику росли на 1,6 % и в постпандемийный

3. По данным IRENA, 2022.

4. Расчеты автора на основе IEA (2022), World Energy Investment 2022.

период впервые превысили объемы мировых вложений в добычу углеводородов: 530 млрд долл. против 457 млрд в 2021 г. Мир находится в стадии перехода к тотальной электрификации, и конкуренция между традиционными и возобновляемыми источниками энергии усиливается при переходе от петро- к электроэкономике.

Сибирь[5] и Скандинавия[6] – это важные мегарегионы, в значительной степени влияющие на происходящие энергетические трансформации в мире. Скандинавия представляет собой «зеленую электростанцию Европы», где планируется производить более 50% требуемой ЕС [REPowerEU Plan 2022] возобновляемой энергии в рамках North Seas Energy Cooperation (NSEC) [The Declaration 2022]. «Чистая» генерация в Скандинавии – это залог сохранения промышленности в ЕС, энергоемкая часть которой перемещается в нордический регион в ответ на американский «Inflation Reduction Act», предполагающий преференции и льготы для дислокации предприятий в США [H.R.5376 2022]. В Азии Китай также весной 2022 г. выпустил «Четырнадцатый план развития современной энергосистемы», согласно которому доля потребления безуглеродных источников энергии увеличится с 15,9% в 2021 г. до 25% к 2030 г., а ВИЭ станет главным компонентом энергобаланса страны. Эти планы не могут не касаться Сибири как основного российского экспортера углеводородов не только для Европы и Китая, но и для Индии и других бурно развивающихся экономик Азии. Более того, внутренние потребности в традиционной энергетике обусловлены созданием, согласно недавно принятой «Стратегии социально-экономического развития 2023», индустриальных кластеров в Сибири, предполагающих создание к 2035 г. более 500 тыс. новых рабочих мест с привлечением более 16 трлн руб. инвестиций в мегарегион.

В силу определяющегося тренда актуально сравнить во многом сопоставимые по экономическим, энергетическим, климатическим параметрам Сибирь и Скандинавию, которые демонстрируют разные паттерны энергоперехода.

5. Мегарегион Сибирь включает 24 субъекта Российской Федерации, а именно Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Тюменская область, Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Тыва, Республика Хакасия, Алтайский край, Забайкальский край, Красноярский край, Иркутская область, Кемеровская область, Новосибирская область, Омская область, Томская область, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ [Супрун и др., 2018].

6. Мегарегион Скандинавия подразумевает единое пространство пяти северных стран: Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии, Швеции.

Цель статьи – провести сравнительный анализ текущего состояния дел и перспектив энергетической трансформации Сибири и Скандинавии посредством выявления факторов общности и различия, которые в статье определяются тремя параметрами: 1) достаточностью ресурсов 2) экологичностью производства энергии 3) инновационным характером энергосистемы для реализации энергоперехода.

Выбор этих параметров объясняется возрастающей степенью их важности в определении *динамики* энергоперехода в современных условиях. *Достаточность* ресурсов считается объективным фактором масштабного энергоперехода, но сейчас они приобретают наивысший приоритет для обеспечения энергобезопасности в период военных конфликтов и геополитических противостояний. Если в эпоху глобализации многое можно купить и продать в рамках создания «глобальных цепочек стоимости», то текущая *де*глобализация фрагментирует торговое пространство, а возможная *ре*глобализация переформатирует привычные маршруты поставок топлива и сырья [Blas, Farchy 2022]. *Факторы экологии и климата*, которые изменили «правила игры», сейчас превращаются в опосредованный фактор декарбонизации энергосистемы за счет не прямых рестрикций и ограничений, а в большей степени косвенных преференций и стимулов для создания «зеленых» союзов, торговых партнерств и «устойчивых» сфер влияния [Жилина 2020]. Будучи высокотехнологичной отраслью, энергетика неразрывно связана с *инновациями*, которые кардинальным образом изменяют как традиционную, так и возобновляемую энергетику [Горбачева 2019]. Показательно, что самый влиятельный глобальный энергетический саммит CERAWeek[7], который состоялся в марте 2023 г., выделяет именно инновационную секцию AGORA как знаковое мероприятие. Но в настоящий момент энергетические разработки начинают все больше коррелировать с развитием *Новой индустриальной революции*, преобразующей не только энергетику, но и весь экономический уклад [Ленчук 2021]. Мировое производство в 100 трлн долл. на 80% зависит от углеводородов, и как обычная промышленность (металлургия, цемент, удобрения и др.), так и новые индустрии (дата-центры, хайтек и др.) до сих пор нуждаются в традиционной энергетике, поэтому переход от углеводородов к ВИЭ требует не только инноваций в энергетике, но и в промышленности. Таким образом, от степени доступности, экологичности и инновационности традиционной и возобновляемой энергии зависит во многом масштаб, скорость и глубина энергоперехода в Сибири и Скандинавии.

7. Повестка и Программа мероприятия с выложенными подкастами и записями трансляций. https://ondemand.ceraweek.com/detail/video/6236403858001/voices-of-innovation:-ernie-moniz:-a-pragmatist-s-guide-to-decarbonization

Акцент в исследовании сделан на электроэнергетике, поскольку производство электроэнергии, *во-первых*, обладает широким спектром источников энергии для выбора альтернатив генерации, что создает благоприятные условия для экономической конкуренции и ведет к снижению издержек для общества при энергопереходе. *Во-вторых*, электроэнергетика является самым крупным отраслевым потребителем первичной энергии, и даже небольшие изменения в структуре выработки электроэнергии существенно влияют на декарбонизацию всей энергосистемы. Следовательно, от того, как разрешится конфликт между разными источниками энергии, во многом зависит перспективный энергобаланс и будущее декарбонизации мировой экономики. «*Электрификация для изменения климата аналогична вакцине при борьбе с COVID-19*»: хотя это не панацея для решения проблемы, но необходимый инструмент для борьбы [Griffith 2021].

Достаточность энергии и энергетическая безопасность

Изобилие и дешевизна того или иного источника энергии во многом обусловливают его доминирование в энергобалансе, а его истощение и дороговизна побуждают к поиску альтернатив.

Энергоресурсы: запасы и потенциал. Углеводороды сыграли ключевую роль в экономическом становлении обоих мегарегионов [Кембриджская экономическая история… 2013, с. 106–107]. При этом в Сибири уголь до сих пор остается «королем», обеспечивая 36 % выработки электроэнергии [Крюков 2021]. Скандинавия же совершила радикальный «углеводородный отказ», при этом Швеции понадобилось 28 лет (1980–2008), чтобы перейти от 90% зависимости от нефти к 90% генерации электроэнергии на основе ВИЭ (с учетом гидро); Дании – 28 лет (1990–2018) для сокращения доли угля с 90 до 14% в электроэнергетике.

Скандинавы не только из-за стратегических установок, но и из-за скудости запасов углеводородов сделали ставку на гидроресурсы и атомную энергетику, хотя перспективы последней не очевидны в условиях планируемого Швецией закрытия АЭС [Nordic Energy Outlooks 2022]: к 2050 г. в мегарегионе планируется отставить только 12% от текущего уровня установленной мощности (1600 МВт), и только в Финляндии.

Сибирь также богата гидроресурсами, обеспечивающими 36% выработки электроэнергии, но, в отличие от Скандинавии, в Сибири отсутствует атомная энергия, «чистота» которой до сих пор обсуждается [Technical assessment 2020]. При этом Сибири не удалось избежать захоронения твердых радиоактивных отходов из европейской части РФ, которые еще с советского времени складированы в объеме более 1 млн $м^3$ в г. Железногорске Красноярского края и г. Северске Томской области [Отчет по экологической безопасности

2019], так что показатели радиоактивности, которая отрицательно сказывается на здоровье сибиряков, кратно превышают средние показатели по европейской части России[8].

Кроме традиционных, оба мегарегиона богаты возобновляемыми источниками энергии, причем Сибирь намного превосходит Скандинавию по природному потенциалу (в особенности по инсоляции[9]), но уступает по уровню реализации этого потенциала – 0,1 % против 19 % выработки электроэнергии за счет ВИЭ в 2020 г. Для развития ВИЭ в обоих мегарегионах имеется достаточная сырьевая база: в Сибири – производство цветных и редкоземельных металлов (в Красноярском крае, Тыве, на Алтае), а в Скандинавии – производство меди и лития, в Швеции и Финляндии – кобальта.

Стремительная экспансия «прерывистой и непостоянной» ВИЭ в Скандинавии стала возможна благодаря развитому электросетевому хозяйству. Скандинавские электросети обеспечивают межрегиональные перетоки в объеме 99,2 ТВт ч, что покрывает 23,1% годовой выработки электроэнергии, а общий энергорынок Nord Pool позволяет еще и экспортировать 21,2 ТВт ч электроэнергии преимущественно в Германию и Нидерланды. Дополнительные капвложения в сумме 173 млрд долл. (по ППС 2015 г.) в строительство высоковольтных линий электропередач позволят к 2050 г. увеличить экспорт электроэнергии до 89,1 ТВт ч [NETP 2016]. На датском побережье Ютландии, в районе г. Эсбьерг (Esbjerg) выстраивается цифровой архипелаг из «энергетических островов», способных аккумулировать с текущих 4 ГВт до 150 ГВт ветрогенерации к 2050 г.

Мегарегион Сибирь интегрирован в единую энергетическую систему России посредством трех региональных кластеров: ОЭС Сибири (12 регионов), ОЭС Востока (пять регионов), ОЭС Урала (три региона), а четыре сибирских региона (Сахалинская и Магаданская области, Камчатский край, Чукотский автономный округ) работают в изолированном режиме. Такая фрагментация обусловливает весьма скромные межрегиональные перетоки электроэнергии: менее 1% от годового объема потребления (1,1 ТВт ч). Внешнеэкономические выгоды до последнего времени оставались весьма скромными. Так, в 2021 г. экспорт из Сибири в Китай, Монголию и Казахстан

8. Например, по показателю «Объемная Σβ в воздухе приземного слоя атмосферы» среднее значение для азиатской части России составило 20,6, а для европейской части России 8,1 в 2019 г. [http://egasmro.ru/files/documents/ro_ezhegodniki/ezhegodnik_ro_2019.pdf]

9. Годовой объем солнечной радиации в южных регионах Сибири достигает 1300–1600 кВт ч на 1 км^2, а в южных регионах Дании 1000–1100 кВт ч на 1 км^2. По энергии ветра мегарегионы сопоставимы: с медианной среднегодовой скоростью ветра 7,5–9,5 м/с на высоте 100 м. Также Сибирь (Камчатка, Чукотка, Байкал, Сахалин) и Скандинавия (Исландия) богаты геотермальными источниками энергии.

составил всего 6,7 ТВт ч. Обострение геополитической ситуации, возможно, ускорит энергообъединение Сибири со странами Восточной Азии. Так, за 2022 г. экспорт электроэнергии в Китай удвоился. Для развития электросетевой интеграции Сибири планируется инвестировать 444 211 млн руб. (75% от общестрановых инвестиций, или 16,8 млрд долл. по ППС 2015 г.) за 2021–2027 гг.[10]. В целом, согласно экспертным оценкам, нереализованный потенциал энергообъединения Сибири со странами Восточной Азии составляет свыше 2 млрд долл. в год, а «годовой экономический эффект от формирования энергообъединения превысит 24 млрд долл.» для всех участников [Марченко 2018].

Объективные преимущества от изобилия и разнообразия энергоресурсов и их доступности благодаря развитой инфраструктуре по-разному распределены между ключевыми экономическими субъектами мегарегионов: населением и промышленностью Сибири и Скандинавии (табл. 1).

Таблица 1

Структура потребления электроэнергии и тепла, 2018 г.

Структура	*Россия*	*Мегарегион Сибирь*	*Мегарегион Скандинавия*
Промышленность	44,80%	59,20%	42,92%
Транспорт	10,80%	н/а	1,32%
Население	21,89%	10,80%	31,59%
Другое	22,51%	н/а	24,16%

Источник: составлено автором на основе данных Росстата и IEA.

Население Сибири, потребляя всего 10,8% от общего объема выработки электроэнергии, платит за нее на 25% меньше, нежели в среднем скандинавы[11], однако сибирская промышленность, потребляя львиную долю электроэнергии, наоборот, платит почти в 3 раза больше скандинавской[12]. Кроме доступной электроэнергии и тепла, население получает еще важные выгоды –

10. Приказ Минэнерго России от 26.02.2021 № 88 «Об утверждении Схемы и программы развития Единой энергетической системы России на 2021–2027 годы».

11. В Сибири для населения тариф на электроэнергию по ППС варьируется в диапазоне 10–15 центов / кВт ч (2,6–3,7 руб. / кВт ч), а в Скандинавии 12,6–16,9 центов / кВт ч (0,09–0,12 евро / кВт ч). Конвертация проведена по курсу национальной валюты по ППС, согласно данным ОЭСР: 1 долл. США = 26,370 руб., 1 евро = 0,69 долл. США (https://data.oecd.org/conversion/purchasing-power-parities-ppp.htm)

12. В Сибири для промпредприятий цены электроэнергии по ППС варьируются в диапазоне 16–23 цента / кВт ч (4–6 руб. / кВт ч), а в Скандинавии 5–9 центов / кВт ч (0,04–0,07 евро / кВт ч). Конвертация проведена по курсу национальной валюты по ППС, согласно данным ОЭСР: 1 долл. США = 26,370 руб., 1 евро = 0,69 долл. США (https://data.oecd.org/conversion/purchasing-power-parities-ppp.htm)

оплачиваемые выше среднего *рабочие места*. Так, в традиционной энергетике Сибири занято 8% рабочей силы мегарегиона (1,2 млн человек), из них 60% – в секторе добычи и 40% – в электроэнергетике. В Скандинавии примерно такое же количество работников задействовано в энергетике: 10% рабочей силы (1,4 млн человек)[13]. Эти рабочие места формируют пул заработной платы, которая в обоих мегарегионах на 25–30% выше среднего уровня зарплаты по экономике в целом, хотя в Сибири энергетики получают вознаграждение в 3 раза меньшее (по ППС), чем их скандинавские коллеги.

Экологичность и декарбонизация энергосистемы

Экология и климат считаются главными факторами, меняющими правила игры в энергетике, что способствует поиску «зеленых», «чистых» источников энергии и соответствующему изменению энергетической парадигмы. Хотя пока отсутствуют единые критерии «чистоты» источников энергии, как и более широкое понимание концепций декарбонизации, которую одни трактуют как «низкоуглеродное развитие» с постепенным снижением антропогенной эмиссии парниковых газов [Порфирьев, Широв 2022], вторые интерпретируют как «углеродную нейтральность» с возможной компенсацией совокупной эмиссии за счет улавливания и поглощения углерода из атмосферы [Коданева 2022], а третьи стремятся к «безуглеродному развитию» благодаря осуществлению экономической деятельности вообще без какой-либо антропогенной эмиссии парниковых газов [Ланьшина 2022].

Сибирь и Скандинавия играют важную роль в вопросах защиты окружающей среды и борьбы с изменениями климата. Оба мегарегиона неразрывно связаны с быстро теплеющей Арктикой и обладают ценными природными ресурсами, значимыми для всего мирового сообщества. Показательно, что лесные массивы составляют 44,2% площади Сибири и 31,1% Скандинавии. Огромные природные экосистемы служат резервуаром для уникального биоразнообразия. Так, на Сибирь приходится 1,5 млн км^2 особо охраняемых природных территорий, в то время как в Скандинавии этих территорий насчитывается около 198 тыс. км^2. По своей уникальности нетронутые лесные массивы Сибири входят в топ-5 самых ценных «мегалесов» планеты[14].

Несмотря на высокую ценность природы и уникальность обеих экосистем, оценки последствий изменения климата и деградации окружающей

13. Расчеты автора на основе статистики МОТ по разделу экономической деятельности «Mining and quarrying; Electricity, gas and water supply» за 2020 г.

14. Четыре другие «мегалеса» расположены в США (Аляска), Бразилии (Амазонка), Конго и Новой Гвинее.

среды стали значительно различаться и даже вступать в противоречие с середины 1970-х годов, что отражается на текущем уровне декарбонизации энергетики мегарегионов: уровень углеродоемкости электроэнергетики Сибири в 2 раза выше, чем Скандинавии – 0,53 против 0,3 кг $CO_{2экв}$ / кВт ч, а экономика мегарегиона Сибирь в целом остается одной из самых углеродоемких в мире, кратно превышающей скандинавский уровень.

Таблица 2

Целевые показатели достижения углеродной нейтральности Сибири и Скандинавии

	Россия (Сибирь)	*Дания*	*Финляндия*	*Исландия*	*Норвегия*	*Швеция*
Рубежный год для достижения углеродной нейтральности	2060	2050	2050	2040	2050	2045
Снижение уровня выбросов парниковых газов по сравнению с 1990 г.	– 70% к 2030	– 70% к 2030	– 80% к 2050	– 40% к 2030	– 40% к 2030	Н/а
Использование ЗИЗЛХ и углеродных кредитов	Да, углеродная нейтральность к 2060 г. на 65% будет достигнута за счет увеличения поглощения в 2 раза (с 535 до 1200 млн т $CO_{2экв}$)	Незначительно для международной торговли	Н/а	Н/а	Да, углеродная нейтральность к 2030 г. на 33% будет достигнута за счет углеродных кредитов	Да, углеродная нейтральность к 2045 г. на 15% будет достигнута за счет углеродных кредитов

Источник: составлено автором на основе Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г. и национальных стратегий Дании, Исландии, Норвегии, Финляндии и Швеции, размещенных на Climate-WatchData.org.

Будучи совсем незначительным эмитентом (лишь 0,005% от ежегодных глобальных выбросов парниковых газов) и оценивая вероятность кардинального изменения климата как невысокую[15], Скандинавия ставит амбициозные

15. По уровню климатических рисков Дания находится на 132-м месте (из 180 стран мира), Норвегия – на 149-м, Швеция – на 144-м, Финляндия – на 163-м, Исландия – на 17-м, согласно ClimateWatch. Для сравнения, Россия на 32-м месте в мире (чем выше место, тем выше риск).

цели по декарбонизации экономики: к 2030 г. электроэнергетика должна достичь 100% безуглеродного контента, объем эмиссии CO_2 в экономике должен снизиться до 50% от уровня 1990 г.[16]; а к 2050 г. мегарегион должен стать полностью углероднонейтральным (табл. 3). Хотя Швеция планирует стать первой в мире углероднонейтральной страной к 2045 г., запустив для этого в 2015 г. специальную государственную инициативу «Fossil Free Sweden». Слияние климатической и энергетической политики привело в середине 1990-х годов к реорганизации министерств энергетики в странах Скандинавии с включением ведомств по вопросам защиты окружающей среды и климата, и только в Норвегии до сих пор существуют два отдельных министерства: энергетики и окружающей среды. Как отмечает министр климата и энергетики Дании D. Jorgensen, «*это вроде бы незначительная вещь, но слова и названия многое значат... Действительно, борьба с изменением климата стала приоритетом государственного управления... Подобно как в прошлом викинги, используя физическую силу, управляли миром, так теперь энергия ветра – наша сила в преобразовании мира*»[17].

Несмотря на положительную динамику, достижение «чистых нулевых выбросов» к 2050 г. требует масштабной и ускоренной декарбонизации [Nordic Clean Energy Scenarious 2021]. Планы по всеобъемлющей электрификации за счет ВИЭ начали встречать сопротивление со стороны местного населения, которое обеспокоено утратой привычной среды обитания, размеренного тихого образа жизни из-за строительства масштабных ветропарков [Студенцов 2022]. Гонка за масштабной инсталляцией ВЭС продуцирует дополнительные риски, связанные с участившимися поломками и неисправностями агрегатов. Если первая в мире офшорная Виндеби ВЭС, построенная в 1991 г. в Дании, включала 11 турбин общей мощностью 5 МВт, то современные ветропарки состоят из 100 турбин мощностью до 14 МВт каждая. «Эффект масштаба» снижает стоимость ветрогенерации за счет того, что мощные турбины и длинные лопасти позволяют «захватить» ветропотоки на больших высотах и тем самым выработать тот же объем электроэнергии с меньшим число инсталляций. Но стремление сократить издержки повышает промышленные риски, снижая качество новых турбин и дестабилизируя и без того прерывистую выработку электроэнергии на основе ВИЭ. Так, в апреле 2022 г. было приостановлено морское сообщение в районе пролива Каттегат (Дания) из-за поломки лопастей двух турбин Анхольт ветропарка (Anholt Offshore Wind Farm), а в июле подобный инцидент случился уже в Швеции. Показательно, что гарантийные

16. Хотя, некоторые страны, например Дания, рассматривают законопроект о радикальном снижении эмиссии, чтобы стать углероднонейтральной к 2050 г.

17. Interview with Dan Jorgensen Denmark's Minister for Climate, Energy and Utilities, 2019.

выплаты компании Vestas Wind Systems выросли с 600 млн евро в 2019 г. до 1,2 млрд евро в 2020–2021 гг. и «турбины слишком большие сейчас, поэтому наращивание производства будет ключевым вызовом для отрасли в предстоящее десятилетие» [Vestas CEO 2023].

Сибирь как мегарегион России, напротив, входит в топ-5 самых крупных эмитентов в мире (3,1% глобальных выбросов) и планирует к 2060 г. достичь углеродной нейтральности за счет, прежде всего, увеличения в 2 раза поглотительной способности экосистем Сибири (табл. 2).

Эволюционное, постепенное, с акцентом на природные, а не технологические возможности, сокращение эмиссии обусловлено несколькими факторами. *Во-первых*, деиндустриализация России в 1990-е годы привела к объективному резкому сокращению промышленного производства [Структурная модернизация российской экономики, 2022], в результате чего за 1990–2020 годы России удалось сократить «чистую»[18] эмиссию на 48% до уровня 1,99 Гт без целенаправленных мер декарбонизации экономики, в отличие от Скандинавии, которой пришлось практически отказаться от угольной генерации, повсеместно внедряя ВИЭ и расширяя электрификацию экономики. В этом отношении в Сибири сформировался некоторый инерционный стереотип эволюционного, естественного, постепенного, с опорой на природные возможности, сокращения парниковых газов.

Во-вторых, парадигмальность мышления и пассивность действий объясняются также и распространением скептицизма среди ряда управленцев, экспертов, групп населения относительно антропогенных причин изменения климата [Курбанов, Прохода 2019]. В этом контексте природный газ воспринимается не как транзиторное топливо, а как долгожданный источник энергии, который позволит не только сократить вредные выбросы, но и кардинально улучшить условия жизни населения за счет повышения уровня газификации домохозяйств с текущих 7 до 68% к 2030 г.

В-третьих, тайга и огромные просторы Сибири создают впечатление возможности значительного снижения «углеродного следа» российской экономики, хотя ежегодно половина этого потенциала девальвируется из-за вырубки лесов и массивных природных пожаров. Нетронутые[19] зрелые «мегалеса» Сибири, по оценкам [Reid, Lovejoy, 2022], занимающихся этой проблемой с 1979 г., принципиально невосстановимы, поскольку фрагментарные лесонасаждения и биоплантации абсорбируют CO_2 намного меньше, так как этот

18. «Чистая» означает совокупная эмиссия за вычетом поглощения парниковых газов.

19. Нетронутый лесной массив – это ареал площадью как минимум 500 км^2., без дорог, линий электропередач, карьеров, городов и поселков, индустриальных предприятий.

процесс зависит не только от площади крон деревьев, но и от биоразнообразия, которое невозможно воспроизвести на обозримых ограниченных территориях.

В-четвертых, потепление в суровой Сибири даже некоторыми учеными и политиками воспринимается как явление позитивное, открывающее возможности круглогодичного судоходства по Северному морскому пути, сокращения отопительного сезона, улучшения условий для сельского хозяйства и выращивания экзотических фруктов. Однако в расчет не принимаются колоссальные, возможно катастрофические, издержки, связанные с пожарами[20] и наводнениями[21], таянием вечной мерзлоты, пересыханием болот, горением торфа, исчезновением определенных видов животных и растений[22]. T. Gustafson подчеркивает, что «климатический горизонт до 2050 года для России» становится весьма коротким, так как уже сейчас начнут учащаться, особенно в Сибири, явления, казавшиеся весьма отдаленными и редкими: аномальная жара, паводки, таяние вечной мерзлоты [Gustafson 2021]. Период, длящийся в России уже более 20 лет, по консервации доходов от невозобновляемых углеводородов, может стать еще короче, и природный газ может оказаться не транзитным топливом, а *cul-de-sac*.

На этом фоне из альтернативы угольной генерации «экология плюс климат» возобновляемая энергетика в Сибири может перейти, по сравнению с парогазовыми установками, в сугубо климатическую повестку, к которой у россиян весьма неоднозначное отношение.

Инновационность и индустриализация

Инновации в энергетике призваны разрешить дилемму традиционных и возобновляемых источников посредством использования новых технологий, которые во многом предопределяют глубину энергоперехода. Как утверждается [Vaitheeswaran 2012], «нужда – мать инноваций» и необходимость соблюдения ESG-повестки, введение платы за превышение квоты выбросов

20. За последние 20 лет площадь пожаров в Сибири увеличилась в 200 раз: если в 1997 г. природными пожарами было охвачено 31,3 тыс. га, то в 2018 г. уже 8,5 млн га.

21. В мегарегионе, где сконцентрировано 90 % водных ресурсов страны, наводнения становятся масштабными и разрушительными. Так, в результате наводнения в Тулуне в 2019 г. было разрушено 10 тыс. домов, 40 тыс. человек остались без жилья, а затраты на восстановления составили 40 млрд руб. (0,3 % ВВП мегарегиона).

22. Помимо погодных аномалий, природа Сибири страдает от техногенных катастроф: ущерб от разлива 21 тыс. т дизельного топлива в Норильске в 2020 г. был оценен в 146,2 млрд руб., и еще 174 млн руб. (около 250 тыс. руб. на каждого) было выплачено коренным жителям в связи с ограничениями оленеводства и рыболовства как основных видов хозяйственной деятельности малочисленных народов Таймыра.

парниковых газов, трансграничное налогообложение зарубежных стран вынуждают традиционные энергокомпании модернизировать станции, улучшать производство, совершенствовать процессы очистки.

Сектор исследований и разработок в Сибири намного скромнее (0,5% ВВП мегарегиона, или 4278 млн долл. по ППС в ценах 2020 г.), чем в Скандинавии, где расходы на исследования и разработки составляют 3,2% ВВП мегарегиона (56 719 млн долл. по ППС в ценах 2020 г.). В секторе ИиР мегарегиона трудятся 380 тыс. человек (2% от занятых), а в Сибири в этой сфере заняты всего 65 тыс. человек (0,5%). Значительное различие в уровне и масштабе сектора ИиР двух мегарегионов проявляется и в направлениях развития традиционной и возобновляемой энергетики.

Возобновляемая энергетика рассматривается инновационно активной Скандинавией в качестве важного фактора не только декарбонизации энергосистемы, но и долгосрочного роста экономики в целом благодаря формированию принципиально нового сектора с высоким экспортным потенциалом (10% экспорта в 2020 г.) и рабочими местами (140 тыс. человек заняты в 2020 г.). Сильный промышленный сектор Скандинавии позволил создать конкурентоспособных мировых лидеров в области ВИЭ [Такмашева, Тяглов 2019]. Например, глобальное лидерство по расходам на ИиР (372 млн евро, или 3,1% выручки) датской компании Vestas обеспечило ей 12,5% мирового рынка технологий ВИЭ, хотя текущий успех был достигнут вследствие кропотливой, десятилетней (начиная с 1979 г.) инновационной стратегии. Другая датская компания, Dong Energy, изначально будучи нефтегазовой, кардинально трансформировала свою корпоративную стратегию после кризиса 2009 г., переведя газовые и угольные станции на использование биомассы, а с 2017 г. превратилась в компанию Orsted – мирового лидера в сфере ВИЭ. Показательно, что Orsted стала единственной энергокомпанией, вошедшей за последнее десятилетие в топ-20 трансформационных бизнесов по версии Harvard Business Review в 2019 г., в ряду таких хай-тек-фирм, как Netflix, Amazon.com, Microsoft и др. Конфигурация рейтинга неслучайна, поскольку возобновляемая энергетика, подобно хай-теку, – нарождающийся, динамичный, высокомаржинальный бизнес, ориентированный на постоянные вложения в ИиР. Эта атмосфера предпринимательства подпитывается большим количеством энергетических стартапов, исследовательских спин-аутов, промышленных спин-оффов, формирующих одну из самых благоприятных в мире экосистем для инноваций[23].

23. Согласно рейтингу The Global Startup Ecosystem Report 2022, Стокгольм (21-е место) и Копенгаген (30-е место) входят в топ-30 самых лучших экосистем по генерации стартапов в мире.

Хотя сейчас соотношение традиционной и возобновляемой энергетики в инновационных процессах зависит не только от расходов на исследования и разработки, но и уровня развития новых индустрий, создающих спрос на новые источники энергии. Сибирь сопоставима со Скандинавией по индустриальному потенциалу, где в обоих мегарегионах задействовано 11 % рабочей силы (табл. 3).

Таблица 3

Производство тяжелой промышленности в мегарегионах Сибирь и Скандинавия

Продукция	*Сибирь*	*Скандинавия*	*в том числе*				
			Дания	*Финляндия*	*Исландия*	*Норвегия*	*Швеция*
Сталь (на основе железной руды), млн т в год	6,2	5,7	–	2,7	–	0,1	2,9
Сталь (из лома черных металлов) млн т в год	2,1	3,4	–	1,4	–	0,5	1,5
Бумага и картон, млн т в год	0,5	14,8	–	7,2	–	–	7,6
Первичная переработка нефти, т в день	192 513	177 000	28 000	33 000	–	32 000	84 000
Производство первичного алюминия, млн т в год	3,8	2,28	–	–	0,85	1,3	0,13
Цемент, млн т в год	9,6	9,0	2,4	1,5	–	1,9	3,2

Источник: составлено автором на основе NordicStatistics, ЕМИСС.

Подобное сочетание энергетики и промышленности объясняется наличием исторической общности индустриального развития в прошлом мегарегионов. В Сибири было две крупных волны промышленного роста: индустриализация в 1930–1940-е годы с разработкой угольных бассейнов и строительством металлургических комбинатов Кузбасса и послевоенные 1960-е с возведением крупных гидроэлектростанций, алюминиевых заводов, открытием богатых месторождений нефти и газа в Тюмени. В Скандинавии наблюдалась ускоренная индустриализация Норвегии после распада Шведско-норвежского союза в 1905 г. (Swedish-Norwegian Union), потом послевоенный «золотой век» промышленности Скандинавии со строительством крупных электростанций в Швеции, открытием нефтяных месторождений в Норвегии. Все это

позволяло удерживать занятость в промышленности на уровне 22–25% и обеспечивать до 30% добавленной стоимости в Северной Европе[24].

Индустриальная память Сибири во многом девальвирована, сейчас вклад промышленности значительно сократился до 10,5% валовой добавленной стоимости, а в Скандинавии (за исключением Норвегии) этот показатель достигает 14–15%. Если в Сибири добывающий сектор создает в 4 раза больше добавленной стоимости, то в Скандинавии, наоборот, в 2,5 раза меньше, нежели промышленность. Такая моностратегия объясняется «голландской болезнью» Сибири и отчасти Норвегии[25], где сверхприбыльный экспорт углеводородов девальвирует привлекательность других видов экономической деятельности [Mazzucato 2021]. Это создает риски для долгосрочного развития как Сибири, так и Норвегии, существенно ограничивая возможности «зеленой» промышленной революции, которая на основе автоматизации, роботизации и цифровизации производственных процессов кардинально трансформирует и энергетику.

Сибирь концентрирует свои скромные расходы на ИиР и человеческий потенциал не на высокорисковых и долгосрочных инвестициях в инновации, а на модернизации традиционных энергообъектов, многие из которых морально и физически устарели. Исторически в Сибири сконцентрированы знаковые отраслевые исследовательские институты в сфере энергетики, создававшие научные разработки (технологии сжигания угля на сверхкритических параметрах пара, проект водоугольного топлива и др.), вполне конкурентоспособные в 1970–1980-е годы, но оказавшиеся невостребованными национальной экономикой в период стремительного инновационного рывка в 1990-е годы в мировой энергетике [Горбачева 2016]. Текущие исследовательские программы направлены на поддержание жизнеспособности энергообъектов, и традиционная энергетика остается основным источником модернизационной активности в мегарегионе.

Выводы

В результате сравнительного анализа использования традиционных и возобновляемых источников энергии в двух подобных мегарегионах – Сибири и Скандинавии – можно сделать вывод о значимых различиях в масштабе, уровне и глубине энергетических трансформаций, проходящих по трем векторам:

24. По данным Кембриджской энциклопедии (2 том 1870 – наши дни), к Северной Европе относятся Дания, Финляндия, Норвегия и Швеция.

25. В Норвегии, по данным ОЭСР за 2020 г., промышленность в структуре добавленной стоимости составляет всего 7,5%.

достаточности ресурсов, уровне экологичности и степени инновационности производства электроэнергии.

Сибирь и Скандинавия проходят разные по масштабу, скорости и глубине энергетические трансформации. Эволюционный, поэтапный, фрагментарный энергопереход Сибири обусловлен в большей степени объективными факторами: изобилием ископаемого топлива, имеющейся энергетической инфраструктурой, обширными природными экосистемами и апробированными временем научными заделами. Кардинальный, ритмичный и системный энергопереход Скандинавии определяется долгосрочной стратегией экономических субъектов в лице как государства, так и бизнеса, которые за последние 10–15 лет принципиально трансформировали свой энергоподход, вовлекая местные сообщества и общество в целом в движение к безуглеродному будущему.

В то же время поликризис 2022–2023 гг. может сблизить позиции двух мегарегионов, если энергетическая безопасность и новая индустриализация вынудят Скандинавию нарастить объемы потребления углеводородов, а Сибирь – пересмотреть безуглеродный статус АЭС и крупных ГЭС с точки зрения их безопасности. Но в долгосрочной перспективе, по-видимому, противоречия между традиционной и возобновляемой энергетикой только обострятся, что позволит ускорить радикальный переход Скандинавии к ВИЭ. В Сибири же может окончательно утвердиться опора на ископаемое топливо, уже к тому времени, возможно, теряющее свою востребованность на европейских и азиатских рынках, если не удастся воспользоваться кумулятивным эффектом в сфере знаний и финансов и сконцентрировать текущие внешнеэкономические доходы на действительно прорывных технологиях декарбонизации. Для этого важно обратить внимание не только на объективные преимущества Сибири, но и на инновационную стратегию и индустриальный потенциал, которые во многом определяют масштаб, глубину и скорость энергетических трансформаций.

Библиография

Горбачева Н. Угольная генерация в условиях нового индустриального развития // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 6. С. 42–51.

Горбачева Н.В. Динамика инновационной деятельности традиционной и возобновляемой энергетики. Сравнительный анализ // Инновации. 2019. № 5(247). С. 35–45.

Жилина И.Ю. Экономические последствия изменения климата // Россия и современный мир. 2020. № 3(108). С. 50–67.

Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Том 2: 1870 – наши дни. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 624 с.

Коданева С.И. Энергетический переход: перспективы и механизмы реализации // Россия и современный мир. 2022. № 4(117). С. 162–183.

Крюков В., Суслов Н., Крюков Я. ТЭК азиатской России в меняющемся мире // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 12. С. 101–108.

Курбанов А.Р., Прохода В.А. Экологическая культура: эмпирическая проекция (отношение россиян к изменению климата) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 4(152). С. 347–370.

Ланьшина Т.А., Сливяк В.И., Стрелкова С.В. Российская электроэнергетика до 2035 года: на пути к полному переходу на возобновляемые источники энергии // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 4(56). С. 223–229.

Ленчук Е.Б. Россия в мировом процессе научно-технологического развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 4. С. 72–91.

Марченко О., Савельев В., Подковальников С., Соломин С., Чудинова Л. Россия в евразийской электроэнергетической интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 6. С. 18–29.

Отчет по экологической безопасности за 2019 год. ФГУП «Национальный оператор по обращению с радиоактивными отходами». URL: http://www.norao.ru/upload/iblock/564/564e4901c43d07377c7200708c979d3e.pdf (дата обращения: 07.02.2023).

Порфирьев Б.Н., Широв А.А. Стратегии социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов: сценарии и реалии для России // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92, № 5. С. 415–423.

Стратегия социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года. Распоряжение Правительства РФ от 26 января 2023 г. №129-р. URL: http://static.government.ru/media/files/drWrVydZYzvipBV3mBNArxTIxlgftuAM.pdf (дата обращения: 07.02.2023).

Структурная модернизация российской экономики: условия, направления, механизмы / под ред. Е.Б. Ленчук, Н.Ю. Ахапкина, В.И. Филатова. СПб.: Алетейя, 2022. 276 с.

Студенцов В.Б. Скандинавский уравнительный индивидуализм и государство всеобщего благосостояния // Современная Европа. 2022. № 1(108). С. 154–168.

Супрун В.И. Сибирь как мегарегион: параметры и цели. Новосибирск: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2018. 192 с.

Такмашева И.В., Тяглов С.Г. Инновационное развитие предпринимательского сектора: опыт Скандинавских стран // Современная Европа. 2019. № 4(90). С. 60–73.

Aklin M., Urpelainen J. Renewables. The politics of a global energy transition. Cambridge: MIT Press, 2018.

Blas J., Farchy J. (2022). The World for Sale: Money, Power and the Traders Who Barter the Earth's Resources. N.Y.: Oxford University Press, 416 p.

Griffith S. Electrify: An Optimist's Playbook for Our Clean Energy Future. Cambridge, Massachusetts: the MIT Press, 2021. 269 p.

Gustafson T. Klimat: Russia in the age of climate change. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2021. 336 p.

H.R.5376 – Inflation Reduction Act of 2022. URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/5376?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Inflation+Reduction+Ac%22%2C%22Inflation%22%2C%22Reduction%22%2C%22Ac%22%5D%7D&r=2&s=1 (дата обращения: 07.02.2023).

Mazzucato M., Kattel R., Algers J., Mikheeva O. (2021). The Green Giant: New Industrial Strategy for Norway. UCL Institute for Innovation and Public Purpose, Policy report (PR 21/01). Available at: https://www.ucl.ac.uk/bartlett/public-purpose/pr21-01 (дата обращения: 07.02.2023).

Nordic Energy Outlooks – Final report WP2. Increased electrification – new generators and consumers. 2022. URL: https://www.nordicenergy.org/wordpress/wp-content/uploads/2022/08/NEOFinalreportWP2.pdf (дата обращения: 07.02.2023).

Nordic Energy Technology Perspectives 2016. URL: https://www.nordicenergy.org/wp-content/uploads/2015/12/Nordic-Energy-Technology-Perspectives-2016.pdf (дата обращения: 07.02.2023).

Nordic Clean Energy Scenarious. Solutions for Carbon neutrality. Nordic Energy Research, 2021. URL: https://www.nordicenergy.org/wordpress/wp-content/uploads/2021/09/nordicenergyresearch2021-01.pdf (дата обращения: 07.02.2023).

Reid J.W., Thomas E., Lovejoy T.E. Ever Green: Saving Big Forests to Save the Planet. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2022. 320 p.

REPowerEU Plan. COM (2022) 230 final, Brussels, 18.5.2022. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:fc930f14-d7ae-11ec-a95f-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 07.02.2023).

Technical assessment of nuclear energy with respect to the «do no significant harm» criteria of Regulation (EU) 2020/852 («Taxonomy Regulation»). URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/business_economy_euro/banking_and_finance/documents/210329-jrc-report-nuclear-energy-assessment_en.pdf (дата обращения: 07.02.2023).

The Declaration of Energy Ministers on The North Sea as a Green Power Plant of Europe. URL: https://en.kefm.dk/Media/637884570050166016/Declaration%20of%20Energy%20Ministers%20(002).pdf (дата обращения: 07.02.2023).

Vaitheeswaran V. Need, Speed, and Greed. HarperCollinsPublishers, New York, 2012.

Wendling Z.A., Emerson J.W., de Sherbinin A., Esty D.C. et al. (2022). 2022 Environmental Performance Index. New Haven, CT: Yale Center for Environmental Law & Policy. epi.yale.edu. URL: https://epi.yale.edu/downloads/epi2022report06062022.pdf (дата обращения: 07.02.2023).

Wind Turbines Are Big Enough for Now, Vestas CEO Says. 2023. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-01-16/wind-turbines-are-big-enough-for-now-vestas-ceo-says (дата обращения: 07.02.2023).

References

Aklin M., Urpelainen J. Renewables. The politics of a global energy transition. Cambridge: MIT Press, 2018.

Blas J., Farchy J. (2022). The World for Sale: Money, Power and the Traders Who Barter the Earth's Resources. N.Y.: Oxford University Press, 416 p.

Gorbacheva N. Ugolnaya generatsiya v usloviyakh novogo industrial'nogo razvitiya [Coal-fired power in the New industrial development]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2016. Issue 60. N 6. P. 42–51. (In Russ.)

Gorbacheva N.V. Dinamika innovatsionnoy deyatel'nosti traditsionnoy i vozobnovlyaemoy energetiki. Sravnitel'nyy analiz [Innovations in conventional and renewable power generation. Comparative analysis]. Innovatsii [Innovations]. 2019. N 5(247). P. 35–45. (In Russ.)

Griffith S. Electrify: An Optimist's Playbook for Our Clean Energy Future. Cambridge, Massachusetts: the MIT Press, 2021. 269 p.

Gustafson T. Klimat: Russia in the age of climate change. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2021. 336 p.

H.R.5376 – Inflation Reduction Act of 2022. URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/5376?q=%7B%22search%22%3A%5B%22Inflation+Reduction+Ac%22%2C%22Inflation%22%2C%22Reduction%22%2C%22Ac%22%5D%7D&r=2&s=1 (date of access: 07.02.2023).

Kodaneva S.I. Energeticheskiy perekhod: perspektivy i mekhanizmy realizatsii [Energy Transition: Perspectives and Mechanisms of Realization]. Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the Contemporary World]. 2022. N 4(117). P. 162–183. (In Russ.)

Kryukov V., Suslov N., Kryukov Y. TEK aziatskoy Rossii v menyayushchemsya mire. [Asian Russia's Energy Complex in a Changing World]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2021. Issue. 65. N 12. P. 101–108. (In Russ.)

Kurbanov A.R., Prokhoda V.A. Ekologicheskaya kul'tura: empiricheskaya proektsiya (otnoshenie rossiyan k izmeneniyu klimata) [Ecological Culture: an Empirical Projection (Attitudes of Russians towards Climate Change)]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. 2019. N 4(152). P. 347–370. (In Russ.)

Lanshina T.A., Slivyak V.I., Strelkova S.V. Rossiyskaya elektroenergetika do 2035 goda: na puti k polnomu perekhodu na vozobnovlyaemye istochniki energii [Russian Electric Power Industry until 2035: on the Way to Full Transition to Renewable Energy Sources] Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]. 2022. N 4(56). P. 223–229. (In Russ.)

Lenchuk E.B. Rossiya v mirovom protsesse nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya [Russia in the Global Process of Scientific and Technological Development]. Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law]. 2021. Issue. 14. N 4. P. 72–91. (In Russ.)

Marchenko O., Savelev V., Podkovalnikov S., Solomin S., Chudinova L. Rossiya v evraziyskoy elektroenergeticheskoy integratsii [Russia in Eurasian Electric Power Integration]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2018. Issue. 62. N 6. P. 18–29. (In Russ.)

Mazzucato M., Kattel R., Algers J., Mikheeva O. (2021). The Green Giant: New Industrial Strategy for Norway. UCL Institute for Innovation and Public Purpose, Policy report (PR 21/01). Available at: https://www.ucl.ac.uk/bartlett/public-purpose/pr21-01 (date of access: 07.02.2023).

Nordic Clean Energy Scenarious. Solutions for Carbon neutrality. Nordic Energy Research, 2021. URL: https://www.nordicenergy.org/wordpress/wp-content/uploads/2021/09/nordicenergyresearch2021-01.pdf (date of access: 07.02.2023).

Nordic Energy Outlooks – Final report WP2. Increased electrification – new generators and consumers. 2022. URL: https://www.nordicenergy.org/wordpress/wp-content/uploads/2022/08/NEOFinalreportWP2.pdf (date of access: 07.02.2023).

Nordic Energy Technology Perspectives 2016. URL: https://www.nordicenergy.org/wp-content/uploads/2015/12/Nordic-Energy-Technology-Perspectives-2016.pdf (date of access: 07.02.2023).

Otchet po ekologicheskoy bezopasnosti za 2019 god. [Report on environmental safety for 2019]. Federal State Unitary Enterprise «National Operator for Radioactive Waste Management». URL: http://www.norao.ru/upload/iblock/564/564e4901c43d07377c7200708c979d3e.pdf (date of access: 07.02.2023).

Porfirev B.N., Shirov A.A. Strategii sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya s nizkim urovnem vybrosov parnikovykh gazov: stsenarii i realii dlya Rossii [Strategies for Socio-Economic Development with Low Greenhouse Gas Emissions: Scenarios and Realities for Russia]. Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk]. 2022. Issue. 92. N 5. P. 415–423. (In Russ.)

Reid J.W., Thomas E., Lovejoy T.E. Ever Green: Saving Big Forests to Save the Planet. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2022. 320 p.

REPowerEU Plan. COM (2022) 230 final, Brussels, 18.5.2022. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:fc930f14-d7ae-11ec-a95f-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1&format=PDF (date of access: 07.02.2023).

Strategiya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Sibirskogo federalnogo okruga do 2035 goda [Strategy for the socio-economic development of the Siberian Federal District until 2035]. Decree of the Government of the Russian Federation dated January 26, 2023 N 129-r. URL: http://

static.government.ru/media/files/drWrVydZYzvipBV3mBNArxTIxlgftuAM.pdf (date of access: 07.02.2023).

Strukturnaya modernizatsiya rossiyskoy ekonomiki: usloviya, napravleniya, mekhanizmy [Structural modernization of the Russian economy: conditions, directions, mechanisms]. Edited by E.B. Lenchuk, N.Y. Akhapkina, V.I. Filatova. Saint-Petersburg: Aleteyya. 2022. 276 p. (In Russ.)

Studentsov V.B. Skandinavskiy uravnitel'nyy individualizm i gosudarstvo vseobshchego blagosostoyaniya [Scandinavian Egalitarian Individualism and the Welfare State]. Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]. 2022. N 1(108). P. 154–168. (in Russ.)

Suprun V.I. Sibir kak megaregion: parametry i tseli [Siberia as a megaregion: parameters and goals]. Novosibirsk: Fund for socio-prognostics research «Trends», 2018. 192 p. (In Russ.)

Takmasheva I.V., Tyaglov C.G. Innovatsionnoe razvitie predprinimatel'skogo sektora: opyt Skandinavskikh stran [Innovative development of the business sector: the experience of the Scandinavian countries]. Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]. 2019. N 4(90). P. 60–73. (In Russ.)

Technical assessment of nuclear energy with respect to the «do no significant harm» criteria of Regulation (EU) 2020/852 («Taxonomy Regulation»). URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/business_economy_euro/banking_and_finance/documents/210329-jrc-report-nuclear-energy-assessment_en.pdf (date of access: 07.02.2023).

The Cambridge Economic History of Modern Europe: Volume 2: 1870 to the Present. Edited by Stephen Broadberry and Kevin H. O'Rourke. N.Y.: Cambridge University Press, 2010. 468 p.

The Declaration of Energy Ministers on The North Sea as a Green Power Plant of Europe. URL: https://en.kefm.dk/Media/637884570050166016/Declaration%20of%20Energy%20Ministers%20(002).pdf (date of access: 07.02.2023).

Vaitheeswaran V. Need, Speed, and Greed. HarperCollinsPublishers, New York, 2012.

Wendling Z.A., Emerson J.W., de Sherbinin A., Esty D.C. et al. (2022). 2022 Environmental Performance Index. New Haven, CT: Yale Center for Environmental Law & Policy. epi.yale.edu. URL: https://epi.yale.edu/downloads/epi2022report06062022.pdf (date of access: 07.02.2023).

Wind Turbines Are Big Enough for Now, Vestas CEO Says. 2023. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-01-16/wind-turbines-are-big-enough-for-now-vestas-ceo-says (date of access: 07.02.2023).

Zhilina I.Y. Ekonomicheskie posledstviya izmeneniya klimata [The Economic Consequences of Climate Change]. Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the Contemporary World]. 2020. N 3(108). P. 50–67. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2023.03.03

Г.В. Семеко

ИНТЕГРАЦИЯ ПЛАТЕЖНОГО ПРОСТРАНСТВА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ПОТЕНЦИАЛ СУВЕРЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ

Аннотация. *Совершенствование расчетов и платежей между странами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в настоящее время является одним из важнейших направлений интеграционных процессов. После начала военной спецоперации и введения санкций против российской финансовой системы в странах ЕАЭС активизировалась дискуссия об использовании суверенных цифровых валют в трансграничных платежах. Расчеты в цифровых валютах имеют существенные преимущества по сравнению с действующей платежной практикой, основанной на корреспондентских соглашениях между банками. В частности, они характеризуются высокой скоростью операций, более низкими затратами, высокой надежностью, прозрачностью и т.д. Россия, Казахстан и Кыргызия приняли концепции выпуска суверенных цифровых валют, которые предназначены для внутренних розничных платежей. Следующим этапом может стать расширение сферы использования этих валют на оптовые операции и взаимные расчеты, а в перспективе – переход на расчеты с помощью общей цифровой валюты на общей платежной платформе на основе технологии распределенного реестра. Проекты выпуска оптовых суверенных цифровых валют для трансграничных платежей разрабатываются в настоящее время в ряде стран. Первые результаты их тестирования свидетельствуют о технологической осуществимости и выгодах цифровых платежных систем. Создание в ЕАЭС общего платежного пространства на основе общей цифровой валюты, по мнению автора, станет новым импульсом для расширения торговых и инвестиционных потоков, движения финансовых активов, что будет способствовать развитию сотрудничества стран в различных отраслях экономики.*

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз; цифровая валюта центрального банка; трансграничные платежи; цифровые платежные системы; деДолларизация трансграничных расчетов; общее платежное пространство.*

Семеко Галина Викторовна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: cemeko@mail.ru
Web of Science Researcher ID: GSN-9423-2022

Semeko G.V. **Integration of the payment space of the Eurasian economic union: the potential of sovereign digital currencies**

Abstract. *One of the most important areas of integration processes in the Eurasian Economic Union (EAEU) at present is the improvement of settlements and payments between countries. After the start of the Russian military special operation and the imposition of sanctions against the Russian financial system, the discussion around the use of sovereign digital currencies in cross-border payments intensified in the EAEU countries. Settlements in digital currencies have significant advantages over the current payment practice based on correspondent agreements between banks. In particular, they are characterized by high speed of operations, lower costs, greater reliability, transparency, etc. Russia, Kazakhstan and Kyrgyzstan have adopted the concept of issuing sovereign digital currencies for domestic retail payments. The next stage may be the expansion of the use of these currencies for wholesale transactions and mutual settlements, and in the future – the transition to settlements using a common digital currency on a common payment platform based on distributed ledger technology. Projects for issuing wholesale sovereign digital currencies for cross-border payments are currently being developed in a number of countries. The first results of their testing indicate the technological feasibility and benefits of digital payment systems. The article argues that the creation of a common payment space based on digital currency in the EAEU will give a new impetus to the expansion of trade and investment flows and the movement of financial assets, which will contribute to the development of cooperation between countries in various sectors of the economy.*

Keywords: *Eurasian Economic Union; central bank digital currency; cross-border payments; digital payment systems; de-dollarization of cross-border settlements; common payment space.*

Semeko Galina Viktorovna – Candidate of Economic Sciences,
Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.
E-mail: cemeko@mail.ru
Web of Science Researcher ID: GSN-9423-2022

Введение

Цифровые финансовые технологии открыли новые возможности для повышения эффективности расчетно-платежной системы. Одной из перспективных инноваций в сфере денежного обращения, которая в настоящее время привлекла внимание центральных банков большого числа стран в мире, является суверенная цифровая валюта. По состоянию на сентябрь 2022 г. свыше 100 стран[1] находились на различных этапах проработки концепции, тестирования и реализации проектов выпуска цифровых валют центральных банков

1. Расчеты автора по данным сайта https://cbdctracker.org/

(ЦВЦБ от англ. central bank digital currency, CBDC). Интерес центральных банков к ЦВЦБ связан с их потенциальными возможностями в плане повышения эффективности, упрощения и ускорения проведения платежей, снижения затрат и рисков контрагентов, обеспечения прозрачности операций и т.д. По уровню активности в области изучения и разработки ЦВЦБ выделяется Азиатский регион, где дальше всех продвинулся Китай и соответствующие проекты запустили такие азиатские страны, как Индонезия, Вьетнам, Таиланд, Сингапур, Камбоджа, Малайзия, Южная Корея, Япония и Индия.

Подавляющее большинство национальных проектов ЦВЦБ сосредоточены на их использовании для внутренних платежей. Однако ЦВЦБ могут принести существенные выгоды и при оптовых трансграничных платежах, в том числе содействовать расширению экономического сотрудничества стран и в конечном счете формированию общего платежного пространства региональных интеграционных объединений. Формат региональной платежной системы на основе ЦВЦБ допускает переход на систему мультивалютных отношений, которая станет ступенькой в направлении валютной интеграции. Последняя предполагает создание объединенной региональной валютной системы (включая учреждение регионального центрального банка), введение общей валюты, проведение единой валютно-кредитной политики и т.д. Ряд зарубежных стран уже начали работу над проектами трансграничных платежей на основе ЦВЦБ с целью создания более эффективных платежных систем, использующих новые технологические решения. Хотя такие проекты находятся на начальной стадии, их первые результаты позволяют сделать вывод о потенциальных выгодах ЦВЦБ для трансграничных платежей.

В своем выступлении на Международном ПЛАС-Форуме «Финтех без границ. Цифровая Евразия» (г. Алматы 27–28 октября 2021 г.) Р. Бекетаев, министр по экономике и финансовой политике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), отметил, что ЦВЦБ могут стать эффективным инструментом для ускоренного проведения трансграничных платежей, тем самым оказав стимулирующий эффект на увеличение объемов торговли в рамках ЕАЭС [В ЕАЭС 2021].

В настоящей статье рассматриваются возможности использования ЦВЦБ для трансграничных операций в качестве расчетно-платежного средства с учетом мирового опыта в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС)[2] как инструмента поддержки финансовой и валютной интеграции этого регионального интеграционного объединения.

2. В настоящее время в состав ЕАЭС входят Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация.

Концепция и функциональные характеристики ЦВЦБ

Согласно концепции международных финансовых организаций (МВФ, Банка международных расчетов) и центральных банков, инициировавших проекты эмиссии суверенных цифровых валют, ЦВЦБ представляют собой новую форму фиатных денег, равнозначную наличным и безналичным деньгам [Central Bank Digital Currencies 2018; Central Bank Digital Currencies: Foundational 2020]. Они выпускаются центральными банками и являются их прямым обязательством перед держателями, что служит гарантией ликвидности, надежности и безопасности ЦВЦБ. При этом ЦВЦБ могут выполнять все основные функции денег, в том числе меры стоимости, средств платежа, обращения и накопления.

С точки зрения доступности национальная цифровая валюта может выпускаться в двух формах – как общедоступное платежное средство для физических и юридических лиц (розничная ЦВЦБ) и как платежное средство, предназначенное для ограниченного круга пользователей – для профессиональных участников финансового рынка, хранящих средства на счетах центрального банка (оптовая ЦВЦБ) [Central Bank Digital Currencies 2018; Auer, Cornelli, Frost 2020; Auer, Böhme 2020].

В зависимости от технологии эмиссии различаются ЦВЦБ на основе счета (account-based), существующие в форме учетных записей на расчетных счетах, и на основе токена (token-based), т.е. уникального цифрового кода (цифровой записи в реестре) при возможности использования технологии распределенного реестра (distributed ledger technology, DLT), что обеспечивает более высокие функциональные возможности цифровой валюты по сравнению с другими формами денег.

В зависимости от используемой технологии учета и хранения данных об операциях с токенизированной ЦВЦБ рассматриваются три технологических подхода к реализации прототипа платформы ЦВЦБ – централизованная система (централизованный реестр), децентрализованная сеть на основе DLT и гибридная архитектура. В первом случае все данные собираются в централизованном реестре и центральный банк контролирует обращение ЦВЦБ, во втором – учет и хранение данных осуществляются в распределенном реестре, к которому центральный банк не имеет постоянного доступа. Гибридная архитектура включает как компоненты централизованной системы, так и распределенные реестры, объединяет достоинства обеих технологий.

Модель реализации (обращения) ЦВЦБ может иметь один или два уровня. При одноуровневой архитектуре центральный банк осуществляет эмиссию ЦВЦБ, открывает цифровые кошельки клиентам на платформе ЦВЦБ и осуществляет с ними расчеты. При двухуровневой – в распределении ЦВЦБ

участвуют, помимо центрального банка, финансовые посредники – коммерческие банки или другие финансовые организации. Центральный банк осуществляет эмиссию ЦВЦБ, открывает и ведет кошельки финансовых посредников на платформе ЦВЦБ. В свою очередь, финансовые посредники открывают и ведут кошельки клиентов. Двухуровневая модель, как показали результаты тестирования проектов розничной ЦВЦБ в мире, предпочтительна; она согласовывается с действующей двухуровневой системой кредитно-финансовой сферы (центральный банк и коммерческие банки) и не требует ее радикальных изменений.

ЦВЦБ надежны, потому что они поддерживаются государством и интегрированы в денежно-кредитную политику. В числе основных мотиваций выпуска ЦВЦБ эксперты называют: их высокую ликвидность при более низкой рискованности (по сравнению с другими формами фиатных денег); удобство, простоту и скорость платежей; сокращение затрат на обслуживание расчетов с наличными и комиссии за транзакции; надежность и безопасность платежей; содействие финансовой инклюзии и доступности цифровых платежей для граждан и бизнеса; возможности для платежей не только в онлайновом, но и в офлайновом режиме; сравнительно высокую анонимность и конфиденциальность транзакций; устойчивость к технологическим сбоям со сравнению с другими формами денег; совершенствование платежей с участием государства, повышение прозрачности и отслеживаемости социальных выплат; ускорение цифровизации платежной инфраструктуры и др. [Auer, Cornelli, Frost 2020; Engert, Fung 2017].

Основные факторы трансформации расчетно-платежной системы ЕАСТ

Расширение торговли товарами и услугами, потока денежных переводов, инвестиций между странами ЕАЭС обусловливают потребность в модернизации модели трансграничных платежей, в основе которой лежат корреспондентские отношения между кредитно-финансовыми организациями. Обслуживание расчетов по экспортным и импортным контрактам клиентов стран ЕАЭС проводит Межгосударственный банк. Он является участником национальных платежных систем шести стран (Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан). Через эти платежные системы Межгосударственный банк осуществляет платежи в национальных валютах через корреспондентские счета, открытые в центральных (национальных) банках и номинированные в национальных валютах соответствующих стран.

В настоящий момент такая платежная модель далека от оптимальной и явно проигрывает внутренним платежным системам, которые в последние

годы интенсивно модернизировались с помощью цифровых финансовых технологий. В отличие от этого изменения почти не затронули трансграничные платежи.

В принципе, сами по себе трансграничные платежи по сравнению с внутренними являются более сложной операцией, требующей больше времени, бóльших затрат и сопряженной с более высокими рисками. Управлять изменениями в трансграничном формате труднее, чем в рамках внутреннего рынка. При проведении трансграничных платежей деньги проходят долгий путь через банковские корреспондентские сети, включающие многочисленные промежуточные звенья, через границы национальных юрисдикций, в которых действуют разные нормативные требования, платежные стандарты и операционные процедуры, а также через механизмы конвертации валют. Отправитель и получатель денег не могут точно отследить их продвижение, статус операции в любой момент времени и срок ее выполнения, а также оценить размер своих затрат. Фрагментированная инфраструктура трансграничных расчетов, различия в национальных правилах и стандартах платежей, большой объем ручных операций, необходимость значительного объема ликвидности увеличивают затраты банков на обработку платежей.

Важнейшим фактором, создающим условия для совершенствования действующей системы расчетов и платежей на основе ЦВЦБ, является *цифровизация экономики.* Курс на цифровую трансформацию экономики зафиксирован в Цифровой повестке ЕАЭС до 2025 г. В этом документе подчеркивается, что цифровые технологии являются неотъемлемой частью торгово-экономической интеграции, «движущей силой национального роста и глобальной конкурентоспособности. Именно цифровизация может дать мощный толчок конкурентоспособности ЕАЭС» [Цифровая повестка 2019, с. 6]. Согласно принятой концепции, одной из основ создания единого цифрового платежного пространства является внедрение общих цифровых решений в области финансов, построение общей цифровой инфраструктуры и общих цифровых платформ, играющих важную роль в трансграничной торговле и активизации движения капитала.

В последние годы в государствах – членах ЕАЭС наблюдается заметный прогресс по многим направлениям развития финансовых технологий. В частности, запускаются системы быстрых (мгновенных) платежей (по номеру телефона, QR-коду), карточные платежные системы, электронные платежи с использованием смартфонов, бесконтактные платежи и т.д. К сожалению, рост геополитической напряженности и санкционная политика западных стран в отношении России, являющейся лидером в цифровой трансформации в ЕАЭС, ведет к ее торможению. В связи с этим, чтобы компенсировать давление внешних факторов и ускорить интеграционные процессы, крайне важно активизировать действия по изучению возможностей внедрения цифровых решений по новым направлениям.

Фактором, обусловливающим необходимость модернизации трансграничных платежей в ЕАЭС, являются тенденции в развитии *внутрирегиональной торговли*, в частности ее недостаточно высокие темпы и их неустойчивость. За последние десять лет (2012–2021) в сфере взаимной торговли наблюдалась разнонаправленная динамика. В первое пятилетие этого периода стоимостный объем взаимной торговли снижался и упал до самого низкого уровня в 2016 г. – 43 млрд долл. против 71,1 млрд в 2012 г. В дальнейшем наметился постепенный рост этого показателя (до 61,6 млрд в 2019 г.). Но в условиях снижения экономической активности из-за пандемии коронавируса в 2020 г. произошло резкое сокращение взаимной торговли до 55,1 млрд, т.е. почти на 11%. Наибольшее сокращение наблюдалось в России (на 15,5%), а наименьшее – в Республике Беларусь (на 4,2%). В 2021 г. странам ЕАСТ удалось преодолеть эту тенденцию – стоимостный объем взаимной торговли увеличился до 73,1 млрд, т.е. на 32,7% по сравнению с 2020 г. благодаря росту средних цен на товары единого рынка (на 19,5%) и физического объема взаимных поставок (на 11,1%) [10 лет 2022, с. 43; О взаимной 2022, с. 3].

Доля взаимной торговли в общем стоимостном объеме внешней торговли стран ЕАСТ (включая третьи страны) остается на достаточно низком уровне: в 2021 г. 14,6% г. Наиболее активно во взаимной торговле участвует Республика Беларусь: у нее доля взаимной торговли со странами – членами ЕАЭС (преимущественно с Россией) в 2021 г. равнялась 50,5%. У остальных участников Союза этот показатель ниже 35%, причем самый низкий показатель у России – 8,9% в 2021 г. [10 лет 2022, с. 44].

Формирование эффективной трансграничной платежной системы имеет большое значение для поддержки устойчивого роста взаимной торговли и сокращения диспропорций в торговых отношениях стран – членов ЕАСТ. Решению данной задач, как представляется, может содействовать использование ЦВЦБ для оптовых трансграничных платежей.

Внедрение ЦВЦБ может, кроме того, способствовать реализации курса ЕАЭС на *дедолларизацию трансграничных расчетов,* которая стала особенно актуальной в условиях западных санкций против российских банков и отключения от международной системы SWIFT. Вытеснение резервных валют в качестве валюты платежа и увеличение доли национальных валют в расчетах между странами – членами ЕАСТ в настоящее время рассматривается в качестве одного из альтернативных направлений валютной интеграции.

Хотя российский рубль играет роль основной валюты расчетов во взаимной торговле между странами – членами ЕАЭС (более 70% платежей), в валютной структуре платежей по внешней торговле со всеми странами мира, включая расчеты государств – членов ЕАСТ, доля платежей за экспорт и импорт в долл. США в 2021 г. составила соответственно 54,3% и 36,8% [Доклад 2021, с. 3; Евразийская экономическая 2022, с. 2].

Инициативы стран ЕАЭС по выпуску суверенной цифровой валюты

Страны ЕАЭС в настоящее время активно изучают возможности выпуска ЦВЦБ. Дальше всех в этом направлении продвинулись Россия и Республика Казахстан, недавно к ним присоединилась Кыргызская Республика.

Концепция цифрового рубля была обнародована Банком России в начале 2021 г., а в 2022 г. началось ее пилотное тестирование [Цифровой рубль 2020; Концепция цифрового 2021]. Национальный Банк Республики Казахстан (НБРК) представил концепцию цифрового тенге в мае 2021 г. [Проект цифровой тенге 2021]. В соответствии с целями Программы развития Национальной платежной системы до 2025 г., приоритетной задачей выпуска цифрового тенге названы расширение проникновения безналичных платежей и повышение доступности платежных услуг (финансовая инклюзивность).

Национальный банк Кыргызской Республики (КР) объявил о подготовке к запуску проекта цифрового сома в мае 2022 г. [Концепция цифрового сома 2022]. Прототип платформы цифрового сома Национальный банк КР планирует создать во втором квартале 2024 г., а его тестирование провести в период до середины 2025 г. Концепция цифрового сома предусматривает, что он будет обеспечен золотом с местных месторождений.

Национальный банк Республики Беларусь изучает возможность введения цифровой национальной валюты. Хотя в подписанном в декабре 2021 г. Указе № 482 «Об утверждении основных направлений денежно-кредитной политики Республики Беларусь на 2022 год» было предусмотрено исследование возможности создания цифровой валюты, окончательного решения по этому вопросу пока не принято. Центральный банк Республики Армения не сообщал о предпринимаемых действиях по рассматриваемому направлению.

Концепции ЦВЦБ, выбранные центральными банками России, Казахстана и Кыргызии, имеют схожие функциональные принципы, характеристики дизайна цифровой валюты и архитектуры платежной платформы. Во всех трех случаях предпочтение отдано общедоступной розничной ЦВЦБ на основе токена. Розничный вариант цифровой валюты считается оптимальным для широкого распространения онлайновых и офлайновых платежей среди граждан и предприятий. Цифровые рубль, тенге и сом позиционируются как третья форма национальной валюты, эквивалентная наличным и безналичным деньгам и выполняющая те же функции.

Поскольку эмиссию цифровых валют будут осуществлять центральные банки, то они станут гарантами их стоимости, ликвидности и надежности. Пользоваться суверенными цифровыми валютами смогут как физические, так и юридические лица через индивидуальные цифровые кошельки.

Технология учета и хранения суверенных цифровых валют основана на цифровых токенах и технологии распределенного реестра, что обеспечивает им более высокие функциональные возможности по сравнению с другими формами денег (дистанционные платежи, платежи в режиме онлайн и офлайн, высокая скорость расчетов, снижение транзакционных издержек и т.д.).

Для проведения операций с суверенными цифровыми валютами будут созданы цифровые платформы, интегрированные с действующей платежной инфраструктурой. Платформы цифровых валют строятся на основе гибридного подхода, т.е. с использованием распределенного реестра и централизованных компонентов. Платформы будут хранить, управлять, осуществлять транзакции с цифровыми валютами и вести их учет.

Взаимодействие центральных банков с конечными потребителями предполагается реализовать в рамках двухуровневой модели, которая позволяет обеспечить максимальную доступность цифровых валют для физических и юридических лиц и задействовать инфраструктуру финансовых организаций. Первый уровень – центральный банк, эмитент и оператор платформы суверенной цифровой валюты, который открывает цифровые кошельки финансовым организациям (банкам). Второй уровень – финансовые организации, которые, в свою очередь, открывают кошельки своим клиентам на платформе цифровой валюты и проводят с ними расчеты. Доступ к цифровому кошельку физические и юридические лица смогут получить через любую финансовую организацию, в которой они обслуживаются. Таким образом, центральные банки не будут оказывать платежных услуг конечным потребителям и не станут конкурентами действующим на платежном рынке игрокам.

Хотя выбранная Россией, Казахстаном и Кыргызией модель ЦВЦБ рассчитана на внутренние розничные платежи, ее изучение, тестирование и реализация позволят выявить сильные и слабые стороны нового платежного инструмента, что станет основой для дальнейшего расширения сферы его использования на оптовые трансграничные платежи.

Мировой опыт в области оптовых ЦВЦБ для трансграничных платежей

Проекты запуска оптовых ЦВЦБ для трансграничных платежей реализуются в настоящее время в ряде стран как в двустороннем, так и в многостороннем форматах. Все они ориентированы на применение цифровых финансовых технологий и технологию распределенного реестра. Вместе с тем предлагаемые конструкции характеризуются различиями в организационных, технологических, управленческих и других параметрах (число частников, технологическое обеспечение, сетевая топология и т.п.) [Auer, Haene 2021]. Так, в одних моделях каждый центральный банк – участник платежной

системы выпускает свою оптовую ЦВЦБ, в других – регуляторы договариваются об эмиссии общей цифровой валюты. Проведение операций может происходить как через национальные платформы, так и через одну общую[3].

Проект Jasper-Ubin проводили с 2019 г. центральные банки Канады и Сингапура. В рамках проекта изучались и тестировались модели трансграничных платежей между двумя юрисдикциями на основе взаимодействия двух национальных блокчейн-платформ (Corda в Канаде и Quorum в Сингапуре) [Jasper-Ubin 2019]. Рассматривались три модели трансграничных платежных систем: в двух моделях центральные банки эмитируют каждый свою оптовую ЦВЦБ, а ее распространение и управление этой валютой осуществляется через посредников; в третьей модели центральные банки договариваются о выпуске общей универсальной оптовой ЦВЦБ, стоимость которой обеспечивается корзиной национальных валют стран-участниц. Сделан вывод, что последняя модель является наиболее перспективной в плане решения проблем действующей международной платежной системы, хотя она значительно сложнее в реализации с точки зрения требующихся технических, финансовых, правовых, управленческих инноваций.

Проект Inthanon-LionRock, запущенный в 2019 г., объединил результаты национальных проектов Банка Таиланда (Inthanon) и Монетарного управления Гонконга (LionRock), которые изучали возможности эмиссии и использования оптовой ЦВЦБ для внутренних расчетов [Inthanon-LionRock 2020]. По мнению экспертов Всемирного банка, данный проект является первой успешной попыткой объединения двух платежных систем оптовых ЦВЦБ на основе LDT [Central Bank Digital Currencies for 2021]. Предложенная модель общей платформы трансграничных расчетов основана на двухуровневой структуре: регуляторы эмитируют токены, а коммерческие банки распределяют их среди своих корпоративных клиентов. Соединение двух внутренних платежных систем оптовых ЦВЦБ осуществляется с помощью трансграничной сети коридоров (corridor network)[4]. В ходе исследований были выявлены преимущества этой модели по сравнению с действующими платежными системами: сокращение числа звеньев в цепочке прохождения платежа, увеличение скорости операции благодаря проведению операций в режиме реального времени, 24 часа в сутки и семь дней в неделю (24/7), лучшее соответствие

3. Подробнее см.: [Семеко 2022].

4. Конструкция платежного коридора задумана как способ снижения затрат на трансграничные операции. Центральные банки стран – участниц платежной системы выпускают свои оптовые ЦВЦБ, а их учет происходит в отдельных децентрализованных реестрах. Всей системой управляет отдельный узел в сети коридоров – «операторское соединение» (operator node), контроль за которым ведут совместно регуляторы стран-участниц.

правовым нормам и правилам, касающимся платежных процедур, возможности для масштабирования платежной системы и интеграции с различными локальными системами расчетов, более эффективная процедура валютной конвертации и др.

В 2021 г. после присоединения Китая и ОАЭ проект Inthanon-LionRock переименован в *mCBDC Bridge*. В рамках этого проекта изучается потенциал технологии распределенного реестра (DLT) для улучшения трансграничной платежной инфраструктуры, а также проводятся исследования в области дизайна и технических решений мультивалютной платформы для трансграничных платежей [Inthanon-LionRock to 2021]. Мультивалютная платформа позволяет осуществлять платежные операции в нескольких национальных оптовых ЦВЦБ. При этом используются технология DLT и трансграничная сеть платежных коридоров. Операции с национальными оптовыми ЦВЦБ учитываются в отдельных децентрализованных реестрах. Исследования в рамках проекта идут по следующим направлениям: обеспечение конфиденциальности данных, управление ликвидностью в нескольких валютах, возможности повышения производительности и масштабирования платежной системы, совместимость блокчейн-сетей и др.

Разработке общей мультивалютной платформы для трансграничных платежей с использованием нескольких оптовых ЦВЦБ посвящен также *проект Dunbar*, в котором участвуют четыре центральных банка – Резервный банк Австралии, Центральный банк Малайзии, Валютное управление Сингапура и Резервный банк Южной Африки [Project Dunbar 2021]. В рамках проекта рассматриваются различные модели управления такой платформой и технического подключения к ней центральных банков для выпуска оптовых ЦВЦБ. Технической задачей проекта была разработка двух прототипов DLT-платформы (на базе частных платформ Corda и Quorum). Согласно принятой концепции, на общей платформе центральные банки осуществляют выпуск своих оптовых ЦВЦБ, которые затем распределяются между коммерческими банками – участниками платежной системы. Последние используют оптовые ЦВЦБ для платежных операций. При этом все банки-участники могут держать на своих счетах в центральном банке оптовые ЦВЦБ в разных валютах и осуществлять в них платежи. Хотя центральные банки и эмитируют свои ЦВЦБ и проводят все операции с ними на общей платформе, полного контроля над ней они не имеют.

Проект Aber (в переводе с арабского – «тот, кто пересекает границы»), запущенный в начале 2019 г. регуляторами ОАЭ и Саудовской Аравии, изучает возможности выпуска общей оптовой ЦВЦБ с использованием DLT [Project Aber 2020]. В отличие от других проектов выпуска общей цифровой валюты, в данном проекте предусматривается двойная эмиссия общей ЦВЦБ. Это означает, что оба центральных банка стран-участниц вправе эмитировать

общую оптовую ЦВЦБ, но при этом каждый банк несет ответственность за выпущенные им токены, ведет учет и контролирует обращение. Курс этой цифровой валюты (ABR) привязан к курсу саудовского реала (SAR) и эмиратского дирхама (AED), которые, в свою очередь, привязаны к доллару США. Проект подтвердил «техническую жизнеспособность» проведения трансграничных платежей по предложенной модели общей оптовой ЦВЦБ с двойной эмиссией, а также преимущества данной конструкции с точки зрения конфиденциальности операций, снижения экономических рисков, обеспечения прозрачности и отслеживаемости обращения общей цифровой валюты.

Заключение

Цифровизация и новые финансовые технологии создали возможности для совершенствования расчетно-платежных операций как в пределах внутреннего рынка отдельных юрисдикций, так и в международном масштабе. Одним из новых технологических решений являются международные платежные системы, основанные на суверенных цифровых валютах и DLT. Результаты проектов, которые осуществляются в ряде стран мира, свидетельствуют о технологической осуществимости соответствующих концепций и о преимуществах данной платежной модели по сравнению с действующей моделью.

В России и других странах ЕАЭС внедрение новых платежных инструментов, в частности оптовой ЦВЦБ, и создание региональной платежной системы на базе цифровой платформы крайне актуальны для обеспечения наибольшей независимости от внешних факторов, в частности от западных санкций, а также для расширения использования национальных валют в международных расчетах. Кроме того, объединенная платежная платформа с общей оптовой ЦВЦБ или с несколькими национальными оптовыми ЦВЦБ стран ЕАЭС может способствовать развитию экономического сотрудничества на региональном уровне.

Вместе с тем следует понимать, что реализация на практике проектов оптового ЦВЦБ сопряжена с высокими затратами и технологическими проблемами, возможностью возникновения рисков и последствий, которые не удалось обнаружить при проработке и внедрении. Необходимым условием является и наличие в странах технического обеспечения и специалистов в области финансовых и цифровых технологий. Уровень развития финансовой инфраструктуры должен быть достаточно высоким.

На сегодняшний момент не все страны ЕАЭС располагают необходимыми ресурсами для участия в таких технически сложных проектах. Наибольший потенциал имеет Российская Федерация, лидер в области цифровизации среди стран – членов ЕАЭС. Основными препятствиями для реализации проектов оптовых цифровых валют для трансграничных платежей, помимо

отставания в технологической сфере, являются низкие темпы валютно-финансовой интеграции, в том числе неразвитость рынка финансовых инструментов в национальных валютах, высокая волатильность курсов национальных валют, расхождения в законодательстве по вопросу о цифровых активах, неурегулированность стандартов международных платежных операций и др.

Тем не менее, учитывая потенциал государственных цифровых валют для повышения эффективности работы платежных систем ЕАЭС и нейтрализации негативного влияния западных санкций, необходимо инициировать новые проекты по изучению вопроса о выпуске национальных оптовых ЦВЦБ и общей оптовой ЦВЦБ на общей платежной платформе. Такие проекты, как представляется, должны стать одним из стратегических направлений политики в области валютной и экономической интеграции ЕАЭС.

Библиография

10 лет евразийской интеграции: брошюра. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2022. 56 с.

Доклад «О состоянии взаимной торговли между государствами – членами Евразийского экономического союза в 2020 году». М.: Евразийская экономическая комиссия, 2021. 65 с.

В ЕАЭС обсуждают применение цифровых финансовых технологий // Новости. Евразийская экономическая комиссия. 2021. 27 ноября. URL: https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-obsuzhdayut-primenenie-tsifrovyh-finansovyh-tehnologij/?sphrase_id=123878 (дата обращения: 26.09.2022).

Евразийская экономическая комиссия: о платежах за экспорт и импорт товаров и услуг в 2021 году // Экспресс-информация. 2022. 23 мая. 2 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/express_information/ei_payments/express_payments_2021.pdf (дата обращения: 26.09.2022).

Концепция цифрового рубля. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2021. 31 с.

Концепция цифрового сома. Приложение к постановлению Правления Национального банка Кыргызской Республики от 25 мая 2022 года № 2022-П-14/32-3-(ПС) // Бишкек: Национальный банк Кыргызской Республики. 2022. URL: https://www.nbkr.kg/searchout.jsp?item=2685&material=108460&lang=RUS (дата обращения: 26.09.2022).

О взаимной торговле товарами Евразийского экономического союза: Январь–декабрь 2021 года. Аналитический обзор 5 августа 2022 г. // Евразийская экономическая комиссия, 2022. 5 августа. 8 с. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2021/Analytics_I_202112_180.pdf (дата обращения: 26.09.2022).

Проект «Цифровой тенге» // Нур-Султан: Национальный Банк Казахстана, 2021. URL: https://digital-tenge.payfintech.kz/digital-tenge (дата обращения: 26.09.2022).

Семеко Г.В. Суверенная цифровая валюта: новые возможности для трансграничных платежей // Финансовый журнал. 2022. Т. 14. № 4. С. 108–121.

Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 г.: перспективы и рекомендации: обзор. Совместное исследование Всемирного банка и Евразийской экономической комиссии. М.: Всемирный банк, Евразийская экономическая комиссия, 2019. 40 с.

Цифровой рубль: Доклад для общественных консультаций. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2020. 48 с.

Auer R., Böhme R. The Technology of Retail Central Bank Digital Currency // BIS Quarterly Rev. 2020. March. P. 1–16.

Auer R., Cornelli G., Frost J. Rise of the Central Bank Digital Currencies: Drivers, Approaches and Technologies // BIS Working Papers. 2020. № 880. 1–44 p.

Auer R., Haene P., Holden H. Multi-CBDC Arrangements and the Future of Cross-Border Payments // BIS Papers. 2021. № 115. P. 1–17.

Central Bank Digital Currencies // Basel: Bank of International Settlements, CPMI, 2018. March. 34 p. URL: https://www.bis.org/cpmi/publ/d174.pdf (дата обращения: 26.09.2022).

Central Bank Digital Currencies: Foundational Principles and Core Features / Group of Central Banks, Joint Report № 1 // Basel: Bank of International Settlements, 2020. October. 26 p. URL: https://www.bis.org/publ/othp33.pdf (дата обращения: 26.09.2022).

Central Bank Digital Currencies for Cross-Border Payments: A Review of Current Experiments and Ideas // World Bank, 2021. 46 p. URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/36764/Central-Bank-Digital-Currencies-for-Cross-border-Payments-A-Review-of-Current-Experiments-and-Ideas.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 26.09.2022).

Engert W., Fung B. Central Bank Digital Currency: Motivations and Implications // Bank of Canada Staff Discussion Paper. 2017. № 2017-16. 30 p.

Inthanon-LionRock: Leveraging Distributed Ledger Technology to Increase Efficiency in Cross-Border Payment // Bank of Thailand, Hong Kong Monetary Authority, 2020. 90 p. URL: https://www.hkma.gov.hk/media/chi/doc/key-functions/financial-infrastructure/Report_on_Project_Inthanon-LionRock.pdf (дата обращения: 26.09.2022).

Inthanon-LionRock to mBridge: Building of multi CBDC Platform for International Payments // BIS, 2021. 72 p. URL: https://www.bis.org/publ/othp40.pdf (дата обращения: 26.09.2022).

Jasper-Ubin Design Paper: Enabling Cross-Border High Value Transfer Using Distributed Ledger Technologies // Bank of Canada, Monetary Authority of Singapore, 2019. 44 p. URL: https://www.mas.gov.sg/-/media/Jasper-Ubin-Design-Paper.pdf (дата обращения: 26.09.2022).

Project Aber: Joint Digital Currency and Distributed Ledger Project // Saudi Central Bank, Central Bank of the U.A.E, 2020. 93 p. URL: https://www.sama.gov.sa/en-US/News/Documents/Project_Aber_report-EN.pdf (дата обращения: 26.09.2022).

Project Dunbar: International Settlements using multi-CBDCs // BIS, 2022. March. 63 p. URL: https://www.bis.org/publ/othp47.pdf (дата обращения: 26.09.2022).

References

10 let evrazijskoj integracii: Broshyura [10 years of Eurasian Integration: Brochure]. Moscow: Evrazijskaya ekonomicheskaya komissiya [Eurasian Economic Commission], 2022. 56 p. (In Russ.)

Auer R., Böhme R. The Technology of Retail Central Bank Digital Currency. BIS Quarterly Rev. 2020. March. P. 1–16.

Auer R., Cornelli G., Frost J. Rise of the Central Bank Digital Currencies: Drivers, Approaches and Technologies. BIS Working Papers. 2020. N 880. 1–44 p.

Auer R., Haene P., Holden H. Multi-CBDC Arrangements and the Future of Cross-Border Payments. BIS Papers. 2021. N 115. P. 1–17.

Central Bank Digital Currencies. Basel: Bank of International Settlements, CPMI, 2018. March. 34 p. URL: https://www.bis.org/cpmi/publ/d174.pdf (date of access: 26.09.2022).

Central Bank Digital Currencies: Foundational Principles and Core Features / Group of Central Banks, Joint Report N1. Basel: Bank of International Settlements, 2020. October. 26 p. URL: https://www.bis.org/publ/othp33.pdf (date of access: 26.09.2022).

Central Bank Digital Currencies for Cross-Border Payments: A Review of Current Experiments and Ideas. World Bank, 2021. 46 p. URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/36764/Central-Bank-Digital-Currencies-for-Cross-border-Payments-A-Review-of-Current-Experiments-and-Ideas.pdf?sequence=1&isAllowed=y (date of access: 26.09.2022).

Cifrovaya povestka Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza do 2025 g.: perspektivy i rekomendacii: Obzor [Digital Agenda of the Eurasian Economic Union until 2025: prospects and recommendations: Overview]. Sovmestnoe issledovanie Vsemirnogo banka i Evrazijskoj ekonomicheskoj komissii. Joint study of the World Bank and the Eurasian Economic Commission. Moscow: Vsemirnyj bank, Evrazijskaya ekonomicheskaya komissiya [World Bank, Eurasian Economic Commission], 2019. 40 p. (date of access: 26.09.2022). (In Russ.)

Cifrovoj rubl': Doklad dlya obshchestvennyh konsul'tacij [Digital Ruble: A report for public consultations]. Moscow: Central'nyj bank Rossijskoj Federacii [Central Bank of the Russian Federation], 2020. 48 p. (In Russ.)

Doklad «O sostoyanii vzaimnoj torgovli mezhdu gosudarstvami – chlenami Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza v 2020 godu» [Report «On the state of mutual trade between the member states of the Eurasian Economic Union in 2020»]. Moscow: Evrazijskaya ekonomicheskaya komissiya [Eurasian Economic Commission], 2021. 65 p. (In Russ.)

Engert W., Fung B. Central Bank Digital Currency: Motivations and Implications. Bank of Canada Staff Discussion Paper. 2017. N 2017-16. 30 p.

Evrazijskaya ekonomicheskaya komissiya: O platezhah za eksport i import tovarov i uslug v 2021 godu [Eurasian Economic Commission: Payments for the export and import of goods and services in 2021]. Ekspress-informaciya [Express information]. 2022. May 23. 2 p. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/express_information/Documents/ei_payments/express_payments_2021.pdf (date of access: 26.09.2022). (In Russ.)

Inthanon-LionRock: Leveraging Distributed Ledger Technology to Increase Efficiency in Cross-Border Payments. Bank of Thailand, Hong Kong Monetary Authority, 2020. 90 p. URL: https://www.hkma.gov.hk/media/chi/doc/key-functions/financial-infrastructure/Report_on_Project_Inthanon-LionRock.pdf (date of access: 26.09.2022).

Inthanon-LionRock to mBridge: Building of multi CBDC Platform for International Payments. BIS, 2021. 72 p. URL: https://www.bis.org/publ/othp40.pdf (date of access: 26.09.2022).

Jasper-Ubin Design Paper: Enabling Cross-Border High Value Transfer Using Distributed Ledger Technologies. Bank of Canada, Monetary Authority of Singapore, 2019. 44 p. URL: https://www.mas.gov.sg/-/media/Jasper-Ubin-Design-Paper.pdf (date of access: 26.09.2022).

Koncepciya cifrovogo rublya [The concept of the digital ruble]. Moscow: Central'nyj bank Rossijskoj Federacii [Central Bank of the Russian Federation]. 2021. 31 p. (In Russ.)

Koncepciya cifrovogo soma. Prilozhenie k postanovleniyu Pravleniya Nacional'nogo banka Kyrgyzskoj Respubliki ot 25 maya 2022 goda № 2022-P-14/32-3-(PS) [The concept of a digital som. Appendix to the Resolution of the Board of the National Bank of the Kyrgyz Republic dated May 25, 2022 N 2022-P-14/32-3-(PS).]. Bishkek: Nacional'nyj bank Kyrgyzskoj Respubliki [National Bank of the Kyrgyz Republic], 2022. URL: https://www.nbkr.kg/searchout.jsp?item=2685&material=108460&lang=RUS (date of access: 26.09.2022). (In Russ.)

O vzaimnoj torgovle tovarami Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza: Yanvar'–Dekabr' 2021 goda / Analiticheskij obzor 5 Avgusta 2022 g. [Mutual Trade in goods of the Eurasian Economic Union: January–December 2021 / Analytical Review on August 5, 2022]. Moscow: Evrazijskaya ekonomicheskaya komissiya [Eurasian Economic Commission], 2022. 8 p. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2021/Analytics_I_202112_180.pdf (date of access: 26.09.2022). (In Russ.)

Proekt «Cifrovoj tenge» [Digital Tenge project]. Nur-Sultan: Nacional'nyj Bank Kazahstan [National Bank of Kazakhstan]. URL: https://digital-tenge.payfintech.kz/digital-tenge (date of access: 26.09.2022). (In Russ.)

Project Aber: Joint Digital Currency and Distributed Ledger Project. Saudi Central Bank, Central Bank of the U.A.E, 2020. 93 p. URL: https://www.sama.gov.sa/en-US/News/Documents/Project_Aber_report-EN.pdf (date of access: 26.09.2022).

Project Dunbar: International Settlements using multi-CBDCs. BIS, 2022. March. 63 p. URL: https://www.bis.org/publ/othp47.pdf (date of access: 26.09.2022).

Semeko G.V. Suverennaya cifrovaya valyuta: novye vozmozhnosti dlya transgranichnyh platezhej [Sovereign digital currency: New opportunities for cross-border payments]. Finansovyj zhurnal [Financial Journal]. 2022. Vol. 14. N 4. P. 108–121. (In Russ.)

V EAES obsuzhdayut primenenie cifrovyh finansovyh tekhnologij. Novosti. Evrazijskaya ekonomichaщkeskaya komissiya [The EAEU discusses the use of digital financial technologies. News. Eurasian Economic Commission]. 2021. November 27. URL: https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-obsuzhdayut-primenenie-tsifrovyh-finansovyh-tehnologij/?sphrase_id=123878 (date of access: 26.09.2022). (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2023.03.04

В.А. Аватков, Д.Г. Евстафьев

ПОСТСОВЕТСКАЯ ЕВРАЗИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ВЫЗОВ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. *Трансформации глобальной политики и экономики развиваются по сценарию системного кризиса постиндустриального постмодерна как универсалистской системы социального, политического и экономического управления. Эти кризисные трансформации, затрагивают – прежде всего, пространственно-важные регионы мира, обеспечивающие сопряжение глобально значимых промышленных «ядер». Фактически, на данном этапе, мы наблюдаем разделение акторов глобальных геоэкономических, а в перспективе – и геополитических, процессов на «субъекты» и «объекты» политики. Это выдвигает на первый план вопросы управления процессами структурации пространства и институционализации в условиях политической де-универсализации. Для Постсоветской Евразии в неоглобальном мире возникает целый ряд вызовов, связанных с необходимостью изменения подходов к управлению политическими и экономическими процессами. Институты, создававшиеся в предыдущую политическую эпоху для обеспечения так называемой «евразийской интеграции» как элемента построения глобального мира в современных условиях геоэкономического «огораживания» полностью релевантными не являются. Это ставит на повестку дня вопрос о поиске новых форм организационной институционализации среднесрочных экономико-политических процессов.*

Ключевые слова: *макрорегионы; социально-политическая гибридность; неоглобальность; институционализация; управление развитием.*

Аватков Владимир Алексеевич – доктор политических наук, заведующий Отделом Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН. Россия, Москва.
Scopus Autor ID: 55968832200
Web of Researcher ID: AAD-9769-2020;
E-mail: v.avatkov@gmail.com

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич – кандидат политических наук, профессор кафедры теории права и государства Российского университета дружбы народов (РУДН). Россия, Москва.
E-mail: estd1212@yandex.ru

Avatkov V.A., Evstafyev D.G. Post-Soviet Eurasia in the Era of Global Transformations: the Challenge of Institutionality and Governance

Abstract. *The transformations of global politics and the economy are developing according to the scenario of the systemic crisis of the post-industrial postmodern as a universalist system of social, political and economic management. These crisis transformations, first of all, affect, first of all, the spatially important regions of the world, providing the interface of globally significant industrial «cores». In fact, at this stage we observe the division of actors of global geo-economic, and, in the future, geopolitical processes into «subjects» and «objects» of politics. This brings to the fore the issues of managing the processes of structuring space and institutionalization in the context of political de-universalization. For post-Soviet Eurasia in the neo-global world, there are a number of challenges associated with the need to change approaches to managing political and economic processes. The institutions created in the previous political era to ensure the so-called «Eurasian integration» as an element of building a global world in modern conditions of geo-economic «enclosure» are not completely relevant. This puts on the agenda the question of finding new forms of organizational institutionalization of medium-term economic and political processes.*

Keywords: *macroregions; socio-political hybridity; neoglobality; institutionalization; development management.*

Avatkov Vladimir Alekseevich – Doctor of Political Sciences,
Professor, Head of the Department of the Near and Post-Soviet East
INION RAS. Russia, Moscow.
Scopus Autor ID: 55968832200
Web of Researcher ID: AAD-9769-2020
E-mail: v.avatkov@gmail.com

Evstafyev Dmitry Gennadievich – Candidate of Political Sciences,
Professor of the Department of Theory of Law and State
of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN). Russia, Moscow.
E-mail: estd1212@yandex.ru

Введение

Применительно к Постсоветской Евразии построение новой глобальной геоэкономической архитектуры означает на практике возникновение большого пространства для развития многоуровневых, в чем-то асимметричных, но геоэкономических в своей основе отношений, целью которых является не просто достижение более высокого уровня двустороннего партнерства в условиях обострения военно-силовой ситуации и на Западе Евразии, и на ее Востоке, но исключение возможности использования социальных процессов

в Евразии как инструмента долгосрочной дестабилизации и исключения данного пространства из активных процессов формирования геоэкономических регионов, замещающих постпространственный мир поздней глобализации.

Сценарии хаотизации значимых в социально-экономическом плане пространств перестают быть «закритическими» в рамках подходов, направленных на новое разделение социально-экономической Ойкумены в современном ее виде [Haas 2019; Kaplan 2018; Зарубина, Кравченко 2022].

Россия находится в сложной диалектике, на первый взгляд, находясь на периферии процессов консолидации новых центров экономического роста, но контролируя значимые в экономическом и ресурсном отношении пространства, критичные для реализации потенциала трансрегионального влияния новых центров геоэкономической консолидации [География мирового хозяйства 2016].

Стратегические дилеммы Постсоветской Евразии

Постсоветская Евразия как экономически значимое пространство характеризуется принципиальным противоречием, которое обостряется в процессе современных глобальных трансформаций: с одной стороны, Евразия лежит на глубокой периферии глобализации в том виде, как она развивалась в последние десять лет с перспективой окончательной утраты статуса промышленно-ресурсной «полупериферии»[1]. С другой стороны, с точки зрения принципиальных тенденций развития неоглобальности, причем при большинстве ее рациональных сценариев, Постсоветская Евразия становится одним из важнейших регионов для обеспечения развития вновь формирующихся макрорегионов [Загашвили 2022] после первичной консолидации соответствующих пространств, т.е. на рубеже после 2030–2035-х годов. Это означает, что логика внешних сил будет определяться стремлением к обеспечению максимальной степени деструктурирования, демонтажа консолидирующих

1. Концепция разделения глобального геоэкономического пространства на триаду: «ядро»–«промышленно-ресурсная периферия»–ресурсная периферия, в течение ранних фаз глобализации рассматривалась как основная концепция развития. Этот подход фактически являлся базовым основанием для дальнейшей разработки концепта «мир-системы» [Медоуз, Медоуз, Рендерз, Беренс 1991; Валлерстайн 2018; Холл, Чейз-Данн; Chase-Dunn 1988, p. 61]. Впоследствии данные подходы были задвинуты на периферию концептом «плоского мира» [Friedman 2005]. В российском экспертном и академическом сообществе в рамках концепции «интеграции в глобализацию» также достаточно глубоко рассматривалась проблематика развития России именно в качестве страны промышленно-ресурсной периферии [Осокина, Макарейкина 2012; Цыганков 2012].

институтов и инструментов, имеющихся в Евразии, однако не доводя дело до полной хаотизации пространства.

Современное состояние дел в Постсоветской Евразии определяется сочетанием шести факторов.

– Окончательного распада «советских» экономических и технологических связей, что является результатом в том числе и их системного устаревания, деактуализации, разрыву связи с актуальной социальной и социально-экономической реальностью. Современная Евразия перестает быть Постсоветской, и это должно быть в полной мере осознано, прежде всего, советской элитой. Серьезное запаздывание в начале процессов реиндустриализации Евразии (семь–десять лет) привело к комплексной деградации социально-экономических систем. Евразия переживает переход: часть элит все еще находится в советской, но деградировавшей реальности, часть перешла на постсоветские рельсы, а часть выбилась из парадигмы советский–постсоветский и оказалась вне подсистемы, причем, как в формате псевдозападного постмодерна, так и в формате локально привычной архаики.

– Возникновения новой институциональности не только вокруг Евразии, но и внутри ее. Постсоветские евразийские интеграционные структуры уже не обладают институциональной монополией. Наиболее очевидным из этих новых центров консолидации является туркоцентричный «тюркский мир», навязанный Анкарой [Аватков, Сбитнева 2022а], однако он не единственный. Потенциально таким альтернативным пространством может стать проект «Междуморье», осуществляемый Польшей и стоящей за ним Великобританией.

– Формирования внутри системы евразийских интеграционных процессов институционализированных или близких к институционализации структур, отражающих процессы регионализации Евразии («Каспийская пятерка») при относительном ослабевании общеевразийских или претендующих на этот статус (например, ОДКБ).

– Почти всеобъемлющей, близкой к тотальной пространственной реализации гибридности в социальной, экономической и политической сферах [Евстафьев 2021], что делает невозможным решение проблем в одной из сфер развития без учета ситуации в других. Возникает ситуация комплексности узловых проблем развития, также затрагивающая проблематику управления и управленческой институционализации.

– Трансформации концепции политического суверенитета из чисто политико-правовой в идеологическую. Этот аспект ситуации в Евразии начал нарастать с начала 2010-х и к началу 2020-х годов приобрел для политических элит целого ряда стран болезненно-публичный характер. Причем, в ряде случаев, политизация вопросов суверенитета сопровождалась неспособностью к практической его реализации и фактической десуверенизацией некоторых

государств, что являлось прямым результатом попыток встроиться в либерально-глобалистский политический мейнстрим [Шумкоски 2022].

– Разделительных линий, формирующихся в мире [Аватков, Останин-Головня 2022], оказывающих непосредственное влияние и на Постсоветскую Евразию. Более того, все более отчетливо формируется естественный и подогреваемый извне разлом в подсистеме по линии Восток–Запад. Западная часть постсоветского пространства не приобрела черты подсистемности и оказалась либо в европейской матрице (Прибалтика), хотя бы и в ее деградантно-периферийном кластере, либо в российской (Белоруссия), либо переживает столкновение подсистем международных отношений (Украина). В свою очередь, Постсоветский Восток оказался более устойчив и имеет тенденцию к сохранению в качестве одного из слагаемых россиецентричной подсистемы международных отношений, несмотря на стремление извне изменить ситуацию и усиление архаики внутри.

Объективно Постсоветская Евразия сейчас более, чем когда-либо представляет собой привлекательный объект для геоэкономической экспансии, которая на деле сдерживается только относительно высоким уровнем неэкономических (социально-политических и силовых) рисков. Однако эта относительно благоприятная ситуация будет продолжаться только до момента полномасштабного развертывания глобальных трансформаций по другим регионам, что примерно сравнивает уровни соответствующих рисков, неизбежных в процессе формирования новой экономической географии мира [Ергин 2021].

В Евразии возникает более чем сложная ситуация многоуровневой конкуренции за право стать ядром или одним из ядер консолидации пространственно и ресурсно важного уже на данном этапе развития ситуации региона, а потенциально важного и с точки зрения промышленного потенциала. Однако реализация потенциала региона возможна только при сохранении относительно высокой степени интегрированности региона, недостижимой при сохранении нынешних тенденций развития [Евстафьев 2020] и ориентации только на экономическое взаимодействие, что являлось концептуальной основой ключевых идей евразийской интеграции. Решение этой задачи только на политическом уровне является практически невозможным.

Единый макрорегион в Постсоветской Евразии может и не сложиться или, во всяком случае, его появление может стать результатом сравнительно жесткого внутреннего противоборства, в котором определяющим фактором может стать способность к опережающей выработке релевантных организационных форматов и институциональных форм управления как новыми процессами развития Евразии, так и купирования ранее сформировавшихся рисков. Фрагментация и хаос служат интересам внерегиональных акторов, целью которых является подрыв интересов России.

Пять вызовов системам управления в Евразии

Ключевыми организационными вызовами процессам формирования макрорегиона в Евразии являются следующие.

– **Вызов геоэкономического многоцентрия,** что на уровне практической политики означает одновременное, как правило, конкурентное, сосуществование в рамках одного геоэкономического пространства, что не является уникальным для Евразии феноменом. Подобное положение существовало в Евразии на протяжении всего XIX в., как минимум до присоединения к России народов и государств Центральной Азии [Терентьев 2022][2], а как максимум до разгрома Циньского Китая коалицией европейских государств в ходе подавления восстания ихэтуаней в 1898–1901 гг. А затем восстановилось с началом оккупации Японией ряда провинций Китая. Однако в современных условиях геоэкономическое многоцентрие неизбежно будет опережающе формировать геополитическую многовекторность, поскольку речь идет о формировании устойчивых макрорегионов на основе комплексно защищенных пространств. Это означает теоретическую возможность развития на определенный относительно длительный период Евразии как системы пересекающихся множеств с различными институциональными обязательствами. При всей нежелательности данной ситуации для России с точки зрения ее стратегических цивилизационных интересов, вероятно, придется на обозримую перспективу исходить из того, что нашей стране не удастся полностью обеспечить безусловное доминирование в геополитическом, а тем более экономическом пространстве Евразии. Ключевой операционный вызов для России в связи с этим может быть сформулирован следующим образом:

необходимостью корректного совмещения в уже формально имеющихся и вновь создаваемых общеевразийских и субрегиональных институтах геоэкономической, коммерческой и политической составляющей, особенно учитывая, что в вопросах обеспечения безопасности Россия все еще обладает существенным потенциалом, несмотря на завязанность значительной части этого потенциала на решение задач Специальной военной операции на Украине и сдерживание «Объединенного Запада».

Это означает необходимость приоритетного наполнения новым содержанием тех военно-политических институтов, которые уже созданы в Евразии

2. В данной книге дореволюционного российского историка Михаила Африкановича Терентьева прекрасно описаны в том числе механизмы экономически значимых манипуляций в «пульсирующей» «серой зоне» влияния в Центральной Азии, используемой и носителями внешних по отношению к региону интересов, и местными силами.

и видоизменения их функций с учетом обеспечения защиты пространства от рисков гибридных войн, кибертерроризма и низкоинтенсивных силовых рисков.

– Необходимость выработки механизмов включения в контур управления развитием крупных корпоративных систем на базе различных форм собственности и инвестиционных ресурсов, формирующихся на территории Постсоветской Евразии, причем как государственных или межгосударственных, так и частных, в том числе принадлежащих «внешним» по отношению к Евразии инвесторам. Это принципиально новая задача, поскольку в советское время и даже в постсоветское на пространстве Евразии существовали лишь псевдокорпоративные системы, которые фактически были частными случаями отраслевого управления. Их важнейшая проблема была даже не в том, что они лишь частично развивались в коммерческом контуре, сохраняя в основе своей «огосударствлённый» характер, а в том, что в основе своей они были нацелены не на развитие и, тем более не на участие в качестве инвестора в процессах реиндустриализации Евразии, а лишь на поддержание в относительно дееспособном состоянии советского индустриального наследства. Главный операционный вызов в связи с этим может быть сформулирован как:

необходимость поиска адекватных пространству Евразии и актуальному положению дел форматов, возможно уникальных, под каждый крупный проект частно-государственного партнерства и привлечения внерегиональных инвестиций в рамках среднесрочной стратегии развития.

Второй операционный вызов, который во многом вытекает из первого:

необходимость возврата к идеям создания крупных евразийских корпораций, действующих в рамках коммерческого контура развития, но на базе государственных инвестиционных ресурсов по ключевым направлениям развития экономики одновременно нескольких стран Евразии, когда возможности привлечения коммерческих инвестиций минимальны.

Такие корпорации уже сейчас были бы востребованы в сфере развития логистики, высоких технологий, машиностроения, химической промышленности [Камалян, Цыбульник, Пак 2022].

Оба эти вызова предполагают наличие в России и у ее партнеров управленческого контура стратегического развития, позволяющего осуществлять управление развитием важнейших отраслей не на базе полного их огосударствления (национализации), а с учетом сложившихся экономических реалий и наличия возможностей привлечения инвестиционных ресурсов извне. Риски в этом контексте связаны с конкурирующими и соседствующими проектами, например – турецкого хаба [Аватков, Сбитнева 2022] или китайского пояса и пути.

– Вызов суверенизации или, при определенных условиях, даже национализации надпространственных систем, таких как информационное общество, финансово-инвестиционная система, социокультурная среда. Это в том

числе связано с противодействием механизмам гибридных войн на низком уровне задействования военно-силовых инструментов, которые являются естественным инструментарием для деструктурации пространства, разрушения свойственных ему социально-экономических институтов. Данный вызов уже сейчас существует для всех стран постсоветского пространства в отдельности, однако является второстепенным, поскольку может быть, если не решен, то существенно смягчен в рамках организационно-юридических мер [Безруков, Мамонов, Сучков, Сушенцов 2021].

Следует учитывать, что суверенитет и государственность остаются ключевыми сегментами идейно-ценностного поля государств Постсоветского Востока [Аватков 2019], в связи с этим наиболее сложным вызовом является развитие интеграции с учетом указанной специфики, являющейся болезненной для местных элитных групп.

В условиях реализации хотя бы в мягкой форме принципов коалиционного суверенитета, данный вопрос становится ключевым и будет требовать согласованных подходов к его разрешению в рамках того, что можно было бы назвать «коалиционный суверенитет» [Евстафьев 2023]. В определенной мере это является положительным моментом: выработка единых политико-правовых подходов к нейтрализации вызовов, связанных с надпространственными системами с учетом осознания большинством элит постсоветской Евразии степени угрозы, представляется менее проблематичным вопросом, нежели унификация «пространственного» законодательства. Однако на практическом уровне главный вызов в данном случае может быть сформулирован следующим образом:

обеспечение коалиционного суверенитета в отношении глобализированных надпространственных систем не может быть достигнуто вне институциональных рамок, создающих синергичную директивность наднациональных решений на национальном уровне.

В действительности формирование регулятивных платформ для надпространственных систем не является задачей, которую придется решать с нуля. В рамках различных проектов евразийской интеграции подобные вопросы неоднократно рассматривались [Смирнова 2023], но не считались приоритетными.

В последние полтора-два года на фоне резкого обострения проблем социоинформационных манипуляций стало очевидно, что формирование системы надпространственной защищенности для Евразии должно носить опережающий характер как по чисто прагматическим причинам (защищенность финансового рынка, инвестиционного пространства и систем управления), так и с точки зрения сохранения традиционных для Евразии социокультурных идентичностей, а с ними – и естественных для нее социальных институтов. Надпространственная защищенность тесно связана с необходимостью совместного формирования новой идентификации государств и народов Постсоветской

Евразии, в связи с чем повышается значение гуманитарного фактора в целом, без которого экономическое поле окажется в уязвимости.

– Синергичное управление социальными процессами. Обрушение остатков социальной инфраструктуры советского времени в Евразии является свершившемся фактом. Это означает невозможность в дальнейшем рассчитывать на рудименты «советскости» в качестве страховочных механизмов против возрождения агрессивной социальной архаики и хаотизации на этой основе значимых в геоэкономическом отношении пространств. Утрата единого понимания социальной модели для постсоветских государств уже сейчас является крайне чувствительным. Но этот фактор еще больше усилит свое влияние в случае начала процессов реиндустриализации и экономической модернизации Евразии, естественных при любом сценарии формирования геоэкономического макрорегиона / макрорегионов на постсоветском пространстве и в целом вокруг Евразии. Создание безусловно не интегрированной на первом этапе, но как минимум синергичной системы управления социальным развитием, является не просто естественным, но критическим условием построения полноценного макрорегиона в Евразии. В противном случае будут возникать опасные асимметрии в социальном развитии включенных в контур модернизации государств, что будет иметь и вполне понятные операционные последствия: от роста ксенофобии в фокусных регионах модернизации до неконтролируемой миграции. Главный организационный вызов может быть сформулирован следующим образом:

необходимостью создания системы координации социальной и, в меньшей степени, социокультурной сферы на основании общего понимания задач развития, не нарушая принципов национального суверенитета.

Это подразумевает поиск специфических, прежде всего управленческих, форм и форматов взаимодействия в фокусных сферах социального развития, главной из которых видится среднее и среднетехническое образование. Выбор корректной модели институционализации становится в данном случае критичным. Но опыта создания такой системы социального управления в рамках сохранения цивилизационного многообразия нет не только в Евразии, но и в целом – в мире, и это видится не просто организационным, но и интеллектуальным вызовом.

– Необходимость формирования контура среднесрочного управления и планирования, что является критическим условием для формирования в Евразии полноценного инвестиционно-технологического ядра, поскольку окончательное оформление геоэкономических макрорегионов – не только и не столько формирование защищенных от внешнего социоинформационного и социального воздействия пространств, сколько установление внутри этих пространств собственных технологических стандартов [Безруков 2019].

Но это означает критическую необходимость среднесрочного планирования инвестиционной деятельности, нового планового районирования переосваиваемых пространств и формирования плановой системы подготовки и перемещения квалифицированных кадров внутри евразийского промышленного ядра, а в перспективе – и промышленно-ресурсной внутренней полупериферии. А это недостижимо без той или иной степени институционализации, что является серьезным вызовом для системы управления в Евразии, однако не принципиально новым. Значительные «заделы» в этой области имелись в советский период, в особенности в период 1960–1970-х годов в ходе незавершенной третьей волны промышленной модернизации в Евразии. Однако в современных условиях этот вызов естественным образом трансформируется в следующее понимание проблемы.

Среднесрочное планирование и управление развитием должно исходить из неизбежности формирования в геоэкономическом пространстве Евразии конкурентной среды и до известной степени должно быть инструментом конкуренции с сопредельными потенциально опасными для целостности Евразии центрами экономической консолидации.

Это означает критичность реализации целого ряда пионерных межгосударственных проектов в принципиально иной, специально создаваемой проектной среде, которая бы регулировалась специфическим международным законодательством.

Другим аспектом данного вызова является:

отсутствие вариантов реализации институционализованного планирования развития на основе прямой директивности и необходимость учета многоформатности субъектов экономического развития как с точки зрения формы собственности, так и с точки зрения представляемых интересов. Планирование развития преимущественно должно вестись в условиях рыночной среды с учетом мультирегиональной (мультицивилизационной) специфики.

В таком понимании данный вызов является для Евразии совершенно уникальным, во всяком случае для последних 150 лет.

Вместо заключения

На практическом уровне новая геоэкономическая ситуация в Евразии, формирующаяся на наших глазах, ставит на повестку дня следующую политико-управленческую задачу:

обеспечение высокого уровня влияния России в системе политических и экономических институтов, которые будут в обозримой перспективе создаваться в Постсоветской Евразии, в том числе и тех, где Россия не будет иметь безусловного лидерства.

Это представляет собой существенный вызов для российской политики в Евразии, которая традиционно была построена на отношениях с личностями, нежели с обществами и ситуативных договоренностей по сравнению с долгосрочным взаимодействием в рамках политических институтов. Это достаточно очевидно по серьезному замедлению проекта ЕАЭС после того, как к нему потеряли интерес ключевые персоналии и элитные кланы других государств. При этом необходимо иметь в виду, что силы, которые будут в обозримой перспективе партнерами-конкурентами России в институциональном взаимодействии в Евразии (Китай, Иран и Турция, если сохранят внутриполитическую стабильность), обладают более высоким уровнем развития технологий управления институциональностью. Будущее будет за балансом между восточным подходом ориентации на личности и институциональным регулированием западного типа.

Принципиальными представляются три вывода-предположения, вокруг которых может быть построена последующая дискуссия.

Первое. На сегодняшний день нет предопределенности не только в отношении того, что Россия инвариантно будет центром геоэкономической, а значит – геоэкономической консолидации в Евразии, но и в отношении того, что в Евразии будет только один центр консолидации. Достижение этого целевого состояния – Россия – ядро макрорегиона «Евразия», находящиеся в устойчивых конструктивных взаимоотношениях с соседними макрорегионами – подразумевает значительные усилия, выходящие за рамки только экономического или только политического управления.

Второе. Ключ к получению преимуществ в конкуренции – способность к релевантному условиям современной Евразии опережающему организационному оформлению новых политико-экономических отношений. И в этом смысле ориентация на те формы институционализации, которые были характерны для предыдущего исторического периода и не учитывали новые реалии, включая новые технологии управления и изменившийся характер пространства, будет пагубной. Одним из аспектов является выработка специфических подходов к управлению процессами в «серых зонах», возникающих на стыках макрорегионов, где механизмы управления не могут развиваться в рамках классического суверенитета.

Третье. Вопросы координации взаимодействия в социальных вопросах становятся из периферийных одними из наиболее важных, что превращает вопрос о евразийской интеграции из чисто экономического в социально-экономический, что должно в той или иной степени быть реализовано институционально.

Библиография

Аватков В.А. Идейно-ценностный фактор в тюркских государствах постсоветского пространства // Мировая политика. 2019. № 4. С. 1–12.

Аватков В.А., Останин-Головня В. Дихотомия «Восток–Запад». Идейно-ценностное измерение мировой политики // Свободная мысль. 2022. № 3(1693). С. 115–120.

Аватков В.А., Сбитнева А.И. Коридоры турецкого влияния: евроазиатский путь Анкары // Геоэкономика энергетики. 2022. Т. 19. № 3. С. 6–20.

Аватков В.А., Сбитнева А.И. Новый национализм Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружба народов. 2022а. Т. 24. № 2. С. 291–302.

Безруков А.О. России нужна технологическая дипломатия // Деловая газета «Взгляд». 4 июня 2019. URL: https://vz.ru/opinions/2019/6/4/980757.html?ysclid=lfnyx5lanw833641423 (дата обращения: 19.01.2023).

Безруков А.О., Мамонов М.В., Сучков М.А., Сушенцов А.А. Суверенитет и цифра // Россия в глобальной политике. 2021. № 2. Март-апрель. URL: https://globalaffairs.ru/articles/suverenitet-i-czifra/ (дата обращения: 21.03.2023).

Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение / пер. с англ., вступ. ст. и прилож. Г.М. Дерлугъяна. Изд. 2-е, испр. М.: УРСС, ЛЕНАНД. 2018. 304 с.

География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы: коллект. моногр. / под ред. В.А. Колосова, Н.А. Слуки. М. Смоленск: Ойкумена. 2016. 400 с.

Ергин Д. Новая карта мира: Энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций / пер. с англ. М.: Интеллектуальная литература. 2021. 444 с.

Евстафьев Д.Г. Глобальные геоэкономические трансформации и Евразия: риски и задачи для России // Казанский экономический вестник. 2021. № 2 (52). С. 33–44.

Евстафьев Д.Г. Коалиционный суверенитет Евразии в эпоху «постэкономики» // Евразия.Эксперт: [аналитич. портал]. 2023. 30 янв. URL: https://eurasia.expert/koalitsionnyy-suverenitet-evrazii-v-epokhu-postekonomiki/?sphrase_id=50841 (дата обращения: 20.02.2023).

Евстафьев Д.Г. Новая Евразия как глобальное конкурентное пространство: перспективы и возможности сохранения интегрированности // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 2. С. 62–76.

Загашвили В. Экономическая глобализация и региональная интеграция в постковидную эпоху // Мировая экономика и международные отношения, 2022. Т. 66. № 4. С. 5–13.

Зарубина Н.Н., Кравченко С.А. «Новое варварство» в цивилизационной перспективе: воздействие на человеческий капитал // Полис. Политические исследования. 2022. № 1. С. 31–44.

Камалян А., Цыбульник Л., Пак А. Промышленная политика Евразийского экономического союза // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 11. С. 28–40.

Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рендерз Й., Беренс В. Пределы роста / пер. с англ; предисл. Г.А. Ягодина. М.: Издательство МГУ. 1991. 207 с.

Осокина Н.В., Макарейкина М.Р. Обзорный анализ теоретических исследований в области перспектив модернизации России // Экономическая наука современной России. 2012. № 3(58). С. 46–59.

Смирнова И. Цифровая интеграция: как в Евразийском союзе борются с киберпреступностью // Евразия.Эксперт: [аналитич. портал]. 2023. 6 фев. URL: https://eurasia.expert/kak-v-evraziyskom-soyuze-boryutsya-s-kiberprestupnostyu/?sphrase_id=50845 (дата обращения: 20.03.2023).

Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. М.: Т8 Издательские технологии RUGRAM. 2022. 200 с.

Холл Т., Чейз-Данн К. Историческое развитие мировых систем // Архив философии истории: персональный сайт проф. Н.С. Розова. URL: http://www.nsu.ru/filf/rpha/papers/dyn/evol-w.htm. (дата обращения: 15.02.2023).

Цыганков В.В. Миросистемный анализ: «твёрдое ядро» и «защитный пояс» // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). С. 95–101.

Шумкоски Г. Глобальный трансфер неолиберальных моделей и доктрина суверенного государства // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2022. № 4 (22). С. 771–787.

Chase-Dunn C. Comparing World-Systems: Toward a Theory of Semiperipheral Development // Comparative Civilisation Review. 1988. V. 19. № 19. P. 29–66.

Friedman T. The world is Flat. NY: Farrar, Straus and Giraux. 2005. 488 p.

Haas R. How a World Order Ends. And What Comes in Its Wake // Foreign Affairs. 2019. January/February. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends?cid=int-nbb&pgtype=hpg (дата обращения: 13.02.2023).

Kaplan Robert D. The Anarchy that Came // The National Interest. 2018. October 21. URL: https://nationalinterest.org/feature/anarchy-came-33872 (дата обращения: 10.01.2023).

References

Avatkov V.A. Idejno-cennostnyj faktor v tyurkskih gosudarstvah postsovetskogo prostranstva [Ideological and Value Factor in the Turkic States of the Post-Soviet Space]. Mirovaya politika [World Politics]. 2019. N 4. P. 1–12. (In Russ.)

Avatkov V.A., Ostanin-Golovnya V. Dihotomiya «Vostok-Zapad» idejno-cennostnoe izmerenie mirovoj politiki [Dichotomy «East-West» ideological and value dimension of world politics]. Svobodnaya mysl' [Free thought]'. 2022. N 3 (1693). P. 115–120. (In Russ.)

Avatkov V.A., Sbitneva A.I. Koridory tureckogo vliyaniya: evroaziatskij put' Ankary [Corridors of Turkish Influence: Ankara's Eurasian Path]. Geoekonomika energetiki [Geoeconomics of energy]. 2022. V. 19. N 3. P. 6–20. (In Russ.)

Avatkov V.A., Sbitneva A.I. Novyj nacionalizm Tureckoj Respubliki [The new nationalism of the Republic of Turkey]. Vestnik rossijskogo universiteta druzhba narodov [Bulletin of the Russian University Friendship of Peoples]. 2022. V. 24. N 2. P. 291–302. (In Russ.)

Bezrukov A. Rossii nuzhna tekhnologicheskaya diplomatiya [Russia needs technological diplomacy]. Delovaya gazeta «Vzglyad». [Business newspaper «Sight»]. 2019. June 4. URL: https://vz.ru/opinions/2019/6/4/980757.html?ysclid=lfnyx5lanw833641423 (date of access: 22.03.2023). (In Russ.)

Bezrukov A.O., Mamonov M.V., Suchkov M.A., Sushencov A.A. Suverenitet i cifra [Sovereignty and digital]. Rossiya v global'noj politike [Russia in global affairs]. 2021. N 2. URL: https://globalaffairs.ru/articles/suverenitet-i-czifra/ (date of access: 21.03.2023). (In Russ.)

Chase-Dunn C. Comparing World-Systems: Toward a Theory of Semiperipheral Development. Comparative Civilisation Review. 1988. V. 19. N 19. P. 29–66.

Cygankov V.V. Mirosistemnyj analiz: «tvyordoe yadro» i «zashchitnyj poyas» [World system analysis: «solid core» and «protective belt»]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. 2012. N 4 (20). P. 95–101. (In Russ.)

Ergin D. Novaya karta mira: Energeticheskie resursy, menyayushchijsya klimat i stolknovenie nacij. [New World Map: Energy Resources, Changing Climate and Clash of Nations]. Moscow: Intellektual'naya literatura [Intellectual literature]. 2021. 444 p. (In Russ.)

Evstaf'ev D. Koalicionnyj suverenitet Evrazii v epohu «postekonomiki» [Coalition sovereignty of Eurasia in the era of «post-economy»]. Evraziya.Ekspert: analytical portal. 2023. January 30 URL: https://eurasia.expert/koalitsionnyy-suverenitet-evrazii-v-epokhu-postekonomiki/?sphrase_id=50841 (date of access: 20.03.2023). (In Russ.)

Evstaf'ev D.G. Global'nye geoekonomicheskie transformacii i Evraziya: riski i zadachi dlya Rossii [Global Geoeconomic Transformations and Eurasia: Risks and Challenges for Russia]. Kazanskij ekonomicheskij vestnik [Kazan economic bulletin]. 2021. N 2 (52). P. 33–44. (In Russ.)

Evstaf'ev D.G. Novaya Evraziya kak global'noe konkurentnoe prostranstvo: perspektivy i vozmozhnosti sohraneniya integrirovannosti [New Eurasia as a global competitive space: prospects and opportunities for maintaining integration]. Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of the Russian State University. Series: Political science. Story. International relationships]. 2020. N 2. P. 62–76. (In Russ.)

Friedman T. The world is Flat. NY: Farrar, Straus and Giraux. 2005. 488 p.

Geografiya mirovogo hozyajstva: tradicii, sovremennost', perspektivy [Geography of the world economy: traditions, modernity, prospects]: collective monograph. Ed. V.A. Kolosova, N.A. Sluki.. M. Smolensk: Ojkumena. 2016. 400 p. (In Russ.)

Haas R. How a World Order Ends. And What Comes in Its Wake. Foreign Affairs. 2019. January/February. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends?cid=int-nbb&pgtype=hpg (date of access: 13.02.2023).

Holl T., Chejz-Dann K. Istoricheskoe razvitie mirovyh system [Historical development of world systems]. Arkhiv filosofii istorii: personal'nyi sait prof. N.S. Rozova [Philosophy of History Archive: personal site of prof. N.S. Rozov]. URL: http://www.nsu.ru/filf/rpha/papers/dyn/evol-w.htm. (date of access: 15.02.2023). (In Russ.)

Kamalyan A., Cybul'nik L., Pak A. Promyshlennaya politika Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza [Industrial Policy of the Eurasian Economic Union]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations]. 2022. V. 66. N 11. P. 28–40. (In Russ.)

Kaplan Robert D. The Anarchy that Came. The National Interest. 2018. October 21. URL: https://nationalinterest.org/feature/anarchy-came-33872 (date of access: 10.01.2023).

Medouz D.H., Medouz D.L., Renderz J., Berens V. Predely rosta [Limits of growth]. Foreword by G.A. Yagodin. Moscow: Izdatel'stvo MGU [MSU Publishing House]. 1991. 207 p. (In Russ.)

Osokina N.V., Makarejkina M.R. Obzornyj analiz teoreticheskih issledovanij v oblasti perspektiv modernizacii Rossii [Overview analysis of theoretical research in the field of prospects of modernization of Russia]. Ekonomicheskaia nauka sovremennoi Rossii [Economic science of modern Russia]. 2012. N 3 (58). P. 46–59. (In Russ.)

Shumkoski G. Global'nyj transfer neoliberal'nyh modelej i doktrina suverennogo gosudarstva [Global transfer of neoliberal models and the doctrine of the Sovereign State]. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations]. 2022. N 4 (22). P. 771–787. (In Russ.)

Smirnova I. Cifrovaya integraciya: kak v Evrazijskom soyuze boryutsya s kiberprestupnost'yu [Digital integration: how the Eurasian Union is fighting cybercrime]. Evraziya.Ekspert: analytical portal. 2023. February 6. URL: https://eurasia.expert/kak-v-evraziyskom-soyuze-boryutsya-s-kiberprestupnostyu/?sphrase_id=50845 (date of access: 20.03.2023). (In Russ.)

Terent'ev M.A. Rossiya i Angliya v Srednej Azii [Russia and England in Central Asia]. Moscow: T8 Izdatel'skie tekhnologii RUGRAM [T8 Publishing Technologies RUGRAM]. 2022. 200 p. (In Russ.)

Vallerstajn I. Mirosistemnyj analiz. Vvedenie. [World system analysis. Introduction]. Introductory article, preface by G.M.Derlug"yan. Ed. 2, revised. Moscow: URSS, LENAND [URSS, LENAND]. 2018. 304 p. (In Russ.)

Zagashvili V. Ekonomicheskaya globalizaciya i regional'naya integraciya v postkovidnuyu epohu [Economic globalization and regional integration in the post-COVID era]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2022. V. 66. N 4. P. 5–13. (In Russ.)

Zarubina N.N., Kravchenko S.A. «Novoe varvarstvo» v civilizacionnoj perspektive: vozdejstvie na chelovecheskij kapital. [«New Barbarism» in Civilization Perspective: Impact on Human Capital]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Policy. Political studies]. 2022. N 1. P. 31–44. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2023.03.05

Н.А. Коровникова

ЗЕЛЕНАЯ ЭНЕРГЕТИКА ЕС В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА: ЦЕЛИ, РЕАЛИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *Рост международной напряженности в результате санкционной конфронтации стран Европейского союза (ЕС) и Российской Федерации, эскалации российско-украинского конфликта и развертывания военной операции на Украине, в которые оказались вовлечены европейские державы, оказывают неизбежное деструктивное влияние на все системообразующие сектора европейской экономики, важнейшим из которых является энергетика и ее «зеленая» составляющая.*

В данном контексте рассмотрены ключевые положения и цели «зеленой стратегии», основы которой были заложены еще в доконфликтный период в 2019–2021 гг. в программах «European Green Deal» и «Fit for 55» (в том числе достижение углеродной нейтральности к 2050 г.). А позднее в 2022 г. дополнены еще более претенциозными положениями, сформулированными в плане для ЕС Международного энергетического агентства и в европейском REPowerEU plan, основной целью которых является сокращение и постепенный отказ от импорта энергоносителей из России.

Показаны противоречия энергетического перехода ЕС в русле «зеленой сделки» на фоне российско-украинского конфликта, а именно: одобрение «зеленого знака» ЕС для ядерной и газовой энергетики, а также частичная ревитализация угольной промышленности на территории стран Союза.

Отмечается, что перспективы зеленой энергетики ЕС в сложившихся конфликтогенных условиях обусловлены целым рядом факторов, в их числе поиск новых альтернатив и партнеров в энергетическом секторе; неоднозначная оценка «зеленого курса»; угроза раскола с США и расхождения внутри ЕС «с зеленым окрасом».

В заключении утверждается, что будущее европейской зеленой энергетики в значительной степени зависит от дальнейшего развития событий на международной арене.

Ключевые слова: *«зеленая сделка»; зеленая энергетика; энергопереход; российско-украинский конфликт; Европейский союз.*

**Коровникова Наталья Александровна – кандидат политических наук,
ведущий научный сотрудник Отдела экономики,
Институт научной информации по общественным наукам
(ИНИОН) РАН, доцент кафедры экономики и управления,
Московский институт экономики, политики и права (МИЭПП).
Россия, Москва.
E-mail: natalia.kor@list.ru
ORCID 0000-0003-1136-593X
Web of Science Researcher ID AAA-4233-2019**

Korovnikova N.A. Eu green energy in the context of the Russian-Ukrainian conflict: goals, realities, prospects

Abstract. *The growth of international tension as a result of the sanctions confrontation between the countries of the European Union (EU) and the Russian Federation, the escalation of the Russian-Ukrainian conflict, and the deployment of a military operation in Ukraine, in which the European powers were involved, have an inevitable destructive effect on all system-forming sectors of the European economy, the most important of which is energy and its «green» component.*

In this context, the paper considers the key provisions and goals of the «green strategy», the foundations of which were laid in the pre-conflict period of 2019–2021 in the programs «European Green Deal» and «Fit for 55» (including the achievement of carbon neutrality by 2050), which later, in 2022, have been supplemented with even more ambitious provisions formulated in the plan for the EU by the International Energy Agency and in the REPowerEU plan, the main goal of which is to reduce and gradually phase out energy imports from Russia.

The article shows the contradictions of the EU energy transition in line with the «green deal» against the backdrop of the Russian-Ukrainian conflict, namely: the approval of the «green sign» of the EU for nuclear and gas energy, as well as the partial revitalization of the coal industry in the Union countries.

It highlights that the prospects for EU green energy in the current conflict-generating conditions depend on a number of factors, including the search for new alternatives and partners in the energy sector; ambiguous evaluation of the «green course»; the threat of a split with the US, and divergence within the EU «with a green color».

In conclusion, the article argues that the future of European green energy largely depends on further developments in the international arena.

Keywords: *«green deal»; green energy; energy transition; Russian-Ukrainian conflict; European Union.*

**Korovnikova Natalia Alexandrovna – Candidate of Political Sciences
(PhD in political sciences), Leading researcher of the department of economics,
Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAS), associate professor of the department of economics
and management, Moscow Institute of Economics, Politics and Law (MIEPL).
Russia, Moscow.**

E-mail: natalia.kor@list.ru
ORCID 0000-0003-1136-593X
Web of Science Researcher ID: AAA-4233-2019

Введение

В 2022 г. Европейский союз (ЕС) оказался непосредственно вовлечен в военный конфликт на Украине, приняв решение о единодушной поддержке украинской стороны «до самой ее победы»[1] [Мухин 2022]. Такая позиция европейского альянса существенно усилила конфронтацию с Российской Федерацией, что по «принципу домино» крайне негативно отразилось на системообразующих секторах европейской экономики, основным из которых является энергетика.

В сложившейся ситуации особую актуальность приобретают вопросы реализации европейской «зеленой сделки» (англ. European Green Deal)[2], которая предполагает достижение долгосрочных целей в альтернативном энергетическом секторе ЕС. С одной стороны, данный курс оказался под угрозой в свете разрыва торгово-экономических отношений с Россией. С другой стороны, существенно возросла необходимость укрепления внутренней энергетической безопасности ЕС во многом за счет ускорения темпов энергоперехода.

В данной работе рассматриваются ключевые цели и приоритеты энергетического перехода европейских государств в ракурсе стратегии «зеленой сделки». Показаны последствия для ее реализации российско-украинского конфликта и санкционного противоборства с Россией. В фокусе находятся противоречия и перспективы энергоперехода стран ЕС в контексте сложившейся геополитической обстановки.

«Зеленая сделка» ЕС: основные положения и приоритеты

Приоритетные цели развития европейской зеленой энергетики и формирования экологически устойчивой экономики ЕС были сформулированы еще в декабре 2019 г., когда Европейская комиссия (ЕК) представила довольно амбициозный пакет мер, известный как «зеленая сделка», включающий следующие положения [Пискулова 2021]:

1. 15 ноября 2022 г. на саммите министров обороны ЕС были выработаны основные положения по поддержке Украины «в кризисной ситуации», которые легли в основу программы «Миссия военной помощи ЕС» (EUMAM), стоимость которой достигает 107 млн евро [Мухин 2022].

2. В выбранном ракурсе понятия «зеленая сделка», «зеленый курс», «зеленая стратегия», «зеленый план», «зеленая трансформация» синонимичны.

– обеспечение климатической нейтральности к 2050 г., которая подразумевает нулевую эмиссию углерода;

– декаплинг (разрыв корреляции между объемом ресурсопотребления и темпами экономического роста);

– курс на энергетический переход, в ходе которого предполагается структурная трансформация энергетической системы за счет постепенного сокращения традиционных источников энергии и увеличения доли альтернативных первичных источников в общем объеме энергопотребления;

– разработка и применение широкого спектра политических мер и предоставление субсидий, направленных на стимулирование исследований и инвестиций в экологически чистые технологии и др.

По прошествии двух лет, а именно 14 июля 2021 г., ЕК представила обновленную климатическую программу общеизвестную как «Fit for 55», которая содержала в себе еще более далеко идущие цели, а именно [Wilson 2022, p. 2; Европейская климатическая программа Fit for 55 2021]:

– сокращение к 2030 г. выбросов углерода на территории ЕС не менее чем на 55% по сравнению с показателями 1990-х годов;

– удаление к 2030 г. естественными поглотителями (лесные массивы, почвенные и водные ресурсы) эквивалента 310 млн т выбросов двуокиси углерода (CO2);

– разработка и внедрение трансграничного углеродного регулирования (ТУР), подразумевающего налоговые сборы с импортируемых странами ЕС товаров в соответствии с их «углеродным следом»[3], в частности уже в 2023 г. планируется применять принципы ТУР в отношении импорта стали, цемента, удобрений и алюминия;

– расширение европейской системы торговли квотами на выбросы парниковых газов (англ. EU ETS, European Union Emission Trading Scheme) за счет включения новых секторов – автомобильного, авиационного и судоходного;

– стимулирующие меры для перехода европейских юридических и физических лиц к использованию возобновляемых источников энергии и электромобилей (в том числе остановка продаж бензиновых и дизельных автомобилей к 2035 г., а также введение норм, направленных на повышение доступности зарядных станций и водородных заправок).

Представляется, что реализация целей «зеленой стратегии» ЕС оказалась под угрозой еще до начала военной операции на Украине 24 февраля 2022 г. вследствие не только геоэкономических (нарастание санкционной конфронтации с Россией), а также эпидемиологических и климатических факторов

3. В данном случае углеродный или карбоновый след (англ. carbon footprint) товара – это совокупность прямых или косвенных углеродных выбросов импортируемых продуктов.

(распространение COVID-19, холодная зима 2020–2021 гг.). В связи с этим уже в доконфликтный период стало очевидно, что переход ЕС к «чистой экономике» потребует существенных финансовых вложений, поэтому ЕК предложила создать фонд в размере 144,4 млрд евро до 2032 г. для смягчения социально-экономических последствий энергоперехода [Европейская климатическая программа Fit for 55 2021].

Нарастание напряженности российско-украинского конфликта в 2022 г. заставило ЕС, который находился в существенной зависимости от российского газа[4], срочно задуматься о поиске новых партнеров в энергетической сфере. В марте 2022 г. Международное энергетическое агентство (МЭА, англ. International Energy Agency, IEA) разработало для Евросоюза план из десяти пунктов по сокращению зависимости европейских стран от газа из РФ не менее чем на 50 млрд м^3 в год [A 10-Point Plan 2022]. Позднее основные положения данного плана были учтены при составлении европейской программы REPowerEU (см. ниже), в их числе: отказ от заключения долгосрочных контрактов на импорт газа из России и его замена «голубым топливом» от «альтернативных поставщиков» и из альтернативных источников (биометан, биогаз, низкоулеродный водород), форсированное наполнение европейских подземных газовых хранилищ (ПХГ), интенсификация развития сектора возобновляемых источников энергии (реализация проектов ветровой, солнечной, био- и ядерной энергетики, повышение энергетической эффективности предприятий, уменьшение температуры отопления производственных и жилых помещений на 1°C и др.) [A 10-Point Plan 2022].

Кульминацией стало предложение 18 мая 2022 г. европейского плана по отказу от российских энергоресурсов – REPowerEU plan, состоящего из четырех тематических блоков [REPowerEU Plan 2022, p. 3–12]:

– *энергосбережение* (англ. save energy) за счет сокращения потребления энергоресурсов и повышения ресурсоэффективности, для стимулирования которого запланировано увеличить с 9 до 13% обязательный целевой показатель энергоэффективности и понизить ставки НДС на экономичные системы отопления, бытовые приборы и продукты;

– *диверсификация энергоснабжения* (англ. diversify supplies) за счет увеличения объемов импорта сжиженного природного газа (СПГ), а в перспективе и зеленого водорода; формирование «энергетической платформы» ЕС по трем направлениям: структурирование спроса на энергоносители с применением цифровых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ); оптимизация инфраструктуры импорта, хранения и транспортировки газа; долгосрочные соглашения с новыми партнерами (см. ниже);

4. Так, по расчетам МЭА, доля России в импорте газа ЕС на 2021 г. составляла 45% [Макеев 2022].

– *ускорение внедрения возобновляемых источников энергии и темпов энергоперехода* (англ. quickly substitute fossil fuels by accelerating Europe's clean energy transition) за счет увеличения доли регенеративных энергоносителей с 40 до 45% к 2030 г. (на основе полной реализации вышеизложенных предложений «зеленой сделки» и Fit for 55) вследствие интенсивного развития ветровой и солнечной энергетики[5], возобновляемого водорода[6]и биоэнергетики[7]; модернизации систем централизованного и индивидуального теплоснабжения, а также использования промышленного тепла;

– *сбалансированная политика инвестиций и реформ или «разумных инвестиций»* (англ. smartly combine investments and reforms), которая влечет за собой дополнительные вложения в размере 210 млрд евро в период до 2027 г. сверх того, что необходимо для реализации целей Fit for 55.

В рамках REPowerEU страны ЕС намерены мобилизовать в общей сложности до 300 млрд евро, из этой суммы около 10 млрд евро нацелены на финансирование инфраструктуры для газа, СПГ и нефти, остальные средства предполагается направить на ускорение перехода к чистой энергии [Кеффер 2022]. По планам Брюсселя, реализация REPowerEU позволит странам ЕС не только ускорить темпы «зеленой трансформации», но и отказаться от российских поставок энергоресурсов уже к 2030 г. [Катков 2022]. Однако достижение показателей, установленных в документации «зеленой стратегии», в указанные сроки вызывает серьезные сомнения в контексте текущей геополитической обстановки и экономической нестабильности.

Противоречия европейской «зеленой энергетики»

На фоне развертывания российско-украинского конфликта претенциозные планы[8] ЕС по отказу от российских энергоносителей несут в себе существенные риски для европейского энергетического сектора и, как следствие, для зеленой энергетики, развитие которой в транзитный период потребует

5. В частности, в REPowerEU поставлена цель внедрить более 320 ГВт новых солнечных фотоэлектрических установок к 2025 г. [REPowerEU Plan 2022, p. 6].

6. В рамках REPowerEU поставлена цель к 2030 г. производить 10 млн т внутри Союза (и столько же импортировать) возобновляемого водорода, который рассматривается как один из наиболее перспективных альтернативных источников энергии [REPowerEU Plan 2022, p. 7].

7. Биоэнергетика составляет 60% возобновляемой энергии в ЕС, поэтому считается доступным и стабильным внутриевропейским источником энергии, применение которого будет демонстрировать умеренный, но непрерывный рост до 2030 г. [REPowerEU Plan 2022, p. 8].

8. В частности, предполагается к концу 2022 г. отказаться от импорта российского угля и нефти и уже к началу 2023 г. в 3 раза сократить ввоз «голубого топлива» из РФ [Катков 2022].

значительных объемов газа. Попытки стран – участниц ЕС преодолеть назревающий энергетический кризис на практике вызвали противоречия, которые ставят под вопрос сроки и масштабы европейской «зеленой стратегии».

Одним из наиболее очевидных противоречий стало одобрение со стороны большинства депутатов Европарламента (328 голосов против 278) на пленарном заседании в Страсбурге 6 июля 2022 г. «зеленого знака» ЕК для газовой и ядерной энергетики [Le Parlement européen 2022], т.е. эти два источника энергии были признаны необходимыми для борьбы с изменением климата и реализации «зеленого курса». Другими словами, органы управления ЕС признали тот факт, что за счет только возобновляемых источников энергии не получится удовлетворить растущий спрос на электроэнергию в европейских странах. В числе наиболее явных сторонников данного решения оказались Франция, которая стремится возродить свою атомную промышленность, и страны Центральной Европы, такие как Польша, которые планировали заменить угольные электростанции [Le Parlement européen 2022].

Возврат к атому

На текущий момент использование атомной энергетики в качестве «экологически чистого» источника энергии получает все большее одобрение в ЕС.

В частности, несмотря на то, что власти Германии планировали к концу 2022 г. закрыть все АЭС (уже было приостановлено функционирование трех крупных атомных электростанций), в профессиональной среде набирает популярность мнение, согласно которому, экономически выгодно реанимировать и стимулировать деятельность немецких АЭС. По некоторым данным, расконсервация последних позволит выработать 17 млрд кВт*ч, что сэкономит 2 млрд $м^3$ «голубого топлива» [Шатов 2022]. Учитывая «зеленый знак» ЕС для атомной энергетики, детериорацию торговых отношений с Россией в энергетической сфере, угрозу энергетического и экономического кризисов, вполне реалистичным представляется сценарий того, что уже к началу-середине 2023 г. в Германии будут функционировать все шесть АЭС, что полностью противоречит первоначальным «зеленым планам» свести к нулю выработку атомной энергии внутри страны [Шатов 2022].

Во Франции, которая по своему энергетическому потенциалу могла быть стать «Катаром в Евросоюзе», сложилась весьма неоднозначная ситуация. Так еще Ш. де Голль, в период президентства которого началось строительство первых АЭС, рассматривал атомную энергетику как источник энергетической независимости Франции [Попова 2022]. Но политика последних президентов, которые в течение уже нескольких десятилетий оказывают поддержку «зеленому курсу», нанесла ощутимый вред французской атомной промышленности. Так, победивший на выборах 2012 г., Ф. Олланд заявлял

о своем намерении сократить долю атомной энергии с 80 до 50% в совокупном энергетическом потреблении страны [Обичкина 2012], а нынешний президент Э. Макрон пошел еще дальше, вкладывая «миллиарды евро в строительство ветряков», которые смогут обеспечить не более 2% от потребностей Франции в энергоресурсах зимой 2022–2023 гг. [Попова 2022]. В связи с этим нынешняя французская оппозиция призывает создать специальную «Комиссию по расследованию», которая намеревается «допросить» предыдущих президентов Ф. Олланда и Н. Саркози, а также побеседовать с нынешним главой государства Э. Макроном, которого республиканцы обвиняют в проведении позорящей Францию энергетической политики (лесть даже таким странам – обладателям ресурсов, как Алжир или Венесуэла, независимо от их международного статуса и проводимой политики; поддержка франко-немецкой дружбы, несмотря на то, что «именно под нажимом из Берлина отчасти и началось разрушение французского парка АЭС») [Попова, 2022].

Возврат к углю

Еще одно явное противоречие европейскому «зеленому курсу», которое усилилось вследствие воздействия российско-украинского конфликта на внешнюю политику ЕС, проявилось в ревитализации крайне «неэкологичной» угольной промышленности, что кардинально расходится с положениями вышерассмотренных документов ЕС.

Причем возврат к углю наблюдался уже на рубеже 2020–2021 гг. в таких странах, как Германия, Нидерланды, Польша. Российские эксперты объясняют этот факт сложными для европейских коммунальных служб погодными условиями, которые практически истощили запасы газа [Вечерова 2022]. А с конца февраля 2022 г. о возможном увеличении потребления угля заявили страны Восточной Европы (Болгария, Румыния, Чехия) и Италия [Вечерова 2022].

Хотя на данный момент речь не идет об открытии новых угольных шахт, а лишь об увеличении производительности уже функционирующих, страны ЕС могут столкнуться с трудностями и в угольном секторе. Специалисты предупреждают о том, что в связи с европейской ориентацией на «зеленый курс», объемы угольной промышленности существенно снижались, соответственно сокращалось и инвестирование, не проводилось необходимой модернизации действующих шахт, европейские ресурсы самого «грязного» топлива истощались [Вечерова 2022].

В частности, Германия, которая в процессе энергоперехода планировала приостановить функционирование угольных электростанций за два года (2022–2023), начала частично поддерживать наиболее «грязную» отрасль энергетического сектора. И, несмотря на то, что продолжает считаться одним из лидеров угольной промышленности среди членов ЕС (по некоторым данным, Германия

занимает третье место в мире по добыче бурого угля), столкнулась с серьезными проблемами в ходе ревитализации традиционной для немцев угольной промышленности. В частности, эксперты фиксируют перебои в транспортировке угля, особенно речным транспортом вследствие засухи в стране, а также снижение выработки не только каменного, но и бурого угля с начала 2022 г. [Шатов 2022].

По мнению аналитиков Bloomberg, российско-украинский конфликт может привести не только к расконсервации угольных шахт в ЕС, что подрывает доверие к европейской «зеленой» политике, но и «к росту глобальной зависимости от угля» [Вечерова 2022] вследствие скачка цен и спроса в угольном секторе до «рекордного уровня» в 2023 г., который, по оценкам экспертов британской консалтинговой компании GlobalData, может превысить «предыдущий» рекорд 2018 г. [Вечерова 2022].

Перспективы энергоперехода стран ЕС на фоне российско-украинского конфликта

Ввиду вышеизложенных фактов, европейский энергетический сектор оказался в крайне противоречивой ситуации, а «зеленые планы» ЕС попали под реальную угрозу, перспективы их реализации неопределенны и обусловлены (помимо рассмотренных выше противоречий) обстоятельствами, сложившимися под воздействием российско-украинского конфликта, в их числе: необходимость разработки новых европейских жизнеспособных проектов в сфере зеленой энергетики; расхождение интересов с США; критика «зеленого курса»; поиск новых партнеров; рост цен на сопутствующие энергопереходу металлы; дисгармония планов и возможностей стран – членов ЕС.

Новые проекты «зеленой» энергетики стран ЕС

Несмотря на риски развития зеленой энергетики ЕС в текущем крайне напряженном международном контексте, некоторые европейские страны не оставляют попытки реализовать энергопереход посредством разработки новых проектов.

Например в конце августа 2022 г. страны Балтии и Северной Европы (Польша, Швеция, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Дания) наряду с Германией заявили о проекте строительства ветряной электростанции, мощность которой будет достигать 17 ГВт. И несмотря на высокую стоимость данного проекта, которая может превысить 35 млрд долл., эти страны планируют в 7 раз увеличить мощность морских ветряных станций уже к 2030 г. [Шатов 2022].

Позднее, в октябре 2022 г., по заявлению председателя правительства Испании П. Санчеса, три средиземноморские страны (Испания, Франция,

Португалия) пришли к соглашению о замене проекта газопровода Midcat через Пиренеи новым «зеленым энергетическим коридором», который позволит транспортировать газ и водород из Барселоны в Марсель [Испания, Франция и Португалия 2022].

Однако очевидно, что для преодоления препятствий на пути дальнейшего развития альтернативного европейского энергетического сектора недостаточно реализовывать разрозненные проекты со стороны отдельных групп европейских стран. Необходим поиск общей энергетически независимой экономической модели, а также формирование единого европейского рынка энергоресурсов на основе этой модели, которая, по словам У. фон дер Ляйен «будет работать и вернет баланс европейской экономике» [Савенкова 2022].

«Раскол Запада»

Несмотря на попытки некоторых стран ЕС не отступать от «зеленого курса», его реализация находится под угрозой ввиду нестабильности не только энергетического, но и других промышленных секторов европейской экономики. Ситуация обострилась в результате действий на этот раз стратегического «союзника» ЕС Соединенных Штатов, а именно вследствие разработки закона о снижении инфляции (The Inflation Reduction Act, IRA), который был подписан Д. Байденом в августе 2022 г.

Данный закон содержит положение о выделении около 400 млрд долл. на цели «зеленой» энергетики и борьбу с климатическими изменениями [Федорцев 2022]. В основе закона эксперты усматривают принцип «покупай американское», который в сложившихся обстоятельствах может нанести существенный ущерб европейской промышленности ввиду значительной налоговой и финансовой поддержки производителей из США, Канады и Мексики, что чревато началом экономического конфликта «с зеленым окрасом» между ЕС и США [Федорцев 2022]. Так, президент Франции Э. Макрон охарактеризовал этот закон как «сверхагрессивный» по отношению к французской экономике и предостерег, что он может крайне «негативно отразиться на отношениях между странами Запада», а, по данным Bloomberg, немецкие власти даже опасаются начала со стороны Франции «трансатлантической торговой войны» [Макрон увидел риск 2022].

Критика «зеленой» энергетической политики ЕС

Еще одним фактором риска для будущего европейской зеленой энергетики стала критика «зеленой стратегии» ЕС со стороны некоторых российских и европейских экспертов. Так, А. Гривач (заместитель генерального директора по газовым проблемам, Фонд национальной энергетической безопасности (ФНЭБ)) назвал «авантюрной» энергетическую и климатическую политику

ЕС последних 10–15 лет, обосновав свою точку зрения тем, что важным этапом энергоперехода является как раз «газовая фаза», течение которой в ЕС в преддверии зимы 2022–2023 гг. оказалось под угрозой вследствие приостановки импорта «голубого топлива» из России [Шевченко 2022]. Созвучно с этим мнением заявление на Восточном экономическом форуме К. Кнайсль (бывшая министр иностранных дел Австрии), по словам которой, «санкции ЕС в отношении России непродуманны», поскольку на текущий момент «нет ни одной страны, которая могла бы выступить бенефициаром на сокращение поставок газа из России» [Шевченко 2022].

Поиск новых партнеров

Заявление о постепенном отказе от энергоносителей из России ставит перед ЕС еще одну непростую задачу – поиск альтернативных поставщиков энергоресурсов. Вследствие отсутствия целостной энергетической и логистической инфраструктуры ЕС на текущий момент имеют место либо еще нереализованные инициативы, либо локальные краткосрочные решения, в том числе:

– европейский план REPowerEU содержит положение, согласно которому «энергетическая платформа ЕС» открыта для таких представителей энергетического сообщества, как «Западные Балканы, Украина, Молдова, Грузия» [REPowerEU Plan 2022, p. 5], но оно пока носит скорее характер проекта для будущего сотрудничества в энергетической сфере;

– примеры отдельных стран ЕС включают в себя следующие фрагментированные решения: импорт газа в Италию из Алжира, Азербайджана и Катара; запуск трех терминалов по регазификации сжиженного топлива и получение природного газа из Норвегии (по трубопроводу через Ла-Манш) со стороны Франции; увеличение поставок газа из Ирана и Азербайджана со стороны Турции [Макеев 2022];

– возможность импорта СПГ из США, реализация которой далека от запланированных показателей, особенно после июньского пожара на заводе Freeport в Техасе, в результате которого было остановлено функционирование одного из крупнейших терминалов, который обеспечивал около 20% выпуска СПГ в Соединенных Штатах [Макеев 2022];

– рассмотрение (с большой осторожностью) потенциала Китая, в котором, по словам У. фон дер Ляйен, добывается почти треть всех редкоземельных элементов, необходимых для реализации европейской «зеленой стратегии» [Макеев 2022].

Однако многие эксперты сходятся во мнении, что на сегодняшний день полноценное замещение «голубого топлива» из России со стороны ЕС носит скорее теоретический характер и может рассматриваться лишь в среднесроч-

ной и скорее долгосрочной перспективе при совокупном соблюдении таких требований, как «увеличение добычи в других регионах (США и Австралии), снятие санкций с Ирана, а также в случае резкого снижения потребления» энергоресурсов со стороны стран – членов ЕС [Макеев 2022].

Рост цен на сопутствующие материалы

Еще одним препятствием реализации «зеленого» курса ЕС может стать рост цен на многие сопутствующие металлы и материалы, используемые при производстве оборудования для возобновляемых источников энергии (солнечные батареи, аккумуляторы и др.).

В частности, в июле 2022 г. специалисты S&P Global предупредили об угрозе дефицита меди, в результате которого могут быть нарушены не только планы ведущих держав (в том числе стран ЕС) по сокращению выбросов парниковых газов, но и дестабилизирован энергетический сектор в мировом масштабе. При этом спрос на медь существенно возрастает в ходе энергоперехода, поскольку данный металл широко используется при производстве электромобилей, солнечных панелей и ветряных генераторов, применяется в энергораспределительных сетях. В экспертной среде звучат алармистские предупреждения о том, что спрос на медь может вырасти в 2 раза к 2035 г. по сравнению с уровнем 2020 г., поэтому, по некоторым оценкам, в ближайшем будущем недостаточно будет только модернизировать и повышать эффективность функционирующих шахт, а потребуется открытие новых месторождений и перерабатывающих предприятий, что потребует дополнительного финансирования на фоне сложной экономической обстановки [Шатов 2022]. Эта проблема не обойдет и энергетический сектор ЕС, что может усугубить и так нестабильное состояние европейского энергетического рынка и перенести энергопереход на более отдаленные сроки.

Гетерогенность стран ЕС

Очевидно, что вследствие вовлеченности ЕС в российско-украинский конфликт и разрыва торговых отношений с Россией в энергетической сфере страны Союза оказались на грани энергетического кризиса, преодоление которого возможно только при условии согласованных и взаимовыгодных действий.

Однако решение отдельных европейских государств о собственном вкладе в обеспечение энергетической безопасности и реализацию энергоперехода ЕС может быть обусловлено уровнем развития их собственной зеленой энергетики, который существенно различается по странам. Уже в доконфликтный период проявилась энергетическая гетерогенность членов ЕС с точки зрения перехода к возобновляемым источникам энергии. Так, по данным Евростата за 2020 г., наиболее передовой страной в данном ракурсе была Швеция, доля

возобновляемой энергии в валовом конечном потреблении которой составила 60,1%, высокий уровень этого показателя был зафиксирован в Финляндии (43,8%), Латвии (42,1%) и Австрии (36,5%). Однако у целого ряда стран ЕС данный показатель был почти в 6 раз меньше, чем у лидера, например, у Мальты (10,7%), Люксембурга (11,7%) и Бельгии (13%) [Chamoulau 2022].

На сегодняшний день, по мнению российских экспертов, имеют место довольно низкие темпы перехода на «зеленую» энергетику в большинстве стран ЕС. Лидирующие позиции продолжает занимать Швеция, однако многие члены ЕС существенно отстают, в частности такие ведущие державы, как Германия, планы которой по переходу на электромобили по состоянию на июль 2022 г. были реализованы лишь на 56%. Хотя и были достигнуты определенные успехи в области выработки энергии на немецких ветряных и солнечных станциях на суше (вырабатывается почти половина от запланированной мощности), на море эти показатели далеки «зеленых планов» [Шатов 2022]. Неоднородность развития зеленой энергетики на страновом уровне членов ЕС может стать препятствием для выработки целостной стратегически выверенной энергетической политики на уровне Союза для обеспечения энергетической независимости и стабильности ЕС в сложившихся крайне непростых геополитических условиях.

Таким образом, несмотря на определенные успехи некоторых европейских стран в сфере зеленой энергетики, на уровне Евросоюза не складывается общая функциональная модель энергоперехода еще и вследствие фрагментарной реакции отдельных членов ЕС на энергетический кризис, что, вероятно, приведет к неоптимальным результатам как с точки зрения обеспечения энергетической безопасности Альянса, так и с точки зрения конкурентоспособности стран-участниц в энергетической сфере, по крайней мере, в кратко- и среднесрочной перспективе.

Заключение

Несмотря на грандиозные планы европейских властей по ускоренному энергопереходу и обеспечению энергетической независимости от России, страны ЕС столкнулись с целым рядом препятствий в энергетическом секторе, в том числе: высокая стоимость реализации «зеленых» европейских проектов; угроза экономического кризиса в результате повсеместного роста цен, инфляции, снижения качества жизни; замедление темпов перехода на возобновляемые источники энергии вследствие, по крайней мере, временного отказа от декарбонизации многих стран ЕС и включения атомной энергетики в разряд экологически чистых энергоресурсов; гетерогенность экономических показателей, политических решений и амбиций стран ЕС в энергетическом секторе.

Наконец, главным фактором, влияющим на перспективы развития зеленой энергетики ЕС, на сегодняшний день является напряженная геополитическая и геоэкономическая обстановка в связи с событиями на Украине. Российско-украинский конфликт спровоцировал существенное ухудшение экономического положения стран ЕС вследствие жесткой санкционной политики, которая неизбежно затронула энергетический сектор и поставила под угрозу не только реализацию европейской «зеленой» стратегии, но и энергетическую безопасность членов Евросоюза. Кардинальное решение ЕС в ближайшей перспективе отказаться от российских энергоресурсов требует решения крайне сложной задачи оперативного поиска альтернатив, в качестве которых рассматривается даже поворот к недешевому «грязному» топливу. В связи с этим положения планов МЭА (10-Point Plan) и ЕС (REPowerEU) выглядят, как минимум претенциозными, а реализация энергоперехода стран ЕС «неизбежно сдвинется на годы, а возможно, и десятки лет» [Шатов 2022]. И хотя вопросы зеленой энергетики, учитывая ее потенциал, не будут сняты с повестки дня органов управления ЕС, сегодня их перспективы представляются крайне неопределенными.

Библиография

Вечерова Е. Угольный дым: почему в Европе открывают закрытые шахты и надолго ли это // Forbes. 2022. 18 мая. URL: https://www.forbes.ru/biznes/465693-ugol-nyj-dym-pocemu-v-evrope-otkryvaut-zakrytye-sahty-i-nadolgo-li-eto (дата обращения: 20.10.2022).

Европейская климатическая программа Fit for 55 // Энергетическая политика. 2021. 14 июля. URL: https://energypolicy.ru/evropejskaya-klimaticheskaya-programma-fit-for-55/novosti/2021/18/14/ (дата обращения: 19.10.2022).

Испания, Франция и Португалия договорились о «зеленом энергетическом коридоре» // ТАСС. 2022. 20 окт. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16110457 (дата обращения: 15.11.2022).

Катков М. Чем и когда ЕС хочет заменить газ из России // Ведомости. 2022. 8 июня. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/06/08/925631-chem-es-zamenit-gaz (дата обращения: 26.10.2022).

Кеффер Л. Евросоюз одобрил план по сокращению зависимости от российских энергоносителей // Коммерсантъ. 2022. 18 мая. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5356577 (дата обращения: 20.10.2022).

Макеев Н. Чем Европа сможет заменить российский газ зимой: эксперты назвали альтернативы // MK.ru. 2022. 16 окт. URL: https://www.mk.ru/economics/2022/10/16/chem-evropa-smozhet-zamenit-rossiyskiy-gaz-zimoy-eksperty-nazvali-alternativy.html (дата обращения: 31.10.2022).

Макрон увидел риск «раскола Запада» из-за нового закона в США // РБК. 2022. 1 дек. URL: https://www.rbc.ru/politics/01/12/2022/63883ecc9a7947d6220b4d32 (дата обращения: 01.12.2022).

Мухин В. Евросоюз пролонгирует конфликт в Украине на два года // Независимая газета. 2022. 15 нояб. URL: https://www.ng.ru/world/2022-11-15/1_8590_conflict.html (дата обращения: 22.11.2022).

Обичкина Е. Франсуа Олланд – новый президент Франции // РСМД. 2012. 21 мая. URL: https://Russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/fransua-olland-novyy-prezident-frantsii/ (дата обращения: 22.10.2022).

Пискулова Н. «Зеленая сделка»: риски и возможности для ЕС и России // РСМД. 2021. 14 апр. URL: https://Russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zelenaya-sdelka-riski-i-vozmozhnosti-dlya-es-i-rossii/ (дата обращения: 12.10.2022).

Попова А. Холод и рецессия: прогноз на зиму для Бельгии и Франции // Вести.Ру. 2022. 13 нояб. URL: https://www.vesti.ru/article/3039675 (дата обращения: 20.11.2022).

Савенкова Д. Евросоюз инвестирует 300 млрд евро в «зеленую» энергетику // Ведомости. 2022. 29 авг. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/08/29/938157-evrosoyuz-investiruet-300-mlrd (дата обращения: 20.10.2022).

Шатов Е. Будущее зеленой энергетики под вопросом: на чем можно заработать инвестору // Forbes. 2022. 13 сен. URL: https://www.forbes.ru/mneniya/476849-budusee-zelenoj-energetiki-pod-voprosom-na-cem-mozno-zarabotat-investoru (дата обращения: 23.10.2022).

Шевченко А. Влияние зеленой энергетики на проблемы Евросоюза объяснили // Лента.Ру. 2022. 11 сен. URL: https://lenta.ru/news/2022/09/11/eu_gas/ (дата обращения: 22.10.2022).

A 10-Point Plan to Reduce the European Union's Reliance on Russian Natural Gas // IEA. Fuel report. 2022. March. URL: https://www.iea.org/reports/a-10-point-plan-to-reduce-the-european-unions-reliance-on-Russian-natural-gas (дата обращения: 20.10.2022).

Chamoulaud R. Les énergies renouvelables dans l'UE // Toute l'Europe. 2022. 20 Jan. URL: https://www.touteleurope.eu/environnement/les-energies-renouvelables-dans-l-ue/ (дата обращения: 20.10.2022).

Le Parlement européen valide le label vert de l'UE pour le gaz et le nucléaire, jugés nécessaires pour la transition énergétique // franceinfo. 2022. 6 Juillet. URL: https://www.francetvinfo.fr/monde/europe/union-europeenne/le-parlement-europeen-valide-le-label-vert-de-l-union-europeenne-pour-le-gaz-et-le-nucleaire_5241124.html (дата обращения: 20.10.2022).

REPowerEU Plan: Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels. European Commission, 2022. 18 May. 20 pp. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:fc930f14-d7ae-11ec-a95f-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 20.10.2022).

Wilson A. Revising the Energy Efficiency Directive: Fit for 55 package // EPRS / European Parliamentary Research Service. 2022. September. 9 p. PE 698.045. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/698045/EPRS_BRI(2021)698045_EN.pdf (дата обращения: 22.10.2022).

References

A 10-Point Plan to Reduce the European Union's Reliance on Russian Natural Gas. IEA. Fuel report. 2022. March. URL: https://www.iea.org/reports/a-10-point-plan-to-reduce-the-european-unions-reliance-on-Russian-natural-gas (date of access: 20.10.2022).

Chamoulaud R. Les énergies renouvelables dans l'UE. Toute l'Europe. 2022. 20 Jan. URL: https://www.touteleurope.eu/environnement/les-energies-renouvelables-dans-l-ue/ (date of access: 20.10.2022).

Evropejskaya klimaticheskaya programma Fit for 55 [European climate program Fit for 55]. Energeticheskaya politika [Energy policy]. 2021. 14 July. URL: https://energypolicy.ru/evropejskaya-klimaticheskaya-programma-fit-for-55/novosti/2021/18/14/ (date of access: 19.10.2022). (In Russ.)

Ispaniya, Franciya i Portugaliya dogovorilis' o «zelenom energeticheskom koridore» [Spain, France and Portugal have agreed on a «green energy corridor»]. TASS. 2022. 20 Oct. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16110457 (date of access: 15.11.2022). (In Russ.)

Katkov M. Chem i kogda ES hochet zamenit' gaz iz Rossii [How and when the EU wants to replace gas from Russia]. Vedomosti. 2022. 8 June. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/06/08/925631-chem-es-zamenit-gaz (date of access: 26.10.2022). (In Russ.)

Keffer L. Evrosoyuz odobril plan po sokrashcheniyu zavisimosti ot rossijskih energonositelej [The European Union approved a plan to reduce dependence on Russian energy carriers]. Kommersant". 2022. 18 May. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5356577 (date of access: 20.10.2022). (In Russ.)

Le Parlement européen valide le label vert de l'UE pour le gaz et le nucléaire, jugés nécessaires pour la transition énergétique. Franceinfo. 2022. 6 Juillet. URL: https://www.francetvinfo.fr/monde/europe/union-europeenne/le-parlement-europeen-valide-le-label-vert-de-l-union-europeenne-pour-le-gaz-et-le-nucleaire_5241124.html (date of access: 20.10.2022).

Makeev N. Chem Evropa smozhet zamenit' rossijskij gaz zimoj: eksperty nazvali al'ternativy [How Europe can replace Russian gas in winter: experts named alternatives]. MK.ru. 2022. 16 Oct. URL: https://www.mk.ru/economics/2022/10/16/chem-evropa-smozhet-zamenit-rossiyskiy-gaz-zimoy-eksperty-nazvali-alternativy.html (date of access: 31.10.2022). (In Russ.)

Makron uvidel risk «raskola Zapada» iz-za novogo zakona v SSHA [Macron saw the risk of a «split in the West» due to a new law in the United States]. RBK [RBC]. 2022. 1 Dec. URL: https://www.rbc.ru/politics/01/12/2022/63883ecc9a7947d6220b4d32 (date of access: 01.12.2022). (In Russ.)

Muhin V. Evrosoyuz prolongiruet konflikt v Ukraine na dva goda [EU prolongs conflict in Ukraine for two years]. Nezavisimaya gazeta. 2022. 15 Nov. URL: https://www.ng.ru/world/2022-11-15/1_8590_conflict.html (date of access: 22.11.2022). (In Russ.)

Obichkina E. Fransua Olland – novyj prezident Francii [François Hollande is the new President of France]. RSMD [RIAC]. 2012. 21 May. URL: https://Russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/fransua-olland-novyy-prezident-frantsii/ (date of access: 22.10.2022). (In Russ.)

Piskulova N. «Zelenaya sdelka»: riski i vozmozhnosti dlya ES i Rossii [«Green Deal»: risks and opportunities for the EU and Russia]. RSMD [RIAC]. 2021. 14 Apr. URL: https://Russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zelenaya-sdelka-riski-i-vozmozhnosti-dlya-es-i-rossii/ (date of access: 12.10.2022). (In Russ.)

Popova A. Holod i recessiya: prognoz na zimu dlya Bel'gii i Francii [Cold and recession: winter forecast for Belgium and France]. Vesti.Ru. 2022. 13 Nov. URL: https://www.vesti.ru/article/3039675 (date of access: 20.11.2022). (In Russ.)

REPowerEU Plan: Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels. European Commission, 2022. 18 May. 20 pp. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:fc930f14-d7ae-11ec-a95f-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1&format=PDF (date of access: 20.10.2022).

Savenkova D. Evrosoyuz investiruet 300 mlrd evro v «zelenuyu» energetiku [EU invests 300 billion euros in green energy]. Vedomosti. 2022. 29 Aug. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/08/29/938157-evrosoyuz-investiruet-300-mlrd (date of access: 20.10.2022). (In Russ.)

Shatov E. Budushchee zelenoj energetiki pod voprosom: na chem mozhno zarabotat' investor [The future of green energy is in question: what can an investor earn on]. Forbes. 2022. 13 Sept. URL: https://www.forbes.ru/mneniya/476849-budusee-zelenoj-energetiki-pod-voprosom-na-cem-mozno-zarabotat-investoru (date of access: 23.10.2022). (In Russ.)

Shevchenko A. Vliyanie zelenoj energetiki na problemy Evrosoyuza ob"yasnili [The impact of green energy on the problems of the European Union was explained]. Lenta.Ru. 2022. 11 Sept. URL: https://lenta.ru/news/2022/09/11/eu_gas/ (date of access: 22.10.2022). (In Russ.)

Vecherova E. Ugol'nyj dym: pochemu v Evrope otkryvayut zakrytye shahty i nadolgo li eto [Coal smoke: why closed mines are being opened in Europe and for how long]. Forbes. 2022. 18 May. URL: https://www.forbes.ru/biznes/465693-ugol-nyj-dym-pocemu-v-evrope-otkryvaut-zakrytye-sahty-i-nadolgo-li-eto (date of access: 20.10.2022). (In Russ.)

Wilson A. Revising the Energy Efficiency Directive: Fit for 55 package. EPRS/ European Parliamentary Research Service. 2022. Sept. 9 p. PE 698.045. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/698045/EPRS_BRI(2021)698045_EN.pdf (date of access: 22.10.2022).

DOI: 10.31249/rsm/2023.03.06

М.А. Гасанова, П.А. Магомедова

ИСЛАМСКИЙ ДИСКУРС В РОССИИ: СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ[1]

Аннотация. *В статье анализируется специфика формирования и функционирования исламского дискурса в России, выявляются характерные особенности, связанные с полиязычными, полиэтническими факторами, «национальной» интерпретацией ислама, его ролью (отмечается активное проникновение религии в общественную жизнь и усиление ее влияния на политическую сферу). Отмечается, что религиозная лексика значительно расширила русскоязычный дискурс, обслуживающий исламский уклад жизни. Рассматриваются процессы внедрения религиозной лексики в обиходную речь, что обусловлено распространением и укреплением исламского вероучения в России, особенно в таких регионах, как Татарстан и Северный Кавказ; вопросы, связанные с новообразованиями, возникающими от арабизмов в русской разговорной речи и ошибках в употреблении религиозных понятий, вызванных лингвокогнитивными лакунами. Заимствованные религиозные термины описывают реалии, в основном отсутствующие в русской языковой картине мира, поэтому значительная их часть функционирует в виде калек. Они находятся в процессе адаптации, что проявляется в вариативности их написания и произношения.*

В российском информационном поле наблюдается бытование отрицательных стереотипов о мусульманах. Выявляется не только конфликтный потенциал семантики производных от слова ислам, но и их включенность в большое количество контекста, формирующего негативный образ данной конфессии (согласно анализу данных НКРЯ).

Описаны главные религиозные концепты, ключевым из которых выступает концепт вера / иман. Определены его ценностная составляющая, особенности вербализации и роль в русскоязычном исламском дискурсе. Лингвокультурологический анализ ключевых доминант, вобравших в себя представления о качествах истинно верующего человека, выявил соответствие общечеловеческим нравственным идеалам. Специфика «национального» религиозного дискурса заключается в его синкретическом характере, в котором каноны и морально-этические нормы ислама синтезировались с домонотеистическими верованиями.

1. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 21-011-44245 «Исламский дискурс: теологическая мысль и коммуникация в русскоязычной оболочке».

Ключевые слова: *исламский дискурс; Россия; религия; вера; концепт.*

Гасанова Марина Аюбовна – доктор филологических наук,
профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики,
Дагестанский государственный университет. Россия, Махачкала.
E-mail: gas.marina@mail.ru
Orcid Author iD: 0000-0002-0866-0957

Магомедова Патимат Ариповна – доктор филологических наук,
профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики,
Дагестанский государственный университет. Россия, Махачкала.
E-mail: p_magomedova@mail.ru
Orcid Author iD: 0000-0002-8177-8951

Gasanova M.A., Magomedova P.A. Islamic Discourse in Russia: Specifics of functioning and key concepts[2]

Abstract. *The article analyzes the specifics of the formation and functioning of Islamic discourse in Russ.ia, identifying the characteristic features associated with multilingual, polyethnic factors, the «national» interpretation of Islam, and its role (the active penetration of religion into public life and the strengthening of its influence on the political sphere is noted). It points out that religious vocabulary has significantly expanded the Russian-language discourse serving the Islamic way of life. The processes of introducing religious vocabulary into everyday speech are considered, which have to do with the spread and strengthening of Islamic doctrine in Russ.ia, especially in regions such as Tatarstan and the North Caucasus.Issues related to neoplasms arising from Arabisms in Russ.ian colloquial speech and errors in the use of religious concepts caused by linguocognitive lacunae are highlighted. Borrowed religious terms describe realities that are mostly absent from the Russian language picture of the world, so a significant part of them functions in the form of «crutches». They are in the process of adaptation, which is manifested in the variability of their spelling and pronunciation.*

Negative stereotypes about Muslims exist in the Russian information field. The article reveals not only the conflict potential of the semantics of derivatives of the word Islam, but also their inclusion in a large number of contexts that form a negative image of this denomination (according to the analysis of data from the National Corpus of the Russian language.)

The main religious concepts are described, the key of which is the concept of faith / iman. Its value component, features of verbalization, and role in the Russian-speaking Islamic discourse are determined. The linguistic and cultural analysis of the key dominants, which absorbed the ideas about the qualities of a true believer, revealed compliance with

2. The publication was prepared within the framework of the scientific project No. 21-011-44245 «Islamic Discourse: Theological Thought and Communication in a Russian-language shell» supported by the Russian Foundation for Basic Research.

universal moral ideals. The specificity of the «national» religious discourse lies in its syncretic nature, in which the canons and moral and ethical norms of Islam were synthesized with pre-monotheistic beliefs.

Keywords: *Islamic discourse; Russia; religion; faith; concept.*

Gasanova Marina Ayubovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Dagestan State University. Russia, Makhachkala.
E-mail: gas.marina@mail.ru
Orcid Author ID: 0000-0002-0866-0957

Magomedova Patimat Aripovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Dagestan State University. Russia, Makhachkala.
E-mail: p_magomedova@mail.ru
Orcid Author ID: 0000-0002-8177-8951

Исламский дискурс в России многоязычен: языком ислама в стране выступает русский язык – это язык межэтнического общения российских мусульман, все официальные обращения представителей Совета муфтиев РФ осуществляются на нем, общение с Богом происходит на арабском, наделенном статусом сакрального, хотя внутренняя молитва и обращение к Аллаху российским мусульманином может осуществляться и на его родном языке. Так, муфтият Республики Татарстан обязал проводить еженедельные пятничные проповеди только на татарском языке. Исследователи заговорили даже о возрождении национальных языков ислама, что в какой-то степени способствует сохранению языкового многообразия народов Российской Федерации [Алмазова 2018].

Сегодня продолжается активное проникновение религии в общественную жизнь, усиливается ее влияние на политическую сферу. Российские мусульманские лидеры, имамы в своих официальных заявлениях и проповедях нередко дают теологические обоснования тех или иных правительственных решений. Так, например, во время пандемии они довольно успешно адаптировали религиозную практику к условиям карантина, переводя медицинскую терминологию и бюрократические требования на язык ислама. Исследователи охарактеризовали такую ситуацию как «религиозный ренессанс», проявившийся во включенности рассматриваемого дискурса в сферу массовой коммуникации.

Религиозная лексика значительно расширила русскоязычный дискурс, обслуживающий исламский уклад жизни [Гасанова, Муртазалиева 2021,

с. 556]. Религиозная лексика успешно ассимилируется и закрепляется в русском языке, что связано с активным распространением и усилением исламского вероучения в России.

Особый интерес представляют новообразования, возникающие от арабизмов в русской разговорной речи, свидетельствующие об инкорпориванности религии в обыденную жизнь российских мусульман и ее сильном влиянии: *иманистый* (от *иман*) – верующий человек, соблюдающий все религиозные предписания; *уразист* (от *уразa* «пост») – человек, держащий пост, т.е. постящийся; *ифтаритет* – образовано от арабизма «ифтар» – «разговение, вечерний приём пищи во время поста (*уразы*) в месяц Рамадан», во время которого принято приглашать гостей на разговение. В разговорной речи таких людей стали полушутя называть *ифтаритетами* (окказионализм образован путем контаминации двух слов – «ифтар» и «авторитет»), что было обыграно слоганом «Курочка из Павлонии – выбор ифтаритета» в дагестанской рекламе сети кафе «Павлония» предлагающей прийти на разговение к ним в заведение, [https://www.instagram.com/paulownia_cafe].

Широкое распространение получили в разговорной речи и в социальных сетях глагольные новообразования *ифтарить* (от *ифтар*) и *сухурить* (от *сухур* – «предрассветный прием пищи»). Употребление сочетаний «коллективный ифтар», «шатер Рамадана» и др. свидетельствует о расширении значения указанных заимствований и широкой вовлеченности лексем в процесс семантической деривации.

Нередки ошибки в употреблении религиозных понятий, связанные с лингвокогнитивными лакунами. Так, например, употребление слова *молебная* для обозначения комнаты для совершения *намаза* (мусульманской молитвы), относится к иной религиозной картине мира, а потому понятия *намаз* и *молебен* не могут быть взаимозаменяемыми.

Заимствованные религиозные термины описывают реалии, в основном отсутствующие в русской языковой картине мира, поэтому значительная их часть функционирует в виде ка́лек. Они находятся в процессе адаптации, что проявляется в вариативности их написания и произношения. Например: *аврат / аурат, таяммам / тайаммум / таямум, ракаат / ракат, сабр / сабур* и др.

Вместе с тем в российском информационном поле наблюдается бытование отрицательных стереотипов о мусульманах. Еще в 1997 г. российский исламовед Л.Р. Сюкияйен писал, что в общественном сознании преобладает «предвзятое отношении к исламу, искажающее его истинные ценности и историю» [Сюкияйен 1997, с. 41]. Он воспринимается как «примитивное, обращенное в прошлое учение, оправдывающее слепой фанатизм, нетерпимость и ограниченность» [там же, с. 3].

Исследователями не раз отмечался не только конфликтный потенциал семантики производных от слова *ислам,* но и их включенность в большое

количество контекста, формирующего негативный образ данной конфессии [Рагозина 2017, с. 112].

Как показал анализ данных Национального корпуса русского языка, в дискурсе российских печатных СМИ наиболее частотной описательной характеристикой образа *ислама* выступает определение *радикальный.* Используются также характеристики *традиционный, умеренный, чистый, политический, ваххабитский.*

Ранее в Московском регионе была задержана группа выходцев из Центральной Азии, которые проверяются на причастность к экстремистским организациям, исповедующим ***радикальный ислам*** [В Москве около 100 человек].

По словам их однокурсников, сначала молодые люди исповедовали ***традиционный ислам****, но в конце второго курса колледжа Амир Юнусов начал создавать в мессенджере группы, которым давал названия на арабском языке, и приглашал в них всех своих знакомых* [Напавшие на церковь].

Где кончается ***умеренный ислам*** *и начинается* ***радикальный****?* [«Не все евреи умные»].

Производное слово *исламист* является многозначным в современном русском языке: 1) специалист по исламу; 2) сторонник ислама; 3) исламский террорист. Исследование контекстного употребления выявило, что последнее значение данного слова наиболее часто реализуется в публикациях журналистов.

В тот же день в Авиньоне ***исламист*** *пытался зарезать полицейских, его застрелили* [Во Франции мужчина].

После этого на педагога напал радикальный ***исламист*** [Поддержавшая Макрона Собчак].

Задержанный в Ставрополе 23-летний ***исламист*** *планировал устроить теракт в здании суда и прокуратуры* [Задержание готовившего теракт] и др.

Часть бытующих религиозных понятий может быть вполне переведена на русский язык. Отдельные исследователи даже призывают искусственно не вводить арабские слова в русский текст [Усеинова 2013]. Это можно отнести к ключевому религиозному концепту *вера*, который активно дублируется арабизмом *иман*.

В русскоязычной исламской литературе закрепилась традиция репрезентации понятия *вера* заимствованием *иман,* которое обозначает состояние убежденности в истинности веры в Аллаха – единственного божества.

Согласно Большому толковому словарю русского языка А.С. Кузнецова [Кузнецов 1998]:

вера -ы; ж. 1) в кого-что. Твердая убежденность, глубокая уверенность в ком-, чем-л. В. в будущее. В. в добро, в справедливость… // Убеждение в существовании чего-л. В. в Бога. В. в чудеса. В. в бессмертие;

2) с опр. разг. Религиозное учение, вероисповедание; религия. Христианская, православная, католическая, мусульманская в. Человек иной веры. Обратить кого-л. в свою веру (также: сделать своим единомышленником);

3) разг. доверие. Выйти из веры (потерять доверие кого-л.). Брать, принимать на веру что-л. (доверять, не требуя доказательств). Нет тебе веры!

Компаративный анализ семантики представленной лексемы позволяет говорить о наличии у нее трех лексико-семантических вариантов. При этом первое и третье значения слова «вера» употребляются в мирской (обыденной) сфере, а второе – в религиозной.

Лексема же *иман* характеризует только религиозную картину мировосприятия, что говорит о ее однозначности: «Иман – вера как центральное понятие религии (*дин*). Кроме того, вера является основным элементом правовой системы. Различают три степени веры: 1) словесное признание (внешняя вера); 2) глубокое, внутреннее сердечное принятие веры в Аллаха и пророка и 3) точное исполнение всех предписаний» [Философский энциклопедический словарь 1983, с. 213].

Согласно исламскому вероучению, основами религии являются *Иман* (вера), *Ислам* (шариат), *Ихсан* (искренность в богослужении), о которых прямо или иносказательно говорится в аятах Корана и в Сунне Пророка.

Иман (вера) мусульман состоит из шести обязательных составных частей – столпов:

1) вера в Аллаха, т.е. глубокая убеждённость в том, что нет ничего достойного поклонения, кроме одного Бога – Аллаха;

2) вера в ангелов Аллаха;

3) вера в Книги Аллаха, ниспосланные Всевышним священные писания;

4) вера в пророков Аллаха;

5) вера в Судный день;

6) вера в предопределение судьбы, в то, что все хорошее и плохое происходит по воле Аллаха.

Если мусульманин не признает хотя бы один из этих столпов, то его вера считается недействительной. Кто открыто не признает веру, тот неверующий – *кафир* / *кяфир*, а кто не верит сердцем – тот лицемер / *мунафик*.

В религиозном дискурсе такая концепция репрезентирована частым употреблением субстантива *благоверные*. Концепт *вера* нередко актуализируется через оппозицию «свой – чужой», для текстов религиозной тематики такое противопоставление весьма характерно: *свой, т.е. правоверный, благоверный, чужой – неверный, иноверец, гяур, кяфир*.

Концептуальное поле *вера* формируется в первую очередь таким центральным концептом, как *Бог.* Вера в *Создателя* – ключевой нравственный ориентир человека, оберегающий его от всего дурного и порочного. Следовательно, неверие, безбожие рассматривается как самый тяжкий и большой

грех: *Нет греха хуже безбожия. Аллах и его рабы есть в любой стране* [Кухарева 2015, с. 29].

В качестве одного из основных различий понимания веры в христианской и мусульманской лингвокультурах, исследователь Сулиман Эльтайеб Эльзейн Эльтайеб называет клятвенные заверения. Если такого рода клятвы, как «клянусь своей жизнью», «клянусь здоровьем своей матери» и т.п. вполне употребимы христианином, то в исламе они запрещены, «поскольку своими творениями может клясться только Всевышний, и поэтому ни один мусульманин не может клясться чем-либо, кроме Аллаха, поскольку Он является его Создателем. Аллах же клянется Своими созданиями: звездами, солнцем, луной и т.д. Мусульманин клянется только Аллахом» [Сулиман 2013, с. 19].

Одна из десяти христианских заповедей гласит «Не поминай имени Господа всуе», но в исламе, напротив, одобряется постоянное упоминание имени Всевышнего. Есть группа религиозных «клише» для каждой жизненной ситуации, ставших неотъемлемой частью исламского русского социолекта: при любом начинании говорится *Бисми Лляхи* «Во имя Бога»; *Ма ша Аллах* – как проявление эмоции радости, благодарности, хвалы; *АльхамдулиЛлах* – соотв. рус. «Слава Богу»; *Иншаллах* в переводе означает «если пожелает Аллах», мусульманин обязательно использует его, когда говорит о своих намерениях; выражение соответствует христианскому «как Бог даст», «с Божьей помощью» и др.

В концептосферу понятия «*вера»* входят нравственные качества, которые укрепляют ее и поддерживают. Это *терпение, терпимость* – неотъемлемые черты характера истинно верующего, которые заключаются в следовании убеждениям, в противостоянии соблазнам, слабостям и невзгодам: *Воистину, воздастся терпеливым полностью, без счета всего* [Коран, сура 59, аят 10].

Правда и *честность* выступают обязательными качествами религиозного человека, что подтверждается сурами, хадисами и паремиями: *О те, кто уверовали, бойтесь Аллаха и будьте вместе с правдивыми!* [Коран, сура 9, аят 119]. *Поистине, правдивость ведет к благочестию, и, поистине, благочестие приводит в рай* [Кухарева 2015, с. 74]. *Лучше бы им быть искренними перед Аллахом* [Коран, сура 47, аят 21]. Отдельные арабские ученые-исламоведы полагают, что значение слова честность / правдивость заключает в себе три понятия: 1) правдивость в словах; 2) честность в делах; 3) правдивость в намерениях и воле. Многочисленные хадисы, опираясь на коранические высказывания, посвящены вопросу правдивости и лжи: *Поистине, правдивость приводит к благочестию, и, поистине, благочестие приводит к раю, и будет человек говорить правду, пока не будет записан перед Аллахом правдивейшим. Что же касается лживости, то она приводит к греховности, и, поистине, греховность приводит к огню, и станет человек лгать, пока не будет записан перед Аллахом как отъявленный лжец* [Сахих аль-Бухари 2002, с. 341].

Смелость, сила (вера дарует силу и уверенность) приветствуются: *Кто не борется со злом, сам творит его* [Кухарева 2015, с. 41]. Соответственно, *трусость* и *слабость* порицаются: *Гибель труса придет сверху* [от Бога] [Кухарева 2015, с. 45].

Добрососедство рассматривается как одно из проявлений веры и совершение благих дел, предписанных религией: *Пусть тот, кто верует в Аллаха и Последний день, не причиняет вреда своему соседу, и пусть тот, кто верует в Аллаха и Последний день, оказывает уважение своему гостю, и пусть тот, кто верует в Аллаха и Последний день, говорит благое или молчит* [Сахих аль-Бухари 2002, с. 336–337].

Гостеприимство есть священный долг мусульманина. Считается, что гость – это посланник Аллаха, поэтому даже если враг попросит крова, то должен получить его: *Гость от Аллаха. Гость от Всемилостивого. Хоть с мечом, но гость* [Кухарева 2015, с. 60–61].

С гостеприимством связаны и такие важными качествами верующего человека, как *щедрость* и *великодушие: У щедрого и великодушного человека гостеприимный дом. Щедрость – завеса пророка* [там же, с. 57]. Человеку, наделенному ими, можно простить другие недостатки: *Щедрость покрывает любой недостаток* [там же, с. 56].

Скупость, составляя оппозицию концепту *щедрость*, в религиозной картине мира является одним из самых порицаемых пороков: *Скупой – враг Аллаха. Скупой поедает сам себя. Скупой вскрывает пороки и ожесточает сердца* [там же, с. 67–68].

Таким образом, сила веры заключается не только в убеждениях и отдельных нравственных качествах человека, но и в его помыслах, действиях и поступках: *И каждая душа заложницей своих деяний будет* [Коран, сура 74, аят 38].

Ислам, как и другие конфессиональные культуры, эсхатологически ориентирован. Смерть неизбежна и потому требует смирения и покорности. Социальный статус и богатство теряют значение перед ней. Многочисленные высказывания ориентируют на философское отношение к смерти и заботу о своем душевном бессмертии:

Я делаю добро, чтобы встретить его в могиле [Кухарева 2015, с. 34], т.е. истинный мусульманин должен делать добро, не рассчитывая на скорое вознаграждение, должен довольствоваться пониманием того, что за свои благие дела будет обязательно вознагражден после смерти.

Избегайте адского огня хотя бы и [с помощью] *половинки финика* [там же, с. 4], т.е. мусульманин должен поступать правильно и делать добро, даже если он стеснен в обстоятельствах, и маленькое благодеяние будет вознаграждено.

Тебе бы в рай, да в руке адский огонь [Кухарева 2015, с. 34] – так говорят о неискренних людях, делающих благие дела напоказ.

Пришла за тобой смерть, оставивший молитву [там же, с. 25] – пятикратная молитва является одним из столпов веры, не соблюдающего ждет заслуженное наказание. Ср. с рус. *Удаляющиеся от Бога погибают*.

Вместе с тем смерть ради высоких религиозных идеалов – *Смерть во имя Аллаха искупает все, кроме долга* [там же, с. 37] – одобряется только после завершения земных дел, расчетов с долгами и пр. Ср. с рус. *Житейское делай, а смерть помни! Смерть недосугов не знает.* Потому концепт *вера* обнаруживается в семантических толкованиях такого концепта, как *страх*: *Всевышний Аллах говорит: Боятся Аллаха среди Его рабов лишь обладающие знанием* [Коран, сура 35, аят 28]. *Богобоязнь и благонравие – прибыльное дело* [Кухарева 2015, с. 30]. *Любой человек, кто не боится Аллаха, – глупец. Кто не боится Аллаха, того бойся* [там же, с. 31]. *Кто побоялся, тот спасся* [там же, с. 43].

Концепт *вера / иман* связаны с такими этноспецифическими концептами кавказской языковой картины мира, как *ягь / ягъ, намус* (совесть, честь), часто актуализирующими религиозный код культуры: *Бихьинчиясул яхI гурони, жужахIалъул цIеца бухIулареб жо гьечIебила* «Единственное, что не горит в адском пламени, – это честь мужчины». *ЖужахIалъул цIецаги бухIулареб жойила яхI* «Даже в огне ада совесть не горит» (аварский язык). *Мал-шей кIвалин мешрб я, намус – инсандин* «Имущество – украшение дома, честь и достоинство – украшение человека» (лезгинский язык). *ЙаIгь дешхьее, иманыд ихьес деш «*Если нет достоинства, то и веры нет» (цахурский язык). *Лову цIуллейка, бува-диямай баргьа, иман-ислам иттут ка, сохIбул-хер иттут ка* «Пусть ребенок будет здоровым, чтоб отец и мать вместе растили, пусть растет с *иманом* и *исламом*, пусть добрым и полезным [для людей] станет» (арчинское пожелание по случаю рождения ребенка*). ЯхI бакъун щарсса хIаран, щар дакъун кьяпа хIаран. Ми царагу дакъанан, щала дуниял хIаран.* «Бессовестному грех жениться. Неженатому грешно носить папаху. Не обладающему ни одним из них весь мир грех». *Дунияллул яхIгу, гьаттал аьзавгу цара цассар* «Совесть на земле и мучения в могиле соразмерны» (лакский язык).

Любопытно, что образ религиозного служителя – *муллы* – в фольклорной картине мира народов РФ (значит, в обыденном представлении), как правило, наделяется отрицательной коннотацией, что демонстрирует народное стремление к разграничению понятий веры и религии, религиозных служителей. Часто *мулла* предстает воплощением таких негативных качеств, как жадность, алчность, лицемерие, вороватость: *Маллайихьна хил тувган, яв тIубахъ тIубланар хъмиш лиг* «Подав руку мулле, проверь, на месте ли кольца», *Кариз гучI, маллайиз нач даршул* «У глухого страха нет, у муллы –

стыда». *Маллайи гули инIдар, ккабхъиш, галра гъитдар* «Мулла лука не ест, а если найдет, то и кожуры не оставит» (табасаранский язык) [Гасанова, Мазанаев 2014].

Религиозный код культуры народов РФ, исповедующих ислам, содержит в себе и древние религиозно-мистические представления языческого характера. Например, упоминание в лакской поговорке *Зала* – верховного бога языческого пантеона: *Багьана залуннал лякъайссар, ажал заннал булайссар* «Повод хозяева находят, а смерть *Зал* дает». Это божество раньше воспринималось как хозяин всего сущего, местонахождением которого считалось небо. К нему обращались во всех трудных жизненных ситуациях с просьбами и заклинаниями о помощи, могли просить и о наказании для обидчика. Такие стихийные бедствия, как землетрясения, наводнения или удары молнии, воспринимались как выражение его гнева. Сейчас имя языческого божества употребляется как синоним Аллаха. Так, у лакцев до сих пор сохранились клятвы: *Ялувсса Заннайн хъана!* «Клянусь Залом над нами!», *Зал дакIнину тIий ура* «С Залом в душе говорю» [Сефербеков 2009, с. 165–166]. У каждого этноса Дагестана было собственное наименование такого языческого бога, сохранившееся до сих пор в фольклорных ритуальных практиках: божество-громовержец *Умчар* у табасаранцев, *Алпан* у лезгин, *ЦIоба* у аварцев и т.д.

Как видим, религиозный дискурс и его ключевые концепты специфичны и интересны, в том числе своим синкретическим характером, в котором каноны и морально-этические нормы ислама синтезировались с домонотеистическими верованиями. Религиозный концепт *вера* выявил ключевые доминанты, вобравшие в себя представления о качествах истинно верующего человека, которые в целом соответствуют общечеловеческим нравственным идеалам. В обыденном сознании, в наивной картине мира понятия «религиозный» и «нравственный» тождественны. В русском языке слово «вера» многозначно и отражает убеждения не только конфессионального характера: верить можно в Бога, в человека, в себя, в счастливое будущее и т.д. Семантика же арабизма *иман* связана только с религиозным аспектом и актуализирует понятие абсолютной убежденности в истинности веры в Аллаха как единственного божества.

Библиография

Алмазова Л.И. Влияние дореволюционной исламской риторики на формирование современного татарского языка религии (кейс-стади) // Исламоведение. 2018. Т. 9. № 3. С. 88–101.

В Москве около 100 человек доставлены в полицию для проверки на причастность е «Хизб ут-Тахрир» // Коммерсант. 2015. 20 Окт. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2836482 (дата обращения: 20.04.2023).

Во Франции мужчина напал с ножом на полицейских // РИА Новости. 2020. 12 сент. URL: https://ria.ru/20201209/frantsiya-1588516312.html (дата обращения: 10.05.2023).

Гасанова М.А., Мазанаев Ш.А. Религиозный и магический коды культуры в табасаранской паремиологической картине мира // Вестник адыгейского государственного университета. Серия 2: филология и искусствоведение. 2014. № 3 (145). С. 46–53.

Гасанова М.А., Муртазалиева Н.И. Этноспецифическая лексика в русскоязычном исламском дискурсе // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 3 (88). С. 554–556.

Задержание готовившего теракт исламиста сняли на видео // Vesti.ru. 2020. 07 окт. URL: https://www.vesti.ru/article/2468956 (дата обращения: 10.05.2023).

Коран / Коран онлайн. URL: https://quran-online.ru/ (дата обращения: 10.05.2023).

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998, 1534 с.

Кухарева Е.В. Лингвострановедческий словарь арабских паремий. 2-е изд., испр. и доп. М.: МГИМО – Университет, 2015. 240 с.

Напавшие на церковь в Грозном студенты договорились о джихаде // Lenta.ru. 2019. 25 июль. URL: https://lenta.ru/news/2019/07/25/grozny/ (дата обращения: 12.04.2023).

«Не все евреи умные» // Lenta.ru. 2019. 03 июнь. URL: https://lenta.ru/articles/2019/06/03/rabbi/ (дата обращения: 10.05.2023).

Поддержавшая Макрона Собчак пожаловалась на угрозы // Vesti.ru. 2020. 29 окт. URL: https://www.vesti.ru/article/2478754 (дата обращения: 10.05.2023).

Рагозина С.А. Анализ лексической сочетаемости лексемы «ислам» в российских печатных СМИ (2010–2013) // Исламоведение. 2017. Т. 8, № 1. С. 112–130.

Сахих аль-Бухари (Краткое изложение) / Перевод Владимира Абдаллы Нирша. 1-е издание. В 2-х т. М.: Благотворительный фонд «Ибрагим Бин Абдулазиз Аль Ибрагим», 2002. Т. 1. 472 с.

Сефербеков Р.И. Пантеон языческих божеств. Махачкала: ДИНЭМ, 2009. 408 с.

Сулиман Эльтайеб Эльзейн Эльтайеб. Русское концептуальное поле ВЕРА: автореферат дис. на… кан. филол. наук / Москва. Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. 2013. 223 с. URL: https://www.dissercat.com/content/Russkoe-kontseptualnoe-pole-vera (дата обращения: 10.05.2023).

Сюкияйен Л.Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. М.: Ин-т гос-ва и права РАН, 1997. 48 с.

Усеинова С.Р. На каком языке говорят мусульмане в России? // Ислам в России культурные традиции и современные вызовы. Материалы международной научной конференции / отв. ред. Т. Г. Туманян. СПб.: Санкт-Петербургский гос. университет, 2013. С. 106–114.

Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

References

Almazova L.I. Vliyanie dorevolyucionnoj islamskoj ritoriki na formirovanie sovremennogo tatarskogo yazy`ka religii (kejs-stadi) [The influence of pre-revolutionary Islamic rhetoric on the formation of the modern Tatar language of religion (case study)] // Islamovedenie. 2018. T. 9, N 3. P. 88–101. (In Russ.)

Filosofskij e`nciklopedicheskij slovar`[Philosophical Encyclopedic dictionary]. M.: Sovetskaya e`nciklopediya [Moscow: Soviet Encyclopedia], 1983. 840 p. (In Russ.)

Gasanova M.A., Mazanaev Sh.A. Religiozny`j i magicheskij kody` kul`tury` v tabasaranskoj paremiologicheskoj kartine mira [Religious and magical codes of culture in the Tabasaran paremiological picture of the world]. Vestnik ady`gejskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Adygea State University]. Series 2: Philology and Art history. 2014. N 3 (145). pp. 46–53. (In Russ.)

Gasanova M.A., Murtazalieva N.I. E`tnospecificheskaya leksika v Russkoyazy`chnom islamskom diskurse [Ethnospecific vocabulary in Russ.ian-language Islamic discourse]. Mir nauki, kul`tury`, obrazovaniya [The world of science, culture, education]. 2021. N 3 (88). P. 554–556. (In Russ.)

Koran / Koran onlajn. URL: https://quran-online.ru/(date of access: 10.05.2023). (In Russ.)

Kuxareva E.V. Lingvostranovedcheskij slovar` arabskix paremij [Linguo-regional Dictionary of Arabic Paroemias]. 2nd ed., ispr. And additional. M.: MGIMO-University, 2015. 240 p. (In Russ.)

Kuzneczov S.A. Bol`shoj tolkovy`j slovar` Russkogo yazy`ka [The Big explanatory dictionary of the Russian language]. SPb.: Norint, 1998, 1534 p. (In Russ.)

Napavshie na cerkov` v Groznom studenty` dogovorilis` o dzhixade [Students who attacked a church in Grozny agreed on jihad]. Lenta.ru. 2019. 25 Jull. URL: https://lenta.ru/news/2019/07/25/grozny/ (date of access: 12.04.2023). (In Russ.)

«Ne vse evrei umny`e» [«Not all Jews are smart»]. Lenta.ru. 2019 Jun. URL: https://lenta.ru/articles/2019/06/03/rabbi/ (date of access: 10.05.2023). (In Russ.)

Podderzhavshaya Makrona Sobchak pozhalovalas` na ugrozy` [Sobchak, who supported Macron, complained about the threats]. Vesti.ru. 2020. 29 Oct. URL: https://www.vesti.ru/article/2478754 (date of access: 10.05.2023). (In Russ.)

Ragozina S.A. Analiz leksicheskoj sochetaemosti leksemy` «islam» v rossijskix pechatny`x SMI (2010–2013) [Analysis of lexical compatibility of the lexeme «Islam» in the Russian print media (2010–2013)]. Islamovedenie [Islamic Studies]. 2017. Vol. 8. N 1. P. 112–130. (In Russ.)

Saxix al`-Buxari (Kratkoe izlozhenie) [Sahih al-Bukhari (Summary)/] / Translated by Vladimir Abdalla Nirsh. 1st edition. In 2 volumes. M.: Blagotvoritel`ny`j fond «Ibragim Bin Abdulaziz Al` Ibragim» [Charitable Foundation «Ibrahim Bin Abdulaziz Al Ibrahim»], 2002. Vol. 1. 472 p. (In Russ.)

Seferbekov R.I. Panteon yazy`cheskix bozhestv [The pantheon of pagan deities]. Makhachkala. Russian Russian Conceptual field of faith: abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences. A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language. 2009. 408 p. (In Russ.)

Suliman E`l`tajeb E`l`zejn E`l`tajeb Russkoe konceptual`noe pole very: avtoreferat dis. kandidata filologicheskix nauk [The Russian conceptual field of faith: abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences]. Moskva. Gosudarstvenny`j institut Russkogo yazy`ka im. A.S. Pushkina. 2013. 223 p. URL: https://www.dissercat.com/content/Russkoe-kontseptualnoe-pole-very (date of access: 10.05.2023). (In Russ.)

Syukiyajen L.R. Shariat i musul`mansko-pravovaya kul`tura x Sharia and Muslim legal culture [Sharia and Muslim legal culture]. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciencesъ, 1997. 48 p. (In Russ.)

Useinova S.R. Na kakom yazy`ke govoryat musul`mane v Rossii? [What language do Muslims speak in Russ.ia?]. Islam in Russ.ia cultural traditions and modern challenges. Materials of the International scientific conference / ed. by T.G. Tumanyan. St. Petersburg: St. Petersburg State University. university, 2013. P. 106–114. (In Russ.)

V Moskve okolo 100 chelovek dostavleny` v policiyu dlya proverki na prichastnost` e «Xizb ut-Taxrir» [In Moscow, about 100 people were taken to the police to check for involvement in Hizb ut-Tahrir]. Kommersant. 2015. 20 Oct. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2836482 (date of access: 20.04.2023). (In Russ.)

Vo Francii muzhchina napal s nozhom na policejskix [In France, a man attacked the police with a knife]. RIA Novosti. 2020. 12 Sept. URL: https://ria.ru/20201209/frantsiya-1588516312.html (date of access: 10.05.2023). (In Russ.)

Zaderzhanie gotovivshego terakt islamista snyali na video [The arrest of an Islamist preparing a terrorist attack was filmed]. Vesti.ru. 2020. 07 Okt. URL: https://www.vesti.ru/article/2468956 (date of access: 10.05.2023). (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2023.03.07

Д.В. Неренц

ФЕЙКИ КАК УГРОЗА МЕДИАБЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ XXI в.[1]

Аннотация. *В условиях информационного шума, когда аудитория получает ежеминутно непрерывный поток информации из разных источников, становится практически невозможно отличить проверенные факты от намеренной лжи, которая направлена на манипулирование общественным мнением и настроением масс. Фейки как в СМИ, так и в социальных сетях становятся все менее заметными, умело маскируясь под журналистский контент: подобные материалы построены по всем канонам жанра (использование принципа «перевернутой пирамиды», структурные элементы) и с технической точки зрения являются «классическими» новостными сообщениями, однако по смысловому признаку содержат в себе недостоверную, порой субъективную, информацию, что приводит аудиторию к неправильным выводам и ложным представлениям о том или ином явлении действительности. Они способны вызывать панику, деструктивные настроения в обществе, намеренно вводят в заблуждение граждан для реализации собственных целей.*

Статья посвящена определению места фейка в современном медиапространстве, рассмотрению фейков как реальной информационной угрозы XXI в. В частности, приводится классификация современных фейков, изучены возможные цели создания подобного контента, выделены способы борьбы с фейковыми сообщениями на законодательном уровне и на уровне медиаобразования. Основными методами исследования стали метод описания, анализа контента, метод классификации, метод обобщения. Основным источником исследования стал Telegram-канал «Война с фейками», посвященный разоблачению ложных фактов в медиапространстве. Анализ публикаций данного канала позволил выделить самые распространенные виды фейковых сообщений, а также актуальные инструменты, используемые для создания такого контента.

1. Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Медиабезопасность в эпоху цифровых трансформаций» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»).

Ключевые слова: *фейк; СМИ; Telegram; медиаконтент; фейк-ньюс; медиапространство; медиабезопасность; медиаграмотность.*

Неренц Дарья Валерьевна – кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры журналистики факультета журналистики
Российского государственного гуманитарного университета.
Россия, Москва.
E-mail: ya.newlevel@yandex.ru

Nerents D.V. Fakes as a Threat to Media Safety in 21st Century Russia

Abstract. *The audience receives a continuous stream of information from different sources every minute in the era of informational noise. It becomes almost impossible to distinguish verified facts from deliberate lies, which are aimed at manipulating public opinion and the attitudes of the masses. Fakes both in the media and in social networks are becoming less and less noticeable, skillfully disguised as journalistic content. Such materials are created according to all the canons of the genre (use of the «inverted pyramid» principle, structural elements) and, from a technical point of view, are «classic» news reports. However, on a semantic basis, they contain unreliable, sometimes subjective information, which leads the audience to incorrect conclusions and false ideas about some phenomenon of reality. They are capable of causing panic and destructive attitudes in society, deliberately misleading citizens to achieve their own goals.*

The article is devoted to determining the place of fakes in the modern media space, considering them as a real information threat of the 21st century. In particular, a classification of modern fakes is given, possible goals for creating such content are studied, ways to combat fake messages at the legislative level and at the level of media education are highlighted. The main research methods were the method of description, content analysis, classification method, and generalization method. The main source of the study was the War on Fake Telegram channel dedicated to exposing false facts in the media space. An analysis of the publications of this Telegram channel made it possible to identify the most common types of fake messages, as well as the relevant tools used to create such content.

Keywords: *fake; media; Telegram; media content; fake news; media space; media safety; media literacy.*

Nerents Daria Valer'evna – Candidate of Philology,
Associate Professor, Department of Journalism,
Faculty of Journalism, Russian State University
for the Humanities. Russia, Moscow.
E-mail: ya.newlevel@yandex.ru

Введение

Мировое информационное пространство находится в постоянной динамике и подвергается трансформационным процессам с беспрецедентной скоростью. Таким изменениям способствует целый ряд факторов: в первую очередь социально-политическая ситуация, экономические процессы, катаклизмы природного характера.

Период 2020 – начала 2023 г. стал «точкой невозврата» с позиции изменения прежде всего российского медиапространства. Беспрецедентные события, связанные сначала с пандемией COVID-19, затем с началом специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г., привели, по сути, к переделу информационного поля, усилив влияние традиционных СМИ и, в частности, мейнстримных изданий (федеральных телеканалов, официальных сайтов информационных агентств и средств массовой информации, среди которых ТАСС, РИА Новости, KP.RU, MK.RU и пр.). Борьба за общественное мнение и управление восприятием реальности происходит в трех плоскостях – в социальных сетях, в СМИ и на интернет-ресурсах. И в разные временны́е периоды та или иная площадка опережает и становится более востребованной или, наоборот, теряет свои позиции. Особенно остро эта «конкурентная борьба» ощущается в период какого-то потрясения или события, затрагивающего большинство жителей страны (как, например, было во время первого локдауна в 2020 г. или во время объявления частичной мобилизации в 2022 г.). В такие моменты сознание аудитории как никогда уязвимо, чем активно пользуются манипуляторы в целях создания деструктивных настроений, дискредитации действующей власти или в погоне за коммерческой эффективностью.

Получается, что период 2020–2022 гг. показал устойчивую негативную тенденцию к усилению воздействия на сознание аудитории посредством всевозможных инструментов, в первую очередь характерных для современных информационных войн. Самым многочисленным и вездесущим «оружием» оказались фейк-ньюс (полностью или частично выдуманные новости), дипфейки, материалы с эмоциональным содержанием, апелляция к непроверенным источникам и сомнительным экспертам, массовое тиражирование недостоверной информации на интернет-площадках, создание фейковых аккаунтов в социальных сетях, искажение фактов, фрагментарное представление сведений об актуальных событиях, диффамация и т.п.

В этом контексте особенно подвержена риску молодежная аудитория, поскольку основное действо по информационному противоборству разворачивается на данном этапе в интернет-пространстве, чаще всего – в социальных сетях и мессенджерах (Telegram, ВКонтакте, WhatsApp, YouTube и пр.) [Макашова 2023, с. 25–29].

Оценивая реальные медиаугрозы, на первый план стоит вынести фейковые сообщения.

Понятие и характерные черты фейка в медиасреде

В научной среде неоднократно отмечалось, что активное обращение к понятиям «fake» и «fake news» началось в 2016 г., когда новоизбранный президент США Д. Трамп стал использовать данные выражения применительно к деятельности известных СМИ (CNN, The New York Times и пр.), тем самым сделав свои отношения с прессой довольно напряженными.

Существует большое количество трактовок указанных понятий. К.В. Киуру отмечает, что «поддельные новости» относятся к новостным сообщениям в СМИ или в социальных сетях, не имеющим никакой фактической основы, но представленным как факты [Киуру 2019, с. 95–99]. Исследователь Д. Бекер определяет «фейк» в информационном поле исключительно как обман [Becker 2018, p. 201]. Е.И. Галяшина отмечает, что fake news – это ложная или вымышленная новость, придуманная для привлечения внимания аудитории, в которой правда дается либо частично, либо может быть полностью опущена [Галяшина 2023, с. 27]. С.Н. Ильченко указывает, что фейк характеризуют сомнительные источники, сенсации, подозрительные факты, которые сложно проверить [Ильченко 2021, с. 12].

Таким образом, можно заключить, что фейк в медиапространстве представляет собой ложное или частично ложное сообщение о каком-либо актуальном общественно значимом событии или явлении для того, чтобы ввести аудиторию в заблуждение.

Любой фейк делается с определенной целью:

1. Политическая цель направлена на дискредитацию решений властных структур, дестабилизацию ситуации в регионе, создание деструктивных и даже панических настроений в обществе, намеренное введение в заблуждение большой части граждан. Зачастую подобные материалы создают представители недружественных стран (ЦИПсО Украины, Telegram-каналы и сайты проукраинских СМИ), однако встречаются и материалы из-за рубежа (США, Великобритания, Германия)). Например, Институт изучения войны США опубликовал материал, согласно которому в январе 2023 г. в РФ может начаться новая волна мобилизации [Stepanenko, Hird, Bailey, Williams, Philipson, Barros, Kagan 2023], несмотря на то, что ранее В.В. Путин неоднократно заявлял, что подобных мероприятий не планируется. Тем не менее подобные материалы способствуют массовым волнениям и очередной волне негативных настроений по отношению к России со стороны граждан других стран.

2. Коммерческая цель направлена на повышение посещаемости сайта, коммерческие выгоды, ликвидацию конкурента по бизнесу. В качестве примера можно привести фейк с информацией о якобы найденном дневнике многолетнего лидера ЛДПР В.В. Жириновского, в котором находятся его сенсационные предсказания. Для ознакомления с текстом дневника пользователям предлагается перейти по ссылке [Веретенникова, Винокуров 2023]. На самом деле эта новость – попытка каналов в социальных сетях увеличить свою популярность, кроме того часть этих сообщений также рассылалась с помощью ботов (программ, выполняющих заранее настроенные повторяющиеся задачи). Однопартийцы В.В. Жириновского подтвердили, что никакого дневника их бывший лидер никогда не вел и предсказаний не делал.

3. Цель – проведение эксперимента или развлечение (сюда же можно отнести банальное любопытство). В отдельную категорию стоит выделить фейки, созданные для наблюдения за реакцией аудитории (для развлечения или, наоборот, с целью последующего научного осмысления). Пользователи известной американской социальной сети Tumblr придумали якобы потерянный фильм режиссера М. Скорсезе «Гончаров», в основе сюжета которого история о мафиози из СССР. Авторы этой истории утверждали, что фильм был снят в 1974 г. и незаслуженно забыт [Щигарева 2022]. В результате под описанием фильма стали появляться фан-арты (нарисованные пользователями постеры к фильму), а также многочисленные отзывы в Twitter тех, кто уже посмотрел фильм. Однако спустя несколько дней оказалось, что вся информация о фильме выдумана от начала и до конца, а самого кинопроизведения не существует.

Какую бы цель ни преследовало фейковое сообщение, результат всегда один – намеренное введение аудитории в заблуждение касательно какого-то события или явления. Подобная ситуация представляет опасность в первую очередь тем, что человек, сталкиваясь со множеством фейков в течение длительного периода времени, может начать менять парадигму своего мышления, пересматривать свои жизненные приоритеты и ценности, что, в свою очередь, приведет к потере ориентиров и может способствовать появлению чувства неуверенности.

Типологические особенности фейков

Цифровое пространство и творческие способности создателей фейков позволяют представлять ложные, выдуманные новости в самых разнообразных формах и жанрах. В настоящее время существует уже несколько классификаций фейкового контента.

С.Н. Ильченко предлагает классификацию, согласно которой фейки можно разделить на: поддельные фотографии, смонтированные видеоролики,

любые фальшивые новости, фейковые аккаунты в социальных сетях. При этом фейк-ньюс он разделяет на ложную информацию, поданную в таком виде случайно (опечатка), намеренно (недостоверные цифры, факты, имена), информацию, вырванную из контекста, несостыковка видео и аудио в материале, сокрытие дополнительной информации (замалчивание) [Ильченко 2021, с. 14]. Свои классификации предлагают также Е.И. Галяшина, Е.Н. Несын, А.П. Суходолова и др.

Автор данного исследования предлагает собственную классификацию. Вследствие активного развития IT-отрасли, работы по внедрению в медиапространство искусственного интеллекта (ИИ), фейки можно разделить на две большие группы: типичные и новообразованные.

К группе типичных относятся фейки, созданные привычным или уже проверенным способом («классические» инструменты информационной войны): подлог, недостоверные слухи (сарафанное радио), замалчивание или подмена понятий, фальсификация исторических фактов, фейк-провокация, конструирование искусственной реальности, фейк-документы, фейковые спикеры / источники, фальсификация статистических данных, инсценировка события, ложные цитаты или ссылки. К новообразованным относятся фейки, созданные с помощью ИИ и новейшего компьютерного программного обеспечения: дипфейки, киберфейки, фото- и видеомонтаж, пранк, троллинг, фейковые мемы, фальсификация данных в Wikipedia.

Все эти инструменты активно используются в настоящее время в информационном поле России для распространения деструктивного контента о спецоперации на Украине. Анализ Telegram-канала «Война с фейками» за период сентябрь 2022 – февраль 2023 г. (всего проанализировано 573 фейка методом сплошной выборки) показал, что наиболее распространенными фейками являются посты с эмоциональным содержанием касательно жертв российской агрессии, нападения российских солдат на невинных мирных жителей, грубое обращение российских солдат с украинским населением). В таких публикациях нет конкретных данных о жертвах, не названы источники информации, нередко даже отсутствуют отсылки к географии происходящего. Вторым по тиражированию фейковым продуктом являются посты с описанием обстрелов российской армией мирных жителей и жилых домов, при этом нередко наблюдалось, что: а) взяты фотографии или видеозаписи другого события, произошедшего ранее; б) фотографии или видеозаписи не относятся к местности, о которой идет речь в посте; в) пост содержит в себе ложные данные о жертвах или масштабах разрушения. В выборке также встречались фейковые документы (о возобновлении частичной мобилизации, о новых законах, о распоряжениях Министерства обороны РФ), а также материалы, нацеленные на создание паники среди граждан (например, посты об обстрелах Крыма или готовящихся терактах в крупных российских городах).

Подобные посты с фейковой информацией поступают на Telegram-канал не только с помощью поиска непосредственно авторами, но и благодаря подписчикам, которые также делятся своими «находками». На 22 февраля 2023 г. у канала 733 048 подписчика [Война с фейками], что позволяет говорить о повышении уровня информационной грамотности в стране, а также о неравнодушии аудитории к мерам борьбы с недостоверными сведениями.

В продолжение предложенной классификации можно выделить также форматы фейков:

– ложные материалы (посты в социальных сетях, мемы, фотографии или ведиоролики) – самый распространенный вид фейкового контента, поскольку короткие посты в социальных сетях, смешные картинки (особенно с изображением животных), интересные видеролики могут распространяться вирусным способом и буквально бесконечно существовать в Интернете;

– фейковые аккаунты в социальных медиа. Проще распознать фейк, созданный и опубликованный на зарубежных площадках, особенно недружественных стран. Аудитория обращается к таким новостям с более критичным настроением, нежели к привычным российским информационным ресурсам. В связи с этим опасность представляют так называемые клоны, которые могут копировать как аккаунт медийного лица (политика, чиновника, депутата, артиста), так и сайт целого СМИ;

– фейковые документы (постановления правительства, министерств, ведомств, городских администраций и т.п.);

– дипфейки (создание фальшивых видеороликов с помощью искусственного интеллекта и нейросетей).

Благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий фейки становятся качественнее и незаметнее, что создает по-настоящему серьезную угрозу для потребителей медиаконтента.

Борьба с фейками на законодательном и образовательном уровнях

Затрагивая вопрос о способах противодействия угрозам медиабезопасности, стоит отметить, что в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. в п. 26 в рамках условий формирования информационного пространства знаний отмечены: создание условий для популяризации русской культуры и науки за рубежом, в том числе для противодействия попыткам искажения и фальсификации исторических и других фактов; обеспечение создания и развития систем нормативно-правовой, информационно-консультативной, технологической и технической помощи в обнаружении, предупреждении, предотвращении и отражении угроз информационной безопасности граждан и ликвидации последствий их проявления;

совершенствование механизмов ограничения доступа к информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено федеральным законом, и ее удаления; принятие мер по эффективному использованию современных информационных платформ для распространения достоверной и качественной информации российского производства [Указ Президента РФ].

В начале 2023 г. можно отметить, что многие из выделенных условий активно реализуются. Борьба с ложной информацией на законодательном уровне началась в 2019 г., когда в марте были приняты поправки в Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и изменения в Кодекс об административных правонарушениях (КоАП), направленные на противодействие фейковым новостям [Что такое фейковые новости]. За распространение фейка как физическому, так и юридическому лицу грозит штраф, максимальная сумма которого может доходить до 1,5 млн руб. Более того, в марте 2022 г. принят Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», согласно которому за фейки о российской армии может наступать уголовная ответственность.

Безусловно, подобные меры борьбы существенно сократили поток непроверенных данных и искаженной, а также ложной информации, которая стала тиражироваться в несколько раз быстрее и чаще с началом специальной военной операции на Украине. Наиболее частыми темами ложных сообщений становились сама спецоперация и частичная мобилизация.

Общее же количество фейков в 2022 г. достигло 9,3 млн, что почти в 6 раз больше, чем в прошлом году [Количество фейков в сети]. При этом, по мнению специалистов, в ближайшие годы объем недостоверной информации в сети будет только расти. Это подтверждает и генеральной директор некоммерческой компании «Диалог Регионы» В. Табак [Ляпунов 2022]. Согласно исследованию, проведенному данной компанией, намного больше россиян стали осторожнее, относиться к информации и всячески приветствуют борьбу с недостоверными сведениями. Так, 66% пользователей сети встречают фейки более одного раза в неделю. Из них практически ежедневно – 41%. Несколько раз в день – 13%, несколько раз в неделю – 10%. Не встречают фейковую информацию всего 3% из числа всех респондентов [Ляпунов 2022].

Данные о положительном отношении россиян к законодательным инициативам по противодействию фейкам подтверждает и исследование «Левада-Центра» (признан в РФ иностранным агентом), согласно которому 79% россиян поддерживает принятие закона об уголовной ответственности за распространение «фейков», а 60% опрошенных полагают, что закон направлен на то, чтобы обеспечить достоверность освещения событий [Гончаров 2022].

Важно отметить и работу по борьбе с фейками государственных организаций. В феврале 2022 г. Роскомнадзор анонсировал запуск системы обезвре-

живания «инфобомб» под названием «Вепрь». Подведомственное Роскомнадзору ФГУП «Главный радиочастотный центр» выполняет внутренние испытания системы, которая будет выявлять «потенциальные точки напряженности в сети» [Тюняева 2023], т.е. возможные информационные угрозы. «Вепрь» также сможет анализировать и прогнозировать, где могут распространяться «деструктивные» материалы.

Сервис «ВКонтакте» занимается разработкой сервиса для распознавания фейков на фото и в видеороликах [«ВКонтакте» разработает сервис]. Российская социальная сеть ведет работу над технологией распознавания так называемых дипфейков. Более того, появится возможность проверить загруженные на платформу фотографии или ролики на наличие манипуляций, связанных с подменой лица. Иными словами, пользователи смогут самостоятельно проверять фотографии или видео на подлинность. Согласно прогнозу разработчиков, сервис к 2025 г. должен достигать 70% точности в распознавании фейков.

Важно отметить и медиаобразовательные практики на уровне школ, колледжей, вузов. Существующие в России проекты, появившиеся в последние несколько лет, демонстрируют острую необходимость в повышении медиаграмотности, особенно касательно молодежной аудитории, которая только формирует свое мировоззрение и жизненные приоритеты. В этом ключе особенно значимо привить навыки критического мышления и осознанного медиапотребления, вовремя указать на маркеры фейков и научить распознавать достоверные и недостоверные материалы. Этим занимается, например, проект «Волонтеры медиабезопасности», созданный Общероссийской общественной детской организацией «Лига юных журналистов». Проведенный тотальный медиадиктант и последующие результаты позволили создать программу, в рамках которой дети (волонтеры) рассказывают детям (подросткам) под руководством кураторов о правилах медиабезопаности в формате инфографики, текстов, очных встреч, видеороликов.

Отдельное место занимают каналы борьбы с фейками, ориентированные на широкий круг медиапотребителей. Такие ресурсы, как Infosecurity или «Война с фейками» призваны разоблачать фейки, оперативно информировать об утечках данных или взломе баз крупных компаний с персональными данными. Группа исследователей факультета журналистики Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Медиабезопасность в эпоху цифровых трансформаций» также создала Telegram-канал, ориентированный на широкую аудиторию, где размещается информация в помощь по распознаванию ложных сведений (инфографика, брошюры, видеролики, интервью со специалистами, статьи, опросы и пр.) [Медиабезопасность в цифровой среде].

Подобные решения способствуют популяризации навыков фактчекинга, осознанного медиапотребления, критического осмысления получаемой информации. Увеличение количества ресурсов и проектов, посвященных проблеме медиабезопасности, говорит о востребованности этой темы, о понимании важности существующих проблем со стороны широкой аудитории.

* * *

Таким образом, делая вывод, можно говорить об устойчивом росте информационной грамотности населения, критическом отношении к получаемой информации, и, как следствие, осознанном медиапотреблении. В то же время с развитием информационно-коммуникационных технологий фейки становятся качественнее, умело маскируются под достоверный медиаконтент, увеличиваются в геометрической прогрессии благодаря инструментам нейросетей. И это ставит перед медиаспециалистами новые вызовы.

Активное развитие Интернета и внедрение ИИ во все сферы жизнедеятельности способствуют увеличению количества фейков и, судя по всему, эта тенденция будет продолжаться и дальше. В связи с этим как никогда актуальным является вопрос о противодействии ложной информации, усилению борьбы с подобным контентом и популяризации повышения уровня медиаграмотности среди населения.

Библиография

«ВКонтакте» разработает сервис для распознавания фейков на фото и видео // ТАСС. 2023. 16 янв. URL: https://tass.ru/ekonomika/16805465 (дата обращения: 11.02.2023).

Веретенникова К., Винокуров А. Заведомо ложные размышления // КоммерсантЪ. 2023. 14 фев. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5824990 (дата обращения: 23.02.2023).

Война с фейками // Telegram. URL: https://t.me/s/warfakes (дата обращения: 22.02.2023).

Галяшина Е.И. и др. Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа: научно-практическое пособие. М.: Блок-Принт, 2023. 144 с.

Гончаров С. Восприятие новостной информации среди россиян // Левада-Центр. 2022. 16 авг. URL: https://www.levada.ru/2022/08/16/vospriyatie-novostnoj-informatsii-sredi-rossiyan-otnoshenie-k-presledovaniyu-v-internete (дата обращения: 12.02.2023).

Ильченко С.Н. Фейк-контроль, или Новости, которым не надо верить: как нас дурачат СМИ. Ростов-на-Дону: Феникс, 2021. 188 с.

Киуру К.В. Фейковый контент в медиа как объект коммуникационных исследований // Политическое пространство и социальное время: Правда и ложь в политике и искусстве. Сборник научных трудов XXXVI Международного Харакского форума 15–17 мая 2019 г., г. Ялта / Под ред. Т.А. Сенюшкиной и Д. Танчича. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. С. 95–99.

Количество фейков в сети в 2022 году выросло в шесть раз // ТАСС. 2022. 20 дек. URL: https://tass.ru/obschestvo/16642301 (дата обращения: 24.02.2023).

Ляпунов К. Россияне стали меньше доверять фейкам // Lenta.Ru. 2022. 20 дек. URL: https://lenta.ru/news/2022/12/20/fake/ (дата обращения: 28.02.2023).

Макашова В.В. Фейк-технологии в цифровой среде // Медиатехнологии в условиях изменяющегося мира: тренды, проблемы, прогнозы. Сборник трудов / Редколлегия: Е.Н. Ежова (гл. ред.) [и др.]. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2023. С. 25–29.

Медиабезопасность в цифровой среде // Telegram. URL: https://t.me/media_safety (дата обращения: 27.02.2023).

Пашкова Л. Путин подписал закон о наказании за фейки о действиях вооруженных сил // РБК. 2022. 04 марта. URL: https://www.rbc.ru/politics/04/03/2022/622266309a7947453165c594 (дата обращения: 28.02.2023).

Тюняева М. Роскомнадзор готовится запустить систему обезвреживания инфобомб в Интернете // Ведомости. 2023. 20 февр. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/02/20/963570-roskomnadzor-gotovitsya-zapustit-sistemu-obezvrezhivaniya-infobomb (дата обращения: 22.02.2023).

Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-09052017-n-203/ (дата обращения: 12.02.2023).

Что такое фейковые новости и как за них будут наказывать? // Государственная Дума. 2019. 07 марта. URL: http://duma.gov.ru/news/29982 (дата обращения: 12.02.2023).

Щигарева М. Интернет заставил мир поверить в несуществующий фильм о мафиози из СССР // Lenta.Ru. 2022. 26 нояб. URL: https://lenta.ru/articles/2022/11/26/goncharov/ (дата обращения: 23.02.2023).

Becker D. Desiring Fakes AI, Avatars, and the Body of Fake Information in Digital Art // Faking, Forging, Counterfeiting. Eds.: Becker D., Fischer A., Schmitz Y. Transcript Verlag, 2018. P. 199–222.

Stepanenko K., Hird K., Bailey R., Williams M., Philipson L., Barros G., Kagan F.W. Russian Offensive Campaign Assessment, January 17, 2023 // Institute for The Study of War. 2023. 17 Jan. URL: https://www.understandingwar.org/backgrounder/russian-offensive-campaign-assessment-january-17-2023 (дата обращения: 26.02.2023).

References

Becker D. Desiring Fakes AI, Avatars, and the Body of Fake Information in Digital Art // Faking, Forging, Counterfeiting. Eds.: Becker D., Fischer A., Schmitz Y. Transcript Verlag, 2018. P. 199–222.

Chto takoe fejkovy`e novosti i kak za nix budut nakazy`vat`? [What is fake news and how will they be punished?]. Gosudarstvennaya Duma [The State Duma]. 2019. 07 March. URL: http://duma.gov.ru/news/29982 (date of access: 12.02.2023). (In Russ.)

Galyashina E.I. and others. Fejkovizaciya kak sredstvo informacionnoj vojny` v internet-media: nauchno-prakticheskoe posobie [Fake as a means of information warfare in Internet media: a scientific and practical guide]. Moscow: Block-Print, 2023. 144 p. (In Russ.)

Goncharov S. Vospriyatie novostnoj informacii sredi rossiyan [Perception of news information among Russians]. Levada-Centr [Levada Center]. 2022. 16 Aug. URL: https://www.levada.ru/2022/08/16/vospriyatie-novostnoj-informatsii-sredi-rossiyan-otnoshenie-k-presledovaniyu-v-internete (date of access: 12.02.2023). (In Russ.)

Il`chenko S.N. Fejk-kontrol`, ili Novosti, kotory`m ne nado verit`: kak nas durachat SMI [Fake control, or news that should not be believed: how the media fool us]. Rostov n/d: Phoenix, 2021. 188 p. (In Russ.)

Kiuru K.V. Fejkovy`j kontent v media kak ob``ekt kommunikacionny`x issledovanij [Fake content in the media as an object of communication research]. Politicheskoe prostranstvo i social`noe vremya: Pravda i lozh` v politike i iskusstve. Sbornik nauchny`x trudov XXXVI Mezhdunarodnogo Xarakskogo foruma 15–17 Maya 2019 g., g. Yalta [Political space and social time: Truth and lies in politics and art.

Collection of scientific papers of the XXXVI International Harak Forum May 15–17, 2019, Yalta] / Ed. T.A. Senyushkina and D. Tanchich. Simferopol: IT «ARIAL», 2019. P. 95–99. (In Russ.)

Kolichestvo fejkov v seti v 2022 godu vy`roslo v shest` raz [The number of fakes online increased sixfold in 2022]. TASS. 2022. 20 Dec. URL: https://tass.ru/obschestvo/16642301 (date of access: 24.02.2023). (In Russ.)

Lyapunov K. Rossiyane stali men`she doveryat` fejkam [Russians began to trust fakes less]. Lenta.Ru. 2022. 20 Dec. URL: https://lenta.ru/news/2022/12/20/fake/ (date of access: 28.02.2023). (In Russ.)

Makashova V.V. Fejk-texnologii v cifrovoj srede [Fake technologies in the digital environment]. Mediatexnologii v usloviyax izmenyayushhegosya mira: trendy`, problemy`, prognozy`. Sbornik trudov [Media technologies in a changing world: trends, problems, forecasts. Collection of works] / Editorial Board: E.N. Yezhov (editor-in-chief) [and others]. Stavropol: North Caucasian Federal University, 2023. P. 25–29. (In Russ.)

Mediabezopasnost` v cifrovoj srede [Media safety in the digital environment]. Telegram. URL: https://t.me/media_safety (date of access: 27.02.2023). (In Russ.)

Pashkova L. Putin podpisal zakon o nakazanii za fejki o dejstviyax vooruzhenny`x sil [Putin signed the law on punishment for fakes about the actions of the armed forces]. RBK [RBC]. 2022. 04 March. URL: https://www.rbc.ru/politics/04/03/2022/622266309a7947453165c594 (date of access: 28.02.2023). (In Russ.)

Tyunyaeva M. Roskomnadzor gotovitsya zapustit` sistemu obezvrezhivaniya infobomb v internete [Roskomnadzor is preparing to launch a system for disarming infobombs on the Internet]. Vedomosti. 2023. 20 Feb. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/02/20/963570-roskomnadzor-gotovitsya-zapustit-sistemu-obezvrezhivaniya-infobomb (date of access: 22.02.2023). (In Russ.)

Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 № 203 «O Strategii razvitiya informacionnogo obshhestva v Rossijskoj Federacii na 2017–2030 gody`» [Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 N 203 On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030]. Sudebny`e i normativny`e akty` RF [Judicial and regulatory acts of the Russian Federation]. URL: https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-09052017-n-203/ (date of access: 12.02.2023). (In Russ.)

Shhigareva M. Internet zastavil mir poverit` v nesushhestvuyushhij fil`m o mafiozi iz SSSR [The Internet made the world believe in a non-existent film about a mafia from the USSR]. Lenta.Ru. 2022. 26 Nov. URL: https://lenta.ru/articles/2022/11/26/goncharov/ (date of access: 23.02.2023). (In Russ.)

Stepanenko K., Hird K., Bailey R., Williams M., Philipson L., Barros G., Kagan F.W. Russian Offensive Campaign Assessment, January 17, 2023 // Institute for The Study of War. 2023. 17 Jan. URL: https://www.understandingwar.org/backgrounder/russian-offensive-campaign-assessment-january-17-2023 (date of access: 26.02.2023).

Veretennikova K., Vinokurov A. Zavedomo lozhny`e razmy`shleniya [Deliberately false thoughts]. Kommersant` [Businessman]. 2023. 14 Feb. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5824990 (date of access: 23.02.2023). (In Russ.)

«Vkontakte» razrabotaet servis dlya raspoznavaniya fejkov na foto i video [VKontakte will develop a service for recognizing fakes in photos and videos]. TASS. 2023. 16 Jan. URL: https://tass.ru/ekonomika/16805465 (date of access: 11.02.2023). (In Russ.)

Vojna s fejkami [War on fakes]. Telegram. URL: https://t.me/s/warfakes (date of access: 22.02.2023). (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2023.03.08

Р.А. Юнеман

ФАКТОР ДИАСПОРЫ В ГУМАНИТАРНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ КАЗАХСТАНА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *В Казахстане проживает вторая в мире по численности русская диаспора. Это оказывает влияние на политику Российской Федерации в отношении Республики Казахстан, в том числе и на гуманитарную. В данной статье автор исследует гуманитарную политику России в Казахстане, влияние русской диаспоры на нее и пересечение с диаспоральной политикой. Исследуются нормативно-правовые акты, высказывания лиц, принимающих решения и иные результаты деятельности гуманитарных и диаспоральных организаций. В результате автор приходит к выводу о значительном пересечении гуманитарной и диаспоральной политики России в Казахстане, отрицательно влияющем на эффективность обеих. Кроме того, в качестве одной из ключевых проблем гуманитарной политики отмечается отсутствие чёткого целеполагания. Всё это усугубляется фокусом исключительно на культурных и образовательных инициативах. Помимо прочего, диаспоральная политика России в Казахстане также не имеет чёткой цели и ограничена культурными и образовательными инициативами, оставляя вне фокуса правозащитную и организационную деятельность в интересах русской диаспоры. В заключение работы автором предлагается установить чёткие цели и диаспоральной, и гуманитарной политики в Казахстане, а также отделить их институционально друг от друга.*

Ключевые слова*: гуманитарная политика; диаспора; Россия; Казахстан; соотечественники; диаспоральная политика.*

Юнеман Роман Александрович – аспирант
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики».
Россия, Москва.
E-mail: rayuneman@hse.ru
ResearcherID: P-9338-2015

Yuneman R.A. **The Diaspora Factor in Russia's Humanitarian Policy towards Kazakhstan: Challenges and Prospects**

Abstract. *Kazakhstan is home to the second largest Russian diaspora in the world. This fact affects Russian humanitarian policy towards the Republic of Kazakhstan. This paper examines Russia's humanitarian policy in Kazakhstan, the impact of the Russian diaspora on it, and the intersection with diaspora policy. Normative-legal acts, statements of decision-makers, and other results of the activities of humanitarian and diaspora organizations are studied. As a result, the article concludes that there is a significant intersection of Russia's humanitarian and diaspora policy in Kazakhstan negatively impacting the effectiveness of both. In addition, one of the key problems of humanitarian policy is the lack of clear goal-setting. Furthermore, Russian diaspora policy in Kazakhstan focuses exclusively on cultural and educational initiatives. Lacking a clear goal and being limited to these initiatives, the diaspora policy leaves out protecting the rights and empowerment of the Russian diaspora. The article suggests setting clear targets for the diaspora and humanitarian policies in Kazakhstan and separating them institutionally.*

Keywords: *humanitarian policy; diaspora; Russia; Kazakhstan; compatriots; diaspora policy.*

Yuneman Roman Aleksandrovich – a post-graduate student
at the National Research University Higher School of Economics.
Russia, Moscow.
E-mail: rayuneman@hse.ru
Researcher ID: P-9338-2015

Введение

Казахстан является одним из ключевых союзников России на постсоветском пространстве. После начала СВО в связи с экономическими санкциями против России и отъездом большого числа граждан России в Казахстан особенно актуален вопрос развития отношений между двумя странами. Гуманитарная политика в данном контексте может быть одним из инструментов развития отношений России и Казахстана и поэтому вопрос об эффективности и целеполагании гуманитарной политики России в Казахстане становится особенно актуальным.

Исследования гуманитарной политики России на постсоветском пространстве (и в Казахстане) в основном посвящены анализу её эффективности [Гусаров 2017; Hanks 2021]. Часть исследователей делают упор на отсутствие внятного целеполагания [Борисов 2019; Борисов 2021], другие говорят о необходимости увеличения финансирования [Примаков 2018], третьи – о необходимости новых форм работы [Бактыбаева 2021, 400–408]. Все исследователи

сходятся во мнении о недостаточной эффективности гуманитарной политики России на постсоветском пространстве и выделяют разные предполагаемые причины данной неэффективности.

Отдельно от гуманитарной политики исследуется русская диаспора в Казахстане, а также российская диаспоральная политика в её отношении. Так, зарубежные авторы часто исследуют связь русской диаспоры в Казахстане и российской «мягкой силы» [Yanthan 2019; Suslov 2017], в то время как российские – механизмы и проблемы диаспоральной политики и её институтов [Морозова 2019; Ревазова 2017]. Отдельно стоит выделить работы, посвященные состоянию и эволюции русской диаспоры Казахстана [Герасимова 2019; Senggirbay 2019]. Тем не менее остается неизученным вопрос о том, как русская диаспора влияет на эффективность гуманитарной политики России в Казахстане, а также о связи и степени пересечения диаспоральной политики и политики гуманитарной, оценки их эффективности в связке друг с другом.

Гуманитарная политика Российской Федерации в Казахстане

Под гуманитарной политикой в русском языке могут подразумеваться различные вещи, а само понятие гуманитарной политики однозначно не определено в российских нормативно-правовых актах. Так, в Концепции внешней политики РФ от 2016 г. гуманитарная политика подразумевается как один из инструментов «мягкой силы», как дополнение к традиционным методам дипломатии (при этом, определения понятия «гуманитарный» в документе не приводится) [Указ Президента от 30.11.2016]. В том же документе не проводится четкого разграничения гуманитарной политики и политики культурной: в каких-то статьях они идут через запятую, а в статье 107 – уже через дефис, «культурно-гуманитарными» [Указ Президента от 30.11.2016]. В другом документе, Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, под гуманитарной политикой подразумевается также прежде всего культурная политика, а сама гуманитарная политика постулируется как «неотъемлемая часть внешней политики» [Указ Президента от 05.09.2022]. Наконец, особняком стоит понятие «гуманитарная помощь», которое определяется как «вид безвозмездной помощи», предоставляемой при чрезвычайных ситуациях [Основные направления]. В целом, можно сделать вывод о двух толкованиях гуманитарной политики исходя из российских НПА: «гуманитарная политика как культурная политика» и «гуманитарная политика как материальная помощь».

Существующая неразбериха в терминах не осталась незамеченной. Российский исследователь гуманитарной политики А.В. Борисов, отмечая неоднозначность трактовки понятия «гуманитарная политика», утверждает

о фокусе на культурном аспекте гуманитарной политики в российских документах, при деприоритизации аспекта материальной помощи в развитии [Борисов 2019]. В свою очередь, глава Россотрудничества Е.А. Примаков, указывая на неопределенность термина, приводит свое определение гуманитарной политики как «транслирования гуманитарных ценностей, опирающихся на формализованные и неформализованные представления о правах человека и групп / сообществ, на сферу международных отношений» [Примаков 2018]. Термин «гуманитарная политика» существует в раздвоенном состоянии и в исследовательском поле – между политикой культурной и материальной помощью развитию сообществ.

С точки зрения автора этой статьи, гуманитарная политика однозначно является частью политики «мягкой силы» (а не наоборот), причем в первоначальном понимании Дж. Ная не как пропагандистского воздействия, а как «способности достигать цели посредством привлечения, а не принуждения… Мягкая сила может опираться на привлекательность идей и культуры или на способность определять повестку дня с помощью стандартов и институтов, которые формируют предпочтения других» [Keohane 1998, с. 86]. Размытость термина «гуманитарная политика», помимо трудностей для исследователя, несёт в себе и трудности для непосредственных исполнителей гуманитарных программ. При отсутствии четко определенного поля действия эффективность любой политики (не только гуманитарной) будет снижаться.

Гуманитарная политика Российской Федерации в Республике Казахстан проводится в рамках общей стратегии и институтов гуманитарной политики. Не существует какого-то отдельного агентства или публичной концепции, которые были бы направлены исключительно на гуманитарную политику в отношении Республики Казахстан. Основным операторам гуманитарной политики в Казахстане со стороны России является Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) при активном взаимодействии с консульствами РФ в Республике Казахстан.

Глава Россотрудничества Е.А. Примаков утверждает, что гуманитарная политика России находится в глубоком кризисе [Примаков 2020]. У этого кризиса есть несколько причин – одна из которых недофинансирование. Так, при утверждении о важности «мягкой силы» (и гуманитарной политики как её инструмента) на соответствующие программы выделяется около 3% от общего бюджета внешнеполитической деятельности [Гусаров 2017]. Несмотря на постоянные просьбы со стороны лиц, принимающих решения в области гуманитарной политики, увеличить в несколько раз бюджет на продвижение российской «мягкой силы», он остается сравнительно низким – так, Германия

или Франция тратят в 7–8 раз больше на продвижение национальных языков, чем Россия [Примаков 2020]. Большая часть российских бюджетных средств, выделенных на проведение гуманитарной политики, расходуется на операционную деятельность ведомств, а не проектную. При этом, в отличие от модели USAID в США, Россотрудничество является одновременно и заказчиком, и оператором гуманитарной политики.

Другая проблема российской гуманитарной политики в Казахстане лежит в сфере целеполагания. С одной стороны, неясно само послание, которое несет гуманитарная политика – что предлагает и продвигает Россия в Казахстане? Так, А.В. Борисов констатирует её отсутствие не только на казахстанском направлении, но и в целом, а также утверждает о невозможности достижения целей политики «мягкой силы» без четко сформулированного гуманитарного послания [Борисов 2019]. Несмотря на то, что в новой Концепции гуманитарной политики от 2022 г. цели гуманитарной политики формально определены, они всё еще остаются по сути своей техническими: формирование объективного мнения о России и её историческом пути, а также «контакты между людьми» [Указ Президента от 05.09.2022]. Остается непроясненным для чего необходимо формирование объективного мнения о России и «контакты между людьми»?

С другой стороны, неясна аудитория этого послания: это русские, русскоязычные, казахоязычные казахстанцы? Основная гуманитарная работа в Казахстане сейчас ведется для первых двух категорий с упором на соотечественников, однако такая ситуация сложилась не в результате определенной стратегии, а в результате исторических процессов. Четкой сегментации и выделения целевой аудитории гуманитарной политики РФ в РК до сих пор не проведено.

Кроме того, ключевой проблемой планирования гуманитарной деятельности является фокус КПЭ не на достигнутых результатах, а на количестве проведенных мероприятий [Поликанов 2021]. Только в последнее время гуманитарная политика Российской Федерации в Казахстане (и в странах ближнего зарубежья в целом) стала уходить от «фуршетно-балалаечного» формата круглых столов и концертов народной культуры, присущего ей в нулевые и десятые годы [Ревазова, 2017, с. 86]. Тем не менее проблемой всё еще остается отсутствие новых форм гуманитарной политики, новых идей, основанных на локальной казахстанской специфике.

Кроме того, отсутствуют и специфические цели гуманитарной политики в отношении отдельных стран или регионов – в том числе и в новой Концепции гуманитарной политики. Так, официально зафиксированной цели относительно гуманитарной политики России в отношении Казахстана (или даже всего постсоветского пространства отдельно) до сих пор не существует.

Русская диаспора Казахстана как фактор гуманитарной политики

В Республике Казахстан проживают 3,5 млн этнических русских, а также примерно 0,7 млн человек других европейских народов, говорящих на русском языке [Численность населения Республики 2021]. Русская диаспора в Казахстане имеет ряд особенностей[1]. На сегодняшний день в Казахстане действует несколько десятков различных русских и славянских объединений, сосредоточенных на культурной и просветительской деятельности. Многие из этих организаций дублируют функции друг друга, а попытки создать «единый фронт» русских организаций Казахстана провалились из-за личных амбиций их руководителей и целенаправленной политики государства (см., например, Ассоциация русских, славянских и казачьих организаций – АРСКО) [Ларюэль 2007]. Попытки политической организации «Русская партия» также не были успешны из-за конституционного запрета на политические организации, созданные по национальному или религиозному принципу [там же]. Поэтому на данный момент русские Казахстана не имеют политического или общественного движения, которое бы отстаивало их права и боролось, к примеру, за сохранение статуса русского языка. Значимых диаспоральных форм организации, помимо чатов в мессенджере Телеграм, не появилось и в связи с последней волной эмиграции граждан России в Казахстан.

В целом, русская диаспора в Казахстане за 30 лет независимости так и не сложилась как устойчивое сообщество по трем основным причинам: перманентная эмиграция десятков тысяч человек ежегодно в Россию, отсутствие работающих форм самоорганизации и противодействие такой организации со стороны казахстанских властей. Более того, при сохранении нынешних тенденций её будущее на горизонте нескольких десятилетий выглядит крайне туманным, несмотря на недавний рост в связи с отъездом части граждан России от мобилизации.

Несмотря на низкую институционализацию, русские граждане Казахстана самим своим существованием оказывают влияние на политику Российской Федерации в отношении Республики Казахстан, в том числе и на гуманитарную.

– Во-первых, гуманитарная политика России вынуждена учитывать проживание большого количества русских в Казахстане и тем самым включать в себя специфический инструментарий. Наличие большого числа русских позволяет делать упор на культурные мероприятия и концерты русской культуры

1. Здесь и далее под «русским населением» понимаются русские, коренные народы Российской Федерации, а также другие европейские народы, родным языком которых является русский язык.

[Примаков 2018]. При условии ограниченности средств, выделяемых на гуманитарную политику – культурные мероприятия естественным образом доминируют среди прочих гуманитарных активностей.

– Во-вторых, фактор диаспоры меняет само гуманитарное послание – оно фокусируется на соотечественниках. Кроме того, прямая поддержка русских за рубежом может вступать в противоречие с политикой сопредельных стран по консолидации своих сограждан титульной нации. Так, по мнению А.В. Борисова проводимая политика в отношении русского меньшинства Казахстана ставит под угрозу межэлитное взаимодействие, так как элиты постсоветских республик занимаются нациестроительством, для которого сильная русская диаспора с поддержкой из России может быть серьезной помехой [Борисов 2021]. Однако в отличие от А.В. Борисова автор этой работы считает, что следствием этого должна быть более комплексная, но всё же направленная на защиту русских, политика, а не отказ от защиты соотечественников ближнего зарубежья.

– В-третьих, наличие диаспоры переводит фокус гуманитарной политики на саму диаспору как на более понятный объект деятельности [там же]. В 2000-е Россия впервые начала проводить активную диаспоральную политику в ближнем зарубежье, что обозначилось принятием в 1999 г. Закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». Однако же сам закон не вносил ясности в цели диаспоральной политики и даже в понятие «соотечественник» (в ст. 1 в понятии «соотечественник» даже ни разу не употреблено слово «русский») [Федеральный закон от 04.05.1999.] Так или иначе, декларируемой целью было максимальное усиление русских в ближнем зарубежье за счет их организации и укоренения на местах с постепенным превращением диаспоры в орган влияния Российской Федерации [Suslov 2017]. Именно со второй половины 2000-х годов Российская Федерация начала системную работу с соотечественниками за рубежом.

После присоединения Крыма к Российской Федерации, диаспоральная политика по отношению к русским Казахстана не претерпела существенных изменений, однако более выраженным в ней стала проблематика правозащитной деятельности в отношении пророссийских активистов и защиты русского языка. Начались преследования пророссийских активистов даже казахского происхождения: так, 2 раза был осужден Ермек Тайчибеков, выступавший против ущемления русскоязычного меньшинства и за более тесное сотрудничество с Россией [Казахский правозащитник получил 2021]. Несмотря на свои пророссийские взгляды, с российской стороны ему было отказано в поддержке и предоставлении гражданства по формальным основаниям [В МИД России рассказали 2021]. Такое же отношение Российской Федерации к русскому меньшинству и его проблемам в Казахстане можно проследить на протяжении всего существования независимой Российской

Федерации. По мнению М. Ларюэль, его проблемы находятся «не в фокусе» действий РФ, и российская сторона никогда не поддерживала автономистские или ирредентистские устремления русских Казахстана, стремясь сохранить дружественные отношения с правительством Казахстана (это пересекается и с выводами А.В. Борисова) [Ларюэль 2007]. Отчасти такая нерешительность со стороны Российской Федерации в вопросе организации диаспоры в Казахстане является следствием отсутствия артикулированной цели диаспоральной политики.

С самого появления диаспоральной политики России ведутся дискуссии о её целеполагании. С одной стороны, чиновниками от диаспоральной политики РФ основной её целью понимается «чтобы соотечественники являлись полноправными гражданами государств своего проживания, сохраняя при этом свою этнокультурную самобытность, оставаясь интеллектуальным, экономическим и духовно-культурным ресурсом России в мировой политике» [О деятельности Департамента 2006]. С другой стороны, координаторы организаций соотечественников основной целью диаспоральной политики видят «консолидацию русских за рубежом [Ревазова 2017]. Отдельные исследователи называют всё же основной целью диаспоральной политики – репатриацию соотечественников, отталкиваясь от того, что это самая эффективная её отрасль на сегодняшний день [Борисов 2021]. Такая ситуация осознаётся и русскими активистами Казахстана, призывающими либо начать массовую репатриацию русских, либо встать на защиту их культуры и образа жизни [Намовир 2021]. Тем не менее полноценного закона о репатриации в России нет до сих пор, а официальная цель диаспоральной политики так и не определена: создание сильной диаспоры в сопредельных государствах или массовая репатриация соотечественников на Родину?

Координирующим органом всей диаспоральной политики Российской Федерации по отношению к соотечественникам является Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом (ПКДСР). Именно на её площадке координируют свои действия организации и государственные органы, работающие с соотечественниками. В рамках координирующей функции ПКДСР также организует и проводит конференции в России для организаций соотечественников за рубежом [Сибилёв 2011]. Тем не менее непосредственную реализацию выработанных на заседаниях ПКДСР инициатив проводит Департамент по работе с соотечественниками за рубежом (ДРС) МИД РФ, исполняя функции секретариата для ПКДСР [Прудникова 2014]. Согласно положению о ДРС, в его функции входит мониторинг правового положения соотечественников за рубежом, обеспечение деятельности ПКДСР, содействие по разработке госполитики в области миграции, проведение культурных, образовательных мероприятий, защита русского языка и работа со СМИ [Прудникова 2014]. То есть работа с соотечественниками, согласно официальным функциям

департамента, ограничивается правозащитной, культурной и информационной сферами. Такое целеполагание обеспечивает значительное смещение диаспоральной политики в сторону исключительно гуманитарной. Другими проблемами ДРС являются устаревшие формы коммуникации (к примеру, упор на распространение печатных изданий, неактуальные страницы в Интернете) и недостаток финансирования [Глава департамента МИД 2021]. Всё это оставляет открытым вопрос об эффективности ДРС как ключевого органа диаспоральной политики.

В своей деятельности ДРС МИД РФ опирается на страновые Координационные советы организаций российских соотечественников [Официальный сайт Координационного совета организаций российских соотечественников Республики Казахстан]. Казахстанский КСОРС был создан в 2007 г. для координации многочисленных русских организаций Республики. Анализируя деятельность КСОРС в Казахстане, опираясь на материалы, размещенные на его официальном сайте, можно отметить несколько основных направлений деятельности: проведение культурных мероприятий, конференций, посвященных русскому языку и этно-концертов [Официальный сайт Координационного совета организаций российских соотечественников Республики Казахстан]. Лишь отдельные новости КСОРС посвящены координации организаций соотечественников или правозащите, при этом ни одно резонансное дело в отношении соотечественников в Казахстане не нашло своего освещения на официальном сайте. Более того, М. Ревазова утверждает, что КСОРС намеренно замалчивает межнациональные проблемы в Республике Казахстан для того, чтобы не усложнять отношения России и Казахстана [Ревазова 2017]. Помимо прочего, стоит отметить, что кроме функций координации организаций соотечественников, КСОРС претендует (исходя из анализа официальных резолюций) на функции определения соответствия гражданина РК статусу соотечественника и ключевую роль в распределении средств МИД РФ в рамках проведения гуманитарной политики в Республике Казахстан [Резолюция Страновой отчетно-выборной Конференции от 4–6 июня 2021 г.]. В целом, Координационный совет в Казахстане на данный момент существует в качестве органа, сосредоточенного на распределении бюджетов, выделенных на гуманитарную политику и на проведении этно-культурных мероприятий, а не на координации организаций соотечественников и правозащитной деятельности.

Вопросами русской диаспоры также занимается Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. Основной функцией фонда является оказание правовой поддержки соотечественникам при нарушении их прав и свобод через систему индивидуальных консультаций и субсидий правозащитным организациям. Деятельность Фонда в Казахстане сложно оценить: из всех 84 новостей с 2013 по 2022 г., посвященных Казахстану, на сайте фонда только одна была посвящена деятельности фонда

[Новости фонда поддержки], остальные – новостям других организаций. Кроме того, в отчете фонда за 2012–2017 г. Казахстан не упоминается ни разу [Мероприятия фонда и партнеров]. На сайте фонда также нет информации об участии юристов фонда или аффилированных организаций в резонансных делах, касающихся соотечественников в Казахстане. Можно сделать вывод, что, несмотря на свою актуальность, деятельность фонда в Казахстане в основном ограничивается отдельными консультациями и агрегированием новостей других организаций соотечественников.

В целом функции органов, занимающихся вопросами соотечественников за рубежом дублируют друг друга, оставаясь ограниченными вопросами культуры и неполитической правозащиты.

Помимо организационной и правозащитной деятельности, диаспоральная политика в Казахстане теоретически включает в себя политику в сфере сохранения позиций русского языка, доступности образования на родном языке и возможности для сохранения русской культуры и традиций (эти сферы составляют её ключевой гуманитарный аспект). Тем не менее достижения в этой сфере, помимо проведения концертов песни и пляски, можно признать скромными – количество русских школ снижается, топонимика казахизируется, всё большее количество русских теряют связь с Россией [Ревазова 2017]. Это происходит во многом из-за политизации языкового вопроса и невозможности его решить лишь доступными инструментами гуманитарной политики в виде конкурсов, грантов и конференций.

Для диаспоральной политики России в Казахстане так же, как и для гуманитарной политики, характерно отсутствие четкого целеполагания и понимания желаемой конечной цели. Более того, диаспоральная политика не выделена отдельно и не сформирована в виде собственной концепции или хотя бы упоминания в Концепции внешней политики; а основополагающий закон о статусе соотечественников на сегодняшний день является слишком размытым. Кроме того, в Казахстане реализация диаспоральной политики с точки зрения используемых инструментов значительно пересекается с политикой гуманитарной. Всё это ставит под вопрос эффективность диаспоральной политики России в Казахстане.

Заключение

Понятие «гуманитарная политика» до сих пор не определено эксплицитно в нормативно-правовых актах, её регулирующих. Более того, в русскоязычной научной литературе существуют разные толкования термина. Основными конкурирующими нарративами являются «гуманитарная политика как культурная политика» и «гуманитарная политика как материальная помощь

развитию». Уже только этот факт затрудняет дальнейшее целеполагание при разработке государственных программ.

Российская гуманитарная политика в Казахстане, в основном, ограничивается организацией конкурсов, обменов, культурных и просветительских мероприятий – приближаясь к нарративу «гуманитарной политики как культурной». Ключевой проблемой такой политики является отсутствие четко определенной цели, а следовательно, представляется затруднительным оценить эффективность её достижения. Исследователи гуманитарной политики России в основном отмечают недостаточное финансирование, а также следование устаревшим формам и идеям в качестве причины фокуса гуманитарной политики на исключительно культурных инициативах.

Важным фактором, который влияет на форму реализации гуманитарной политики России в Казахстане является наличие значительной русской диаспоры. Несмотря на то, что диаспора плохо организована, сокращается и в перспективе десятилетий может исчезнуть, её существование создает двоякое влияние на проведение гуманитарной политики. Во-первых, наличие большого количества русских в Казахстане упрощает проведение культурных мероприятий и в целом создает благоприятную среду для трансляции гуманитарного послания. Во-вторых, в условиях недостаточного финансирования существование диаспоры приводит к фактическому сращиванию диаспоральной и гуманитарной политик. Итогом этого становится фокус гуманитарной политики на соотечественниках при игнорировании других аудиторий, а также консервация исключительно культурной составляющей гуманитарной политики.

При этом ключевой проблемой диаспоральной политики Российской Федерации также является отсутствие четкой цели и сформированных ожиданий от русской диаспоры за рубежом. Российская диаспоральная политика в Казахстане также ограничивается культурной деятельностью, становясь частью гуманитарной политики (или наоборот, гуманитарная политика становится частью диаспоральной). Попытки организации соотечественников в сплоченную диаспору привели лишь к появлению многочисленных конкурирующих русских организаций и когорты «профессиональных соотечественников». Кроме того, диаспоральная политика России в Казахстане лишь отчасти удовлетворяет потребность соотечественников в правозащите, игнорируя резонансные случаи, которые могли бы повредить двусторонним российско-казахстанским отношениям.

В Казахстане произошло смешение диаспоральной и гуманитарной политик, отрицательно влияющее на эффективность обеих – и гуманитарная, и диаспоральная политики России сейчас находятся в глубоком кризисе. Для выхода из этого кризиса необходимо реформирование как гуманитарной, так и диаспоральной политик. Такая реформа могла бы в себя включать:

– установление четких целей как для гуманитарной политики России, так и для диаспоральной;

– институциональное отделение институтов, занимающихся гуманитарной политикой от институтов диаспоральной политики как преследующих онтологически разные цели, успешное достижение которых в Казахстане может быть в конфликте друг с другом;

– кратное увеличение финансирования гуманитарной политики России в целом;

– внедрение новых методов работы, уход от фокуса на культурных мероприятиях;

– усиление правозащитной и организационной деятельности среди соотечественников в рамках диаспоральной политики.

При учете фактора диаспоры, чётком целеполагании и достаточном финансировании у российской гуманитарной политики в Казахстане может быть большой положительный сдвиг для взаимодействия двух стран.

Библиография

Бактыбаева А. Факторы, тормозящие развитие гуманитарного сотрудничества Республики Казахстан и Российской Федерации в ходе евразийской интеграции // Постсоветские исследования. 2021. № 5. С. 400–408.

Борисов А.В. Гуманитарный вектор внешней политики России // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2019. С. 6–23.

Борисов А.В. К дискуссии о перспективах гуманитарной политики России на постсоветском пространстве // Проблемы постсоветского пространства. 2021. С. 192–206.

Герасимова В.А. Российские соотечественники за рубежом // Постсоветские исследования. 2019. 2(1). С. 904–922.

Глава департамента МИД по работе с соотечественниками: 9 Мая за рубежом отметят достойно // Tass. 2021. 4 мая. URL: https://tass.ru/interviews/11303877 (дата обращения: 31.01.2023).

Гусарова А. «Мягкая сила» России в Казахстане и Центральной Азии: как выполняет свои цели Россотрудничество? // Central Asia Analytical Network. 2017. 9 июня. https://www.caa-network.org/archives/9305 (дата обращения: 31.08.2022).

Илья Намовир. Трудно поверить, что власть Казахстана ничего не знает о дискриминации русских // Украина.ру. 2021. 12 августа. URL: https://ukraina.ru/20210812/1032048000.html (дата обращения: 31.08.2022).

Ларюэль М., Пейруз С. Русский вопрос в независимом Казахстане: история, политика, идентичность. М.: Наталис. 2007. С. 400–405.

Мероприятия фонда и партнеров // Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. URL: https://pravfond.ru/meropriyatiya/ (дата обращения: 16.05.2023).

Морозова Е.Р. Роль Россотрудничества и организаций российских соотечественников в Республике Казахстан // Постсоветские исследования. 2(8). 2019. С. 1612–1619.

Новости Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом // Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. URL: https://pravfond.ru/press-tsentr/?TAG_SECTION=none&TAG_COUNTRY=Казахстан&datefrom=&dateto=&PAGEN_1=9 (дата обращения: 16.05.2023).

О деятельности Департамента по работе с соотечественниками за рубежом // РИА Новости. 2006. 8 марта. URL: https://ria.ru/20060308/44002519.html (дата обращения: 31.01.2023).

«Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» (утв. Президентом РФ 18.12.2010). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130289/ (дата обращения: 31.08.2022).

Официальный сайт Координационного совета организаций российских соотечественников Республики Казахстан (КСОРКС РК). URL: https://ksors.kz/category/все-разделы/ (дата обращения: 31.01.2023).

Поликанов Д.В. О новых подходах к распространению российского гуманитарного влияния // Дипломатическая служба и практика. 2021. С. 56–61.

Примаков Е.А. Гуманитарная миссия России // Пути к миру и безопасности. 2018. С. 182–196.

Примаков Е.А. О гуманитарной политике и немного о внешней в целом // Вести. 2020. 29 января. URL: https://www.vesti.ru/article/1294031 (дата обращения: 31.08.2022).

Прудникова Т.А. Роль субъектов организационно-правового обеспечения взаимодействия российского государства с соотечественниками за рубежом // Вестник Московского университета МВД России. №3. 2014. С. 141–145.

Ревазова М.И. Проблемы диаспоральной политики России в ближнем зарубежье // Научно-аналитический журнал «Обозреватель-Observer». 2017. С. 79–93.

Резолюция Страновой отчетно-выборной Конференции организаций российских соотечественников, проживающих в Республике Казахстан // КСОРКС РК. 2021. 4–6 июня. URL: https://ksors.kz/wp-content/uploads/2021/07/РЕЗОЛЮЦИЯ-КСОРС-РК-2021.pdf (дата обращения: 31.01.2023).

Сибилёв В.И. Соотечественники и положение русского языка за рубежом // Международная жизнь. № 12. 2011. С. 132–139.

Указ Президента Российской Федерации Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41451 (дата обращения: 31.08.2022).

Указ Президента Российской Федерации Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом от 05.09.2022 г. № 611. URL: http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnum=0001202209050019http://kremlin.ru/acts/bank/41451 (дата обращения: 08.09.2022).

Федеральный закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/4733d92796950eff2201181bdbcf75ca68fa7ddc/ (дата обращения: 31.08.2022).

Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2021 года // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: https://data.egov.kz/datasets/view?index=the_population_of_the_republic (дата обращения: 31.08.2022).

Hanks R.R. Russian and Chinese Hard / Soft Power Projection in Kazakhstan. Soft Power in Central Asia: The Politics of Influence and Seduction. 2021. P. 199.

Keohane Robert O., and Joseph S. Nye Jr. Power and interdependence in the information age. 1998. P. 158–165. Foreign Aff., 77. URL: https://www.jstor.org/stable/20049052 (дата обращения: 31.08.2022).

Senggirbay M. Ethnic Identity of Kazakhstani Russians: The Dynamics of Change and the Place of Russia as a Kin State. Journal of Nationalism, Memory & Language Politics. 13 (1). 2019.

Suslov M. Russian World: «Russia's Policy towards its Diaspora». Russie. Nei. Visions. 2017 Jul. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/suslov_russian_world_2017.pdf (дата обращения: 31.08.2022).

Yanthan C., Nath G. Russia'S Engagement With Its Diaspora in Kazakhstan: Soft Power At Play? // International Journal of Russian Studies. № 8(1). 2019. P. 40–52.

References

Baktybaeva A. Faktory, tormozyashchie razvitie gumanitarnogo sotrudnichestva Respubliki Kazahstan i Rossijskoj Federacii v hode evrazijskoj integracii [Factors hindering the development of humanitarian cooperation between the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation in the course of Eurasian integration]. Postsovetskie issledovaniya. 2021 [Post-Soviet studies] N 5. P. 400–408. (In Russ.)

Borisov A.V. Gumanitarnyj vektor vneshnej politiki Rossii [Humanitarian vector of Russia's foreign policy]. Vestnik diplomaticheskoj akademii MID Rossii. Rossiya i mir [Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the world]. 2019. P. 6–23. (In Russ.)

Borisov A.V. K diskussii o perspektivah gumanitarnoj politiki Rossii na postsovetskom prostranstve [Towards a discussion about the prospects for Russia's humanitarian policy in the post-Soviet space]. Problemy postsovetskogo prostranstva [Problems of the post-Soviet space]. 2021. P. 192–206. (In Russ.)

Chislennost' naseleniya Respubliki Kazahstan po otdel'nym etnosam na nachalo 2021 goda [Population of the Republic of Kazakhstan by individual ethnic groups at the beginning of 2021] URL: https://stat.gov.kz/api/getFile/?docId=ESTAT414397 (date of access: 31.08.2022). (In Russ.)

Federal'nyj zakon ot 24.05.1999 № 99-FZ (red. ot 23.07.2013) «O gosudarstvennoj politike Rossijskoj Federacii v otnoshenii sootechestvennikov za rubezhom» [Federal Law N 99-FZ of May 24, 1999 (as amended on July 23, 2013) «On the State Policy of the Russian Federation towards Compatriots Abroad»]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/4733d92796950eff2201181bdbcf75ca68fa7ddc/ (date of access: 31.08.2022). (In Russ.)

Gerasimova V.A. Rossijskie sootechestvenniki za rubezhom [Russian compatriots abroad]. Postsovetskie issledovaniya [Post-Soviet Studies]. N 2(1). P. 904–922. 2019. (In Russ.)

Glava departamenta MID po rabote s sootechestvennikami: 9 Maya za rubezhom otmetyat dostojno. [Head of the Department of the Ministry of Foreign Affairs for work with compatriots: May 9 will be celebrated abroad with dignity]. Tass. 2021. 4 May. URL: https://tass.ru/interviews/11303877 (date of access: 31.01.2023). (In Russ.)

Gusarova A. «Myagkaya sila» Rossii v Kazahstane i Central'noj Azii: kak vypolnyaet svoi celi Rossotrudnichestvo? [Russian «soft power» in Kazakhstan and Central Asia: how does Rossotrudnichestvo achieve its goals?]. 2017. 9 Jun. https://www.caa-network.org/archives/9305 (date of access: 31.08.2022). (In Russ.)

Hanks R.R. Russian and Chinese Hard/Soft Power Projection in Kazakhstan. Soft Power in Central Asia: The Politics of Influence and Seduction, 2021. P. 199.

Il'ya Namovir: Trudno poverit', chto vlast' Kazahstana nichego ne znaet o diskriminacii russkih [Ilya Namovir: It's hard to believe that the government of Kazakhstan knows nothing about discrimination against Russians]. Ukraina.ru. 2021. 10 Aug. URL: https://ukraina.ru/20210812/1032048000.html (date of access: 31.08.2022). (In Russ.)

Keohane Robert O., and Joseph S. Nye Jr. Power and interdependence in the information age, 1998. P. 158–165. Foreign Aff., 77. URL: https://www.jstor.org/stable/20049052 (date of access: 31.08.2022). (In Russ.)

Laryuel' M., Pejruz S. Russkij vopros v nezavisimom Kazahstane: istoriya, politika, identichnost'. [The Russian Question in Independent Kazakhstan: History, Politics, Identity.]. M.: Natalis, 2007. P. 400–405. (In Russ.)

Meropriyatiya fonda i partnerov. [Events of the fund and partners]. // Fond podderzhki i zashchity prav sootechestvennikov, prozhivayushchih za rubezhom. [Foundation for the support and protection of the rights of compatriots living abroad]. URL: https://pravfond.ru/meropriyatiya/ (date of access: 16.05.2023). (In Russ.)

Morozova E.R. Rol' Rossotrudnichestva i organizacij rossijskih sootechestvennikov v Respublike Kazahstan. [The role of Rossotrudnichestvo and organizations of Russian compatriots in the Republic of Kazakhstan]. Postsovetskie issledovaniya [Post-Soviet Studies]. 2019. 2(8). P. 1612–1619. (In Russ.)

Novosti fonda podderzhki i zashchity prav sootechestvennikov, prozhivayushchih za rubezhom. [News of the fund for support and protection of the rights of compatriots living abroad.]. Fond podderzhki i zashchity prav sootechestvennikov, prozhivayushchih za rubezhom [Foundation for the support and protection of the rights of compatriots living abroad]. URL: https://pravfond.ru/pressts entr/?TAG_SECTION=none&TAG_COUNTRY=Kazahstan&datefrom=&dateto=&PAGEN_1=9 (date of access: 16.05.2023). (In Russ.)

O deyatel'nosti Departamenta po rabote s sootechestvennikami za rubezhom. [On the activity of the Department for work with compatriots abroad]. RIA Novosti. 2006. 8 Mar. URL: https://ria.ru/20060308/44002519.html (date of access: 31.01.2023). (In Russ.)

Oficial'nyj sajt Koordinacionnogo soveta organizacij rossijskih sootechestvennikov Respubliki Kazahstan (KSORKS RK). [Official site of the Coordinating Council of Organizations of Russian Compatriots of the Republic of Kazakhstan (KSORKS RK).] URL: https://ksors.kz/category/vse-razdely/ (date of access: 31.01.2023). (In Russ.)

«Osnovnye napravleniya politiki Rossijskoj Federacii v sfere mezhdunarodnogo kul'turno-gumanitarnogo sotrudnichestva» (utv. Prezidentom RF 18.12.2010) [The main directions of the policy of the Russian Federation in the field of international cultural and humanitarian cooperation (by the President of the Russian Federation 18.12.2010)] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130289/ (date of access: 31.08.2022). (In Russ.)

Polikanov D.V. O novyh podhodah k rasprostraneniyu rossiyskogo gumanitarnogo vliyaniya [On new approaches to the development of Russian humanitarian influence]. Diplomaticheskaya sluzhba i praktika [Diplomatic service and practice]. 2021. P. 56–61. (In Russ.)

Primakov E.A. Gumanitarnaya missiya Rossii [Humanitarian mission of Russia. Puti k miru i bezopasnosti [Pathways to Peace and Security]. 2018. P. 182–196. (In Russ.)

Primakov E.A.: O gumanitarnoy politike i nemnogo o vneshney v celom. [On humanitarian and foreign policy in general]. Vesti. 2020. 29 Jan. URL: https://www.vesti.ru/article/1294031 (date of access: 31.08.2022). (In Russ.)

Prudnikova T.A. Rol' sub"ektov organizacionno-pravovogo obespecheniya vzaimodejstviya rossijskogo gosudarstva s sootechestvennikami za rubezhom. [The role of the subjects of organizational and legal support for the interaction of the Russian state with compatriots abroad]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. N 3. 2014. P. 141–145. (In Russ.)

Revazova M.I. Problemy diasporal'noj politiki Rossii v blizhnem zarubezh'e [Problems of Russia's Diaspora Policy in the Near Abroad]. Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel'-Observer [Scientific and analytical journal Obozrevatel-Observer]. 2017. P. 79–93. (In Russ.)

Rezolyuciya Stranovoj otchyotno-vybornoj Konferencii organizacij rossijskih sootechestvennikov, prozhivayushchih v Respublike Kazahstan. [Resolution of the Country Reporting and Election Conference of Organizations of Russian Compatriots located in the Republic of Kazakhstan].

KSORKS RK. 2021. 4–6 Jun. URL: https://ksors.kz/wp-content/uploads/2021/07/REZOLYUCIYA-KSORS-RK-2021.pdf (date of access: 31.01.2023). (In Russ.)

Senggirbay M. Ethnic Identity of Kazakhstani Russians: The Dynamics of Change and the Place of Russia as a Kin State. 2019. Journal of Nationalism, Memory & Language Politics. N 13 (1).

Sibilyov V.I. Sootechestvenniki i polozhenie russkogo yazyka za rubezhom. [Compatriots and the position of the Russian language abroad] // Mezhdunarodnaya zhizn' [International life], (12). P. 132–139. 2011. (In Russ.)

Suslov M., 2017. Russian World: «Russia's Policy towards its Diaspora». Russie. Nei.Visions. P. 5–30. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/suslov_russian_world_2017.pdf (date of access: 31.08.2022). (In Russ.)

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 05.09.2022 g. № 611 [Decree of the President of the Russian Federation of 05.09.2022 N 611] URL: http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnum=0001202209050019 (date of access: 08.09.2022). (In Russ.)

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 30.11.2016 g. № 640 [Decree of the President of the Russian Federation of 30.11.2016 N 640] URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41451 (date of access: 31.08.2022). (In Russ.)

Yanthan C., Nath G. Russia'S Engagement With Its Diaspora in Kazakhstan: Soft Power At Play?. International Journal of Russian Studies. 2019. N 8 (1). P. 40–52.

DOI: 10.31249/rsm/2023.03.09

А.В. Шубин

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ «ЕДИНОГО ФРОНТА» КОМИНТЕРНА НА ФОНЕ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ 1921–1922 г.

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению политики Коминтерна в контексте внешней политики советского государства в 1921–1922 гг. Автор показывает, что динамика политики Коминтерна не была прямо привязана к советскому внешнеполитическому курсу и повороту к НЭПу в марте 1921 г. У Коминтерна была своя внутренняя логика развития. С его помощью коммунистическое руководство могло маневрировать между более радикальным прощупыванием готовности капиталистического мира к новой волне революционной дестабилизации либо умеренной политикой длительной «осады» капитализма, что предполагало сближение с социал-демократией под лозунгом «единого рабочего фронта». К началу 1922 г., после острых дискуссий накануне и в ходе III конгресса Коминтерна, его политика постепенно синхронизировалась с внешнеполитическим курсом Советской России, что позволило использовать сближение с западноевропейской социал-демократией в интересах НКИД. Однако дипломатический выигрыш от этого оказался незначительным, и после неудачи Генуэзской конференции Коминтерн продолжил проведение политики «единого фронта» уже вне непосредственной связи с задачами НКИД, а в качестве основы коммунистической стратегии борьбы за приход к власти в странах Западной Европы. При этом, как во время переговоров с социал-демократами, так и в планировании революционных действий на IV конгрессе Коминтерна, коммунисты исходили из приоритета своей монополии на власть, рассматривая политику союзов и уступок как тактическую и временную, отказываясь от «политического нэпа» и плюралистической модели многопартийного демократического социализма.*

Ключевые слова: *Коминтерн; Генуэзская конференция 1922 г.; Ленин; Зиновьев; Радек; мартовская акция 1921 г.; единый рабочий фронт.*

Шубин Александр Владленович – доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.
Россия, Москва.
Email: historian905@gmail.com

Shubin A.V. **Formation of the «united front» policy of the Comintern and the Soviet foreign policy of 1921–1922**

Abstract*. The article is devoted to the consideration of the policy of the Comintern in the context of the foreign policy of the Soviet state in 1921–1922. The author shows that the dynamics of the Comintern's policy were not directly tied to the Soviet foreign policy course and the turn to the NEP in March 1921. The Comintern had its own internal logic of development. With its help, the communist leadership could maneuver between a more radical probing of the capitalist world's readiness for a new wave of revolutionary destabilization or a moderate policy of a prolonged «siege» of capitalism, which implied rapprochement with social democracy under the slogan of a «united workers' front». By the beginning of 1922, after sharp discussions on the eve and during the III Congress of the Comintern, its policy gradually synchronized with the foreign policy course of Soviet Russia, which made it possible to use the rapprochement with Western European social democracy in Soviet foreign interests. However, the diplomatic gain from this turned out to be insignificant, and after the failure of the Genoa Conference, the Comintern continued to pursue a «united front» policy no longer directly related to the tasks of the NKID, but as the basis of the communist strategy of the struggle for power in Western Europe. At the same time, both during negotiations with the Social Democrats and in planning at the IV Congress of the Comintern, the Communists proceeded based on the priority of their monopoly on power, considering the policy of alliances and concessions as tactical and temporary, abandoning the «political NEP» and the pluralistic model of multiparty democratic socialism.*

Keywords: *Comintern; the Genoa Conference of 1922; Lenin; Zinoviev; Radek; the March action of 1921; the United Workers' Front.*

Shubin Alexandr Vladlenovich – Doctor of Historical Sciences,
Chief Researcher at the Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
Email: historian905@gmail.com

Советская внешняя политика 1921–1922 гг. не обижена вниманием историографии [см., например: Быстрова 2000, с. 9–13]. Это время активной дипломатической борьбы за выход Советской России из международной изоляции, встречного стремления части западноевропейских политиков к послевоенному урегулированию на Востоке Европы, заключения советско-британского торгового соглашения 16 марта 1921 г., Рижского мира 18 марта 1921 г., эпической Генуэзской конференции, на полях которой было заключено советско-германское Рапальское соглашение 16 апреля 1922 г., а также Гаагской конференции, несколько двусмысленно завершившей этот драматичный период. Несмотря на неудачу попытки всестороннего урегулирования политико-экономических отношений на Востоке Европы, события 1922 г. сформировали рамку, в которой затем происходила «полоса признаний»

СССР. При описании дипломатических перипетий в дипломатическом контексте иногда упоминается политика Коминтерна. Но в целом историография Коминтерна развивается по своей логике, уделяя внимание этому периоду как важному этапу эволюции стратегии коммунистического движения [Ватлин 2009, с. 73–106; История Коммунистического Интернационала 2002, с. 36–39; Макдермотт, Агню 2000, с. 43–57; Левая альтернатива 2020]. В центре внимания исследователей истории Коминтерна этого периода (как и коммунистов того времени) оказывается политика «единого рабочего фронта», которая имеет корни прежде всего в самом коммунистическом движении, но коррелируется и с внешнеполитическими задачами Советской России, и с внутриполитическим «отступлением» новой экономической политики (НЭП). Эта самоочевидная корреляция, тренд к умеренности, как бы избавляет исследователей от детализации соотношения этих трех аспектов коммунистической политики. Для исследователей советской внешней политики Коминтерн прилагается к ней как инструмент Москвы, исследователи Коминтерна соотносят его эволюцию с обстоятельствами политической борьбы в странах, где компартии приобрели влияние, а также с ситуацией внутри России, которая уже опосредованно связана с динамикой внешней политики. Интересно было бы более детально проследить синхронизацию и асинхронность развития этих трех аспектов коммунистической политики: внутриполитическая эволюция коммунистического режима в начале НЭПа, советская внешняя политика (с кульминацией в Генуе) и политика Коминтерна, выдвинувшего линию «единого фронта». Данная статья посвящена рассмотрению политики Коминтерна в контексте политики советского государства. Наша задача – не только проследить взаимовлияние политики Коминтерна и советского правительства – как внутренней, так и внешней, но и рассмотреть их как проявление целостности политики коммунистического центра.

Коминтерн идет не в ногу

Новая страница истории России и ее внешней политики отчасти случайно, но глубоко закономерно начинается одновременно – в марте 1921 г. X съезд РКП(б) провозглашает НЭП в то же время, когда подписываются советско-британское и советско-польское соглашения. Связь двух последних очевидна – переговоры в Лондоне в 1920 г. были поставлены на паузу как раз в связи с походом Красной армии на Варшаву. Теперь, когда заключался мир на польских условиях, не было препятствия и для приоткрытия торговых отношений с «Советами», за которым логично следовало открытие более масштабных переговоров по урегулированию экономических противоречий капиталистических и прокоммунистических государств. Повестка западноевропейской

политики Советской России на 1922 г. таким образом была сформирована. Как и повестка внутренней политики – логично, что признав неудачу «военно-коммунистической» попытки вырваться из капитализма, теперь коммунисты «учились торговать» и внутри страны, и за ее пределами. Отметим, политических уступок со стороны коммунистического режима это не предполагало, хотя ожидание «политического нэпа» сохранялось за пределами Кремля. Казалось бы, это общее отступление к капитализму во внешней и внутренней политике в условиях явного завершения прилива мировой революционной волны требовало и более умеренного курса от Коминтерна [Шубин 2020, с. 754–771]. Но в марте 1921 г. зарубежные коммунисты демонстрировали нечто прямо противоположное – восстание в Германии, с оговорками одобренное руководством Коминтерна. Динамика политики Коминтерна не была прямо привязана к советскому повороту от «военного коммунизма» к «торгашеству» (и экономическому, и внешнеполитическому). Первый шаг к умеренности Коминтерн сделал еще во время «военного коммунизма», а решительный поворот – существенно позднее X съезда РКП(б). У Коминтерна была своя внутренняя логика развития, но это не значит, что она была оторвана от политики Кремля, который с помощью партий Коминтерна мог «прощупывать» ситуацию, действуя то более умеренно, то более решительно (что было рискованно внутри России, где восстания поставили коммунистический режим на грань катастрофы).

Вектор мирового развития сменился, но в 1921 г. было неясно, насколько. Раньше происходил натиск обездоленных масс на капитал, теперь – отступление социальных движений. Части коммунистических лидеров, включая и российских, казалось, что еще можно попытаться все же переломить ситуацию, воспользоваться бедственным положением рабочих, когда отчаяние масс и неуступчивость мирового капитала приведет к мировому взрыву. Но если нет – придется перейти к «осаде» капитализма, к взаимодействию с менее радикальной частью рабочего класса и левой интеллигенции, а значит – с социал-демократами (социалистами), от которых коммунисты столь решительно отмежевывались в 1920 г. [Ватлин 2019; Шубин 2020, с. 374–416; Коммунистический интернационал 1969, с. 149].

К началу 1921 г. в партиях Коминтерна в несоветских странах состояли 760 тыс. членов. А в социал-демократических партиях – около 3 млн, в профсоюзах Амстердамского интернационала – 22 млн человек [Коммунистический интернационал 1969, с. 149].

Имея столь скромную армию, перейти в контрнаступление коммунистам было нелегко. Как лучше это сделать – решительным ударом радикального меньшинства, увлекающего массы за собой, или выстраиванием фронта, в который войдет большинство рабочих, чтобы навалиться на капиталистов общими усилиями?

Эта альтернатива вызывала разногласия в самом ядре Коминтерна. Такие его руководители, как К.Б. Радек, приходили к выводу, что слишком резкое размежевание с социал-демократами изолировало коммунистов от широких масс, что раскол лишает рабочий класс возможности перейти в контрнаступление. Против поворота к союзу с социал-демократами выступали председатель Исполкома Коминтерна (ИККИ) Г.Е. Зиновьев и видный коммунистический теоретик Н.И. Бухарин. В.И. Ленин колебался и готов был экспериментировать. Перспектива снова оказаться в одной компании с «социал-предателями» его не радовала, но изоляция коммунистов от более умеренных масс лишала не только надежд на победу мировой революции, которая еще недавно мерещилась на горизонте, но и эффективного средства воздействия на политическую ситуацию в Европе, которым могут стать влиятельные компартии. За каждой из этих позиций стояло множество коммунистических лидеров в европейских странах и связанные с ними массы активистов.

Первый ход в новом витке борьбы среди коммунистов сделали умеренные лидеры Объединенной коммунистической партии Германии (ОКПГ). Прагматичные лидеры ОКПГ, такие как П. Леви и К. Цеткин, усиленные левыми социалистами из перешедших в партию «независимцев», такими как Э. Деймиг, стремились создать влиятельную партию, накапливающую силы, пока не возникнет возможность взять власть наверняка. Им противостояли рвавшиеся в бой лидеры во главе с Г. Брандлером, А. Тальгеймером и Э. Тельманом (тоже бывшим «независимцем»). Они придерживались «теории наступления», т.е. верили в то, что рабочий класс Германии готов к свержению капитализма – нужно только увлечь его в бой.

7 января 1921 г. ЦК ОКПГ по инициативе его умеренных лидеров и представителя Коминтерна Радека приняли судьбоносный документ – «Открытое письмо» к профсоюзам и левым партиям Германии с призывом к совместным действиям против наступления капитала, к созданию для этого «единого фронта» (опубликовано 8 января). На заседании ИККИ в феврале Зиновьев и Бухарин раскритиковали эту идею [Дмитриев 2004]. Она вызвала недовольство и в самой ОКПГ. Для ее левого крыла и для значительной части Коминтерна это письмо было страшным грехопадением – ведь весь 1920 г. Коминтерн только и делал, что размежевывался с социал-демократами.

Пока в Германии готовилась схватка между радикальным и умеренным крыльями ОКПГ, за каждым из которых стояли влиятельные коминтерновские деятели, внимание и Коминтерна, и германских коммунистических лидеров резко переключилось на Италию. 15 января 1921 г. в Ливорно открылся XVII съезд входившей в Коминтерн Итальянской социалистической партии (ИСП), который закончился громким расколом. Левое меньшинство вышло из ИСП и основало Коммунистическую партию Италии (КПИ). Москва полностью поддержала раскольников. 25 января 1921 г. Исполком Коминтерна

(ИККИ) в обращении к лидерам КПИ объявил: «Ваша партия является единственной секцией Коммунистического Интернационала в Италии» [Итальянская социалистическая партия 1921, с. 149].

Леви и Цеткин, вовлеченные в итальянские дела как представители Коминтерна, критиковали поведение итальянских левых и ИККИ, из-за которых Коминтерн потерял влиятельную итальянскую партию, а получил сектантскую и маловлиятельную организацию.

Дискуссия по итальянскому вопросу продолжилась в ЦК ОКПГ, который 1 февраля принял компромиссное решение по этому вопросу, но левое крыло при поддержке представителя Коминтерна венгра М. Ракоши собрало расширенный пленум ЦК ОКПГ 23 февраля, на котором лидер итальянских левых социалистов Д. Серрати подвергся резкому обличению, что било по авторитету умеренных лидеров ЦК ОКПГ. В ответ П. Леви, Э. Деймиг, К. Цеткин, секретарь партии О. Барс и заместитель секретаря А. Гофман вышли из ЦК. Но это лишь развязало руки леворадикальным членам ЦК ОКПГ. Они искали повода, чтобы двинуть массы в решительный бой. И повод представился благодаря внешнеполитической ситуации.

14 марта 1921 г. закончились неудачей переговоры о репарациях между Германией и державами Антанты. Французские и бельгийские войска вошли в Рур, Дюссельдорф и Дуйсбург. Стремясь укрепить контроль над оставшейся территорией, германское правительство решило ввести войска в Саксонию, где происходили волнения рабочих. 19 марта 1921 г. полиция начала на предприятиях в Айслебене операции по поиску оружия, спрятанного после Капповского путча год назад. Радикальные рабочие и ЦК ОКПГ восприняли эту акцию как достойный повод для вооруженного выступления. Действия полиции были именно поводом, а не причиной столкновения. Еще 18 марта «Роте фане» писала: «Каждый рабочий плюет на закон и приобретает себе оружие там, где находит его» [Deutschland, Russland, Komintern 2015, S. 140]. 21 марта по призыву ОКПГ началась забастовка с захватами предприятий рабочими. Вспыхнули бои. Восстание было подавлено. 1 апреля ОКПГ призвала к прекращению стачки. «Мартовская акция» закончилась провалом.

17 апреля Леви изложил свой взгляд на мартовское восстание в брошюре «Наш путь. Против путчизма». 22 апреля за эту публикацию ЦК исключил его из ОКПГ. Коминтерн санкционировал это решение, так как Леви «вынес сор из избы». Как видим, ОКПГ шла не в ногу с РКП(б), устроив восстание одновременно с поворотом большевиков к умеренности.

Раз Леви оказался врагом, то левые радикалы в ОКПГ считали себя идейными победителями и ждали одобрения от грядущего III конгресса Коминтерна. К нему Тальгеймер подготовил тезисы по итогам «Мартовской акции», которые были приняты Централе (то есть заседанием ЦК и представителей окружных организаций). Это конечно была хорошая мина при плохой игре.

ОКПГ хвалила провалившееся выступление за то, что рабочие «вышли из стагнации», произошел «прорыв пассивности и гражданского мира», а социал-демократы в очередной раз «разоблачили себя как контрреволюционные силы» [Дмитриев 2004, с. 132].

Ленин, недовольный ситуацией вокруг Германии, назвал эти тезисы «фразой и игрой в левизну». Руководство ОКПГ и его венгерские кураторы слишком уклонились влево и провалились. «Суть дела в том, что Леви политически в очень многом прав. К сожалению, он сделал ряд поступков, нарушающих дисциплину, за которые партия его исключила». То есть исключение Леви не означает, что идеологически правы те, кто его исключил. Даже Радека Ленин критикует за уступки «глупячеству левых». Ленин сделал ставку на работу в старых профсоюзах и политику сближения с социал-демократами, о чем безапелляционно сообщил Зиновьеву: «Тактика “открытого письма” обязательна повсюду. Это надо сказать прямо, точно, ясно, ибо колебания насчет “открытого письма” архивредны, архипозорны и архираспространены. Нечего греха таить. Всех, кто не понял этой обязательности тактики “открытого письма”, не позже, как через месяц после III Конгресса Коммунистического Интернационала исключить из Коммунистического Интернационала» [Ленин т. 52, с. 265–267]. Мартовская акция оказалась досадным отклонением от курса, намеченного в январе 1921 г.

От III конгресса Коминтерна к политике «единого рабочего фронта»

22 июня – 12 июля 1921 г. проходил III конгресс Коминтерна, который должен был разрешить многочисленные проблемы от стратегии в новых условиях до тактики раскалывающихся левых партий Европы. Казалось бы, в условиях «отступления» в России и вокруг неё, Коминтерн тоже должен был повернуть вправо. Это произойдет позднее. Но на III конгрессе Коминтерна главной грозой по-прежнему считались реформизм и «центризм». Однако теперь, когда компартии отмежевались от «центристов» организационно, нужно было что-то делать с их сектантством и добиться притока масс в партии.

Л.Д. Троцкий в своем выступлении признавал, что во время Октябрьской революции «путь от захвата власти в нашей стране к такому же акту в странах Средней и Западной Европы казался нам гораздо ближе, чем то было в действительности». Но и в 1921 г. все еще кажется, что волна не спадает: «В 1921 году произошли мартовские бои в Германии, забастовка углекопов в Англии, всеобщая забастовка в Норвегии – три крупнейших факта великой борьбы». Однако Троцкому приходится признать, что «историческая возможность» установить «власть пролетариата» уже во время «первого этапа» натиска в 1918–1919 гг., упущена. Буржуазия получила передышку [Третий

Всемирный Конгресс 1922, с. 28, 44–46]. Но она будет недолгой – как раз на 1922 г., когда предстоят переговоры с капиталистами. Радек тоже ориентировал коммунистов мира на подготовку к гражданской войне, потому что «силы мировой революции продолжают развиваться, и что предстоит не ее упадок, а объединение революционных сил для новых боев» [Третий Всемирный Конгресс 1922, с. 28, 44–46]. Вот каковы были установки коммунистических лидеров, когда они готовились к генуэзским переговорам.

При этом руководители Коминтерна решили публично не осуждать организаторов «мартовской акции», расценив этот провал как «шаг вперед» и «геройскую борьбу сотен тысяч пролетариев с буржуазией» [Коммунистический интернационал 1933, с. 194]. Германских леваков лишь пожурили за недостаточную подготовку восстания. Это способствовало сохранению в германской компартии авантюристического подхода к революционному перевороту, что затем привело коммунистов к поражению в 1923 г.

Верховным судьей в коммунистических спорах оставался Ленин. Он осторожно перекладывал руль направо. На конгрессе он говорил: «Мы не только осудили наши правые элементы, мы их изгнали. Но если из борьбы против правых устраивать спорт, как Терначини, то мы должны сказать: «Довольно! Иначе опасность станет слишком серьезной»» [Ленин т. 44., с. 27]. То, что Ленин избрал итальянского коммуниста для показательной порки леваков, говорит о его недовольстве тем, как прошел раскол в Ливорно. На комиссии по тактике конгресса Ленин заявил, что стоит «на стороне правых конгресса» [Ленин 1999, с. 455]. Ленин взял под защиту «Открытое письмо» ОКПГ и, отмежевавшись от Леви, критически высказался о «Мартовской акции», где неоправданно применили «теорию наступления» [там же, с. 25, 29].

III конгресс Коминтерна еще не провозгласил политику создания единого рабочего фронта с социал-демократами. От коммунистов требовали завоевать большинство рабочих на свою сторону, т.е. оттеснить социал-демократов. Но было принято решение поддерживать не только коммунистические, но и частичные требования рабочих в борьбе за социальные права. А это уже создавало основу для тактического сотрудничества с социал-демократами. Как говорилось в резолюции конгресса, «в очень редких случаях» «путем усиления давления на другие партии, опирающиеся на пролетариат, начинать совместную борьбу за ближайшие интересы пролетариата». При этом письмо ОКПГ от 8 января 1921 г. было названо образцовым [Коммунистический интернационал в документах 1933, с. 193]. Это открывало путь к сотрудничеству с социал-демократией, о котором говорилось в этом письме.

Вскоре после завершения III конгресса руководство Коминтерна решило, что настало время сделать решительный поворот в политике к сближению с социал-демократами. Несмотря на то, что Ленин сразу поддержал январское письмо ОКПГ, на конгрессе он не решился поставить вопрос о сотрудничестве

с социал-демократией прямо. Во-первых, это нельзя было делать одновременно с обсуждением мартовского выступления, так как правый поворот означал бы поддержку Леви и Серрати. Во-вторых, часть делегатов могла прямо выступить против нового курса. Скандал на конгрессе был не нужен. Так что курс на сближение с социал-демократами был провозглашен не на конгрессе, а между конгрессами Коминтерна.

13 июля 1921 г. Малое бюро ИККИ заявило: «Только в борьбе за элементарные жизненные требования рабочих масс мы можем создать единый фронт пролетариата против буржуазии и положить конец расколу пролетариата, являющемуся основой для дальнейшего существования буржуазии». Правда 1 августа ИККИ поправился – коммунистическим и социал-демократическим рабочим нужно объединяться «снизу», против «социал-предательских» вождей социал-демократических партий [цит. по: Ундасынов 1979, с. 155–156].

Но сам ИККИ принялся действовать «сверху». 19 октября он обратился к Амстердамскому интернационалу профсоюзов с призывом к совместным действиям в поддержку пролетариата Испании и Югославии. Ничего экстраординарного в этих странах тогда не происходило, было видно, что Коминтерн просто искал повод для зондажа. Умеренные профбоссы не сочли повод достаточным для изменения отношений с коммунистами.

1 декабря Политбюро ЦК РКП(б) приняло подготовленное Лениным решение представить в ИККИ тезисы о «едином рабочем фронте» [Ленин т. 44, с. 262–265]. 4 декабря они были доложены Зиновьевым в ИККИ [Ватлин 2009, с. 80]. В дискуссии Бухарин выразил сомнение в необходимости отказываться от «клеймления» социал-демократов. Его поддержали представители ФКП, КПЧ и КПГ[1]. В результате тезисы были направлены на доработку и одобрены только 18 декабря, но с обязательным утверждением на расширенном пленуме ИККИ в феврале 1922 г. (он их, разумеется, утвердил). Документ назывался «О едином рабочем фронте и об отношении к рабочим, входящим в II, II1/2 и Амстердамский Интернационалы, а также к рабочим, поддерживающим анархо-синдикалистские организации». Опубликованы они были только 27 декабря и вызвали сенсацию – коммунисты, которые так упорно отмежевывались от социал-демократов и отказывали им в праве считаться представителями рабочего класса, теперь взяли курс на совместную работу.

Решение о новом курсе Коминтерна было принято вовремя. Верховный совет Антанты наконец отвлекся от германских и турецких дел и выразил готовность заняться восточноевропейским урегулированием и прежде всего – переговорами с Россией. 6 января 1922 г. в Каннах были выработаны условия

1. ОКПГ убрало из названия слово «Объединенная» в августе 1921 г., после чего стала называться просто КПГ.

участия в будущей экономической конференции. 7 января Советская Россия была приглашена на конференцию в Генуе и на следующий день ответила согласием. В этой ситуации умеренный курс Коминтерна можно было использовать в интересах советской внешней политики. Однако это не значит, что она могла полностью подчинить себе другие аспекты коммунистической политики.

Сближение трех интернационалов на фоне Генуэзской конференции

Лидеры Второго интернационала восприняли идею единого фронта скептически. Э. Вандервельде назвал директивы ИККИ «странной смесью гениальности и макиавеллизма», когда призывы к единству сочетаются с открытым стремлением «задушить и отравить нас после объятий» [цит. по: Макдемотт, Ангю 2000, с. 50]. Инициатива «единого фронта» встретила больше энтузиазма у лидеров «двухсполовинного» интернационала – Международного рабочего объединения социалистических партий (МРОСП), возникшего 1 февраля 1921 г. Весь смысл его отдельного существования заключался в том, чтобы создать мост между социал-демократами и коммунистами, объединив рабочий класс и его политических лидеров в общий фронт против капитализма. 15 января 1922 г. МРОСП выступил за созыв конференции рабочих – сторонников трех интернационалов ради «установления единого пролетарского фронта» [Коминтерн и идея мировой революции 1998, с. 367].

21 января 1922 г. Президиум ИККИ одобрил эту инициативу. Правда, подготовленная резолюция ритуально ругала оппортунистических лидеров социал-демократии. Ленин предложил это место вычеркнуть: «Совершенно неразумно рисковать срывом громадной важности практического дела из-за того, чтобы доставить себе удовольствие лишний раз обругать мерзавцев, которых мы ругали и будем ругать в другом месте 1000 раз» [Ленин т. 44, с. 405].

Дело было, однако, не только в удовольствии – коммунистический актив Европы с удивлением смотрел на поворот в политике Коминтерна, и отсутствие привычной ругани против «мерзавцев» не могло остаться незамеченным.

Коммунистам нужно было организовать давление на общественное мнение Запада в поддержку дипломатического признания Советской России на Генуэзской конференции, а социал-демократам – смягчить в ней репрессивный режим. Такой обмен создавал почву для деловых переговоров.

2–5 апреля 1922 г. в Берлине прошла встреча представителей трех интернационалов – Коминтерна, Второго интернационала и МРОСП. Она была посвящена перспективе созыва Всемирного рабочего конгресса и другим возможным формам сотрудничества. Открывая встречу, представитель МРОСП Ф. Адлер призвал участников поставить классовую солидарность выше

партийных интересов. Оглашая позицию Коминтерна, К. Цеткин выдвинула перечень обвинений в адрес социал-демократии, которая несет ответственность и за развязывание Первой мировой войны, и за поражение революционного движения после нее. Но социал-демократия может немного загладить свою вину, если сейчас проявит солидарность с Советской Россией, развернет совместно с коммунистами борьбу за права трудящихся и против грабительского Версальского договора. Обвинения со стороны Цеткин предваряли порцию обвинений в адрес коммунистов со стороны Вандервельде. Он высказал опасение, что предложения Коминтерна – это хитрый маневр большевиков, развязавших репрессии против социалистов в своей стране и кампанию дискредитации социал-демократии в Европе. Чтобы доказать свою добрую волю, коммунисты должны согласиться допустить грузинских социал-демократов на планируемый рабочий конгресс, а представителей социал-демократии – на процесс эсеров в Москве. П. Фор от имени МРОСП в целом поддержал эти тезисы, обличая также притеснения рабочих в Советской России [Коминтерн и идея мировой революции 1998, с. 368; Ватлин 2009, с. 95–98].

Попытка коммунистов поговорить 3 апреля с Адлером сепаратно не помогла уйти от ставшего камнем преткновения «русского вопроса» (точнее – российского и грузинского) – ведь в состав МРОСП входили меньшевики и левые эсеры. Адлер не выдвигал предварительных условий для проведения рабочего конгресса, но через квоту социалистов на него могли явиться представители российских и грузинских меньшевиков и эсеров. Таким образом, перспективы сближения с социалистами в Европе сталкивались с курсом Кремля на предотвращение «политического нэпа» в России и силовым захватом стран бывшей Российской империи. Если буржуазные партнеры Советской России вполне смирились с восстановлением российского контроля над Кавказом, то для социал-демократов оно было свидетельством империализма советской политики. Дальнейшие дебаты также были выдержаны в духе взаимных обвинений.

Но делегация Коминтерна, несмотря на споры в ней между Радеком и Бухариным о том, не сорвать ли такие переговоры (при этом то один, то другой выступали то с более жестких, то с более гибких позиций), согласилась на важные уступки: допустить присланных партнерами адвокатов на процесс эсеров и исключить из лозунгов совместных акций призывы к борьбе с Версальским миром (что было неприемлемо для Второго интернационала, антантовские партии которого этот мир поддерживали). За это и партнеры сняли требование к коммунистам не создавать свои ячейки в профсоюзах и согласились отправить вопрос о Грузии на дальнейшее изучение.

В итоге все же была принята компромиссная резолюция, предложенная МРОСП. Стороны подчеркнули готовность сотрудничать в защите интересов рабочего класса и борьбе за 8-часовой рабочий день и признание Советской

России. Упоминалась и борьба против империалистической экспансии, но учитывая дебаты по грузинскому вопросу, это звучало двусмысленно. Был создан Оргкомитет Всемирного рабочего конгресса из представителей трех интернационалов («девятки»). Представители Коминтерна согласились допустить в качестве защитников представителей социал-демократии на проходивший в Москве процесс эсеров и отказались от применения смертной казни к подсудимым. Договорились о проведении 20 апреля и 1 мая демонстраций в разных странах против наступления международного капитала. Среди их лозунгов был и такой: «За русскую революцию, за голодающую Россию, за возобновление политических и экономических отношений всех стран с Советской Россией». Очевидно, что эти выступления должны были оказать воздействие на европейские правительства во время Генуэзской конференции. Коммунисты предпочли бы приурочить и сам Рабочий конгресс ко времени Генуи, но представители Второго интернационала сочли, что за такой короткий срок собрать ее не удастся [Коминтерн и идея мировой революции 1998, с. 379–381].

Ленин счел уступки коммунистической делегации чрезмерными и 9 апреля опубликовал статью «Мы заплатили слишком дорого», где прямо утверждал, что «наши представители поступили неправильно» [Ленин т. 45, с. 140]. По мнению А.Ю. Ватлина, «в статье Ленина вопросы государственной безопасности и престижа рассматривались уже как приоритетные по отношению к коммунистической тактике» [Ватлин 2009, с.101]. Но за государственным престижем крылась коммунистическая стратегия – в советской стране нельзя допускать существования оппозиционных партий. По мнению А.Ю. Ватлина, «тон статьи показывал, что Ленин размышлял и о возможности дезавуирования соглашения, подписанного на встрече в Берлине. Осудив уступки, сделанные делегацией Коминтерна в ходе Берлинской встречи, он все же признал ее итоги» [там же]. Здесь также можно усмотреть элемент маневрирования между внутриполитическими и внешнеполитическими задачами. Строго указав на недопустимость уступок во внутриполитическом курсе, «политического нэпа», Ленин не стал отказываться и от сближения с социалистами – пока не закончилась Генуэзская конференция, которая как раз стартовала на следующий день – 10 апреля.

Как известно, Ленин занимал более жесткую позицию в отношении партнеров по переговорам в Генуе, чем Г.В. Чичерин. Если нарком иностранных дел был настроен на возможность достижения соглашения на основе экономических уступок при минимальных политических, то Ленин стремился прежде всего использовать трибуну конференции в агитационных целях, раскалывать «фронт империализма» с тем, чтобы договориться потом с отдельными западноевропейскими государствами [подробнее см.: Быстрова 2020, с. 56–59, 129–132]. Позиция Ленина в этом вопросе скорее коминтерновская, чем государственническая. Сближение с социалистами, которые занимали

сильные позиции в системе власти западноевропейских государств, работало на такой раскол. Поэтому Ленин согласился, хотя и нехотя, на уступки социалистам, категорически протестуя против политических уступок партнерам по межгосударственным переговорам. Пока ситуация в Генуе оставалась неопределенной, необходимо было наращивать давление на западные элиты, в том числе и с помощью социалистов.

20 апреля, когда советская делегация в Генуе выступила с меморандумом, содержавшим важные экономические уступки и, таким образом, рассчитанным на встречные шаги прежде всего британской стороны, Радек обратился к Адлеру с предложением созвать «девятку» «для оценки ситуации, возникшей в Генуе» [Ватлин 2009, с. 102]. Но развязка переговоров в Генуе наступила быстрее, чем собралась «девятка», и заинтересованность Москвы в использовании этого инструмента давления на Запад стала ослабевать.

Левые демонстрации 1922 г. не стали крупным явлением общественной жизни европейских стран, превышающим обычное значение традиционного первомая. Однако согласованные на встрече представителей трех интернационалов лозунги манифестантов позволили советской делегации сослаться на них как на факт в меморандуме советской делегации на Генуэзской конференции от 11 мая [Документы внешней политики СССР, т. 4. 1960, с. 364].

19 мая закончилась Генуэзская конференция. 23 мая прошла первая, она же и последняя встреча «девятки». Представители Второго и Третьего интернационалов обвинили друг друга в срыве Берлинских соглашений. В итоге они были аннулированы Коминтерном (хотя и выполнялись в отношении осужденных на процессе эсеров, смертные переговоры которым не были приведены в исполнение).

С точки зрения интересов советской внешней политики, если бы дело было только в них, можно было бы сказать о «едином фронте», что «мавр сделал свое дело». Но дело было не только в них. Даже уступки российской делегации облегчались тем, что в Кремле ждали новой волны мировой революции в ближайшие годы, если не месяцы. Важно получить от Запада ресурсы сейчас на стабилизацию хозяйства – рассчитываться по долгам возможно и не придется. Размышляя в логике мировой борьбы, а не только российских интересов, руководители РКП(б) продолжали курс «единого рабочего фронта», но в новом формате.

Закрепление политики «единого рабочего фронта» IV конгрессом Коминтерна

Первые итоги проведения политики «единого фронта» подводил IV конгресс Коминтерна. Он прошел 5 ноября – 5 декабря 1922 г. Выступая на конгрессе, Зиновьев говорил о текущей эпохе как о «последнем десятилетии

господства буржуазии» [Зиновьев 1923, с. 169], что для того времени было довольно осторожным назначением сроков начала решающих битв с капитализмом.

Советские лидеры «ставили» на приход к власти на Западе пацифистов и реформистов, т.е. лево-либеральных и правых социал-демократических сил, отражающих усталость общества от имперской политики времен войны и послевоенного недоурегулирования. Эти силы явно не будут стремиться «дожать» Советскую Россию и предпочтут договориться с ней, что подтверждает опыт Рапалло. Теперь важно не спугнуть такую благоприятную внешнеполитическую конъюнктуру, которая позволит довести политику, начатую большевистской делегацией в Генуе, до успешного финала – государственного признания и получения финансовых кредитов. Такая перспектива требовала укрепления политики «единого фронта». Хотя переговоры с социал-демократами на уровне интернационалов закончились неудачей, на местном уровне «единый фронт» мог укреплять позиции коммунистов в преддверии нового наступления. Да и внешнеполитической активности Советской России посодействовать.

С обоснованием «единого фронта» на конгрессе выступал его главный идеолог Радек. Он доказывал, что «единый фронт» необходим, потому что коммунистическое движение вынуждено обороняться. Пока ситуация неблагоприятна, нужно маневрировать, искать союзников. «Единый фронт» как раз и является политикой обороны: «выдвинув тактику единого фронта, Коминтерн доказал, что он в состоянии руководить не только наступлением, но и обороной пролетариата». В связи с новой обстановкой Радек осудил мартовское выступление 1921 г. в Германии, «недоосужденное» на прошлом конгрессе: «Главная ошибка мартовских боев состояла именно в том, что мы пытались заменить борьбу широких масс волей к борьбе нашей партии» [IV Конгресс Коминтерна 1923, с. 124–172]. Еще бы, после нормализации отношений с Германией в Рапалло следовало делать компартию Германии более респектабельной и вписанной в политическую систему Германии – пока не принято решение о ее разрушении.

Но осуждение мартовской акции не могло понравиться Зиновьеву, прежде активно защищавшему германских радикалов. Разногласия между Зиновьевым и Радеком, о которых открыто говорилось через полтора года, позволяют некоторым современным авторам говорить о настоящей фракционной борьбе на конгрессе между «правыми» и «левыми» с различными политическими установками [Емельянова 2019, с. 84]. Разногласия пока были скорее рабочими, чем принципиальными. Так, Зиновьеву на этом конгрессе приходилось сочетать свои собственные взгляды и партийную дисциплину. Он признавал, что в случае успеха «единого рабочего фронта» может возникнуть «рабочее правительство». Сам он воспринимал этот вынужденно признаваемый им

тезис «исключительно как применение диктатуры пролетариата» [Зиновьев 1923, с. 91]. Но в ходе обсуждения признал и совсем другую трактовку – это коалиция левых сил с участием коммунистов. «Такая возможность мыслима. Такое правительство уже не есть диктатура пролетариата, но оно может быть исходной точкой на пути к диктатуре. Если дело пойдет хорошо, то мы будем выводить одного социал-демократа за другим из этого правительства, пока власть не окажется в руках коммунистов» [там же, с. 104]. Подобный метод прихода к власти, известный впоследствии как «тактика салями», коммунисты потом успешно применяли в странах «народной демократии» в 1940-е годы, правда уже после того, как Сталин применил его против своих коллег по Политбюро, включая и самого Зиновьева. В 1922 г. Зиновьев держал в уме опыт 1917–1918 гг., когда Ленин иногда был не против временной блокировки с меньшевиками и эсерами с тем, чтобы потом власть все же перешла к большевикам, а «попутчиков» следовало выкинуть за борт власти, как это случилось с левыми эсерами. Но важно, что Зиновьев признает здесь нетождественность понятий «диктатуры пролетариата» и «рабочего правительства», отступает от своего прежнего категорического их отождествления. Делает он это, очевидно, под давлением других членов большевистского руководства, управляющего ходом конгресса. Зиновьев идет дальше и признает, что «рабочее правительство» может выйти «из парламентской группировки сил» [там же, с. 164], т.е. прийти к власти парламентским путем, а потом уже активизировать революционную рабочую борьбу. Через год такая попытка будет предпринята в Саксонии и Тюрингии в ходе неудачного «германского октября» 1923 г., и на следующем конгрессе Коминтерна Зиновьев и его сторонники будут клеймить этот опыт.

Подытожив дискуссии о «едином фронте», IV конгресс все же признал возможность не только переманивания рабочих «снизу», но и договоренностей с социал-демократами «сверху»: «Выдвигая лозунг единого рабочего фронта и допуская соглашения отдельных секций Коммунистического интернационала с партиями и секциями II и II½ Интернационалов, Коммунистический интернационал, само собою разумеется, не может отказаться от таких же соглашений и в международном масштабе» [Коммунистический интернационал в документах 1933, с. 309].

Это было возможно в случае нового подъема революционной волны, ожидавшегося в скором времени. Если удастся вместе с социал-демократами создать рабочее правительство, оно займется вооружением пролетариата и разоружением контрреволюции, установит контроль над производством, свалит налоговое бремя на буржуазию, сломит сопротивление контрреволюции. То есть левая коалиция будет делать то, что большевистская «диктатура пролетариата» делала в первые месяцы Советской власти в союзе с левыми эсерами. Такое правительство «возможно лишь в том случае, если оно рождается

из борьбы самих масс» с опорой на «боеспособные рабочие органы». Но в той же фразе тезисов ИККИ, принятых конгрессом, происходит внезапный переход. И получается, что такое правительство может возникнуть и в другом случае – на основе «парламентской группировки сил» [Коммунистический интернационал в документах 1933, с. 301]. Избавляясь от «центризма», лидеры Коминтерна не спешили отказаться от парламентских методов в борьбе за власть в европейских странах. После конгресса Коминтерна съезд КП Чехословакии охарактеризовал рабочее правительство как «мирный переход к диктатуре пролетариата», политику «в рамках и в первую голову средствами буржуазной демократии, опираясь на пролетарские органы и пролетарское массовое движение» [цит. по: Пятый Всемирный конгресс 1925, ч. 1. с. 74]. Несмотря на оговорки Радека и Зиновьева о неизбежности гражданской войны, «мирный путь» после IV конгресса закрепился в арсенале коммунистов.

Политика, обсуждавшаяся на IV конгрессе Коминтерна, наконец синхронизировала три стороны единой коммунистической стратегии. Её ядром являются задачи укрепления коммунистического режима там, где он существует – в Советских республиках. Никаких политических послаблений там не предусматривается, «политическому нэпу» не бывать, даже если бы это способствовало успехам внешней политики как советского государства, так и Коминтерна. Но экономические уступки вполне возможны, если они не обусловлены политическими требованиями к России и не требуют от нее немедленной выплаты долгов – такова линия Генуи. Поскольку в Европе усиливается либеральный пацифизм, неудача Генуи не является стратегической, возможности для признания Советской России сохраняются. Но если в ближайшее время произойдет новая дестабилизация капиталистической системы и радикализация масс (на что в 1922 г. у коммунистов еще были основания надеяться), то коммунисты могут возглавить революционный подъем в союзе с левым крылом социалистов, одновременно переманивая у них массы. Если такой союз приведет к возникновению коалиции с социалистами – ее ждет та же судьба, что и союз большевиков с левыми эсерами – постепенное выдавливание партнеров из системы власти и создание коммунистического режима по образцу Советской России. Умеренность здесь является тактикой, а не стратегией, дорогой к власти, а не характеристикой самой власти, которую стремится установить в Европе Коминтерн. Опробовать такой «единый фронт» коммунисты попробовали в Германии в октябре 1923 г. После провала этой попытки и одновременного раскола большевиков в связи с внутрипартийной дискуссией произошел отход от курса IV конгресса. На V конгрессе Коминтерна в 1924 г. (когда уже началась «полоса признаний»), Зиновьев уже открыто критиковал Радека за протаскивание в решения IV конгресса «утрированных, неосторожных и фальшивых формулировок» [цит. по: Пятый Всемирный конгресс 1925, ч. 1. с. 75]. Хотя официального отказа от политики «единого рабочего фронта»

не произошло, ей предстояло ждать своего часа в «замороженном» состоянии до середины 30-х годов [Шубин 2017, с. 111–123].

Библиогарфия

Быстрова Н.Е. Советская Россия на конференциях в Генуе и Гааге 1922 г.: взгляд из Кремля. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 280 с.

Ватлин А.Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. М.: РОССПЭН, 2019. 173 с.

Ватлин А.Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М.: РОССПЭН, 2009. 374 с.

Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа. 1920–1930-е гг. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге. Летний сад, 2004. 528 с.

Документы внешней политики СССР. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. 840 с.

Емельянова Е.Н. IV Конгресс коминтерна. поворот от революционного наступления к обороне // Левая альтернатива в XX веке: драма идей и судьбы людей. Материалы Международной научной конференции. Москва, 2019 г. С. 58–60.

Зиновьев Г.Е. Коммунистический Интернационал за работой. Тактические проблемы Коминтерна и работа его секций. Речи, произнесенные на IV конгрессе Коминтерна. М., – Пг.: Государственное издательство, 1923. 295 с.

История Коммунистического Интернационала 1919–1943: Документальные очерки. М.: Наука, 2002. 412 с.

Итальянская социалистическая партия и Коммунистический Интернационал: (Сборник материалов). Пг.: Издание отдела Коммунистического Интернационала, 1921. 192 с.

Коминтерн и идея мировой революции: Документы. М.: Наука, 1998. 949 с.

Коммунистический интернационал. Краткий исторический очерк. М.: Политиздат, 1969. 600 с.

Коммунистический интернационал в документах. 1919–1932. М.: Партийное издательство, 1933. 1016 с.

Левая альтернатива в XX веке: драма идей и судьбы людей. К 100-летию Коминтерна. Сборник докладов Международной научной конференции. Москва, 26–28 июня 2019 г. М.: РОССПЭН, 2020. 407 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. URL: https://nlr.ru/domplekhanova/72/chitalnyiy-zal (дата обращения: 05.04.20230).

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45 URL: https://nlr.ru/domplekhanova/72/chitalnyiy-zal (дата обращения: 05.04.20230).

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 52. URL: https://nlr.ru/domplekhanova/72/chitalnyiy-zal (дата обращения: 05.04.20230).

Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М.: РОССПЭН, 1999. 671 с.

Макдермотт К., Агню Дж. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М.: АИРО-XX, 2000. 224 с.

Пятый Всемирный конгресс Коммунистического интернационала 17 июня – 8 июля 1924 г. Стенографический отчет. М.-Л.: Государственное издательство, 1925. Часть 1. 338 с.

Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Пг.: Государственное издательство, 1922. 511 с.

Ундасынов И.Н. Коммунисты и лейбористская партия 1919–1923. М.: Наука, 1979. 266 с.

IV Конгресс Коминтерна. Доклады тт. Ленина, Троцкого, Клары Цеткин и других. (Стенографический отчет). Харьков: Пролетарий, 1923. 204 с.

Шубин А.В. Мир на пути к войне. Советский Союз и мировой кризис 1933–1940 гг. М.: Алгоритм, 2017. 496 с.

Шубин А.В. Мировая революционная волна (1918–1923 гг.). Прилив. М.: Академический проект, 2020. 773 с.

Deutschland, Russland, Komintern – Dokumente (1918–1943). Germany, Russia, and the Comintern. II: Documents (1918–1943): After the Archival Revolution: Newly disclosed sources about the history of the German Communist Party (KPD) and Russo-German relations. Nach der Archivrevolution: Neuerschlossene Quellen zu der Geschichte der KPD und den deutsch-russischen Beziehungen. Edited by: Hermann Weber, Jakov Drabkin and Bernhard H. Bayerlein, Compiled by: Bernhard H. Bayerlein and Gleb Albert. Oldenbourg: De Gruyter, 2015, 1856 p.

References

By`strova N.E. Sovetskaya Rossiya na konferenciyax v Genue i Gaage 1922 g.: vzglyad iz Kremlya .[ Soviet Russia at the conferences in Genoa and The Hague in 1922: a view from the Kremlin]. M., SPb.: Centr gumanitarny`x iniciativ, 2020. 280 p. (In Russ.).

Deutschland, Russland, Komintern – Dokumente (1918–1943). Germany, Russia, and the Comintern. II: Documents (1918–1943): After the Archival Revolution: Newly disclosed sources about the history of the German Communist Party (KPD) and Russo-German relations. Nach der Archivrevolution: Neuerschlossene Quellen zu der Geschichte der KPD und den deutsch-russischen Beziehungen. Edited by: Hermann Weber, Jakov Drabkin and Bernhard H. Bayerlein, Compiled by: Bernhard H. Bayerlein and Gleb Albert. Oldenbourg: De Gruyter, 2015, 1856 p.

Dmitriev A.N. Marksizm bez proletariata: Georg Lukach i rannyaya Frankfurtskaya shkola. 1920–1930-e gg. [Marxism without the proletariat: Georg Lukacs and the early Frankfurt School. 1920–1930s]. SPb.; M.: Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge. Letnij sad, 2004. 528 p. (In Russ.)

Dokumenty` vneshnej politiki SSSR [Documents of foreign policy of the USSR]. T. 4. M.: Gosudarstvennoe izdatel`stvo politicheskoj literatury`, 1960. 840 p. (In Russ.)

Emel`yanova E.N. IV Kongress Kominterna. Povorot ot revolyucionnogo nastupleniya k oborone. [IV Congress of the Comintern. turn from revolutionary offensive to defense] // Levaya al`ternativa v XX veke: drama idej i sud`by` lyudej. Materialy` Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 2019. P. 58–60. (In Russ.)

Istoriya Kommunisticheskogo Internacionala 1919–1943: Dokumental`ny`e ocherki [History of the Communist International 1919–1943: Documentary Essays]. M.: Nauka, 2002. 412 p. (In Russ.)

Ital`yanskaya socialisticheskaya partiya i Kommunisticheskij Internacional: (Sbornik materialov) [Italian Socialist Party and the Communist International: (Collection of Materials)]. Pg.: Izdanie otdela Kommunisticheskogo Internacionala, 1921. 192 p. (In Russ.)

Komintern i ideya mirovoj revolyucii: Dokumenty`[The Comintern and the Idea of the World Revolution: Documents]. M.: Nauka, 1998. 949 p. (In Russ.)

Kommunisticheskij internacional. Kratkij istoricheskij ocherk [Communist International. Brief historical outline]. M.: Politizdat, 1969. 600 p. (In Russ.)

Kommunisticheskij internacional v dokumentax [The Communist International in Documents. 1919–1932]. 1919–1932. M.: Partijnoe izdatel`stvo, 1933. 1016 p. (In Russ.)

Levaya al`ternativa v XX veke: drama idej i sud`by` lyudej. K 100-letiyu Kominterna. Sbornik dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [The Left Alternative in the 20th Century: The Drama of Ideas and the Destiny of People. To the 100th anniversary of the Comintern. Collection of

reports of the International scientific conference]. Moskva, 26–28 iyunya 2019 g. M.: ROSSPEN, 2020. 407 p. (In Russ.)

Lenin V.I. Neizvestny`e dokumenty`[Unknown documents. 1891–1922]. M.: ROSSPEN, 1999. 671 p. (In Russ.)

Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij [Complete Works]. Vol. 44. URL: https://nlr.ru/domplekhanova/72/chitalnyiy-zal (data obrashheniya: 05.04.20230). (In Russ.)

Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij [Complete Works]. Vol. 45 URL: https://nlr.ru/domplekhanova/72/chitalnyiy-zal (data obrashheniya: 05.04.20230). (In Russ.)

Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij [Complete Works]. Vol. 52. URL: https://nlr.ru/domplekhanova/72/chitalnyiy-zal (data obrashheniya: 05.04.20230). (In Russ.)

Makdermott K., Agnyu Dzh. Komintern. Istoriya mezhdunarodnogo kommunizma ot Lenina do Stalina [Comintern. History of International Communism from Lenin to Stalin]. M.: AIRO–XX, 2000. 224 p. (In Russ.)

Pyaty`j Vsemirny`j kongress Kommunisticheskogo internacionala 17 iyunya – 8 iyulya 1924 g. Stenograficheskij otchet [Fifth World Congress of the Communist International June 17 – July 8, 1924 Verbatim record]. M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel`stvo, 1925. 963 p. (In Russ.)

Shubin A.V. Mir na puti k vojne. Sovetskij Soyuz i mirovoj krizis 1933–1940 gg [World on the way to war. The Soviet Union and the World Crisis of 1933–1940]. M.: Algoritm, 2017. 496 p. (In Russ.)

Shubin A.V. Mirovaya revolyucionnaya volna (1918–1923 gg.) [World revolutionary wave (1918–1923)]. Priliv. M.: Akademicheskij proekt, 2020. 773 p.

Tretij Vsemirny`j Kongress Kommunisticheskogo Internacionala. Stenograficheskij otchet [Third World Congress of the Communist International. Verbatim report]. Pg.: Gosudarstvennoe izdatel`stvo, 1922. 511 p. (In Russ.)

Undasy`nov I.N. Kommunisty` i lejboristskaya partiya 1919–1923 [Communists and the Labor Party 1919–1923]. M.: Nauka, 1979. 266 p. (In Russ.)

Vatlin A.Yu. Vtoroj kongress Kominterna: tochka otscheta istorii mirovogo kommunizma [The Second Congress of the Comintern: the starting point of the history of world communism]. M.: ROSSPE`N, 2019. 173 p. (In Russ.)

Vatlin A.Yu. Komintern: idei, resheniya, sud`by`[Comintern: ideas, decisions, fates]. M.: ROSSPE`N, 2009. 374 p. (In Russ.)

Zinov`ev G.E. Kommunisticheskij Internacional za rabotoj. Takticheskie problemy` Kominterna i rabota ego sekcij. Rechi, proiznesenny`e na IV kongresse Kominterna [IV congress of the Comintern. Turn from revolutionary offensive to defense]. M., – Pg.: Gosudarstvennoe izdatel`stvo, 1923. 295 p. (In Russ.)

IV Kongress Kominterna. Doklady` tt. Lenina, Troczkogo, Klary` Cetkin i drugix. (Stenograficheskij otchet) [IV Congress of the Comintern. Reports vols. Lenin].

Trotsky, Clara Zetkin and others. (Verbatim report)]. Xar`kov: Proletarij, 1923. 204 p. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2023.03.10

В.С. Груздинская

ФРАНЦУЗСКАЯ НАУКА ГЛАЗАМИ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ: ИЗ ОПЫТА ЗАГРАНИЧНЫХ КОМАНДИРОВОК 1920–1930-х годов[1]

Аннотация. *В статье изучается образ «ученой» Франции, сформированный советскими учеными во время их заграничных командировок в 1920–1930-е годы. В центре внимания оказались поездки нескольких представителей дореволюционной науки, которые остались в Советской России, и были вынуждены адаптироваться к новым условиям. Акцент делается на таких вопросах: как воспринимали французскую науку представители «старой» школы? как менялись (и менялись ли) эти представления под влиянием «внешней» рамки? какие способы выстраивания, сохранения или, напротив, отчуждения связей с французскими коллегами применяли? В статье рассматривается восприятие научной жизни Франции агрохимика Д.Н. Прянишникова, микробиолога Л.А. Тарасевича и историка Е.В. Тарле. Образ «ученой» Франции предстает раздвоенным, многомерным и сложным. На его формирование оказывали влияние и личный опыт ученого, степень его близости с французскими коллегами, интегрированности в научную среду или наоборот оторванность от нее. Однако несмотря на перечисленные факторы советские исследователи отмечали общие черты. Главная из них – серьезные финансовые трудности, которые испытывали французские коллеги. Авторы путевых заметок называют недостатки в оснащении лабораторий и институтов современным оборудованием и необходимыми материалами для исследований, новой литературой, в том числе иностранной, катастрофической нехваткой средств на проведение экспедиций и командировок. Другой объединяющей чертой является чувствительность научных и личных связей с французскими коллегами от внешних политических факторов. Общим маркером официальных отчетов, публичных докладов и опубликованных путевых заметок становится отсутствие упоминаний о русских эмигрантах, которые, как известно, были многочисленны во Франции.*

Ключевые слова: *научные контакты; заграничные командировки; Россия; Франция; Е.В. Тарле; Д.Н. Прянишников; Л.А. Тарасевич.*

1. Исследование проводилось при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-27.2022.2 «Международная академическая мобильность советских ученых: 1920–1930-е гг.».

**Груздинская Виктория Сергеевна – кандидат исторических наук,
научный сотрудник, Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского. Россия, Омск; старший научный сотрудник,
Архив Российской академии наук. Россия, Москва.
E-mail: vik11910314@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9533-9861
Web of Science researcher ID: B-7752-2019
Scopus AuthorID: 57219342307**

Gruzdindkaya V.S. French science through the eyes of Soviet scientists: the experience of business trips abroad in the 1920–1930s

Abstract. *The article examines the image of the «scientific» France formed by Soviet scientists during their business trips abroad in the 1920–1930s. The focus was on the trips of several representatives of pre-revolutionary science who remained in Soviet Russia and were forced to adapt to new conditions. The emphasis is on such questions: how did the representatives of the «old» school perceive French science? How (and whether) did these ideas change under the influence of the «external» frame? What methods of building, maintaining or, on the contrary, alienating ties with French colleagues were used? The article deals with the perception of the scientific life of France by the agrochemist D.N. Pryanishnikov, microbiologist L.A. Tarasevich and historian E.V. Tarle. The image of the «scientific» France is contradictory, multidimensional, and complex. Its formation was also influenced by the personal experience of the scientists, the degree of their closeness with their French colleagues, integration into the scientific environment or, conversely, isolation from it. However, despite these factors, Soviet researchers noted common features. The main one is the serious financial difficulties experienced by the French colleagues. The authors of the travel notes mention the shortcomings in equipping laboratories and institutes with modern equipment and the necessary materials for research, new literature, including foreign literature, a catastrophic lack of funds for expeditions and business trips. Another common feature is the sensitivity of scientific and personal ties with French colleagues to external political factors. A common marker of official reports, public reports, and published travel notes is the absence of mention of Russian emigrants, who, as is known, were numerous in France.*

Keywords: *scientific contacts; business trips abroad; Russia; France; E.V. Tarle; D.N. Pryanishnikov; L.A. Tarasevich.*

**Gruzdinskaya Victoria Sergeevna – Candidate of Historical Sciences,
Research Fellow, Omsk State University. F.M. Dostoevsky. Russia, Omsk;
Senior Researcher, Archive of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow.
E-mail: vik11910314@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9533-9861
Web of Science researcher ID: B-7752-2019
Scopus AuthorID: 57219342307**

Влияние французских интеллектуалов на российскую научную и культурную жизнь было очевидным начиная с XVIII в. Хрестоматийными примерами французского «следа» в русской культуре служат не просто переписка императрицы Екатерины Второй с философами-просветителями, но заказ одному из них – Вольтеру – написать первую научную историю Петра Великого [Мезин, Ковалев 2022]. Вплоть до середины XIX в. французская наука сохраняла лидирующее место в европейской семье, правда, постепенно уступая «пальму первенства» Германии. Промышленный переворот и стремительное развитие рынка меняли положение науки: для нее требовались бóльшие финансовые и материальные вложения – в первую очередь на развитие инфраструктуры. Этим ни российское, ни французское правительства похвастаться не могли [Любина 1996]. И все же в ряде областей научного знания авторитет французских исследователей был незыблем, в частности к таковым относились микробиология, физика, математика, востоковедение.

Социальные потрясения, вызванные Первой мировой войной, революциями и распадом крупнейших империй (Российской, Германской, Австро-Венгерской, Османской), казалось, должны были кардинально перекроить и «карту» европейской науки [Детлова, Ковалев, Кузьминых, Наглер 2020]. Отчасти это и произошло. В межвоенный период наметилось невиданное до того сближение советских и немецких ученых, инициированное и поддерживаемое правительствами обеих стран. Объединяющим фактором, как считают современные авторы, стало положение «изгоев» Советской России и Веймарской Германии на мировой арене после окончания Второй мировой войны и установления Версальско-Вашингтонской системы [Советско-германские научные связи 2001]. Что касается Франции, то она признала Советский Союз в конце 1924 г., но сам факт отнюдь не означал мгновенного «потепления» отношений между странами. «Мостики» взаимовыгодного сотрудничества возводились долго и разными способами, в том числе и с помощью науки.

В обозначенный период научные контакты советских ученых с французскими коллегами развиваются в двух направлениях. Они отражают (со)существование двух традиций в отечественной науке 1920 – начале 1930-х годов: «новой» (марксисткой) и «старой» (дореволюционной «буржуазной»). Молодая советская наука обрастала связями с зарубежными учеными и институциями, командировала своих представителей как для исследовательской работы, так и для презентации своих достижений. Так, созданная в первые годы советской власти библиотека Коммунистической академии поддерживала контакты с французскими учреждения относительно возможностей взаимного книгообмена. Другим примером служит командировка в 1925 г. молодого марксистского историка, вчерашней выпускницы Института красной профессуры Анны Михайловны Панкратовой во Францию для работы над книгой «Левое крыло Амстердамского Интернационала и борьба за единство

мирового профдвижения». О необходимости своей командировки в Париж она писала так: «Тема моя граничит с современностью, ни одной сводной работы нигде нет, и мне приходится преодолевать такие трудности отыскания фактов и материалов, каких не знают другие товарищи» [Бадя 2000]. Исследовательнице пришлось сократить программу своего пребывания, так как она получила отзыв домой. Правда, ей все же удалось собрать источники, которые легли в основу нескольких статей.

Модели выстраивания международных связей новыми советскими научными центрами и молодыми учеными – тема, бесспорно, интересная и заслуживающая отдельного исследования. Однако в рамках настоящей статьи внимание будет сосредоточено на нескольких представителях дореволюционной науки, которые остались в Советской России и были вынуждены адаптироваться к новым условиям. Акцент будет сделан на следующих вопросах: как воспринимали французскую науку представители «старой» школы? как менялись (и менялись ли) эти представления под влиянием «внешней» рамки? какие способы выстраивания, сохранения или, напротив, отчуждения связей с французскими коллегами применяли?

«Две Франции» академика Д.Н. Прянишникова

Дмитрий Николаевич родился в сибирском городке Кяхта в семье разночинцев в 1865 г. После смерти в 1868 г. отца вместе с матерью перебрался в Иркутск, где получил гимназическое образование. В 1883 г. поступил в Московский университет, который окончил в 1887 г. и был рекомендован к оставлению при кафедре химии для приготовления к профессорскому званию. Однако молодой ученый отказался от такого заманчивого предложения и продолжил свое обучение в Петровской сельскохозяйственной академии. Спустя много лет Д.Н. Прянишников так объяснил свой поступок: «У меня сложилось решение после университета поступить на два года в Петровскую академию; здесь играло роль то обстоятельство, что в агрономической науке естествознание и обществознание синтезируются в стремлении к единой цели» [Добровольский, Минеев, Лебедева 1991]. В 1892 г. после сдачи магистерских экзаменов ученый получил от академии двухгодичную командировку в Европу. Во Франции он провел ряд экспериментов под руководством директора Пастеровского института П. Дюкло, посетил крупнейшие агрохимические лаборатории, возглавляемые Т. Шлезингом, П. Деэреном и др. В эту поездку ученого особо интересовали наработки иностранных коллег в области превращения белковых веществ в растениях. После возвращения из командировки Д.Н. Прянишников защитил диссертацию и приступил к чтению курса «Учение об удобрении» во вновь созданном Московском сельскохозяйственном институте. Ученый совмещал активную исследовательскую

работу с преподаванием курсов по агрохимии в нескольких учебных заведениях Москвы. В советские годы он продолжил активную деятельность по развитию отечественной агрохимии: им были созданы специальные кафедры в Московском государственном университете, Сельскохозяйственной академии. Продолжил ученый свои исследования в области питания растений разными видами удобрений.

В межвоенный период Д.Н. Прянишников дважды побывал во Франции – в 1923 и 1933 гг. Как позже он вспоминал, обе поездки «пришлись на два периода, контрастирующих по характеру отношений Франции (или вернее, французского правительства) к Советскому Союзу – за промежуток между ними произошел поворот на 180^0 от враждебных отношений к дружественным, а в Германии – такой же поворот, но в обратном порядке» [Две поездки, л. 2].

Первый визит пришелся на 1923 г., когда химик получил приглашение на Международный конгресс по земледелию. Поездка сопровождалась организационными трудностями, связанными с получением визы. Поскольку дипломатические отношения между странами начнут восстанавливаться только после 1924 г., и то, заметим, этот процесс не будет быстрым, то зачастую визу советские специалисты получали во французском консульстве в Берлине. Именно так и поступил Д.Н. Прянишников. Правда, сложности этим не ограничились. Несмотря на официальное приглашение на конгресс, французский консул отказался выдать визу, потребовав дополнительное письмообращение в Министерство иностранных дел от профессоров из Парижа [там же]. Д.Н. Прянишников написал профессору Эмилю Шрибо, с которым был лично знаком со времен стажировки во Франции в конце XIX в. По невыясненным причинами советский химик не получил ответного письма. В итоге ожидание визы Д.Н. Прянишниковым продлилось около месяца. Когда долгожданная виза им была получена, конгресс давно завершил свою работу. От поездки ученый решил не отказываться и поехал «просто, чтобы понаблюдать экономику страны-победительницы, после того, как близко видел кризис побежденной Германии» [там же].

В Париже Д.Н. Прянишников остановился в небольшом отеле в Латинском квартале близ Люксембургского музея. Бросилась ему в глаза надпись на каменной ограде здания музея: «Здесь упало ядро немецкой пушки “Берта”» [там же]. В воспоминаниях о поездке ученого остались зарисовки будничной жизни Парижа и его жителей. Д.Н. Прянишников подчеркнул, что горожане стали проще одеваться. Так, цилиндры, прежде обязательные, почти исчезли и заменились мягкими шляпами, меньше стало нарядных и крашеных дам. Также он заметил рост численности темнокожих «французов» – выходцев из Французской Африки. К слову, именно в это время происходил перелом восприятия во французском обществе выходцев из колоний, многие из которых сражались на фронтах Первой мировой войны, а затем осели

в метрополии [Мирзеханов 2008]. Удивило ученого большое количество американских туристов, которым, как он полагал, путешествие стоило не очень дорого ввиду тогдашней небывалой дешевизны жизни (для них) в Париже.

Плохое состояние государственных финансов и тяготы экономических проблем Д.Н. Прянишников заметил даже в недорогих ресторанах и столовых. Сами французы, по его словам, говорили: «Бедное правительство в богатой стране», «Франция убита победой» [Две поездки, л. 6]. Д.Н. Прянишников проводил параллели между Парижем и Берлином. Надо сказать, наблюдения не в пользу немецкой столицы. Так, на парижских улицах, в отличие от берлинских, не было видно просящих милостыню инвалидов. Поразила ученого и жизнерадостность французов, несмотря на тяжесть послевоенного быта. «Но нужно отдать честь парижанам, – пишет Д.Н. Прянишников, – после угрюмого Берлина, особенно ценишь их приветливость и непринужденность, их уменье значительную часть улицы превратить в какое-то подобие гостиной, где за столиками перед кафе по вечерам парижане умеют отдохнуть точно у себя дома. Интересно было наблюдать Париж в годовщину взятия Бастилии 14 июня, когда устраивается трехдневное (а вернее, трехночное) празднество» [там же, л. 4].

Наука во Франции страдала от недостатка средств. Д.Н. Прянишникова поразил нетривиальный подход французов к разрешению этих проблем. Так, для поддержки издания научной литературы придумали аттракцион – бой известных боксеров – негра Сикки и француза Шарпантье. По этому случаю в газетах появилась карикатура: негр-богатырь хлопает по плечу тщедушного старого профессора и говорит: «Ну, что ж, братец, будем вместе работать на пользу общей родины Франции» [там же, л. 6]. Таким образом, организаторы рассчитывали собрать 25 тыс. франков. Однако в последний момент темнокожий боксер отказался выступить в пользу французской науки.

Ввиду своей исследовательской специализации Д.Н. Прянишникова интересовали прежде всего сельскохозяйственные институты и опытные станции. Он посещал как правительственные, так и частные структуры. Последние, по его мнению, не только были лучше оборудованы, но и доброжелательнее относились к советскому ученому. В частности, в Департаменте земледелия ему отказали в ознакомлении с печатными отчетами по сельскохозяйственному образованию и в возможности посетить сельскохозяйственные школы. От него потребовали письмо-разрешение от французского министра, которое получить не представлялось возможным. В завершении разговора клерк из Департамента, вспомнив отказ Советского правительства платить по счетам Российской империи, добавил: «Вы не платите долгов, а это по-нашему – воровство, поэтому мы не можем с вами разговаривать» [там же, л. 8].

При решении рабочих вопросов Д.Н. Прянишников обращался к личным знакомствам. Он не оставил идею изучить, как организовано сельскохозяйст-

венное образование во Франции и потому предпринял попытку посетить Гриньонскую школу около Парижа. О визите договорился с директором. Однако личная встреча разочаровала советского ученого: «Прихожу к директору – встречает меня, насупившись (кажется, я прервал его отдых после завтрака), говорит, что все профессора заняты на экзаменах, он ничего сделать не может» [Две поездки, л. 9]. На просьбу показать хозяйство Д.Н. Прянишников получил ответ, что его некому сопроводить и потому могут показать только квартиры учеников. В конце концов, нашли сопровождающего, который оказался далеким от политики человеком и он провел его по школе.

Первая мировая война, Русская революция 1917 г. разорвала не только дипломатические отношения между странами, сказалась она негативным образом и на личных отношениях. Д.Н. Прянишников с досадой вспоминает визит к своему давнему приятелю, редактору французского сельскохозяйственного журнала Анри Санье. Встреча прошла следующим образом: «Санье встретил меня стоя, с сигаретой в зубах, едва протянул два пальца и повторил опять тот же тезис насчет воровства» [там же, л. 10].

Несмотря на явные неудачи и неожиданные разочарования поездку Д.Н. Прянишникова в советских околоправительственных кругах оценивали положительно. Так, он встретился с М.И. Скобелевым, представителем парижского отделения советской компании «Аркос», занимавшейся торговлей сельскохозяйственной продукцией между СССР, Великобританией, позднее – Францией. М.И. Скобелев говорил, что приезд Д.Н. Прянишникова разрушает миф о том, что в Советском Союзе не осталось ученых «старой» школы: «Здесь все думают, что все прежние профессора погибли во время революции и умерли с голоду после нее, и вдруг появляется пожилой профессор[2] <…>, который не только не имеет истощенного вида, а еще привез научный материал и рассказывает о широких планах электрификации, о крупных работах в области изучения залежей фосфоритов, о том, что высшая школа полна учащимися, как никогда и что число высших школ сильно возросло, тогда как во Франции мало что изменилось, кроме того, что финансы пришли в негодное состояние» [там же, л. 8–9].

Следующий визит во Францию Д.Н. Прянишникова состоялся через десять лет – в 1933 г. Эта поездка совершалась уже в принципиально ином геополитическом контексте. С 1932 г. наметилось потепление в советско-французских отношениях, сказалось это и на развитии научных контактов [Мазюш-Крокетт 2002]. Летом 1932 г. Советский Союз посетил физик Ж. Трийа. Им были прочитаны лекции о рентгеновских лучах. В 1933 г. на

2. В 1923 г. Д.Н. Прянишникову было 58 лет.

всесоюзную конференцию по физике атомного ядра в Москву прибыли П. Дирак, Ф. и И. Жолио-Кюри. В 1934 г. в СССР прошла «французская научная декада», на которую также приехали видные французские ученые.

Поводом к поездке во Францию послужила встреча Д.Н. Прянишникова с французскими коллегами. Они рассказали ему о том, что во Франции приступили к производству азотистых удобрений. В Советском Союзе этот вопрос вызывал серьезные споры среди ученых, потому Д.Н. Прянишников отправился изучать опыт французских коллег. На этот раз проблем с визой не возникло. Добирался до Парижа ученый также через Берлин, где, как он вспоминал, провел «10 очень неприятных дней в беготне за разными формальностями», в том числе испытал серьезные трудности в приобретении французских франков [Поездка, л. 4]. Возможно, данные сложности были вызваны возросшей миграцией из Германии вследствие политики НСДАП. Так, Д.Н. Прянишников зафиксировал еще одну интересную деталь, характеризующую «дух времени»: «Характерно, что поезд в Париж был переполнен пассажирами (а потом, на обратном пути, я был почти в пустом вагоне). По-видимому, это было отражением общего явления, что с пришествием Гитлера равновесие между въездом и выездом нарушилось – уезжающих из Германии в этом году было больше, чем въезжающих» [там же, л. 4–5].

Во Франции Д.Н. Прянишникова встречали тепло и радушно. Благодаря договоренностям агромихимика А. Демолона он смог посетить один из новых заводов по производству азотных удобрений близ Руана. О доброжелательном отношении свидетельствует тот факт, что на станции Руана Д.Н. Прянишникова встречал директор завода господин Массне. Как выяснилось из разговора, он приходился племянником известному французскому композитору Ж. Массне. Директор лично провел советского ученого по заводу. Между ними завязалась оживленная беседа, французский коллега с нескрываемым интересом расспрашивал о жизни в Советском Союзе. Несмотря на то, что экскурсия длилась всего полтора часа, Д.Н. Прянишников остался доволен. Также в Руане он посетил местную агрономическую станцию, о которой оставил впечатление как о «скромном учреждении» с ограниченным бюджетом [там же, л. 5]. Ожидать научных открытий от этой станции, по мнению Д.Н. Прянишникова, не стоило, так как, ввиду недостатка финансирования, ее сотрудники сконцентрированы на выполнении коммерческой работы (контроль удобрений, семян, анализ почв и др.).

Ученый посетил и другие заводы, в частности крупнейшее предприятие азотной промышленности, расположенное недалеко от города Арраса. После осмотра завода Д.Н. Прянишникова пригласили на завтрак. Любопытно, что когда он вошел в заводскую столовую, из патефона зазвучал «Интернационал», «словно подчеркивая всю разницу условий посещения 1933 года от 1923 года» [там же, л.10].

На несколько дней из Парижа ученый выехал в город Мюлуз, в немецко-французское пограничье Эльзаса, для осмотра рудников и заводов по переработке калийных солей. Приглашение Д.Н. Прянишников получил лично от директора научной службы, с которым познакомился на Международном конгрессе почвоведов в Москве в 1930 г. Советский ученый отметил, что на рудниках работают в основном иностранцы, особенно много среди них поляков.

В воспоминаниях ученого ничего не говорится о русских эмигрантах, которых немало осело во Франции. Хотя известно, по крайней мере, об одной встрече. В одном из писем химик, профессор Парижского университета М.Н. Гайсинский сообщал Н.И. Вавилову, что виделся с Д.Н. Прянишниковым [Николай Иванович Вавилов: научное наследие 2000].

Как и в предыдущее десятилетие, французские ученые страдали от недостаточного финансирования. При этом Д.Н. Прянишникова поразил контраст между скудным содержанием науки и благосостоянием общества в целом: «…Бюджет научных учреждений Франции был очень скуден и в 1933 году, а между тем жизнь Парижа доказывает наличие громадного количества средств у значительной части его жителей: сколько потребляется населением Парижа мяса и вина за два приема в день (завтрак и обед) в обычном обиходе, не говоря о ресторанах разных рангов, открытых до поздней ночи, сколько театров со всеми переходами к варьете, кабаре и мюзик-холлам, кино, часто залитых водопадами света, и чуть не на каждом шагу кафе; казалось бы, что при этом могло бы найтись больше средств на научные учреждения» [Прянишников 1961].

Е.В. Тарле: 10 лет спустя

Как и Д.Н. Прянишников, историк Евгений Викторович Тарле был тесно связан с ученой Францией, поскольку его научные интересы лежали в области изучения Французской революции. Его первая поездка состоялась в 1903 г., и до 1914 г. он практически ежегодно выезжал во Францию для научных занятий. Следующий выезд произошел спустя лесять лет. О своем «возвращении» Е.В. Тарле оставил заметку: «Когда в летнее утро 1924 г. я впервые после 10 лет вошел в зал Дворца Субизов, где помещается Национальный архив, и сел за свой “стол”, то мне показалось в первый момент, будто потрясения, связанные с мировой войной, не коснулись этой обители. В самом деле: в ящике я нашел свой карандаш. Резинку и бумажку с номерками, сделанными в 1914 году моею рукой; все это имело такой вид, будто я только вчера сидел за этим столом» [Тарле 1927].

Е.В. Тарле, как и его советский коллега-химик, обратил внимание на тяжелое финансовое положение французских ученых. Его старшие друзья-

историки, с которыми он был знаком еще с довоенных лет, вынуждены были отказаться от исследовательской работы и трудиться в областях, от науки далеких. Один из его знакомых даже устроился в счетный отдел мануфактуры. При этом ученым запрещалось совмещать исследовательский труд с другой работой. Е.В. Тарле заключал: «Встретить архивиста или профессора в сколько-нибудь хорошем (даже не первоклассном) ресторане, где обед стоит на наши деньги 1½–2 рубля, почти немыслимо» [Тарле 1927]. В связи со стесненными финансовыми условиями изменился и досуг ученых: поход в театр превратился в событие, о котором долго вспоминают, провести летние каникулы на даче могут редкие счастливцы, остальным приходится довольствоваться выездом на несколько дней за город.

Отметил советский ученый и грустный облик французских студентов, которые вынуждены совмещать учебу и работу, чтобы как-то прожить. Е.В. Тарле сравнивает современных и довоенных студентов: «Современный студент уже не прежний беззаботный “fils de famile”, получающий обеспечивающую его ренту от отца и живущий утром для лекций, а вечером для удовольствий. Теперь он должен в большинстве случаев думать невеселую думу о добывании средств для существования…Студентов видишь только утром около Сорбонны и в самой Сорбонне: серьезные, озабоченные, бледные лица, торопливая походка, деловая суета в коридорах…» [там же].

Е.В. Тарле отмечал, что, несмотря на существенные неблагоприятные условия, научная жизнь в Париже кипела: «Энергично и уверенно продолжает работать французская научная мысль, даже в области гуманитарных знаний, наиболее, конечно, заброшенных и пренебрегаемых в наше время безраздельного торжества науки и техники» [там же]. При этом Е.В. Тарле замечал замыкание французской науки в национальных границах, прежде всего по причине недоступности зарубежных поездок даже в соседние страны. Подчеркнул ученый и интерес к достижениям русской и советской науки, который был, впрочем, неравномерен. Внимание привлекала философия, индология, санскритология, византинистика. Среди трудов историков интересовали лишь те исследования, которые посвящены французской истории. Исключение составляли труды В.О. Ключевского и С.Ф. Платонова. В ноябре 1926 г. в ученых кругах велись разговоры об издании франкоязычной версии работ данных историков.

В 1926 г. был создан Французский комитет по научным связям с СССР, как его кратко называла Комитет сближения [Ржеуцкий 2010]. Институцию возглавил физик П. Ланжевен, его заместителем стал востоковед С. Леви, а секретарем – филолог-славист А. Мазон. Комитет сотрудничал с Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей (ВОКСом). Данные учреждения организовывали обмен литературой, стажировки ученых и др. Е.В. Тарле отметил заинтересованность французского правительства в налаживании

двусторонних контактов. Так он вспоминал, как видел на банкете в октябре 1926 г., устроенном по случаю пребывания в Париже некоторых русских ученых, военного министра П. Пенлеве. Надо сказать, что сам Е.В. Тарле активно помогал в наведении мостов сотрудничества между советской и французской наукой. В письме от 11 ноября 1924 г. к своей супруге О.Г. Тарле он сообщал: «17-го Camille Bloch меня приглашает посетить музей и библиотеку dr. Guerre (в Венсенском замке) и будет готова их бумага к нашему советскому комиссариату Народ[ного] Просв[ещения] и к Центрахиву с просьбой об обмене изданиями. Я повезу обе бумаги в Россию. Это предложение очень выгодное для нас: у них масса интересных изданий, кот[орые] мы получим даром или почти даром» [Письмо, л. 2 об].

Е.В. Тарле бывал во Франции каждый год вплоть до 1930 г. Его поездки были насыщенными в научном плане. Французские коллеги признавали его заслуги: он был избран членом Общества истории Французской революции, Общества новой истории, Общества истории Великой войны [Каганович 2006].

Пастеровский институт глазами советского биолога Л.А. Тарасевича

После окончания Новороссийского университета в 1891 г. Лев Александрович Тарасевич учился на медицинском факультете Парижского университета. В Пастеровском институте в 1897 г. под руководством И.И. Мечникова он защитил диссертацию. С этого времени Институт Луи Пастера стал неотъемлемой частью научной биографии Л.А. Тарасевича.

В советские годы он несколько раз посетил Францию. Первый его выезд был приурочен к празднованию 100-летнего юбилея Л. Пастера в 1923 г. [Колотилова 2013]. К этому времени Л.А. Тарасевич занимал высокий пост: он возглавлял Государственный институт народного здравоохранения им. Л. Пастера. Среди прочего важной задачей этого учреждения стала разработка системы вакцинации и прививок и контроль за ее качеством. Как и Д.Н. Прянишников, Л.А. Тарасевич отметил проблему с визами. Он указал, что этот вопрос неоднократно обсуждался на заседаниях Комитета сближения с Россией, в котором участвовали выдающиеся ученые: П. Ланжевен, А. Мазон, Ж. Пэйо и др.

В 1926 г. он провел чуть более трех месяцев в командировке во Франции, посетив также французские колонии в Африке. В Париже он много времени проводил в Институте Пастера, оставил о нем теплые воспоминания: «Пастеровский институт в течение всего времени, что я его знаю, т.е. в течение почти 30 лет, по существу мало изменился. Старый пастеровский дух остается в нем и останется до тех пор, пока жив его носитель – доктор Ру, который умеет хранить лучшие научные традиции» [Тарасевич 1926]. Также он отме-

чал уникальность данного учреждения: «Я не хочу сказать, что Пастеровский институт в смысле оборудования и богатства устройства превосходит все прочие институты; он даже уступает некоторым в этом отношении, но в нем есть такие свои особенности, которые являются единственными и которых никогда не забудет тот, кто имел счастье в своей жизни работать в нем и близко соприкасаться с его жизнью» [Тарасевич 1926].

Л.А. Тарасевича всегда волновал вопрос, как организован институт. В ходе нескольких длительных бесед с доктором Ру удалось кое-что прояснить: «Принцип этот сравнительно прост – свобода и анархия внизу и непререкаемый авторитет наверху; когда нужно согласование в каком-либо вопросе, то директор является единственной и непререкаемой инстанцией <…> В институте осуществлена между сотрудниками такая дружная деловая связь, какой нигде в другом месте мне наблюдать не приходилось. Мало того, что учреждение это представляет из себя научный институт, оно представляет своего рода и дружную семью, связанную прочными, неразрывными узами. Тот, кто был счастлив попасть в эту семью, сжиться с ней, тот неизбежно должен был полюбить ее. Тот, кому дан эпитет “старый верный пастеровец”, знает цену этого звания» [там же].

Пожалуй, единственным недостатком института было жалование, которое получили сотрудники. Послевоенный кризис лишь усугубил ситуацию. В воспоминаниях Л.А. Тарасевича зафиксирован случай, когда он обнаружил заведующего одной из лабораторий Пастеровского института убирающим помещение. Оказалось, что он занимает выделенные в штате полставки уборщика. Вопреки материальным трудностям сотрудники Института продолжали активно работать. Л.А. Тарасевич восхищается эффективностью исследовательского труда. В качестве примера он привел разработки вакцины для профилактики туберкулеза А. Кальметом и способов лечения опухолей радием К. Рего. Интересными ему показались исследования биолога русского происхождения А.М. Безредка по вопросам местного иммунитета и лечения заболевания посредством прививок через рот.

Повседневную жизнь французского общества он описал как спокойную, без волнений, правда, ее омрачает падение курса франка. Л.А. Тарасевич не без иронии писал: «Парижане хотят жить как можно полнее, не неся никаких жертв, но ясно, что жертвы нужны и притом крупные… и Франции придется на них пойти» [там же].

Во французскую Африку он отправился для изучения опыта организации научных учреждений на местах, так как в это же самое время в СССР подобные институты создаются на окраинах, с нуля, например в Киргизской ССР. В Пастеровском институте в Тунисе и в Алжире Л.А. Тарасевич также делал доклады о русских врачах, развитии медицины в дореволюционной России и СССР.

Вывод

Подводя итог сказанному, отметим, что образ «ученой» Франции предстает раздвоенным, многомерным и сложным. На его формирование оказывали влияние и личный опыт ученого, степень его близости с французскими коллегами, интегрированности в научную среду или наоборот оторванность от нее. Однако, несмотря на перечисленные факторы, советские исследователи отмечали общие черты. Главная из них – серьезные финансовые трудности, которые испытывали французские коллеги. Авторы путевых заметок называют недостатки в оснащении лабораторий и институтов современных оборудованием и необходимыми материалами для исследований, новой литературой, в том числе иностранной, катастрофической нехваткой средств на проведение экспедиций и командировок. Парадоксальность ситуации состояла в том, что несмотря на финансовые трудности во французских лабораториях делались великие открытия. Другой объединяющей чертой является чувствительность научных и личных связей с французскими коллегами от внешних политических факторов. Эта изменчивая динамика прослеживается во всех использованных источниках. Также общим маркером официальных отчетов, публичных докладов и опубликованных путевых заметок становится отсутствие упоминаний о русских эмигрантах, которые, как известно, были многочисленны во Франции. В то же время следует принять во внимание, что сложность упоминаний в официальном нарративе была сопряжена с тем, что положительно отозваться о них они не могли, а негативно – не хотели. Известно немало примеров контактов между советскими учеными и их эмигрировавшими друзьями и коллегами [Каганович 2006; Тункина 2016; Груздинская 2023].

Библиография

Бадя Л.В. Этапы творческого пути // Историк и время. Историк и время. 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова. М.: Изд-во Росийского ун-та дружбы народов, 2000. С. 10–20.

Груздинская В.С. «Скоро будет три месяца, как я оставил берега Невы…». Письма А.А. Васильева академику С.Ф. Платонову из заграничной командировки. 1925–1928 гг. // Исторический архив. 2023. № 2. С. 3–16.

Две поездки во Францию // Архив Российской Академии наук (АРАН). Ф. 632. Оп.1. Д. 188.

Детлова Е.В., Ковалев М.В., Кузьминых С.В., Наглер А.О. Распад Империй и судьбы европейской археологии: размышления о конференции в Госларе // Российская археология. 2020. № 1. С. 188–191.

Добровольский Г.В., Минеев В.Л., Лебедева Л.А. Дмитрий Николаевич Прянишников. М.: Изд-во МГУ, 1991. 49 с.

Евгений Викторович Тарле: историк и время. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2014. 357 с.

Каганович Б.С. Сергей Федорович Ольденбург: опыт биографии. СПб.: Изд-во «Левша. Санкт-Петербург» 2006. 248 с.

Колотилова Н.Н. Из истории научных связей с Францией в области микробиологии (1920–1930-е гг.) // Французы в научной и интеллектуальной жизни СССР в XX веке. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 191–221.

Любина Г.И. Россия и Франция. История научного сотрудничества. М.: ТОО «Янус», 1996. 263 с.

Мазюш-Крокетт Р. Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVII–XX вв.). История науки и международные связи. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 160–167.

Мезин С.А., Ковалев М.В. Вольтер – историк России // Вольтер История Российской империи при Петре Великом. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 3–105.

Мирзеханов В.С. Туземцы умирают за республику: символический перелом восприятия французами солдат из колоний в годы Первой мировой войны // Новая и Новейшая история: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 23. Саратов: Изд-во СГУ, 2008. С. 152–159.

Николай Иванович Вавилов: Научное наследие в письмах: международная переписка. Т. III. 1931–1933. М.: Наука, 2000. 588 с.

Поездка во Францию // Архив Российской Академии наук (АРАН). Ф. 632. Оп. 1. Д. 189.

Письмо Е.В. Тарле О.Г. Тарле от 14.11.1924 // АРАН. Ф. 627. Оп. 4. Д. 146. Л. 2 об.

Прянишников Д.Н. Мои воспоминания. М.: Сельхозгиз, 1961. 321 с.

Ржеуцкий В.С. Андре Мазон, ВОКС и советско-французское научное сотрудничество (до Второй мировой войны) // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 293–300.

Советско-германские научные связи времени Веймарской республики. СПб., М.: Наука, 2001. 366 с.

Тарасевич Л.А. Из заграничных впечатлений // Научный работник. 1926. № 4. С. 66–79.

Тарле Е.В. Во Франции (беглые впечатления) // Научный работник. 1927. № 7–8. С. 54–60.

Тункина И.В. М.И. Максимова: парижские письма М.И. Ростовцеву (август 1928 г.) // Записки Института материальной культуры. 2016. № 14. С. 24–33.

References

Badya L.V. Etapy tvorcheskogo puti [Stages of the creative path]. Historian and time. Istorik i vremya. Istorik i vremya. 20–50-e gody XX veka. A.M. Pankratova. [Historian and time. 20–50s of the XX century. A.M. Pankratov]. Moscow: Publishing House of the Russian University of Friendship of Peoples. 2000. P. 10–20. (In Russ.)

Gruzdinskaya V.S. «Skoro budet tri mesyaca, kak ya ostavil berega Nevy…». Pis'ma A.A. Vasil'eva akademiku S.F. Platonovu iz zagranichnoj komandirovki. 1925–1928 gg. [«Soon it will be three months since I left the banks of the Neva ...». Letters to A.A. Vasiliev Academician S.F. Platonov from a business trip abroad. 1925–1928]. Istoricheskij arhiv [Historical archive]. 2023. N 2. P. 3–16.

Dve poezdki vo Franciyu [Two trips to France]. Archive of the Russian Academy of Sciences [ARAN]. F. 632. Inv.1. F. 188. (In Russ.)

Detlova E.V., Kovalev M.V., Kuz'minyh S.V., Nagler A.O. Raspad Imperij i sud'by evropejskoj arheologii: razmyshleniya o konferencii v Goslare [The collapse of empires and the fate of European archeology: reflections on the conference in Goslar] Rossijskaya arheologiya [Russian archeology]. 2020. N 1. P. 188 –191. (In Russ.)

Dobrovol'skij G.V., Mineev V.L., Lebedeva L.A. Dmitrij Nikolaevich Pryanishnikov [Dmitry Nikolaevich Pryanishnikov]. Moscow: Izd-vo MGU. 1991. 49 p. (In Russ.)

Kaganovich B.S. Evgenij Viktorovich Tarle: istorik i vremya [Evgeny Viktorovich Tarle: historian and time]. St. Petersburg: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2014. 357 p. (In Russ.)

Kaganovich B.S. Sergej Fedorovich Ol'denburg: opyt biografii [Sergei Fedorovich Oldenburg: the experience of a biography]. St. Petersburg: Izd-vo «Levsha. Sankt-Peterburg». 2006. 248 p. (In Russ.)

Kolotilova N.N. Iz istorii nauchnyh svyazej s Franciej v oblasti mikrobiologii (1920–1930-e gg.) [From the history of scientific relations with France in the field of microbiology (1920s–1930s)]. Francuzy v nauchnoj i intellektual'noj zhizni SSSR v HKH veke [The French in the scientific and intellectual life of the USSR in the twentieth centur]. Moscow: IVI RAN. 2013. P. 191–221. (In Russ.)

Lyubina G.I. Rossiya i Franciya. Istoriya nauchnogo sotrudnichestva [Russia and France. History of scientific cooperation] Moscow: «Yanus», 1996. 263 p. (In Russ.)

Mazyush-Krokett R. Otnosheniya mezhdu Rossiej i Franciej v evropejskom kontekste (v XVII–XX vv.) [Relations between Russia and France in the European context (in the 17th–20th centuries)]. Istoriya nauki i mezhdunarodnye svyazi [History of science and international relations]. Moscow: INION RAN. 2002. P. 160–167. (In Russ.)

Mezin S.A., Kovalev M.V. Vol'ter – istorik Rossii [Voltaire – a historian of Russia]. Vol'ter Istoriya Rossijskoj imperii pri Petre Velikom [Voltaire History of the Russian Empire under Peter the Great]. St. Petersburg: Nestor-History. 2022. P. 3–105. (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. Tuzemcy umirayut za respubliku: simvolicheskij perelom vospriyatiya francuzami soldat iz kolonij v gody Pervoj mirovoj vojny [Natives die for the republic: a symbolic turning point in the French perception of soldiers from the colonies during the First World War]. Novaya i Novejshaya istoriya: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov [Modern and Contemporary History: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Vol. 23. Saratov: Izd-vo SGU. 2008. P. 152–159. (In Russ.)

Nikolaj Ivanovich Vavilov: Nauchnoe nasledie v pis'mah: mezhdunarodnaya perepiska [Nikolai Ivanovich Vavilov: Scientific heritage in letters: international correspondence]. Vol. III. 1931–1933. Moscow: Nauka. 2000. 588 p. (In Russ.)

Pis'mo E.V. Tarle O.G. Tarle ot 14.11.1924 [Letter to E.V. Tarle O.G. Tarle dated 11.14.1924]. Archive of the Russian Academy of Sciences [ARAN]. F. 627. Inv. 4. F. 146. (In Russ.)

Poezdka vo Franciyu [Trip to France]. Archive of the Russian Academy of Sciences [ARAN]. F. 632. Inv. 1. F. 189. (In Russ.)

Pryanishnikov D.N. Moi vospominaniya [My memories]. Moscow: Sel'hozgiz. 1961. 321 p. (In Russ.)

Rzheuckij V.S. Andre Mazon, VOKS i sovetsko-francuzskoe nauchnoe sotrudnichestvo (do Vtoroj mirovoj vojny) [Andre Mazon, VOKS and Soviet-French scientific cooperation (before World War II)]. Francuzy v nauchnoj i intellektual'noj zhizni Rossii XVIII–XX vv. [The French in the scientific and intellectual life of Russia in the 18 th – 20th centuries] Moscow: OLMA Media Grupp. 2010. P. 293–300. (In Russ.)

Sovetsko-germanskie nauchnye svyazi vremeni Vejmarskoj respubliki [Soviet-German scientific relations during the time of the Weimar Republic]. St. Petersburg, Moscow: Nauka. 2001. 366 p. (In Russ.)

Tarasevich L.A. Iz zagranichnyh vpechatlenij [From foreign impressions]. Nauchnyj rabotnik [Scientific worker]. 1926. N 4. P. 66–79. (In Russ.)

Tarle E.V. Vo Francii (beglye vpechatleniya) [In France (fluent impressions)]. Nauchnyj rabotnik [Scientific worker]. 1927. N 7–8. P. 54–60. (In Russ.)

Tunkina I.V. M.I. Maksimova: parizhskie pis'ma M.I. Rostovcevu (avgust 1928 g.) [M.I. Maksimova: Parisian letters of M.I. Rostovtsev (August 1928)]. Zapiski Instituta material'noj kul'tury [Notes of the Institute of Material Culture]. 2016. N 14. P. 24–33. (In Russ.)

ДОКУМЕНТЫ
DOCUMENTS

DOI: 10.31249/rsm/2023.03.11

Л.В. Ланник, К.А. Тарасов

ФИНАНСИСТ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ. ПРОГЕРМАНСКИЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ К.И. ЯРОШИНСКОГО В 1918 г. ДОКУМЕНТЫ

Аннотация. *Публикуемые документы затрагивают тему контактов между германскими дипломатическими представителями и российским финансистом К.И. Ярошинским в 1918 г. В годы Первой мировой войны, даже после падения монархии, предприниматель занимался скупкой контрольных пакетов акций основных российских коммерческих банков. Ярошинский предлагал свои услуги немцам по осуществлению контроля над крупнейшими банками России, что должно было уберечь их активы от национализации. Предприниматель встречался с германскими финансовыми эмиссарами, предлагая свои экономические активы и обширные политические связи для свержения большевиков и восстановления монархии в России. Записки Кона и Треека подробно описывают проект Ярошинского по скупке акций крупнейших российских банков.*

Ключевые слова: *К.И. Ярошинский; антибольшевистское движение; Первая мировая война; коммерческие банки; германская дипломатия; Восточная политика Германии.*

Ланник Леонтий Владимирович – кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.
Россия, Москва.
E-mail: leo-lannik@yandex.ru
Researcher ID: ABD-9832-2020

Тарасов Константин Андреевич – кандидат исторических наук,
научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.
Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: senderkeeper@mail.ru
Researcher ID: AAL-5906-2021

Lannik L.V., Tarasov K.A. **Financier of the counterrevolution. Pro-German political and economic project of Karl Jaroszynski in 1918. Documents**

Abstract. *The published documents touch upon the topic of contacts between the German diplomatic representatives and the Russian financier K.I. Jaroszynski in 1918. During the First World War, even after the fall of the monarchy, the entrepreneur was engaged in buying up controlling stakes in the main Russian commercial banks. Jaroszynski offered his services to the Germans in exercising control over the largest banks in Russia, which was supposed to protect their assets from nationalization. The entrepreneur met with German financial emissaries, offering his economic assets and extensive political connections to overthrow the Bolsheviks and restore the monarchy in Russia. Cohn and Treek's notes describe in detail Jaroszynski's project to buy shares in the largest Russian banks.*

Keywords: *Karl Jaroszynski; anti-Bolshevik movement; First world war; commercial banks; German diplomacy; German Eastern policy.*

Lannik Leontiy Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, senior researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: leo-lannik@yandex.ru
Researcher ID: ABD-9832-2020

Tarasov Konstantin Andreevich – Candidate of Historical Sciences, researcher at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Russia, St. Petersburg.
E-mail: senderkeeper@mail.ru
Researcher ID: AAL-5906-2021

Предлагаемая ниже подборка документов является документальным приложением к опубликованной ранее статье, посвященной связям российского банкира К.И. Ярошинского с германскими дипломатическими представителями [Ланник, Тарасов 2022]. Цель данной публикации состоит, главным образом, в том, чтобы дополнить корпус источников по этой далеко не исчерпанной теме. До этого времени в научный оборот были введены некоторые документы благодаря публикации Ю.А. Петрова почти 30-летней давности [Русский Вандербильт 1993]. С тех пор возможности по поиску необходимых архивных материалов и общий уровень доступа к ним существенно возросли, что позволило обнаружить эти документы в фондах Политического архива германского внешнеполитического ведомства (PA AA). Они отложились в достаточно редко используемых специалистами тематических делах («Россия. Различные

личности» и «Русские финансы») ранее самостоятельного раздела «Россия», ныне объединенных в общий массив документов центральных инстанций германской дипломатии. Все представленные источники представляют собой машинопись на немецком языке, с минимальной правкой простым и красным карандашами и пометками тушью о распределении чистовых копий донесений авторства ознакомившихся с ними чиновников АА. Донесение А. Кона набрано на его личном служебном бланке. Документы публикуются в переводе, максимально передающем стилистические особенности оригинального текста. Ошибки и опечатки исправлены без специальных примечаний.

Документ 1

Телеграмма.
Москва, 19 июня, 9.30 вечера.
Принята 20 июня, в 7.35 утра.
Императорский посланник во внешнеполитическое ведомство
Шифр[1].
С учетом телеграммы № 360. В продолжение отчета № 125.
Совершенно секретно.

Я[рошинский] в Петербурге в ходе состоявшейся по его инициативе беседы с Рицлером[2] предложил взаимодействие с нами на самой широкой основе. Он предоставит: Петропари[3], русский банк Унион[4], Петербургский международный[5], московский и киевский частные банки[6], частью – большинство акций, частью – крупные пакеты. С англичанами он не связан, договор, заключенный относительно совместного владения Русским Сибирским банком, может быть расторгнут за счет исключения переданной Англии половины

1. Документ представляет собой расшифровку телеграммы.

2. Рицлер Курт (1882–1955) – германский дипломат, в апреле–августе 1918 г. секретарь кайзеровского посольства в Советской России.

3. «Петропари» – сокращенное название Русского торгово-промышленного банка. Длинные названия банков в финансовой переписке, а тем более при телеграфировании очень часто сокращались до одного слова (так называемые телеграфные адреса). Банк контролировался К.И. Ярошинским.

4. Имеется в виду Соединенный банк, контролировавшийся с 1917 г. финансовой группой Стахеева–Батолина–Путилова.

5. Контрольным пакетом Петроградского международного коммерческого банка владела группа Стахеева–Батолина–Путилова.

6. По-видимому, имеются в виду Киевский частный коммерческий, который контролировали К.И. Ярошинский, и Московский частный коммерческий банки.

контрольного пакета до 1924 г.[7] Ему представляется, что следует образовать из его и германских активов блок акций Русского [для внешней торговли] банка[8] и совместно обрести контроль над еще свободными от его контроля банками. Банку, когда он откроется вновь, нужен будет мораторий на старые займы, в немедленном крупном притоке средств при восстановлении порядка он уверен. Судя по всем известиям, как чрезвычайные способности, так и мощь Я[рошинского] несомненны. В его руках значительная часть финансирования буржуазных партий, а также большинство в контроле за [газетами] «Новым временем», «Биржевыми ведомостями», «Днем» и проч. Относительно секретных попыток сближения кадетов Кривошеина[9] – см. парламентский отчет № 152[10] – он проинформирован детально.

Так как контрреволюция в Сибири победила[11], да и здесь может победить в ближайшее время, следует всеми средствами предотвращать образование целостной[12] контрреволюционной комбинации против нас, а потому в любом случае рекомендую удерживать на нашей стороне этого могущественного человека в надежде на его большую роль в экономике, ведя с ним переговоры через первых лиц. Я[рошинский] при необходимости готов выехать на занятые нами территории, хотя для него отъезд и возвращение под власть большевиков крайне трудны. Предпочтителен Петербург, в том числе и в связи с обзором

7. Контрольный пакет акций Сибирского торгового банка был продан британцам его директором Н.Х. Денисовым [Русский Вандербильт 1993, с. 146, 149].

8. Контрольный пакет акций Русского для внешней торговли банка был приобретен К.И. Ярошинским в 1917 г. В нем крайне высокую долю составляли германские капиталы.

9. Кривошеин А.В. (1857–1921) – российский государственный деятель. Член Государственного совета. В 1908–1915 гг. Главноуправляющий землеустройством и земледелием. В 1917 г. входил в совет директоров мануфактуры «Савва Морозов, сын и К°». В 1918 г. входил в руководство антибольшевистской организации «Правый центр». Вероятно, эта организация и имеется в виду под «кадетами Кривошеина». По словам одного из лидеров «Правого центра», В.И. Гурко, в этот период Кривошеин выступал «за сговор с немцами весьма решительно» [Гурко 1924, с. 14]. С конца июля 1918 г., опасаясь ареста, вынужден был скрываться, затем перебрался в Смоленск и выехал в Украину [Судьба 2002, с. 254].

10. По-видимому, имеются в виду ведомственные отчеты о заседаниях рейхстага, возможно, их нумерация велась по номеру очередных слушаний. 152-е заседание рейхстага состоялось 24 апреля 1918 г. и могло быть прислано для ознакомления Мирбаху, по меньшей мере фрагментарно.

11. По-видимому, имеется в виду восстание Чехословацкого корпуса, приведшее к ликвидации советских органов власти и образованию антисоветских правительств в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

12. Здесь и далее подчеркнуто в оригинале.

общего положения. Рекомендую не информировать Бокельмана[13], который, насколько здесь известно, заинтересован в куда более мелких сделках.

Мирбах.

Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (PA AA). RZ 201/10779/221-222
Машинопись

Документ 2

Берлин, 22 июля 1918 г.[14]
Во внешнеполитическое ведомство, политический отдел.

Во исполнение порученной мне миссии 4 июля я выехал в Москву, где я, само собой, застал наше дипломатическое представительство еще полностью во власти впечатления от проведенного самым откровенным образом убийства графа фон Мирбаха[15].

После того как я сообщил господину тайному советнику Рицлеру о том, что в связи с убийством наша позиция по отношению к большевикам и к буржуазным партиям пока что не должна претерпевать изменений, а также о том, что из двух крупных финансовых группировок (Ярошинского и Стахеева[16]), с которыми я должен провести переговоры, в Москве представлена

13. Бокельман Генрих (1870–1945) – российский банкир немецкого происхождения. До Первой мировой войны являлся совладельцем банка «И.В. Юнкер и Ко» в Москве. В 1914 г. интернирован как германский подданный, бежал в Стокгольм. Располагая широкими связями, информировал внешнеполитическое ведомство Германии о событиях в России. После Октябрьского переворота Бокельман играл роль посредника между германскими деловыми кругами и российскими предпринимателями, приехавшими в Стокгольм. Предлагал германскому правительству различные проекты скупки сырья и предприятий [Petrov 1994, S. 2014–216].

14. Машинопись на официальном бланке советника Альфреда Кона. На документе рукописные пометки о его регистрации 28 июля и об отправке – по запросу главы «русского отдела» АА Р. Надольны к 31 июля не менее четырех копий и выписок в различные ведомства.

15. Мирбах В. граф фон (1871–1918) – германский дипломат, в апреле–июле 1918 г. кайзеровский посол в Советской России.

16. Стахеев И.И. (1869–1918) – банкир и предприниматель, основатель торгово-промышленного товарищества «И. Стахеев и Ко». К 1917 г. вместе с П.П. Батолиным и А.И. Путиловым являлся руководителем крупнейшей финансово-промышленной монополистической группой, обладавшей к 1917 г. контрольными пакетами акций Русско-Азиатского банка, Петроградского международного коммерческого банка, Соединенного банка, Волго-Камского коммерческого банка и Бухарского банка; торгово-промышленными предприятиями в сфере железнодорожной, горнозаводской, текстильной, нефтяной, лесной промышленности, а также имела в распоряжении хлебное, страховое, печатное и газетное дело.

только последняя, я распорядился через господина доктора Листа и приданного торгово-политическому отделу господина Эмиля Шлезингера, к которым и обратились поначалу из группы Стахеева, прозондировать, готовы ли они представить нам обещанные цифровые данные о деталях их финансового проекта. Они сообщили, что это будет сделано лишь к среде, 10-го числа сего месяца, так что я использовал время ожидания, чтобы, во-первых, переговорить со старыми друзьями из московских крупных промышленников (Кноопами[17] и Вогау[18]), а также с некоторыми представителями из российских немцев из банковской отрасли относительно ситуации в России, а во-вторых, чтобы обратить в самых общих чертах внимание господина Рицлера на громадные трудности, возникающие в исполнении уже переданных нам сюда[19] в письменном виде дипломатическим представительством эскизов русских финансовых проектов. Мы договорились, что по политическим причинам я не буду упоминать об этих трудностях на переговорах с русскими, а более того – по возможности буду стремиться сохранить у этих господ веру в том, что мы весьма в этих планах заинтересованы, чтобы они поведали мне как можно больше деталей о них.

Во время последовавшего за этим совещания выяснилось, что у группы Стахеева все еще не готовы обещанные цифровые данные, однако у нее есть сразу два различных плана:

1) объединение ее имущества в виде акций русских крупных банков с пакетом в собственности Ярошинского и с германской частью капитала с целью отделения украинских филиалов от российских центральных контор и установления контроля над всей банковской отраслью в России;

2) основание холдинга с акционерным капиталом в 30 миллионов рублей (под российским флагом и с германским участием) для любых возможных промышленных сделок.

Краткого указания на невозможность отделения южнорусских банковских филиалов от центральных контор без одобрения общих собраний вкладчиков каждой из фирм и без одобрения этого нынешним российским правительством было достаточно, чтоб убедить этих господ в том, что их банковский проект в настоящее время не актуален, а так как еще и существует договор о консолидации пакетов акций банков между группой Стахеева и Ярошинским, то я попросил текст этого соглашения и условился, что буду

17 Имеются в виду Ф.Л. и А.Л. Кнопы – бароны, российские промышленники в текстильной отрасли и банковские деятели немецкого происхождения.

18 Имеется в виду семья Вогау немецкого происхождения, управлявшая торговым домом «Вогау и Ко». Основные дела фирмы вел Г.М. Вогау (1849–1923).

19 То есть первой версии неких проектов, который успели отправить в Берлин еще в июне 1918 г.

говорить об этом с господином Ярошинским в Петрограде, чтобы создать возможности для взаимодействия на будущее.

Относительно же их промышленных проектов группа Стахеева заявила о своей полной независимости от Ярошинского, причем дала понять, что испытывает к нему сильное недоверие, на которое, как выяснилось впоследствии в Петрограде, тот отвечает полной взаимностью.

На мой конкретный вопрос, как именно сделки с промышленностью интересуют группу Стахеева более всего, я получил в ответ лишь довольно общие сведения о расположенных на юге России угольных и металлургических заводах и шахтах. Кроме того, они якобы имеют влияние на различных железнодорожных магистралях на юге России (на линиях Север – Донец, Ростов – Владикавказ и различных их ветках), а кроме того владеют крупной бумажной фабрикой Панченко[20] в Ростове и располагают той или иной долей в целом ряде иных крупных промышленных обществ.

Так как выяснилось, что присутствующий здесь управляющий господин Миллер[21] также имеет намерение в ближайшие дни выехать в Петроград, то мы договорились провести второе совещание там уже в течение следующей недели, к которой эти господа намерены были представить необходимые данные.

После того как господин тайный советник Рицлер выяснил, что господин Ярошинский, которому тем временем большевики стали грозить арестом, уже смог добиться отзыва ордера на арест и был готов встретиться, то я 12-го числа выехал в Петроград и в последующие дни провел два совещания с Ярошинским и еще одну встречу с представителями группы Стахеева, детали которых Вы можете узнать из прилагаемой копии моего отчета господину тайному советнику Рицлеру[22].

Если же оказалось, что господин Ярошинский, несмотря на его в целом тяжелую финансовую ситуацию все еще располагает известным влиянием в тех политических кругах, с которыми мы хотели бы сблизиться, то я полагал бы необходимым величайшую осторожность в обращении с этой личностью, ведь хотя он и обладает некоторыми качествами, которые могли бы быть нам полезны, однако я все же полагаю его человеком во всех отношениях ненадежным и готовым на все, чтобы спастись из нынешнего его финансового краха, а также одновременно реализовать весьма амбициозные планы. Какое

20. Имеется в виду фабрика Товарищества Писчебумажных фабрик и Каменноугольных копий И.С. Панченко.

21. Миллер М.Н. – управляющий Петербургской конторой товарищества «И. Стахеев и К °». По данным Наркомюста, Миллер в этот период занимался фиктивной продажей банковских ценностей за границу. К середине августа 1918 г. перевел свое личное состояние в Германию. См.: [Лизунов 2007].

22. См. документ 3.

личное впечатление он производит и сколь сильно воздействует его умение вести переговоры даже на людей выдержанных и опытных, Вы лучше всего сможете оценить по прилагаемой копии отчета господина Треека[23], отправленного господину тайному советнику Рицлеру вместе с моим[24]. Господин Треек, как известно, и был те, к кому первому обратились посредник от господина Я[рошинского]. С ним они и вели предварительные консультации до моего прибытия в Петроград. После того как я незадолго до моего отъезда прочитал его отчет, я должен был передать ему поступившее мне тем временем сообщение, что былая биография господина Ярошинского в Киеве была не столь уж масштабной, как он описывал господину Трееку, ведь в молодости своей он будто бы состоял под опекой. Я попросил господина Треека еще проверить эту информацию особо. Та манера, в которой Я[рошинский] и его подручные добивались избрания их в правления отдельных банков, когда он закупал большие пакеты акций тех или иных фирм на чужие деньги, а затем угрожал председателям, что пустит их по ветру, если его не изберут в совет управляющих, уже вполне может его характеризовать. Кроме того, в Петрограде я смог выяснить, что его тогдашний друг Крискиковский[25], нынешний государственный секретарь у Скоропадского, еще незадолго до революции, то есть в то время, когда курс банковских акций был почти вдвое выше нынешнего, обнаружил его тяжелое положение и попытался выручить его за счет созыва первого съезда московских и петроградских банков[26]. Однако наиболее серьезные из русских банков – как Волжско-Камский банк, Московский Купеческий банк и т.д. так и не смогли решиться связаться с этим человеком, так что этот проект санации так и остался нереализованным.

Он купил 25 тысяч акций Русского [для внешней торговли] банка по 1100 рублей (нынешняя цена – 650 рублей), 56 тысяч акций Сибирского торгового банка по 1400 рублей (нынешняя цена – 900 рублей) и около 50 тысяч Петроградского международного банка по 1150 рублей (нынешняя цена – 600). По заявлениям группы Стахеева, которая со своей стороны владеет якобы 400 тысячами акций различных банков, Я[рошинский] якобы скупил

23. Биографических данных об этом сотруднике германского генконсульства в Петрограде, возглавлявшем там экономический отдел, не обнаружено.

24. См. документ 4.

25. Имеется в виду И.А. Кистяковский (1876–1940) – присяжный поверенный, приват-доцент Московского университета, затем Московского коммерческого института, член партии кадетов. В мае–июле 1918 г. занимал пост государственного секретаря, а затем в июле–декабре с перерывом возглавлял Министерство внутренних дел в кабинетах Ф.А. Лизогуба и С.Н. Гербеля.

26. Имеется в виду III Съезд представителей акционерных банков коммерческого кредита 9–11 июня 1916 г. В нем приняли участие 115 представителей 43 банков. Предшествующие съезды состоялись в 1873 и 1903 гг.

по меньшей мере 300 тысяч акций. Так как он, кроме того, еще и значительно вовлечен в ряд промышленных предприятий, то можно себе составить примерное представление о том, сколь же важно было бы для него добиться отмены моратория на банковскую деятельность и вывести на рынок каждый из связанных с ним пакетов акций, которые были более или менее вынужденно для него предварительно оплачены.

Что же касается положения русских банков в целом, то его следует признать крайне трудным. Нынешние банковские правления совершенно не могут составить себе представление о теперешнем своем статусе; а те из учреждений, что обладали широкой сетью филиалов, вот уже более полугода ничего не слышали от своих местных отделений и имеют в виду большие потери.

Наиболее близкие к обеим группам учреждения владеют акционерным капиталом примерно в 400 миллионов рублей и при этом могут опираться на сумму до 4 миллиардов в одних только «on call»[27] средствах под гарантию временно объявленных дезавуированными ценных бумаг. Кроме того, есть еще крупные пакеты дисконтированных наличных средств и другие дебеты на несколько миллиардов, ценность которых ныне совершенно воображаемая величина (например, бóльшая часть реальных товаров, которые выступали реальным залогом, попросту исчезла). Если же учесть, что названные банки имеют вкладов и иных кредитов на сумму в 5–6 миллиардов, и что среди них – весьма крупные суммы от зарубежных поручителей, для которых падение курса рубля выразилось в огромные потери в валюте, то можно прийти к выводу, что и нынешние курсы акций банков (частью указанные выше) должны быть сочтены существенно завышенными, да и вообще представляется сомнительным, чтобы некоторые банки смогли бы расплатиться по своим обязательствам.

Так как балансовых ведомостей за 1917 г. не существует, то все приведенные выше цифры основаны на оценках, не претендующих на надежность, и потому в действительности дела могут обстоять еще менее благоприятно[28].

У меня есть и еще некоторые цифровые материалы относительно ряда банков и той бесхозяйственности, что воцарилась в них при нынешнем режиме. Чтобы не слишком растягивать свой отчет, я не стал приводить здесь всех деталей. Однако если будет такое желание, я, однако, охотно готов устно доложить подробности, как и об экономическом положении России, которое при большевиках и в связи с их роковыми декретами все ближе идет навстречу катастрофе.

27. По требованию (англ.). Имеется в виду финансовый термин, означающий краткосрочный коммерческий кредит, который должен погашаться заемщиком по первому требованию кредитора.

28. Этот абзац в оригинале содержится в приписке снизу с указанием о необходимости его вставки в основной текст.

Наблюдения мои насчет политической ситуации я позволю себе изложить в следующей особой записке.

С совершенным почтением,

Альфред Кон[29].

PA AA. RZ 201/10308/101-107.

Машинопись

Документ 3

Копия[30].

Санкт-Петербург, 17 июля 1918 г.

Строго конфиденциально.

В императорское германское дипломатическое представительство в Москве,

Господину тайному советнику Рицлеру.

Многоуважаемый господин тайный советник Рицлер!

Согласно нашей договоренности, я отправился сюда, чтобы получить необходимые разъяснения от господина Ярошинского и от управляющих делами Стахеева. Вследствие Вашей депеши господин Треек договорился с Я[рошинским] о первом совещании уже на воскресенье[31], так что оно продлилось несколько часов, а вчера последовал и второй продолжительный разговор с Я[рошинским]. При этих беседах присутствовал и господин Треек. Как и у Вас, относительно господина Я[рошинского] у меня сложилось впечатление, что он чрезвычайно умный, хитрый и красноречивый собеседник, который в той хаотической обстановке, в которой ныне оказалась Россия, чувствует свое призвание в роли ее спасителя. Без сомнения он, прежде чем обратиться к нам, обращался с самыми разными запросами к Антанте[32], причем он порой даже заявляет об этом открыто, однако полагает, что финансисты Антанты не выказали ему должного понимания. Далее он вполне откровенно признается, что если его проект не удастся реализовать с нашей помощью, а сюда вступят войска Антанты, то ему придется вновь принять решение о контактах с ее финансистами, с которыми он по-прежнему поддерживает связь.

Его план относительно нас базируется на условии, что наши войска уже в самое ближайшее время вынуждены будут вступать в Петроград и Москву,

29. В документе – оригинальная подпись.

30. В документе незначительная правка и подчеркивания карандашом и тушью.

31. То есть 14 июля 1918 г.

32. О контактах К.И. Ярошинского с представителями стран Антанты см.: [Kettle 1981, p. 134–140, 242–247; Фурсенко 1991].

причем в отличие от других весьма благоразумных русских, он придерживается той точки зрения, что для этого потребуется лишь очень небольшое количество войск.

Он считает, что порядок в России можно восстановить почти без кровопролития, и что ему поэтому окажется вполне возможным непосредственно после ввода наших войск основать партию «достойных людей», а также сформировать подходящий состав правительства из представителей монархических кругов и буржуазных партий. При этом он уверяет, что с ним будут взаимодействовать и самые известные деятели прежнего царского правительства, так что он сможет составить кабинет таким образом, как было бы желательно и нам.

Он утверждает, что особенно близок с Кривошеиным и Владимиром Треповым[33], однако к его услугам и поддерживают его планы также Коковцов[34], Барк[35], Щербатов[36], Покровский[37], Нольде[38], Феодосьев[39] и т.д.

33. Трепов В.Ф. (1863–1918) – российский государственный деятель. Член Государственного совета. В 1912–1917 гг. председатель акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей, финансировавшегося за счет Русско-Азиатского, Петербургского международного коммерческого банков и французского банка Societe Generale. В 1918 г. один из наиболее активных деятелей антибольшевистской организации в Петрограде, связанной с московским Правым центром. В.И. Гурко вспоминал, что Трепов и Б.Э. Нольде от лица этой организации вели переговоры с германскими представителями [Гурко 1924, с. 14].

34. Коковцов В.Н. (1853–1943) – российский государственный деятель. В 1904–1905 и 1906–1914 гг. министр финансов Российской империи, в 1911–1914 гг. председатель Совета министров. Входил в совет Русского для внешней торговли банка. Коковцов вспоминал, что прибыл из Кисловодска в Петроград только в мае 1918 г., получив в начале марта 1918 г. извещение об избрании его председателем Союза защиты интересов русских кредиторов и должников, возникшего по инициативе коммерческих кругов для учета взаимных российско-германских претензий в соответствии с Брестским мирным договором. Затем некоторое время он находился под арестом [Коковцов 1933, с. 431, 444].

35. Барк П.Л. (1869–1937) – российский государственный деятель. В 1914–1917 гг. министр финансов Российской империи. Во время Февральского восстания арестован. В марте 1917 г. освобожден, после чего уехал в Крым, где находился до 1920 г.

36. По-видимому, Щербатов Н.Б., князь (1868–1943) – российский государственный деятель. Член Государственного совета. В 1915 г. министр внутренних дел Российской империи.

37. Покровский Н.Н. (1865–1930) – российский государственный деятель. В 1914–1916 гг. товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета. В 1916 г. Государственный контролер, в 1916–1917 гг. министр иностранных дел Российской империи. Входил в совет Русского для внешней торговли банка. В 1917 г. председатель правления Сибирского банка. В 1918 г. избран заместителем председателя Союза защиты интересов русских кредиторов и должников. По свидетельству И.И. Тхоржевского, входил в ту же антибольшевистскую организацию, что и В.Ф. Трепов и Б.Э. Нольде [Тхоржевский 2020, с. 166].

Кроме того, в его распоряжении более 146 газет, а потому он может по своему усмотрению воздействовать на общественное мнение, и, наконец, он владеет крупными пакетами акций, а благодаря своему договору о сотрудничестве со Ст[ахеевым] – всеми крупными банками, а через них и всей торговлей и промышленностью России.

Затем мы затронули в разговоре его финансовые и промышленные активы, а он при этом разворачивал самые авантюрные проекты того, как же следует поступить с финансами, торговлей и индустрией, чтобы в будущем все шло по нашему усмотрению.

После того как сам он признал, что все прежние руководители банков были ему врагами, в план его не входит привлечение большинства из этих господ к сотрудничеству, ведь он утверждает, что они за незначительным исключением к настоящей работе и вовсе не способны, а исходят лишь из того, как бы заработать денег себе лично, что, возможно, отчасти и верно. При этом он говорит, что с бывшими заместителями директоров банков, то есть теми, кто действительно ведет всю работу, он находится в крайне близких отношениях, так что они чуть ли не «его люди», и потому сами au courant[40] держат его в курсе о положении в банках.

Весьма характеризует его рассказ о том, что заместитель директора [банка] будто бы отказал ему в кредите лишь один раз, так что за счет своих связей он тут же распорядился убрать его с должности. Однако, чтобы продемонстрировать тому, что лично зла он на него не держит, Я[рошинский] обещал ему, что как только он придет к руководству, то сделает первым директором банка.

Стремлением его является вместе с германскими акционерами для начала установить контроль над Русским [для внешней торговли] банком и Петербургским международным коммерческим банком, ведь в обоих – несмотря на поддержку Ст[ахеева] – до сих пор большинства он так и не получил.

И чтобы округлить свою долю акционера, он намерен с нашей помощью купить акций различных банков и предприятий еще на 200–300 миллионов рублей, а когда я указал ему на то, что положение банков на данный момент

38. Нольде Б.Э., барон (1876–1948) – политик, юрист, специалист в области международного права. Член Партии Народной свободы. В 1917 г. член Юридического совещания Временного правительства. По сообщению германского посла Мирбаха, в начале июня 1918 г. Б.Э. Нольде вел с ним переговоры от имени А.В. Кривошеина [Baumgart 1968, S. 90].

39. По-видимому, Феодосьев С.Г. (1880–1937) – российский государственный деятель. В 1916 г. товарищ министра финансов Российской империи, затем в 1916–1917 гг. государственный контролер. В ноябре 1918 г. председатель Чрезвычайного Государственного экономического совещания при правительстве адмирала Колчака.

40. Здесь: постоянно, по ходу дела (фр.).

все-таки совершенно непредсказуемо[41], и что наши германские банки испытывают поэтому определенные сомнения насчет проекта вкладывания дополнительных средств в акции русских банков, он ответил мне, что в целом вполне готов попросту купить все германские пакеты акций русских банков по свободному курсу, но при этом он, разумеется, исходит из того условия, что деньги на это предоставит ему германское правительство.

Он вообще весьма щедро распоряжается деньгами нашего правительства; а именно планирует, что мы должны будем предоставить новому правительству России заем в 9–10 миллиардов, чтобы можно было предоставить и русским банкам, и индустрии возможность немедленно вновь выполнять свои функции, отменив до сих пор действовавший мораторий.

Я позволил себе смиренно заметить, что данная сумма все-таки несколько высока, на что он ответил, что выгоды, получаемые нами при таком экономическом господстве в России, будут столь громадны, что такие суммы уже никакой роли не сыграют.

И вот теперь мы попытались получить от него точные цифры относительно его активов в различных банках. Однако он постоянно выражался крайне уклончиво и, если уж доходило до цифр, они весьма редко согласовывались с теми, что были названы нам Ст[ахеевым].

Насчет некоторых банков расхождения между его пакетом акций и таковым у Ст[ахеева] были столь громадны, что при сопоставлении заявлений обоих господ[42] немедленно бы выяснилось, что заявления одного из этих двоих имеют мало общего с действительностью.

По известным Вам причинам мы, однако, воздержались от подобного заявления.

Относительно группы Ст[ахеева] и особенно о руководителе ее Батолине[43] Я[рошинский] выражался явно пренебрежительно. Он будто бы вступил в соглашение с этими господами только ради установления контроля над банками, однако уж никогда не допустит, чтобы господин Б[атолин], который якобы является крайне резким в деловых вопросах человеком, получил бы руководящую роль во всей комбинации. Также он утверждал, что группа Ст[ахеева] уже однажды нарушила данное ему слово.

41. Имеется в виду начало национализации банковской сферы Советом народных комиссаров.

42. Уклончивая формулировка Кона имеет в виду очную ставку.

43. Батолин П.П. (1878–1939) – финансист, предприниматель. Совладелец торгово-промышленного товарищества «И. Стахеев и Ко». Опасаясь ареста, в начале 1918 г. по подложным документам уехал во Владивосток, затем в Японию. В июле 1918 г. вместе с А.И. Путиловым отбыл в США [Кашапова 2018].

Когда же мы теперь указали ему на значение точных цифр во всей комбинации, он заявил, что нам не следует подходить к этому с обычными мерками, ведь мы можем давать его акциям хоть нулевую оценку, однако он не расстанется с ними и за миллиард. Так что придется нам либо доверять ему, либо же все эти переговоры к цели не приведут. Да и будто бы нет никакого смысла нам как-либо иначе получить сведения о нем и его активах, как это принято делать у немцев, ведь большинство из господ, которым мы могли бы сделать соответствующий запрос, находятся под его (Ярошинского) влиянием и потому сразу же известят его о наших запросах, однако в действительности они довольно далеки, а потому совершенно не знают, какова же ситуация на самом деле.

Когда же мы выказали ему некоторое разочарование тем, что он не намерен называть нам конкретные цифры, то он в качестве своего мотива указал, что цифры о его активах попросту невозможно назвать. Но уж в любом случае у него более крупные пакеты акций чем у кого-либо во всем мире, и, хотя он не мог оформить на свое имя все акции, у него есть масса договоренностей с его друзьями, которые с ним сотрудничают, да и вообще он единственный человек, который мог бы предоставить в наши руки всю российскую экономику!

При этом он вновь стал развивать самые авантюрные и одновременно наивные идеи, особенно же, когда мы затронули вопросы финансирования банковского баланса и валютные вопросы и хотели от него узнать, каковы размеры кредитов, полученных русскими банками и правительством России от держав Антанты. Он обещал, что в ближайшие дни ответит на последний вопрос в цифрах, однако мы усомнились в том, что в случае, если он и действительно предоставит нам числовые данные, то они будут точными, ведь весьма влиятельные деятели, а только они в банках знакомы с такими цифрами, как правило в Петербурге уже отсутствуют.

Таким образом, уважаемый господин тайный советник, Вы можете видеть, что с чисто финансовой точки зрения было бы чрезвычайно опасно вообще связываться с этим человеком, ведь он без сомнения весьма хитрая лиса, однако, по-видимому, авантюрист, который все ставит на кон и весьма сильно скомпрометирован в деловых кругах своими прежними манипуляциями.

В банковских кругах вполне открыто рассказывают, что он пускался в сомнительные биржевые спекуляции, что вел операции с явно дутыми векселями через посредство некоторых входящих в его орбиту сахарных фабрикантов, что некоторые из подчиненных им банков он превратил в руины, а те, что до сих пор до этого не довел, обязаны этим только мораторию. Так, например, он будто бы должен Петропари, владеющему акционерным капиталов в 35 миллионов рублей, какую-то мелочь… в четверть миллиарда. Вероятно даже, что он вполне ясно осознает свое жалкое положение, хотя и говорит нам, что в связи с многочисленными своими предприятиями озабо-

чен лишь тем, что должен всего 20 миллионов рублей, но с того момента, когда он будет должен 50 миллионов рублей и более (хотя ныне он должен во много раз больше), то придется ему признаться себе, что придется его затруднения разрешать его поручителям.

Его замысел – облегчить свое финансовое положение, пустившись в политику, – с его точки зрения, представляется вполне разумным; ведь если бы ему удалось добиться нашего привлечения, а затем с нашей помощью купить и еще акций на 200–300 миллионов рублей, – при этом мы должны были бы ему полностью довериться, в том числе в вопросах выбора конкретных активов, – то он надеется сразу же освободиться от некоторых неудобных предприятий и за счет своих покупок добиться и повышения курса вообще, столь оживив настроения на бирже, чтобы его активы уже не казались в столь угрожающем положении.

Я позволю себе не вдаваться перед Вами в детали тяжелого положения отдельных банков, ведь предполагаю, что Вы об этом осведомлены, да и господин доктор Лист[44], – который, несомненно, вместе со мной, узнал некоторые детали относительно невероятной бесхозяйственности в ряде банков и их филиалов при нынешней правительственной системе, – разумеется, мог бы дать Вам желательные пояснения на этот счет.

В связи с таким непростым положением я опасаюсь также, что будет бесконечно тяжело побудить германские банки к сотрудничеству с господином Я[рошинским], даже если наше правительство согласилось, чтобы они пошли на это со всеми вытекающими последствиями.

Перейду теперь к самому насущному пункту.

При установившейся ныне ситуации в России, мы (в том числе господин генеральный консул Бирманн[45] и господин генеральный консул Брайтер[46], с которыми господин Треек и я говорили непосредственно после нашей встречи с Я[рошинским]) полагаем, что вовсе не исключено, что господин Я[рошинский] мог бы быть для нас важен с политической точки зрения, ведь он решительно весьма энергичный, умелый и исполненный честолюбия человек, который охотно может быть и на первых ролях, однако еще более желал бы остаться за кулисами, словно некоронованный король.

44. Лист Альфред (1873–?) – германский экономист. Глава специальной комиссии по подготовке экономических условий Добавочного договора и налаживанию товарооборота между Германией и Советской Россией в Москве в июле-августе 1918 г.

45. Бирманн Макс (1856–1929) – германский дипломат. В июне – середине июля 1918 г. германский генеральный консул в Петрограде.

46. Брайтер Йоханнес (1867–1932) – германский дипломат. Генеральный консул в Петрограде в июле–ноябре 1918 г.

Обладает ли он и в какой степени политическим влиянием, о котором нам заявляет, мы, конечно, судить не можем, да и по нашему мнению было бы необходимо, чтобы у некоторых из названных им и якобы находящихся полностью под его влиянием политиков, вроде Кривошеина, Коковцова или Барка должным образом прозондировали бы, как они относятся к Я[рошинскому], и действительно ли они готовы идти с ним заодно и до конца.

Если же Вы не видите возможности у себя провести зондирование с Кривошеиным, то господин Треек предложил дать ему возможность под каким-либо предлогом здесь навестить господина Кривошеина, чтобы провести необходимую беседу, либо я мог бы поискать при желании средства и пути сделать это из Берлина.

Кроме того, господин Я[рошинский] высказал пожелание для ускорения хода дела выехать в Берлин и мы, разумеется, согласно Вашим указаниям, не стали прямо отказывать ему в подобном пожелании, но пока что утешили его лишь тем, что должны будем подготовить к этому почву своим отчетом на Ваше имя, так что расстались с ним, договорившись, что скоро дадим ему знать.

Если же и действительно дойдет до поездки в Берлин, то мы полагаем, что было бы желательно, чтобы его туда сопровождали или господин Кривошеин или господин Барк. Да и не был бы пока более подходящим местом не Берлин, а например, Киев, однако это могли бы лучше всего определить Вы и внешнеполитическое ведомство в Берлине.

Теперь я хотел бы коротко сообщить о моей вчерашней беседе с тремя управляющими делами из группы Стахеева.

Господин Миллер еще в Москве при первой моей с ним беседе в присутствии господина доктора Листа занял вполне разумную позицию, что в настоящий момент невозможны никакие комбинации с банковскими акциями[47], зато, напротив, он попытался установить с нами контакты насчет промышленности, однако не смог предоставить желаемых нами деталей, а потому просил меня о второй беседе в Петербурге, куда он выехал практически одновременно со мной.

И вот вчера он явился с двумя другими управляющими из своей группы и переводчиком, я принял этих господ вместе с господином Ферманном[48]. Они зачитали нам длинный меморандум относительно основания компании-холдинга, причем обещали предоставить нам его тщательный перевод и сопроводительное письмо. Эти бумаги будут Вам отсюда отправлены. Мы при случае еще хотели бы предложить некоторые коррективы в предлагаемые нам условия, например право на приоритетную покупку нами русской поло-

47. Декретом СНК от 26 января 1918 г. были запрещены любые сделки и оформление актов по передаче акций под угрозой тюремного заключения.

48. Биографические данные не обнаружены.

вины акций и т.д., на что мы указали и в устной беседе, однако вчера детально об этом еще не говорили.

Господа для начала предполагают предложить для холдинга 4 предприятия, а именно:

1. Дашкесанские железорудные копи,
2. Угольные шахты в Ткварчели,
3. Марганцевые шахты в Чиатурах,
4. Общество по строительству гидроэлектростанции на притоке реки Риони. Общая цена при покупке этих 4 предприятий составляет якобы около 7 миллионов рублей, однако по оценке самих этих господ потребуется еще около сотни миллионов, чтобы закончить оборудование этих объектов.

Кроме того, они заинтересованы и в еще разрабатываемом пока проекте железной дороги из Киева в Одессу, и, так как уже владеют некоторыми железнодорожными ветками на Украине, то хотели бы получить вышеуказанную концессию и вообще на всем [побережье] Черного и Азовского морей. Однако они просили нас по возможности отложить хлопоты по предоставлению концессии, ведь они пока еще не окончили подготовку к ней.

Господин Ферманн и я прониклись впечатлением, что группа до сих пор недостаточно прочно контролирует вышеназванные 4 предприятия, а лишь планирует их приобрести, если уж их гарантированно будет брать этот холдинг.

Группа Ст[ахеева] якобы имеет большинство акций в:

юзовских угольных шахтах,

в заводах Гартмана,

в брянских железорудных и угольных шахтах и

в железорудных копях Кривого Рога.

Все они расположены на юге России.

В дальнейшем они надеются предложить проведение комбинации с «Компани рюсс де навигасьон а вапёр»[49] и, наконец, весьма заняты проектом создания нового телеграфного агентства «Русская молва», о котором, как я слышал, уже есть обширные сведения у нашего внешнеполитического ведомства.

Я заявил господам, что буду докладывать Вам о нашей беседе и что позднее они узнают от Вас, пойдут ли в Берлине и в какой степени навстречу их предложениям, естественно тогда необходимые объекты придется проинспектировать на местах нашими специалистами, с чем господа полностью согласились. Кроме того, я сказал им, что если им необходимо передать нам и другие материалы, то им следует обратиться к Вам или к господину доктору Листу, да и господин Ферманн здесь, на месте был бы готов принять на себя передачу Вам соответствующих бумаг.

49. То есть «Русской пароходной компании».

Я позволю себе просить Вас поставить в известность о вышеизложенном господина доктора Листа и, так как сам я полагаю свою миссию на этом оконченной, а завтра выезжаю отсюда в Берлин с господином генеральным консулом Бирманном, то возьму с собой копию моего сегодняшнего Вам отчета для внешнеполитического ведомства.

Если же Вам, многоуважаемый господин тайный советник, угодно будет задать мне еще некоторые вопросы, то я прошу Вас направить их мне либо через господина тайного советника Надольны[50] или же прямо в мое берлинское бюро (Унтер-ден-Линден, 78).

Покорнейше благодаря Вас за выказанное мне во время моего пребывания в Москве гостеприимство,

С совершенным почтением, приветствую Вас

Подпись: Альфред Кон.

PA AA. RZ 201/10308/108-115.

Машинопись

Документ 4

Санкт-Петербург, 18 июля 1918 г.[51]

Многоуважаемый господин тайный советник,

Господин советник коммерции Кон сегодня отправил Вам отчет о впечатлении, вынесенном им из бесед с Яр[ошинским] и из поступивших об этом человеке сведений. Так как в данном докладе основная роль отводится оценке с чисто финансовой точки зрения, то мы договорились, что я Вам – в своего рода дополнение – отдельно напишу о тех наблюдениях, которые сделал в ходе нескольких бесед, а именно в основном о личных и политических моментах. Должен подчеркнуть, что следующие ниже данные, касающиеся карьеры Яр[ошинского], приведены им самим, возможности проверить их не предоставлялось.

Яр[ошинский] 41 год от роду, происходит из польского дворянского рода, который осел на Украине уже в третьем поколении, где владеет имением. До своих 23 лет Яр[ошинский] прожил в отцовском поместье, получив там домашнее образование. Он рано потерял отца, так что с 16 лет управлял и поместьем, и сахарной фабрикой, а за счет этого хорошо знаком и с жизнью на селе, и с особенностями местных русских властей, с душой русского кре-

50. Надольны Рудольф (1873–1953) – германский дипломат. В 1918 г. стал одним из основателей «русского отдела» АА, в 1933–1934 гг. посол Германии в Москве [Sütterlin 1994; Baumgart, Zinke 2017.].

51. Карандашом: донесение Треека о Ярошинском.

стьянина, важностью для крестьянского сословия православной церкви и т.д. Его поручителем был Добрый[52], с которым он еще до его совершеннолетия оказался в разногласиях, так что с тех пор они в открытой вражде. Затем Яр[ошинский] много путешествовал, особенно во Франции (владеет виллой в Больё) и около 1908 г. остановился в Петербурге. При прямо-таки княжеском отношении к жизни он проявляет даже в мелочах признаки не только высокой культуры, но и тонкого вкуса. При в целом сдержанном образе жизни он полностью отдается своей работе и далеко идущим планам. Это человек крепкого телосложения, развитого интеллекта, здравомыслящего отношения к людской натуре, большой энергии, безоглядной смелости и безграничного оптимизма, весьма располагающих к себе манер, непринужденный и естественный в общении, но очевидно не свободный и от наследственных польских изъянов: двуличности и склонности к интригам. Основополагающая черта характера: безграничное честолюбие, связанное с некоторой наивной переоценкой себя. В выборе средств совершенно неразборчив. О нем идет молва насчет грандиозных спекулятивных афер, о том, что он полностью выпотрошил некоторые из контролируемых им банков, всевозможными средствами воздействуя на их директоров, в том числе подкупом, что признает и сам. Оценки Яр[ошинского] носят порой совершенно сокрушительный характер. Эпитеты: фантаст, Калиостро, воплощенная мания величия, русский Штроусберг[53]. Конечно, следует иметь в виду, что самые неблагоприятные из отзывов о Яр[ошинском] из кругов его личных врагов в финансовом мире. Из объективных источников слышны более позитивные мнения; так, например,

52. Добрый А.Ю. (1867–1936) – финансист и предприниматель. Директор нескольких заводов и товариществ сахарной промышленности. Управляющий отделением Русского для внешней торговли банка в Киеве, затем член правления этого банка. В годы Первой мировой войны подозревался в работе на германскую разведку. В 1916 г. арестован вместе с другими сахарозаводчиками по обвинению в спекуляции. Только благодаря вмешательству министров юстиции и внутренних дел они были помилованы. В 1918 г. работал в финансовых комиссиях Украинской Центральной Рады, ведавших подготовкой и реализацией экономических соглашений с Германией и Австро-Венгрией. В конце апреле 1918 г. был похищен с ведома министров Украинской народной республики, что спровоцировало свержение правительства Голубовича и последующий судебный процесс над его членами. Благодаря вмешательству оккупационных войск освобожден [Гай-Нижник 2014, с. 212–228]. После переворота П.П. Скоропадского возглавил финансовый комитет при Министерстве финансов.

53. Имеется в виду Штроусберг Бетель-Генри (1823–1884) – германский предприниматель, занимавшийся в основном железнодорожным строительством. Ему удалось очень быстро создать крупный бизнес, основанный на кредитах, проценты с которых ему позволял платить выпуск собственных акций. Предприятие Штроусберга разорилось, он был объявлен банкротом, провел несколько лет в долговой тюрьме и умер в нищете.

подчеркивают, что Яр[ошинский] стремится собирать вокруг себя достойные элементы. Но все едины в том, что цели Яр[ошинского] выходят далеко за пределы его сил.

В политическом отношении Яр[ошинский] – монархист, он убежден, что единственная из возможных для России форм правления – монархическая. Возможно, подсознательно здесь сказывается известное чувство лоялизма в связи с тем, что во время войны он смог попасть ко двору, причем без посредничества Распутина, и там пользовался определенным уважением[54]. По-видимому, случившиеся во время войны пертурбации пробудили политические надежды Яр[ошинского]. Избранный им путь заключался в том, чтобы стабилизировать свою репутацию как крупнейшего финансового магната России за счет обретения определяющего влияния в первых и крупнейших российских банках, чтобы затем использовать влияние в кругах высшей бюрократии старого режима и, наконец, благодаря приему его при царском дворе прорваться в так называемые «сферы» с помощью выгодных черт его личности, благодаря происхождению и светскому лоску. Но Мартовская революция[55] столкнула Яр[ошинского] с этой стези. Нет никаких признаков того, что он искал контактов с Временным правительством[56], как позднее и с большевистским, в отличие от других капитанов индустрии (Мещерский[57]).

Яр[ошинский], после того как он явно много и безуспешно (вплоть до мелких транзакций) вел переговоры с Антантой, теперь ищет спасения у нас, исходя из соображений, что в данный момент порядок и монархия, – а для него это синонимы, – могут быть установлены только с помощью Германии. Его программа – занять Петербург и Москву германскими войсками в качестве опоры для проводимого буржуазными партиями свержения большевиков,

54. Ярошинский финансировал лазарет имени великих княжон Марии Николаевны и Анастасии Николаевны в Царском селе и состоял помощником коменданта санитарного поезда Ее императорского Величества императрицы Александры Федоровны [Российский Архив 1998, с. 248].

55. То есть Февральская.

56. Это не верно. А.Ф. Керенский свидетельствовал в 1920 г.: «В революцию же он [К.И. Ярошинский] обращался к нам, к Временному правительству, с предложением своих финансовых услуг. Самое больное наше место были финансы. Он и предлагал тогда нам какой-то весьма широкий финансовый проект. Сам он тогда выступал как человек, весьма сочувствующий и преданный идеям Временного правительства, и предлагал к нашим услугам свои личные средства. Но его проект не был принят министром финансов Бернацким…» [Российский Архив 1998, с. 236–237].

57. Мещерский А.П. (1867–1938) – банкир и промышленник. Организатор концерна «Коломна-Сормово». В конце 1917 – начале 1918 г. вел переговоры с советским правительством о создании государственно-частновладельческого треста на базе объединенных коломенско-сормовских заводов. В апреле 1918 г. переговоры были прекращены, и СНК принял постановление о национализации заводов.

недолгий период диктатуры, переход к монархии, возможно даже при реставрации Николая II[58], объединения буржуазных партий в большой блок «достойных людей» под лозунгом «возрождения России», образование правительства из лучших представителей прежнего режима, которые во внешней политике будут действовать под германским руководством, а во внутренней пойдут лишь на самые необходимые уступки новейшим конституционалистским идеям. Скрытым его замыслом является формирование такого правительства, которое позволило бы ему из-за кулис дергать за ниточки. Яр[ошинский] утверждает, что имеет влияние на большинство деятелей старого режима, так что Треповы, Коковцов, Барк, Тимирязев[59], Покровский, Феодосьев и т.д. суть лишь его орудия, что весьма сложно проверить, однако это кажется не столь уж невероятным с учетом свойственного представителям старого режима тяготения к поклонению золотому тельцу. Кстати, на особом положении у Яр[ошинского] находится Кривошеин, которому он отводит первостепенную роль при планируемом перевороте, как обладателю наиболее твердого характера. И все же несмотря на это Яр[ошинский] полагает, что может рассчитывать на Кривошеина, ведь последний якобы его высоко ценит и верит в его звезду.

При том условии, что мы решимся на оккупацию и на содействие перевороту, Яр[ошинский] намерен передать под наш контроль все его влияние в банковской и промышленной сфере, на государственных деятелей и прессу. (Яр[ошинский] обеспечил за собой «Новое Время», «Биржевые Ведомости», «Русское Слово» и «День», а кроме того, планирует издавать еженедельник для православного духовенства). Относительно ожидаемых от нас встречных шагов он пока что ясных заявлений не делает, однако не раз намекал на предоставление займа примерно в 200 миллионов рублей под залог принадлежащих ему промышленных объектов. Эти средства он намерен потратить на приобретение дополнительных акций банков и заводов, которые бы завершили оформление сферы его господства. По ряду признаков это вовсе не conditio sine qua non[60]. Величайшее значение он придает обеспечению своего положения в Русском [для внешней торговли] банке и [Петроградском] международном

58. Весьма примечательно, что именно в эти дни последовала расправа над членами Дома Романовых. О том, что Николай II расстрелян, советское руководство объявило в газетах 19 июля 1918 г. Судьба остальных казненных в Екатеринбурге долгое время скрывалась, в том числе от германских дипломатов.

59. Тимирязев В.И. (1849–1919) – российский государственный деятель. В 1905–1906 и 1909 гг. министр торговли и промышленности. 1910–1917 гг. председатель правления Русского для внешней торговли банка. После октября 1917 г. консультировал советское правительство по вопросам торговых отношений с Германией в ходе переговоров в Брест-Литовске.

60. Непременное условие (лат.).

коммерческом банке, что будет достигнуто за счет консолидации его пакета в их акциях и германской доли. В обоих этих банках засели злейшие его враги: Добрый, Давыдов[61], Криличевский[62], Вышнеградский[63] и Шайкевич[64], которые добивались его краха. Если же он сможет избавиться от этих врагов, то полагает, что сможет быть гарантирован от любых неожиданностей.

Относительно чисто финансовых деталей, вроде аудита банков, которые Яр[ошинский] собирается контролировать, а также о величине его пакета акций в каждом из них, да и о прочих его активах, несмотря на неоднократные подходы к этой теме, оказалось совершенно невозможно получить сколько-нибудь надежные сведения.

В случае нашего вмешательства во внутрироссийские дела Яр[ошинский] без сомнения может быть очень полезен. В политическом отношении он весьма ловкий посредник в связях с влиятельными и важными деятелями, а также как проводник особенно важной пропаганды посредством крупных печатных изданий его концерна. В экономическом отношении он выделяется владением крупных пакетов акций банков и концентрацией капитала. Польза от него в экономических вопросах будет особенно значительной, если удастся согласовать modus vivendi[65] между ним и до сих конкурировавшей с ним группой Стахеева, что – при умелом руководстве – представляется вполне вероятным. Определенное стремление к объединению в связи с общими нуждами наличествует уже сейчас. Если же представить, что обе эти крупные группы под германским руководством придут к гармонии, то решение наших насущных задач в России будет необыкновенно облегчено; да и в будущем этим будут открыты широкие врата для экономической экспансии в России. Можно ли вообще воспользоваться услугами Яр[ошинского] зависит в первую очередь от возможности поддерживать его на плаву до тех пор, пока

61. По-видимому, Давыдов Л.Ф. (1866–1941) – государственный деятель и финансист. В 1908–1914 гг. директор Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов. В 1914–1917 гг. директор Русского для внешней торговли банка.

62. Криличевский М.А. – банкир и предприниматель. Директор отделения Русского для внешней торговли банка в Архангельске, затем член правления и директор этого банка.

63. Вышнеградский А.И. (1867–1925) – банкир. В 1902–1910 гг. – член правления Русско-китайского банка. В 1906–1917 гг. – директор и член правления Санкт-Петербургского (Петроградского) международного коммерческого банка. В 1917 г. участвовал в финансировании выступления генерала Корнилова. 10 декабря 1917 г. арестован после того, как выяснилась эта его деятельность. В марте 1918 г. освобожден. В том же году эмигрировал во Францию.

64. Шайкевич Е.Г. – юрист, банкир и предприниматель. Член правления и директор Санкт-Петербургского (Петроградского) Международного Коммерческого банка. В 1918 г. эмигрировал сначала в Финляндию, затем во Францию.

65. Здесь: модель сосуществования (лат.).

в нем есть нужда. Если же он рухнет раньше времени, то и в политическом отношении потеряет всякий для нас интерес. Его связи с политическими деятелями и с прессой, разумеется, не переживут его краха как мнимой или действительно крупной величины в финансовом мире.

Яр[ошинский] настойчив (см. его запрос о поездке в Берлин). Предполагаю, что Вы согласитесь с уклончивым ответом на данное предложение.

Считаете ли Вы нужным установить через Яр[ошинского] связь, например, с Кривошеиным, или чтобы Яр[ошинский] свел с Кривошеиным меня? Последнее дало бы возможно непосредственно наблюдать, как люди масштаба Кривошеина относятся к Яр[ошинскому].

Тимирязев, которого я видел вчера, высказывался о Яр[ошинском] крайне осторожно и сдержанно, что, кстати, в связи с большим влиянием Яр[ошинского] в Русском [для внешней торговли] банке вполне понятно[66].

Преданный Вам,

Треек.

PA AA. RZ 201/10308/116-121.

Машинопись

Библиография

Гай-Нижник П.П. Викрадення банкіра А. Доброго в квітні 1918 року (реконструкція та аналіз подій) // Наукові записки Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова. Серія педагогічні та історичні науки: збірник наукових праць. Вип. CXX (120). Київ, 2014. С. 212–228.

Гурко В.И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу // Архив русской революции. Т. 15. Берлин: Слово, 1924. С. 5–84.

Кашапова Е.А. Контекстуальная биография П.П. Батолина в архивных документах и материалах (1878–1918) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2018. № 4. С. 80–87.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. Т. 2. Париж: Издание журнала «Иллюстрированная Россия», 1933. 504 с.

Ланник Л.В., Тарасов К.А. Финансист контрреволюции. Прогерманский политико-экономический проект К.И. Ярошинского в 1918 г. // Россия и современный мир. 2022. № 4(117). С. 23–41.

Лизунов П.В. «Великий Манус»: Взлет и падение петербургского биржевого короля // Английская набережная, 4. СПб.: Лики России, 2007. С. 279–312.

Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. VIII: Н.А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг. М.: Студия «Тритэ», 1998. 463 с.

«Русский Вандербильт» и планы германской экспансии после Брестского мира / Публ. Ю.А. Петрова // Отечественная история. 1993. №. 5. С. 144–157.

66. В.И. Тимирязев являлся членом и председателем совета Русского для внешней торговли банка.

Судьба века. Кривошеины. М.: Издательство журнала «Звезда», 2002. 413 с.

Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб.: Алетейя, 2020. 258 с.

Фурсенко А.А. Концерн К.И. Ярошинского в 1917–1918 гг. // Проблемы социально-экономической истории России. К 100-летию со дня рождения Б.А. Романова. СПб.: Наука, 1991. С. 265–287.

Baumgart W. Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau. April–Juni 1918 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1968. Hf. 1. S. 68–96.

Botschafter Rudolf Nadolny: Rußlandkenner oder Rußlandversteher? Aufzeichnungen, Briefwechsel, Reden 1917–1953 / hrsg. W. Baumgart, J. Zinke. Paderborn, 2017.

Kettle M. The Allies and the Russian Collapse. March 1917 – March 1918. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1981. 287 p.

Petrov J.A. Das Bankhaus J.W. Junker & Co // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1994. Bd 42. S. 202–216.

Sütterlin I. Die «Russische Abteilung» des Auswärtigen Amts in der Weimarer Republik. Berlin: Duncker und Humblot, 1994. 284 S.

References

Baumgart W. Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau. April–Juni 1918. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1968. Hf. 1. S. 68–96.

Botschafter Rudolf Nadolny: Rußlandkenner oder Rußlandversteher? Aufzeichnungen, Briefwechsel, Reden 1917–1953 / hrsg. W. Baumgart, J. Zinke. Paderborn, 2017.

Fursenko A.A. Kontsern K.I. Yaroshinskogo v 1917–1918 gg. [K.I. Yaroshinsky's Concern in 1917–1918]. Problemy sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Rossii. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya B.A. Romanova [Problems of socio-economic history of Russia. To the 100th anniversary of the B.A. Romanov's birth]. Saint Petersburg, 1991. P. 265–287. (In Russ.)

Gurko V.I. Iz Petrograda cherez Moskvu, Parizh i London v Odessu [From Petrograd via Moscow, Paris and London to Odessa]. Arkhiv russkoy revolyutsii [Archive of the Russian Revolution]. Vol. 15. Berlin: Slovo, 1924. P. 5–84. (In Russ.)

Hay-Nyzhnyk P.P. Vykradennya bankira A. Dobroho v kvitni 1918 roku (rekonstruktsiya ta analiz podiy) [Abduction of the banker A. Dobry in April 1918 (reconstruction and analysis of events)]. Naukovi zapysky Natsional′noho pedahohichnoho universytetu imeni M.P. Drahomanova. Seriya pedahohichni ta istorychni nauky: zbirnyk naukovykh prats' [Scientific notes of the National Pedagogical University named after M.P. Drahomanova. Pedagogical and historical sciences series: collection of scientific papers]. Vol. CXX (120). Kyiv, 2014. P. 212–228. (In Ukr.)

Kashapova Ye.A. Kontekstual′naya biografiya P.P. Batolina v arkhivnykh dokumentakh i materialakh (1878–1918) [Contextual biography of P.P. Batolin in archival documents and materials (1878–1918)]. Gasyrlar avazy – Ekho vekov [Echo of centuries]. 2018. N 4. P. 80–87. (In Russ.)

Kettle M. The Allies and the Russian Collapse. March 1917 – March 1918. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1981. 287 p.

Kokovtsov V.N. Iz moyego proshlogo. Vospominaniya 1903–1919 [From my past. Memoirs 1903–1919]. Vol. 2. Paris: Izdaniye zhurnala illyustrirovannaya Rossiya, 1933. 504 p. (In Russ.)

Lannik L.V., Tarasov K.A. Finansist kontrrevolyutsii. Progermanskiy politiko-ekonomicheskiy proyekt K.I. Yaroshinskogo v 1918 g. [Financier of the counterrevolution. Pro-German political and economic project of Karl Jaroszynski in 1918]. Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the modern world]. 2022. N 4(117). P. 23–41. (In Russ.)

Lizunov P.V. «Velikiy Manus»: Vzlet i padeniye peterburgskogo birzhevogo korolya [«Great Manus»: The Rise and Fall of the St. Petersburg Exchange King]. Angliyskaya naberezhnaya, 4 [Angliskaya Embankment, 4]. Saint Petersburg: Liki Rossii, 2007. P. 279–312. (In Russ.)

Petrov J.A. Das Bankhaus J.W. Junker & Co. Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1994. Bd 42. S. 202–216.

Rossiyskiy Arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. T. VIII: N.A. Sokolov. Predvaritel'noye sledstviye 1919–1922 gg. [Russian Archive: History of the Fatherland in evidence and documents of the 18th-20th centuries. T. VIII: N.A. Sokolov. Preliminary investigation 1919–1922]. Moscow: Studiya «Trite», 1998. 463 p. (In Russ.)

«Russkiy Vanderbil't» i plany germanskoy ekspansii posle Brestskogo mira [«Russian Vanderbilt» and plans for German expansion after the Brest Peace] / ed. by Ju.A. Petrov. Otechestvennaya istoriya [Motherland History]. 1993. N 5. P. 144–157. (In Russ.)

Sud'ba veka. Krivosheiny [The fate of the century. Krivosheins]. Moscow: Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda», 2002. 413 p. (In Russ.)

Sütterlin I. Die «Russische Abteilung» des Auswärtigen Amts in der Weimarer Republik. Berlin: Duncker und Humblot, 1994. 284 S.

Tkhorzhevskiy I.I. Posledniy Peterburg. Vospominaniya kamergera [Last Petersburg. Memoirs of a chamberlain]. Saint Petersburg: Aleteyya, 2020. 258 p. (In Russ.)

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ
REFLECTIONS, COMMUNICATIONS, COMMENTS

DOI: 10.31249/rsm/2023.03.12

А.В. Белинский

ЛЮДИ «ЧАСА НОЛЬ»: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ ЗАПАДНОГЕРМАНСКИХ ПОЛИТИКОВ

Аннотация. *Ни в зарубежной, ни в отечественной историографии нет недостатка в биографиях ведущих немецких государственных деятелей и политиков послевоенной эпохи. В то же время одним из «белых пятен» современной науки остается определенный дефицит исследований феномена поколений в общественно-политической жизни. В статье, на основе разработанной В. Штраусом и Н. Хоу теории, последних достижений исторической науки и новых источников, только что введенных в научный оборот, автор предпринимает попытку воссоздать социально-психологический портрет первого после 1945 г. поколения западногерманских политиков.*

Изучение биографий глав государств, министров и бургомистров городов ясно показало, что подавляющее большинство из них принадлежало к так называемому «веймарскому» поколению: группе людей, начавших свой политический и профессиональный путь еще в 1920-е годы, а в ряде случаев и при кайзере. Их возвращение в политику было вызвано желанием не допустить повторения событий 1933–1945 гг., политической неопределенностью, в которой оказалось среднее поколение, и чувством ответственности за катастрофу, постигшую их страну. Хотя представители этого поколения выступали за построение демократического государства, сами они зачастую были образчиками авторитарного стиля правления, что нашло отражение как в существовании так называемых «кухонных кабинетов», жестком противостоянии с политическими оппонентами и т.д. В то же время именно построило новую политическую систему в Западной Германии и привило немецкой молодежи демократические ценности.

Ключевые слова: *К. Аденауэр; К. Шумахер; Т. Хойс; ФРГ; ХДС / ХСС; СДПГ; СвДП.*

Белинский Андрей Викторович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН. Россия, Москва.
E-mail: belinskii_andrei@mail.ru

Belinskij A.V. The people of «Hour Zero»: A socio-psychological portrait of the first generation of West German politicians

Abstract. *There is no shortage of biographies of leading German public officials and politicians of the post-war era in both foreign and domestic historiography. At the same time, one of the lacunae of modern academia remains a certain lack of research on the phenomenon of generations in socio-political life. This article, based on the theory developed by W. Strauss and N. Howe, the latest achievements of historical research, as well as new sources just introduced into academic circulation, attempts to recreate a social and psychological portrait of the first post-1945 generation of West German politicians.*

A study of the biographies of heads of state, ministers, and burgomasters of cities clearly shows that the vast majority of them belonged to the so-called «Weimar» generation: a group of people who began their political and professional path back in the 1920s, and in some cases even under the Kaiser. Their return to politics was prompted by a desire to prevent a repetition of the events of 1933–1945, the political uncertainty in which the middle generation found itself, and a sense of responsibility for the catastrophe that befell their country. Although this generation advocated a democratic state, they themselves were often models of authoritarian rule, as reflected in the existence of so-called «kitchen cabinets», harsh confrontation with political opponents, etc. At the same time, it built a new political system in West Germany and instilled democratic values in German youth.

Keywords: *K. Adenauer; K. Schumacher; T. Heuss; Germany; CDU / CSU; SPD; FDP.*

**Belinsky Andrey Viktorovich – Candidate of Political Science,
Senior Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences (INION) RAS. Russia, Moscow.
E-mail: belinskii_andrei@mail.ru.**

«Многие же будут первые последними, и последние первыми».

(10:31. Евангелие от Марка)

«Открывшаяся взору картина была ужасающей. Невозможно представить себе такое, пока не увидишь это собственными глазами. Парижская площадь перед Бранденбургскими воротами представляла собой сплошные руины. Слева – выгоревший дотла остов легковушки. Знаменитая квадрига на Бранденбургских воротах сохранилась лишь частично» [Nayhauß-Cormons 2014, S. 114] – именно таким запечатлелся май 1945 г. в памяти М. фон Найхауза[1],

1. М.Г. фон Найхауз (1926–2021) – известный немецкий журналист, корреспондент таких ведущих изданий, как «Der Spiegel», «Der Stern», «Die Welt» и др. Из-под его пера вышел ряд биографий немецких политиков.

одного из ведущих журналистов Боннской республики, а тогда всего лишь затянутого в потрепанную солдатскую шинель подростка.

Гамбург, Кёльн, Нюрнберг, Мюнхен – эхо развязанной А. Гитлером осенью 1939 г. войны докатилось теперь и до самой Германии, не щадя ни военных, ни мирное население, ни построенные в вильгельмовскую эпоху вокзалы, ни старинные готические церкви. Казалось, что среди этих руин, обугливших стен домов и испещренных пулями памятников, между которыми как тени бродили граждане «тысячелетнего рейха», отчаянно пытавшиеся отыскать под завалами остатки своего скарба или еду[2], вряд ли уже возможно какое-либо возрождение былой жизни.

Однако пройдет всего 10–15 лет – микросекунда в масштабах мировой истории – и Западная Германия кардинальным образом преобразится, явив изумленному миру немецкое экономическое чудо. Там, где еще вчера лежали горы щебня вперемежку с наспех построенными силами фольксштурма баррикадами, теперь горделиво высились трубы заводов, производивших сталь, машины, промышленное оборудование, автобаны страны заполнили проворные «жуки»[3], а в портах Гамбурга и Киля под парáми стояли корабли, готовые, как и вначале столь удачно начинавшегося для Германии XX столетия, отплыть с грузом в европейские и заморские страны.

Нельзя не согласиться с исследователями, утверждающими, что своему стремительному восстановлению Западная Германия в первую очередь была обязана изменению американской внешней политики, лихорадочно искавшей противовес советскому влиянию в Центральной Европе, «плану Маршалла» и благоприятной внешнеэкономической конъюнктуре. Однако было еще одно обстоятельство, сыгравшее, пожалуй, ключевую роль в становлении Федеративной республики Германия. Это ее политическая элита[4].

2. Царящие в немецком обществе весной-летом 1945 г. настроения очень точно отразил Семиряга в своей книге «Как мы управляли Германией»: «В первые дни и недели, когда немецкое население влачило голодное существование, не хватало всего самого необходимого для поддержания жизни, часть немцев охватило паническое настроение, они сомневались, стоит ли вообще жить…». (Семиряга 1995, с.14).

3. Речь идет о модели «Volkswagen Käfer», которая производилась концерном Volkswagen с 1946 по 2003 г. и стала самым массовым автомобилем концерна.

4. Даже при самых благоприятной внешне- и внутриполитической конъюнктуре последнее слово всегда за остается за политической элитой, которая определяет курс государственного корабля. В этом отношении весьма показательны примеры Китая и Японии XIX столетия. В то время, как японская политическая элита сделала ставку на модернизацию страну, которая в конечном счете ввела островное государство в клуб великих держав, правящая китайская династия Цин выбрала путь изоляции. В конечном счете она привела Китай к полузависимому состоянию от западных держав и той же Японии.

Люди, которые взяли на себя бремя политической власти в конце 1940-х годов и на протяжении последующих 20 лет прокладывали курс в неспокойном океане мировой политики? Что подвигло их пойти в земельные парламенты, министерства, ведомство федерального канцлера? Какие взгляды и надежды, страхи и предубеждения предопределили их действия на внутри- и внешнеполитической арене?

Для человека, хотя бы немного знакомого с историей Германии и Западной Европы (не говоря уже о профессиональных исследователях) эти вопросы на первый взгляд могут показаться если и не неуместными, то по меньшей мере риторическими. За минувшие годы увидели свет десятки монографий, статей и воспоминаний, казалось бы, не оставивших «белых пятен» в биографии ведущих немецких политиков послевоенной эпохи.

Но вместе с тем было бы заблуждением говорить о том, что тема изучения политического лидерства в ФРГ полностью закрыта и может быть сдана в архив. Одним из «белых пятен» как немецкой, так и отечественной историографии является то обстоятельство, что, достигнув крупных успехов в жизнеописании федеральных канцлеров и лидеров политических партий, они во многом так и не воссоздали «коллективный портрет» первого поколения западногерманских политиков, который бы позволил лучше понять как особенности психологического профиля политиков «часа ноль»[5], так и происходившие внутри ФРГ в конце 1940-х – середины 1960-х годов процессы.

Опираясь на разработанную еще в середине XX столетия теорию поколений[6], а также на достижения исторической науки и ряд недавно опубликованных источников, в рамках данной статьи мы попытаемся воссоздать социально-психологический портрет политиков (канцлер, министры, главы федеральных земель и т.д.), стоявших у истоков Федеративной республики.

Первый вопрос, на который нам предстоит дать ответ, касается социального происхождения западногерманских лидеров «первой волны» и мотивов их прихода во второй половине 1940-х годов в политику. Даже поверхностное знакомство с биографиями ведущих государственных деятелей как федерального, так и земельного уровней того периода приводит к парадоксальному (но только лишь на первый взгляд) открытию. Места депутатов в ландтагах и бундестаге, в правительственном квартале Бонна и на вилле Хаммершмидт, которой на многие годы было суждено стать официальной резиденцией главы государства, заняли люди, чья политическая карьера

5. Час ноль (Stunde Null – нем.) – метафорическое выражение, означавшее начало новой эпохи в истории Германии после катастрофы 1945 г.

6. Теория поколений базируется на представлении о том, что каждое преходящее в общественно-политическую жизнь поколение привносит свое мировоззрение, стиль, жизненный опыт, что в свою очередь оказывает влияние на развитие страны.

началась еще в годы существования Веймарской республики (1919–1933), а в некоторых случаях – и кайзеровской Германии (см. табл. 1, табл. 2). А венчала всю эту воздвигнутую в буквальном смысле на руинах «тысячелетнего рейха» политическую конструкцию фигура 73-летнего К. Аденауэра, бывшего бургомистра Кёльна, «немца четырех эпох», которого партийные соратники с почтением, к которому примешивалась нотка опаски, называли «Старик» (Der Alte – нем.)

Сложившаяся в конце 1940-х – начале 1950-х годов ситуация в Западной Германии была в некотором роде уникальной для мировой истории с той точки зрения, что вследствии крушения прежней политической системы к власти пришли представители старшего поколения, чей политический и жизненный путь казалось бы неумолимо подходил к концу, а участие в «res publica» (общественное дело – лат.) должно было уступить место написанию мемуаров и воспоминаниям об ушедшей эпохе.

Приход к власти в Западной Германии когорты политиков, многие из которых давно перешагнули 50-летний рубеж, в первую очередь был обусловлен изменением курса Соединенных Штатов в отношении недавних противников. Стремительно разгоравшаяся холодная война заставила официальный Вашингтон, еще недавно всерьез изучавший возможность реализации плана Моргентау[7], кардинальным образом пересмотреть свою политику в отношении сначала своей оккупационной зоны, а затем и в Западной Германии в целом.

В условиях острого противостояния двух стремительно формирующихся блоков Западной Германии в расчетах атлантических стратегов была уготована роль «щита» в Центральной Европе, который должен был сдерживать продвижение коммунизма. Однако формирование дееспособного государства было невозможно без политической элиты, которая бы, с одной стороны, обладала управленческим опытом и определенным авторитетом у населения, а с другой – была бы привержена демократическим ценностям и лояльна западным союзникам. В этом отношении выбор американских оккупационных властей в пользу «веймарского» поколения, которое располагало солидным управленческим опытом и одновременно выступало хранителем, казалось бы, безвозвратно канувших в лету республиканских традиций, был вполне логичным и закономерным[8].

7. План Моргентау – программа послевоенного переустройства Германии, предложенная министром финансов США Генри Моргентау, которая предусматривала расчленение страны на множество государств и ее последующую деиндустрилизацию.

8. Еще в начале 1942 г. США начали составлять так называемые «белые списки» политиков и общественных деятелей («The White Liste of persons in Germany belived to be Anti-Nazi or Non-Nazi» – англ.), с которыми следовало сотрудничать после

Но что же заставило этих уже не молодых, достаточно потрепанных жизнью людей вернуться в политическую жизнь, взять на себя управление в опустошенной «тотальной войной» стране, чье настоящее было мизерабельно, а будущее окутано плотным туманом неопределенности и отнюдь не внушало оптимизм подавляющему большинству населения?

Бывший федеральный канцлер Гельмут Шмидт (1918–2015) дал такое объяснение мотивов поведения людей «часа ноль»: «Это поколение пришло в политику не для того, чтобы делать карьеру, а чтобы помешать повторению ужасов нацистской диктатуры и войны» [Konrad Adenauer, 1999]. И, действительно, изучая воспоминания, письма или же публичные выступления государственных и партийных деятелей послевоенной эпохи нельзя не заметить, что одним из главных мотивов возвращения «веймарцев» в большую политику стало стремление к построению другой, демократической Германии с целью недопущения повторения событий 1933–1945 гг.

Для этого поколения, помнившего еще другую Германию, мрачное 12-летнее правление национал-социалистов стало мороком, черным морем разлившейся по всей стране кафкианской абсурдности. К общему трагизму происходящего примешивались и «маленькая трагедия» каждого из представителей этого поколения, которое практически в одночасье было вырвано, выкорчевано из публичной жизни новыми хозяевами жизни. Арест, тюрьма, концентрационный лагерь – для одних (К. Шумахер), отставка, арест, забвение в сельской местности – для других (В. Кайзен, К. Аденауэр).

Однако и те, кому посчастливилось перебраться в Португалию, Соединенные Штаты или латиноамериканские страны были вынуждены вкусить горький хлеб мигрантской жизни, который так пронзительно описал Э.М. Ремарк в своих романах «Возлюби ближнего своего» и «Ночь в Лиссабоне». «Путь вдоль моря, которым мы шли еще вчера, сегодня мы пока избегаем, поскольку ближайшее местечко уже оккупировано немецкими войсками. Зайти в находящуюся слева от нас деревню не представляется возможным по той же причине» [Am Rande 2005, S. 42] – так описывал свои скитания по полям Бретани весной-летом 1940 г. бывший деятель католической партии Центр Й. Хоффманн.

Чувство ответственности за судьбу страны усиливалось осознанием того факта, что только именно они, «веймарцы» в состоянии взять на себя ответственность, преодолеть экономическую разруху, а главное – вывести немецкий народ из того духовного «Синая», куда он был заведен национал-

завершения войны. В апреле-мае 1945 г. американцы начали разыскивать бывших политических деятелей Веймарской Германии, чтобы в дальнейшем ставить их во главе временных администраций. Этот эпизод подробно описан в мемуарах первого канцлера ФРГ К. Аденауэра.

социалистами за 12 лет. «Мы имеем дело с народом, – писал лидер оппозиции К. Шумахер – большая часть которого еще не вступила на путь внутреннего осмысления произошедшего, народом с большой культурной и духовной историей, однако его политическая история – это история военных побед князей и господства» [цит. по: Walter F., Müller K. 2010, S. 241].

Размышления политических лидеров Западной Германии имели под собой полное основание. Действительно среднее поколение, прочно пристегнутое к режиму ремнями различных организаций (вермахт, гитлерюгенд, СА, профессиональные союзы), вплоть до конца войны в большинстве своем было лояльно политическому руководству страны. Немецкий историк Ф. Рёмер, который в своей уникальной работе «Товарищи. Вермахт изнутри» на основе протоколов допросов и стенограмм прослушивания разговоров военнопленных блестяще воссоздал мировоззрение немецкой армии, отмечает: «Чем моложе были солдаты, тем сильнее была их преданность фюреру. Среди молодых людей, родившихся после 1916 и с 1933 являющихся потенциальными членами гитлерюгенда, уровень поддержки Гитлера составлял 68,2%, в то время как у их более старших товарищей, родившихся раньше 1916, этот показатель равнялся лишь 56,3%» [Römer 2012, S. 81].

Однако поражения на фронтах и последующее крушение «тысячелетнего рейха» привело к разочарованию в национал-социализме, которое в то же время автоматически не привело к радикальному изменению мировоззрения. Воспитанные тоталитарной системой в духе слепого подчинения фюреру, эти люди имели крайне расплывчатое представление о демократии, правовом государстве или правах граждан.

«“Die Zeit”. – Когда в 1945 г. Вы вернулись в Гамбург и увидели город: Испытали ли Вы чувство освобождения?

Гельмут Шмидт – Нет. Было чувство: Слава Богу, все закончилось…» [Schmidt 2015].

Поэтому можно говорить о том, что в 1945 г. среднее поколение немцев лишилось прежней системы координат и было полностью дезориентировано, сохраняя в своем сознании рудименты национал-социалистической идеологии (антисемитизм, антибольшевизм, культ силы). Савл не превратился в одночасье в Павла. Выход «военного» поколения на политическую авансцену произойдет позднее в конце 1950-х – начале 1960-х годов.

Эта уверенность, что только умудренное годами и опытом старшее поколение имеет моральное право управлять страной, впоследствии перерастет у его некоторых представителей в мессианский комплекс, который станет тормозом для общественного и политического обновления страны. В этом отношении весьма показателен пример все того же Аденауэра, находившегося на посту канцлера 14 лет. Несмотря на преклонный возраст и плохое здоровье он крепко держал бразды правления как в государстве, так и своей партии,

ХДС. Дневник его сына Пауля Аденауэра, фактически ставшего хронистом последних лет жизни своего отца, дает полное представление о фобиях и страхах первого канцлера ФРГ. «Отец говорит, что он совершенно устал от бесхарактерности своих людей. И он не уходит из политики только потому, что речь идет о Германии, будущем, в том числе и детей – или вы желаете стать рабами» [Adenauer 2017, S. 127] – запишет он в дневнике 3 ноября 1961 г. Впрочем, подобного рода модель поведения прослеживается не только у Аденауэра, но и у других представителей поколения «веймарцев», которые волею судьбы на долгие годы задержались в коридорах власти. Так, например, Петер Альтмайер, занимавший пост министр-президента Рейнланд-Пфальца рекордные 22 года (1947–1969) расстался со штурвалом только под давлением «молодых дикарей», подрастающего поколения политиков ХДС.

И, наконец, третьим мотивом, побудившим это поколение вступить на тернистый путь большой политики, стало определенное чувство вины за произошедшие события, которое испытывало по крайней мере часть «веймарцев». Редко кто из них в своих публичных выступлениях и интервью затрагивал эту столь болезненную, сколь и деликатную тему, которая вероятно незаживающим рубцом жгла их души. Однако на страницах их мемуаров и дневников время от времени (пусть и не отрефлексировано) прорывались признания, которые свидетельствовали о серьезном внутреннем конфликте и мучительном переосмыслении прошлого. «Как бы развивались события и что стало бы с Европой, если бы те, от которых зависело принятие решений, вовремя распознали бы опасность, которая поднималась из темных глубин человечества в Центральной и Восточной Европе» [Am Rande 2005, S. 68] – размышлял в июне 1940 г. Й. Хоффман, пытавшийся найти приют то на маленьких фермах, то в лесной глуши в Бретани от затопившего Францию половодья «фельдграу»[9].

Однако какой виделась им послевоенная Германия, ради которой они вопреки своим первоначальным намерениям пошли в ландтаги, Парламентский совет, министерства? Своей первоочередной задачей это поколение видело в установлении демократии в Германии, которая, по их мнению, должна была стать лучшей гарантией от новой диктатуры. «Я считал и сейчас считаю, что наша безрадостно выглядящая эпоха в конечном счете приведет к формированию нового порядка как на государственном, так и на надгосударственном уровнях, порядка, который должен вырасти на почве всеобщего права для всех» [Adenauer 1966, S. 242] – такими словами первый канцлер выразил чаяния и надежды своего поколения.

9. Фельдграу – цвет полевой формы германской армии в первой половине XX в. Варьировался от светло-зеленого до светло-серого.

Но уже первые шаги по реализации этой программы продемонстрировали, насколько велика пропасть между нарождающимися политическими лагерями. Очень скоро среди них выкристаллизовались два больших политических проекта, олицетворением которых стали К. Аденауэр и К. Шумахер. Каждый из этих проектов опирался как на личный опыт, так и на анализ текущей ситуации. Для обоих политиков нацистская диктатура была мрачной главой в истории Германии, которая никогда не должна повториться. Однако выводы, которые они вынесли из немецкой истории, были диаметрально противоположными. Аденауэр, ревностный католик и федералист, видел корень всех зол в «обожествлении» государства и материализма, которое в 1930–1940-е годы стало полным воплощением гоббсовского Левиафана. В письме от 18 июня 1945 г. он указывал: «Я также полностью разделяю Ваше мнение, что материализм, который господствует в Германии свыше 100 лет является главным виновником всех наших несчастий» [Adenauer 1983, S. 47]. Для Аденауэра и большинства его соратников идеалом было демократическое государство на «…христианской основе, т.е. на принципах христианского учения, которые сформировались в Европе в ходе длившегося несколько сот лет развития». Что касается экономической модели будущего западногерманского государства, то в первые послевоенные годы он, как и многие немцы той эпохи был сторонником идеи христианского социализма, предполагавший обобществление или национализацию стратегически важных предприятий.

Однако впоследствии под влиянием Л. Эрхарда К. Аденауэр меняет свои взгляды в пользу социального рыночного хозяйства (soziale Marktwirtschaft – нем.), в основе которого лежало сочетание рыночных механизмов с государственным вмешательством и широкомасштабными социальными реформами.

Но предметом главных попечений и забот для Аденауэра с момента его возвращения на пост бургомистра Кёльна и до самой смерти в 1967 г. оставалась внешняя политика, на которую немцы на протяжении многих лет возлагали большие надежды и которая раз за разом приносила им горькие разочарования. Дважды противостояние Запада и Германии вкупе со стремлением последней к мировой гегемонии оборачивалось крахом.

И Аденауэр, этот «немец четырех эпох» (В. Ежов), и его соратники по консервативному лагерю с «примкнувшими» к ним либералами понимали, что единственным способом избежать новой войны является союз с Западом, в первую очередь с Соединенными Штатами, обретшими после Второй мировой статус сверхдержавы. Без помощи Вашингтона невозможно было ни восстановить немецкую экономику и создать дееспособное государство, ни интегрировать Германию в западное сообщество. Кроме того, американские «Шерманы» и «Гранты» на Рейне должны были служить надежной защитой от угрозы с Востока, которая в глазах западногерманских политиков становилась все более вящей.

Принципиально иное видение будущего Германии было у неукротимого лидера социал-демократов К. Шумахера, который еще весной 1945 г. включился в активную политическую жизнь. В уже упомянутом нами обращении «Мы не отчаемся» он предложил свою альтернативную программу восстановления страны. Как и Аденауэр он стремился не допустить повторения диктатуры, однако в силу политических взглядов и личного опыта сделал совершенно иные выводы из прошлого. Если для бургомистра Кёльна именно безграничная вера в государство и в возможность с помощью социальных экспериментов построить рай на земле создали благодатную почву для «произрастания» экстремистских течений правого и левого толка, то председатель СДПГ, испытавший влияние марскизма, видел корень зла в монополистическом капитализме. «Фатальным свойством немецкого капитала было то, что он предпочитал приносить в жертву жизнь своих сыновей на войне, чем платить налоги в мирное время» [Merseburger, 2010. S. 322].

Отрицательно Шумахер относился и к политике интеграции Германии в западные структуры и стратегическому союзу с Соединенными Штатами. Для него, убежденного немецкого патриота и социалиста, это означало бы полное подчинение Западной Германии интересам Вашингтона с дальнейшей перспективой превращения в бессловесный инструмент империалистической политики. Понимание политики как «игры с нулевой суммой», черно-белая картина мира, четкое разделение общества на «мы» и «они», уходящие своими корнями в эпоху Веймарской республики, во многом определили ход внутриполитических дискуссий ранней ФРГ.

Кроме того, нельзя не учитывать и то обстоятельство, что речь шла о будущем Германии, создании в буквальном смысле на пепелище новых политических институтов и Основного закона, выработке внешнеполитического курса. Цена ошибки была слишком велика, чтобы речь шла о компромиссах или уступках, а призрак Веймара продолжал владеть умами немецких политиков.

Парадокс, насмешка Истории, или закономерное следствие? Поколение людей, вернувшихся в большую политику после 1945 г. для того, чтобы построить новую демократическую Германию в большинстве случаев по своему характеру были воплощением авторитарных, если не сказать деспотических черт. «Я диктатор, но с демократическим уклоном», – любил говорить о себе первый канцлер ФРГ. И действительно, его стиль управления кабинетом и государством до боли напоминал эпоху О. фон Бисмарка и кайзера Вильгельма II. Все ключевые решения в эру Аденауэра (1949–1963) принимались в так называемых «кухонных кабинетах» (Küchenkabinetten – нем.), в которые помимо самого канцлера принимали участие занимавшие ключевые посты министры, руководители парламентских фракций и несколько советников (Г. Глобке, Х. Бланкенхорн, О. Ленц). «Аденауэр был недоверчив. Это была характерная черта его характера. В этом отношении он склонялся к тому,

чтобы не раздавать или делегировать свободно задания и информацию, а по возможности держать их при себе» [Müller, Walter·2004, S. 56].

Что объединяло враждующие политические лагеря и до известной степени примиряло их – так это антикоммунизм, который был отличительной чертой мировоззрения веймарского поколения политиков и одним из столпов идеологии молодой Боннской республики. Открытая неприязнь к Советскому Союзу определялась целым рядом обстоятельств как политического, так и личного характера. На короткий период 1940-х – начала 1960-х годов пришелся ряд острых международных кризисов с участием СССР, США и их союзников, каждый из которых в любой момент мог превратить холодную войну в горячую: блокада Западного Берлина 1948 г. и война в Корее 1950–1953 гг., строительство Берлинской стены в августе 1961 г. и Карибский кризис 1962 г. И всякий раз мир с тревогой припадал к радиоприёмникам, газетам, телевизору, внимательно вслушивался в слова мировых лидеров, чтобы потом с облегчением выдохнуть: «Все обошлось!»

Нельзя забывать и о том, что для выросшего в кайзеровской Германии с ее антицаристской и антироссийской пропагандой этого поколения политиков, восточный сосед, будь то в обличье империи Романовых, или же страны Советов, всегда воспринимался с подозрением, если не с открытой враждебностью. А оставшиеся от политических баталий с КПГ в 1920–1930-х годах «шрамы» лишь усиливали неприязнь «веймарцев» к «красным».

На фоне этого единого антикоммунистического порыва, в котором слились заклятые политические противники, тем удивительнее выглядела политика отцов-основателей Боннской республики в отношении недавнего прошлого и «бывших» – членов НСДАП, чиновников, исправно приводивших в движение винтики и шестеренки национал-социалистического Левиафана, вернувшихся с полей сражений или лагерей для военнопленных солдат и офицеров вермахта.

Хотя «второе пришествие» веймарского поколения в бурную реку большой политики происходило под лозунгом «Nie wieder!» (Никогда больше!), именно конец 1940-х – начало 1950-х годов ознаменовался возвращением к активной деятельности бывших членов НСДАП или сотрудничавших с режимом лиц. Генералы вермахта и дипломаты, профессура и инженеры, медики и юристы возвращались на свои рабочие места, стараясь как можно скорее стереть, с корнем вырвать из памяти эти 12 лет, как и все то, что могло бы указывать на их неблаговидную роль в период Третьего рейха.

Ярче всего процесс «встраивания» бывших нацистов в политические и социальные структуры на заре Федеративной республики отражает история становления западногерманских спецслужб, в частности Федеральной службы защиты конституции (нем. Bundesamt für Verfassungsschutz, BfV). Немецкие историки К. Гошлер и М. Вала (Рурский университет) в своей книге

«“Не новое гестапо”: Федеральная служба защиты конституции и нацистское прошлое» так описали карьерные зигзаги одного из сотрудников ведомства А. фон Амбургера: «Родившийся в Санкт-Петербурге Андреас фон Амбургер, в 1922 г. получил немецкое гражданство, с 1923 по 1925 г. был член младонационального союза, а с 1925 г. – Стального шлема, пока в июле 1932 г. он не вступил в СА, а в сентябре того же года в НСДАП» [Goschler, Wala, 2015, S. 71–72].В 1955 г. Амбургер стал внештатным сотрудником Федеральной службы защиты конституции, а спустя два года был принят в штат ведомства.

Однако было бы заблуждением думать, что только немецкие спецслужбы были профильтрованы бывшими нацистами. Активные пособники режима встречались и на высшем уровне, включая государственные органы и правительство.

Но в то же время и представители социал-демократической оппозиции зачастую обнаруживали удивительную «слепоту на правый глаз», когда речь заходила о судьбе бывших членов партии или военных преступников. Курт Шумахер, тот самый Шумахер, который провел десять лет в нацистских лагерях, в октябре 1951 г. в сопровождении Херберта Венера и его жены встретился с бывшим генералом войск СС (Waffen SS – нем.) Отто Кумом, командиром дивизии «Лейбштандарт Адольф Гитлер», а после войны руководителем Общества взаимопомощи бывших членов СС (Hilfsgemeinschaft auf Gegenseitigkeit der Angehörigen der ehemaligen Waffen-SS). А спустя некоторое время лидер западногерманской социал-демократии заявил о необходимости проявления гуманности к бывшим военнослужащим организации, которая Нюрнбергским трибуналом была официально признана преступной.

Как отрицательное отношение к нацизму и стремление построить новую демократическую Германию сочеталось с амнистией бывших членов партии, чиновников и банкиров, офицеров и генералов, всех этих мелких и крупных винтиков «тысячелетнего рейха»? Какие мотивы обусловили такую позицию «веймарцев» в отношении этих, людей, которые нередко были их гонителями?

Первая причина, вероятно побудившая западногерманских политиков послевоенной эпохи пойти на интеграцию «бывших», носила сугубо практический характер и была обусловлена необходимостью воссоздания буквально из пепла органов государственной власти. Однако для взявшего в руки штурвал управления «веймарского поколения» основная проблема заключалась в том, что после войны в стране ощущалась острая нехватка профессионалов с «чистым» прошлым, что фактически делало неизбежным привлечение на государственную службу людей, на протяжении многих лет верно служивших национал-социалистическому режиму.

Вероятно, первым с этой проблемой столкнулся именно К. Аденауэр, который летом 1945 г. после долгих 12 лет забвения вернулся к управлению своей традиционной вотчиной – Кёльном. Настроенный поначалу весьма

решительно, он собирался построить новую Германию и вынести уроки из недавнего прошлого. Не кто иной, как Аденауэр в 1945 г. горячо ратовал за то, чтобы американские оккупационные власти показали немцам всю картину нацистских преступлений. Именно тогда по инициативе американцев и при поддержке бургомистра Кёльна в кинотеатрах гражданам были показаны фильмы об ужасах нацистских концлагерей.

Однако вернувшись к кормилу власти, он быстро обнаружил, что среди городских чиновников лишь несколько человек не состояли в партии. Как опытный бюрократ он понимал, что построение государства невозможно без специалистов – тех самых тысяч чиновников, военных, инженеров, профессуры, которые до этого верно служили рейху. С этой же проблемой пришлось столкнуться и другим бургомистрам еще лежащих под «покровом» развалин западногерманских городов и министр-президентам только-только формирующихся по усмотрению оккупационных властей федеральных земель.

Второй причиной, побудившей западногерманских политиков «часа ноль» изменить свое отношение к «бывшим» стало стремление интегрировать миллионы немцев в новое общество, что должно было гарантировать политическую стабильность Боннской республике. Этот мотив отчетливо прослеживается в письме К. Шумахера одному из своих критиков, в котором он разъяснял свои мотивы встречи с генералом СС О. Кумом. «Производит удручающее впечатление картина, когда видишь, что самые худшие, сознательные, бесчувственные выгодоприобретатели двенадцатилетней диктатуры сегодня присутствуют повсюду в политике и экономике, в то время как молодые люди, которые поддались массовому психозу или были вынуждены вступить в ряды войск СС, навеки заклеймены Каиновой печатью» [Manig 2004, S. 518–519].

И, наконец, третья причина – денацификация и критическое обсуждение недавнего прошлого были фактически принесены западногерманским политическим истеблишментом в жертву стабильности и сплоченности общества.

В самом же западногерманском обществе с конца 1940-х годов утвердился нарратив «жертвы», в роли которой выступил поддавшийся насилию или нацистской пропаганде немецкий народ. Упомянутый нами выше Ф. Рёмер в своей книге «Товарищи. Вермахт изнутри» отмечает: «Теперь же (в конце войны. – *А.Б.*) вина за «Третий рейх» и его преступления возлагалась на «фюрера» как на человека, несущего единоличную ответственность, в то время как остальные «соотечественники» (Volksgenosse – нем.) ничего не делали, кроме как страдали от голода» [Römer, 2012, S. 101].

Следствием курса на постепенную интеграцию «бывших» и фактического замалчивания прошлого стал негласный пакт между представителями «веймарского» поколения политиков и функционерами нацистского режима среднего и низшего звена (офицеры, чиновники, инженеры и т.д.), заключенный

в конце 1940-х – начале 1950-х годов. При этом обе стороны преследовали свои практические цели.

Этот союз позволил в сжатые сроки восстановить Западную Германию и вывести экономику на орбиту экономического роста. В этом плане нельзя не согласиться с левой журналисткой У. Майнхоф, отмечавшей, «…что блестящий, удививший и заграницу, и самих немцев подъем ФРГ […] был бы невозможен без использования испытанного, надежного и преданного отряда чиновников и разных специалистов, которые не стали бы ни чиновниками, ни специалистами, если бы не носили в свое время вполне определенные партийные значки – а заодно и коричневое государство» [Майнхоф]. Однако в 1960-х годах, после смены поколений, знаменитых студенческих волнений 1968 г. и появления объективных исследований о периоде национал-социализма «скелеты» станут сыпаться из шкафов, прошлое начнет безжалостно мстить за забвение.

Впрочем, не желая лишний раз ворошить прошлое, грозившее похоронить своей тяжестью только-только строящееся на руинах третьего рейха настоящее («Хватит ловить нацистов». – *К. Аденауэр*), «веймарцы» ни на минуту не переставали думать о будущем страны. Пойдя на во многом вынужденный союз с «бывшими», К. Аденауэр, К. Шумахер, Т. Хойс и другие представители этого поколения прекрасно осознавали, что создание подлинно демократического государства невозможно без политического просвещения молодежи.

Листая мемуары и дневники западногерманских политиков 1970–1980-х годов или перебирая подшивку старых газет, наблюдательный исследователь натолкнется на одну и ту же картину. Формирование мировоззрения и политическая социализация поколения фронтовиков и «помощников зенитчиков»[10] происходило под влиянием «веймарцев», принадлежавших либо к одной из политических партий (ХДС / ХСС, СДПГ СвДП), либо к церковной организации. «Ответ председателя лидера партии Центр Карла Шпикера поразил меня. 5 июня 1946 г. он написал мне: “[…] После того, как мы проиграли государство и честь[11], на моем поколении лежит долг, по крайней мере спасти последнее, что у нас осталось, нашу молодежь”» [Barzel 2001, S. 75], – вспоминал консервативный политик Р. Барцель, занимавший пост председателя ХДС с 1971 по 1973 г.

10. «Поколение помощников зенитчиков» (Flakhelfergeneration – нем.) – обобщенное название молодежи 1926–1930 г.р., которая в годы Второй мировой войны служила в зенитной артиллерии, тыловых частях и т.д. Наряду с Г. Колем, Г.-Д. Геншером к этому поколению относятся историк Йоахим Фест (1926–2006), социолог Никлас Луман (1927–1998) и мн. др.

11. В этом письме вновь прослеживается мотив вины части «веймарцев» за произошедшую катастрофу, которая сподвигла их вернуться в политику.

И когда в апреле 1967 г. катер пограничной службы с телом первого канцлера Федеративной республики величественно проплывал по Рейну, он оставлял за собой не только успевший одеться Бонн, но и цветущее государство, которое было во многом воздвигнуто трудами «веймарского поколения».

Приложение

Таблица 1

Биография членов первого правительства К. Аденауэра и ведущих политиков в ФРГ

Имя	*Общественное положение в кайзеровской Германии / Веймарской республике*	*Общественное положение в послевоенной ФРГ*
Конрад Аденауэр (1876–1967)	Бургомистр Кёльна с 1917 по 1933 г. партия Центр.	Канцлер ФРГ 1949–1963, председатель ХДС.
Курт Шумахер (1895–1952)	Депутат рейхстага, один из лидеров СДПГ в Баден-Вюртемберге.	Председатель СДПГ, лидер парламентской оппозиции в бундестаге.
Теодор Хойс (1884–1963)	Журналист, член Немецкой демократической партии, депутат рейхстага (1924–1928, 1930–1933).	Председатель СвДП. Первый президент ФРГ (1949–1959).
Густав Хайнеманн (1899–1976)	Имперская федерация немецких демократических студентов (Немецкая демократическая партия), член Рейхсбаннера.	Министр внутренних дел в первом кабинете Аденауэра (1949–1950), основатель Общегерманской народной партии, член СДПГ, третий президент ФРГ (1969–1974).
Роберт Лер (1883–1956)	Член Немецкой национальной народной партии, бургомистр Дюссельдорфа (1924–1933).	Министр внутренних дел в первом кабинете К. Аденауэра (1950–1953).
Томас Делер (1897–1967)	Юрист.	Министр юстиции в первом кабинете К. Аденауэра (1950–1953), председатель СвДП (1954–1957).
Фритц Шеффер (1888–1967)	Член Баварской народной партии (1918–1933), чиновник в министерстве внутренних дел Баварии советник министерства финансов Баварии.	Первый министр-президент Баварии после войны. Министр финансов в первом и втором кабинете К. Аденауэра (1949–1957), министр юстиции (1957–1961).
Людвиг Эрхард (1897–1977)	Заместитель директора Нюрнбергского института экономических исследований.	Министр экономики в правительстве К. Аденауэра (1949–1963). Второй федеральный канцлер ФРГ (1963–1965)
Вильгельм Никлас (1887–1957)	Руководитель отдела министерства сельского хозяйства Баварии (1925–1935).	Министр продовольствия и сельского хозяйства в первом кабинете К. Аденауэра (1949–1953).
Антон Шторх (1892–1975)	Партия Центр (1919–1933).	Министр труда в первом и втором кабинете К. Аденауэра (1949–1957).

Продолжение таблицы

Имя	*Общественное положение в кайзеровской Германии / Веймарской республике*	*Общественное положение в послевоенной ФРГ*
Ханнс–Кристоф Зеебом (1903–1967)	Горный инженер на различных предприятиях.	Министр транспорта в первом кабинете К. Аденауэра (1949–1953).
Эберхард Вилдермут (1890–1952)	Юрист, с 1928 г. директор Deutsche Bau- und Bodenbank, Член Демократической народной партии. В 1943 г. командир полка, с июня 1944 г. – в английском плену.	Министр транспорта в первом кабинете Аденауэра (1949–1952).
Ханнс Лукашек (1885–1960)	С 1916 по 1919 г. бургомистр Рыбника (Верхняя Силезия), с 1927 по 1929 г. бургомистр округа Гинденбург партия Центр.	Министр по делам изгнанных в первом кабинете К. Аденауэра (1949–1953).
Якоб Кайзер (1888–1961)	Партия Центр, депутат рейхстага 1933 г.	Один из основателей ХДС, министр по общегерманским вопросам в первом и втором кабинетах К. Аденауэра.
Генрих Хельвег (1908–1991)	Немецко-ганноверская партия.	Министр по делам Бундесрата.

Таблица 2

Биография первых министр-президентов и бургомистров ФРГ

Имя	*Общественное положение в кайзеровской Германии / Веймарской республики*	*Общественное положение в послевоенной ФРГ*
Лео Волеб (1888–1955)	Член студенческого католического союза, директор гимназии, советник по делам гимназий в министерстве культов Бадена.	Президент Бадена (1947–1952), Посол ФРГ в Португалии 1952–1955. Член ХДС.
Рейнхольд Майер (1889–1971)	Член Прогрессивной народной партии, затем Немецкой демократической партии. Министр экономики Вюртемберга с 1930 по 1933. 1932–1933 – депутат рейхстага.	Министр-президент земли Вюртемберг-Баден (1945–1952), Баден-Вюртемберга (1952–1953). Председатель Свободной демократической партии (1957–1960).
Карло Шмид (1896–1979)	Юрист.	Член СДПГ, один из авторов Основного закона ФРГ, министр-президент земли Вюртемберг-Гогенцоллерн (1946–1948). Вице-президент Бундестага.
Фритц Шефер (1888–1967)	Член Баварской народной партии (1918–1933), чиновник в министерстве внутренних дел Баварии, советник министерства финансов Баварии.	Министр-президент Баварии (1945).

Продолжение таблицы

Имя	*Общественное положение в кайзеровской Германии / Веймарской республики*	*Общественное положение в послевоенной ФРГ*
Вильгельм Кайзен (1887–1979)	Член СДПГ, депутат парламента Бремена, член Сената Бремена.	Бургомистр Бремена (1945–1965).
Макс Брауэр (1887–1973)	Член СДПГ, бургомистр района Альтона Гамбурга (1924–1933).	Бургомистр Гамбурга (1946–1953, 1957–1960).
Кристиан Шток (1984–1967)	Член СДПГ, в 1919 г. был членом Национального собрания в Веймаре, помощник статс-секретаря в министерстве по делам рейхсвера (1920), депутат ландтага Бадена (1921–1925).	Министр-президент Гессена (1946–1950).
Хуберт Шлебуш (1893–1955)	Член СДПГ, депутат рейхстага.	Министр-президент Брауншвейга (1945–1946).
Генрих Вильгельм Копф[12] (1893–1961)	Член СДПГ, личный референт министра внутренних дел.	Министр-президент Ганновера 1946, министр-президент Нижней Саксонии (1946–1955, 1959–1961).
Рудольф Амелунксен (1888–1969)	Член партии Центр, регирунгспрезидент Мюнстера.	Министр-президент Северный Рейн-Вестфалия (1946–1947).

Библиография

Майнхоф У.М. Захолустье – и мелкотравчатое к тому же // Скепсис: научно-просветительский журнал. URL: https://scepsis.net/library/id_3613.html (дата обращения: 22.03.2023).

Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М.: РОССПЭН, 1995. 349 с.

Adenauer K. Briefe 1945–1947. Berlin: Siedler Verlag, 1983. xxii, 761 S.

Adenauer K. Erinnerungen 1945–1953. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt. 1966. 560 S.

Adenauer P. Konrad Adenauer – der Vater, die Macht und das Erbe. Das Tagebuch des Monsignore Paul Adenauer 1961–1966. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 2017. 529 S.

Am Rande des Hitlerskrieges: Tagebuchblätter von Johannes Hoffmann. Saarbrücken: Gollenstein Verlag, 2005. 184 S.

Barzel R. Barzel R. Ein gewagtes Leben. Stuttgart: Hohenheim, 2001. 440 S.

Goschler C., Wala M. «Keine neue Gestapo». Das Bundesamt für Verfassungsschutz und die NS-Vergangenheit. Reinbek: Rowohlt Verlag, 464 S.

Konrad Adenauer: Der Patriarch Doku Alle Teile. 2017 URL: https://www.youtube.com/watch?v=9Jqo5bSann4 (дата обращения: 22.03.2023).

Manig B.-O. Politik der Ehre. Die Rehabilitierung der Berufssoldaten in der frühen Bundesrepublik. Göttingen: Wallstein Verlag, 2004. 640 S.

12. Во время Второй мировой войны фирма, которую возглавлял Копф, занималась реквизицией имущества польских граждан. Кроме того, он обвинялся в участии в депортации поляков. После войны новое польское правительство потребовало выдачи Копфа, однако британские оккупационные власти ответили отказом.

Müller K., Walter F. Graue Eminenzen der Macht-Küchenkabinette in der deutschen Kanzlerdemokratie. Von Adenauer bis Schröder. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. 214 S.

Nayhauß-Cormons M. G. Chronist der Macht. Autobiographie. München: Siedler Verlag. 2014. 544 S.

Römer F. Kameraden Wehrmacht von innen. München: Piper Verlag GmbH, 2012. 544 S.

Schmidt H. Wir dachten nur: Endlich ist es vorbei // Die Zeit. 06.05.2015. URL: https://www.zeit.de/2015/18/helmut-schmidt-erinnerungen-zweiter-weltkrieg/komplettansicht (дата обращения: 15.01.2023).

Schumacher K. Wir verzweifeln nicht! Rede gehalten vor sozialdemokratischen Funktionaren Hannovers am 6 Mai 1945 // Bibliothek der Friedrich-Ebert-Stiftung. Bibliothek im Archiv der sozialen Demokratie. 44 S. URL: http://library.fes.de/pdf-files/netzquelle/c-02069.pdf

Walter F., Müller K. Merserburger P. Kurt Schumacher: Patriot, Volkstribun, Sozialdemokrat. Biographie. München: Deutsche Verlags – Anstalt, 2010. 560 S.

References

Adenauer K. Erinnerungen 1945–1953 Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt. 1966. 560 S.

Adenauer P. Konrad Adenauer – der Vater, die Macht und das Erbe. Das Tagebuch des Monsignore Paul Adenauer 1961–1966. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 2017. 529 S.

Adenauer. K. Briefe 1945–1947. Berlin: Siedler Verlag, 1983. xxii, 761 S.

Am Rande des Hitlerskrieges: Tagebuchblätter von Johannes Hoffmann. Saarbrücken: Gollenstein Verlag, 2005. 184 S.

Barzel R. Barzel R. Ein gewagtes Leben. Stuttgart: Hohenheim, 2001. 440 S.

Goschler C., Wala M. «Keine neue Gestapo». Das Bundesamt für Verfassungsschutz und die NS-Vergangenheit. Reinbek: Rowohlt Verlag, 464 S.

Konrad Adenauer: Der Patriarch Doku Alle Teile. URL: https://www.youtube.com/watch?v=9Jqo5bSann4 (date of access: 22.03.2023).

Majnhof U.M. Zaholust'e – i melkotravchatoe k tomu zhe [Outback – and small-grass besides]. Skepsis: nauchno-prosvetitel'skij zhurnal [Skepsis: scientific and educational journal]. URL: https://scepsis.net/library/id_3613.html (date of access: 22.03.2023). (In Russ.)

Manig B.-O. Politik der Ehre. Die Rehabilitierung der Berufssoldaten in der frühen Bundesrepublik. Göttingen: Wallstein Verlag, 2004. 640 S.

Müller K., Walter F. Graue Eminenzen der Macht-Küchenkabinette in der deutschen Kanzlerdemokratie. Von Adenauer bis Schröder. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. 214 S.

Nayhauß-Cormons M. G. Chronist der Macht. Autobiographie. München: Siedler Verlag. 2014. 544 S.

Römer F. Kameraden Wehrmacht von innen. München: Piper Verlag GmbH, 2012. 544 S.

Schmidt H. Wir dachten nur: Endlich ist es vorbei. Die Zeit. 06.05.2015. URL: https://www.zeit.de/2015/18/helmut-schmidt-erinnerungen-zweiter-weltkrieg/komplettansicht (date of access: 15.01.2023).

Schumacher K. Wir verzweifeln nicht! Rede gehalten vor sozialdemokratischen Funktionaren Hannovers am 6 Mai 1945. Bibliothek der Friedrich-Ebert-Stiftung. Bibliothek im Archiv der sozialen Demokratie. URL: http://library.fes.de/pdf-files/netzquelle/c-02069.pdf

Semirjaga M.I. Kak my upravljali Germaniej [How We Ruled Germany]. Moscow: ROSSPEN, 1995. 349 p. (In Russ)

Walter F., Müller K. Merserburger P. Kurt Schumacher: Patriot, Volkstribun, Sozialdemokrat. Biographie. München: Deutsche Verlags – Anstalt, 2010. 560 S.

DOI: 10.31249/rsm/2023.03.13

З.Е. Ступенькова, И.А. Кашуро

СТРАНЫ БРИКС И ЦЕЛИ В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Аннотация. *Статья посвящена анализу политики развития стран БРИКС в контексте устойчивого развития. Целью ее написания было привлечение внимания к стратегии стран БРИКС по совместному достижению Целей в области устойчивого развития ООН (ЦУР ООН). Исследование проводилось на основе применения системного подхода и изучения уставных документов и международных аналитических материалов по тематике развития стран БРИКС. В результате исследования было отмечено, что при различающихся уровне развития и скорости достижения ЦУР ООН, страны БРИКС имеют наибольшие проблемы в области сохранения биоразнообразия (ЦУР 14, 15) и в социальной сфере (ЦУР 3, 10, 16). Несмотря на то, что пандемия КОВИД-19 несколько приостановила достижение ЦУР, Россия на данный момент лидирует по показателям среди стран БРИКС, и у всех этих стран углеродная нейтральность стоит в приоритете задач. Также было установлено, что взаимодействие стран – участниц БРИКС по достижению ЦУР ООН основано на принятой Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 г. Более того, перспективными направлениями могут являться конкурсы проектов стран-участниц по теме ЦУР ООН и сотрудничество Юг-Юг, развивающееся между странами БРИКС. В заключении статьи даны рекомендации по ускорению достижения ЦУР ООН странами БРИКС. Они касаются включения ЦУР в государственные бюджеты для ускорения реализации «Повестки-2030», а также ежегодного присуждения премий за идеи устойчивого развития вместе с развитием нормативно-правовой среды в информационной сфере. Внедрение результатов данного исследования в практику должно позволить странам БРИКС усилить внутреннее взаимодействие ради достижения ЦУР ООН.*

Ключевые слова: *БРИКС; Повестка дня на период до 2030 года; Сотрудничество Юг-Юг; Цели в области устойчивого развития; ЦУР.*

Ступенькова Зоя Евгеньевна – студентка
факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова.
Россия, Москва.
E-mail: stupenkovaze@mail.ru

**Кашуро Ирина Анатольевна – кандидат экономических наук,
доцент кафедры теории и технологий управления факультета
глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: kashuro@fgp.msu.ru**

Stupenkova Z.E., Kashuro I.A. BRICS Club and the United Nations sustainable development goals

Abstruct. *The article is devoted to the analysis of the development policy of the BRICS countries in the context of sustainable development. Its purpose is to draw attention to the strategy of the BRICS countries to jointly achieve the UN Sustainable Development Goals (UN SDGs). The study was conducted on the basis of applying a systematic approach and studying the statutory documents and international analytical materials on the development of the BRICS countries. As a result of the study, it was noted that, with different levels of development and speed of achieving the UN SDGs, the BRICS countries have the greatest problems in the field of biodiversity conservation (SDGs 14, 15) and in the social sphere (SDGs 3, 10, 16). Despite the fact that the COVID-19 pandemic has somewhat suspended the achievement of the SDGs, Russia is currently the leader in terms of indicators among the BRICS countries, and carbon neutrality is a priority for all these countries. It was also found that the interaction of the BRICS member countries in achieving the UN SDGs is based on the adopted BRICS Economic Partnership Strategy until 2025. Moreover, competitions of projects by member countries concerning the UN SDGs and South-South cooperation developing between the BRICS countries are seen as promising areas. At the end of the article, recommendations are given to accelerate the achievement of the UN SDGs by the BRICS countries. They concern the inclusion of the SDGs in government budgets to accelerate the implementation of the 2030 Agenda, as well as annual awards for ideas regarding sustainable development, along with the development of the legal and regulatory environment in the information field. The implementation of the results of this study into practice should allow the BRICS countries to strengthen internal cooperation in order to achieve the UN SDGs.*

Keywords: *BRICS; Agenda 2030; South-South Cooperation; Sustainable Development Goals; SDGs.*

**Stupenkova Zoia Evgenyevna – Student of the Faculty of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: stupenkovaze@mail.ru**

**Kashuro Irina Anatolyevna – Candidate of economic sciences,
Associate Professor of the Department of Management Theory
and Technologies, Faculty of Global Studies, Lomonosov
Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: kashuro@fgp.msu.ru**

Введение

Сегодня страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) являются влиятельной неформальной организацией благодаря их растущим экономикам.

У каждой страны-участницы есть свои причины, чтобы быть в БРИКС. Участие Китая в БРИКС отвечает его стремлениям получить новые рынки сбыта и наладить Сотрудничество «Юг-Юг», в основном с Африкой и, в частности, с ЮАР. Для Бразилии это возможность стать менее зависимой от иностранного капитала. Индия может использовать БРИКС, чтобы укрепиться в мировой экономике. Россия планирует посредством БРИКС защитить свои геополитические интересы.

Сегодня страны БРИКС стараются следовать концепции устойчивого развития. Однако возможности ее реализации у них ограниченны ввиду того, что концепция создавалась западными странами под себя. Страны БРИКС озабоченны обеспечением национальных интересов и безопасности вместе с эффективным переходом к устойчивому развитию.

Прогресс по достижению странами мира Целей устойчивого развития ООН

После принятия «Повестки дня на период до 2030 года» идея устойчивого развития приобрела поистине мировой масштаб. Так, система была расширена. С одной стороны, помимо проблем развивающихся стран она стала включать вопросы, касающиеся развитых государств. С другой стороны, критике подверглась устоявшаяся связь между донором и реципиентом. Ранее на концепцию Официальной помощи в целях развития (ОПР) возлагалось много надежд. Теперь считается, что только ее недостаточно для достижения Целей в области устойчивого развития (ЦУР) ООН. ОПР уступает позиции новой концепции. Идея сотрудничества Юг-Юг состоит в том, что новыми донорами становятся сами развивающиеся страны. И хотя вклад государств так называемого Глобального Юга в финансирование развития оценивается поразному, скорость увеличения их потенциала в данной области высока. Они еще не имеют таких ресурсов, чтобы конкурировать с традиционными донорами в объемах помощи. Однако по прогнозам аналитиков, десяти лет хватит, чтобы новые доноры превзошли традиционных [Морозкина 2017, с. 149]. В ООН тема сотрудничества между развивающимися странами набирает актуальность. Так, в самой «Повестке дня на период до 2030 года» и в Аддис-Абебской программе действий говорится о значимости взаимопомощи между странами Глобального Юга для поиска решений глобальных проблем через достижение ЦУР ООН [ЮНАИ проводит панельную дискуссию 2019].

Отличительной особенностью сотрудничества Юг-Юг является то, что среди принципов выделяется выгода партнеров от взаимодействия. Также среди плюсов то, что для получения помощи реципиентам необязательно выполнять какие-либо специальные условия. Это прописано в Декларации по результатам встречи в городе Найроби в 2009 г. Здесь важно напомнить, что традиционная финансовая помощь обычно предполагает проведение определенных реформ. Например, уменьшение дефицита государственного бюджета, либерализация или приватизация [Hernandez 2017, с. 7]. Однако среди недостатков сотрудничества Юг-Юг можно отметить отсутствие четкой системы оценки. Из-за этого сложно выявить корреляцию между вкладом новых доноров и скоростью достижения ЦУР ООН. Именно поэтому сегодня важно, чтобы государства Глобального Юга активнее участвовали в предоставлении соответствующей отчетности.

Неформальное объединение БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) является одним из самых перспективных новых доноров. Интересно, что Китай как один из его членов во внешней политике отводит особое место сотрудничеству Юг-Юг. По подсчетам сегодня его инвестиции в страны Африки и Латинской Америки, а также предоставление кредитов и безвозмездной помощи существенно превосходят масштабы вложений Международного валютного фонда (МВФ) [Vadell, Leite, Lo Brutto 2020, с. 2].

В Докладе о целях в области устойчивого развития 2021 г. написано, что пандемия КОВИД-19 значительно отдалила достижение странами в мире ЦУР ООН. Вместе с тем одной из главных проблем по реализации «Повестки дня на период до 2030 года» авторами Доклада отмечается несовершенство системы сбора данных о результатах ее осуществления. Это не позволяет отслеживать прогресс в разных уголках планеты и, следовательно, вовремя замечать и справляться с возникающими на пути препятствиями [Sachs, Kroll, Lafortune, Fuller, Woelm 2021, с. 7]. Помимо названных проблем можно отметить экологоцентризм концепции устойчивого развития, сопротивление бизнеса и пассивность лидеров стран – членов ООН [Урсул, Леонова 2019, с. 169].

Уровень развития стран БРИКС

Сегодня страны – участницы БРИКС обладают разным уровнем инновационного технико-технологического развития. Вместе с тем отмечается наличие достаточного потенциала для наращивания между ними научно-технологического сотрудничества. Особое место отводится общим связям в энергетической сфере.

Проблемой перехода стран БРИКС к инновационно ориентированной экономике может являться недостаток инвестирования странами БРИКС в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР).

Важно заметить, что для Китая инвестиции в НИОКР не являются проблемой, так как три четверти объема вложений осуществляются бизнесом. Говоря о пропорциях вложений в НИОКР государства и бизнеса, можно отметить, что в Бразилии, России и Индии этим занимается по большей части государство, а в ЮАР соотношение «бизнес-государство» в инвестициях находится почти на одном уровне. Таким образом, для активного развития НИОКР крайне важно участие бизнеса, а также иностранное участие, что может быть достигнуто через улучшение инвестиционного климата страны.

Таким образом, в данном контексте насущной остается проблема привлечения иностранных инвестиций. Решение этого вопроса будет зависеть от уровня конкурентоспособности стран – участниц БРИКС на мировой арене.

Говоря о международной конкурентоспособности стран БРИКС, стоит отметить, что ее улучшению мешает относительно плохое состояние инфраструктуры. Имеются в виду такие ее виды, как базовая инфраструктура, технологическая, научная, а также здравоохранение, образование и окружающая среда. По таким критериям, как развитость экономики и эффективность государственного управления и бизнеса результаты членов БРИКС имеют сильные различия. Вместе с тем важно отметить, что показатели всех стран-участниц неформального объединения планомерно растут. Общий прогресс был приостановлен из-за начала пандемии КОВИД-19. Однако сейчас страны – члены БРИКС восстанавливаются, хотя и с разной скоростью.

Сотрудничество стран БРИКС активно развивается, особенно в энергетической сфере. Однако страны – участницы объединения сталкиваются с новыми проблемами на пути укрепления связей. Во-первых, хотя молодежь активно участвует в создании новых технологий (Молодежное энергетическое агентство (сокр. МЭА) БРИКС, Молодежный энергетический саммит БРИКС, проекты «Молодежный глобальный прогноз развития энергетики» и «Банк устойчивых идей БРИКС»), они по большей части касаются информационно-образовательной сферы и не внедряются в бизнес, который в них так нуждается. Во-вторых, недостаток финансирования проектов по ВИЭ (на это направление выделяется только восьмая часть инвестиций Нового банка развития БРИКС) обусловливает медленное развитие технологий для энергетического перехода и, следовательно, тормозит прогресс в осуществлении «Повестки-2030». Привлечение внешних инвесторов и заинтересованных в участии в Новом банке развития БРИКС, а также создание совместных инвестиционных фондов и развитие Механизма межбанковского сотрудничества БРИКС могут стать решением проблемы недостаточного финансирования, что также может быть достигнуто через улучшение инвестиционного климата стран – участниц БРИКС.

Страны БРИКС имеют сходные позиции по вопросам энергетической безопасности. Энергетический переход по мнению стран БРИКС не должен

оказывать давление на энергетический сектор, что будет достигаться посредством основанных на консультациях взвешенных решениях с учетом страновых национальных интересов. То есть для удовлетворения энергетической потребности нельзя исключать ископаемые виды топлива и атомную энергию. Доля ископаемого топлива (преимущественно газ) по прогнозам будет и дальше доминировать в энергопотреблении стран БРИКС и таким образом занимать более 70% в энергетическом балансе.

Обмен технологиями и опытом вместе с созданием специальных условий для привлечения инвестиций остается приоритетной задачей для стран БРИКС. Важно также активно вовлекать молодежь в исследовательскую деятельность. Усиленное развитие технологий по ВИЭ станет ключом к достижению ЦУР 7 («Недорогостоящая и чистая энергия»). Вместе с тем подтверждается, что углеводороды продолжат быть на первом месте в энергетическом балансе стран-членов.

Осуществление странами БРИКС Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.

Страны – участницы БРИКС отличаются по уровню прогресса в достижении ЦУР ООН. В рейтинге среди всех стран члены БРИКС находятся в середине. Вместе с тем Россия занимает 46-е место в мире и первое среди БРИКС, а Индия – 120-е и последнее соответственно – разница существенна. Вместе с тем все страны неформального объединения сталкиваются с наибольшими трудностями в социальной сфере и в области сохранения биоразнообразия. Это соответственно цели под номерами 3, 10, 16 и 14, 15.

Согласно ежегодному отчету Кембриджского университета о ЦУР ООН, из рассматриваемых 165 стран традиционно на пути к достижению ЦУР лидируют североевропейские государства [Sachs, Kroll, Lafortune, Fuller, Woelm 2021]. В сравнении с ними странам БРИКС нужно проделать большую работу для улучшения своих общих индексов ЦУР (табл. 1).

Таблица 1

Страны БРИКС по показателю индекса ЦУР на 2021 г.

Место	*Страна*	*Индекс*
46	Россия	73,8
57	Китай	72,1
61	Бразилия	71,3
107	ЮАР	63,7
120	Индия	60,1

Существует также индекс вторичных эффектов – это показатель того, положительное или отрицательное воздействие отдельное государство оказывает на возможность других стран достичь ЦУР ООН. По данному индексу первая и последняя позиция в БРИКС поменялись местами. Так, Индия занимает уже 32-е место, а Россия – 119-е. Такая разительная перемена объясняется тем, что Россия имеет большой объем экспорта обычного вооружения. Относительно других показателей члены БРИКС находятся примерно на одном уровне.

Отчет Кембриджского университета «The decade of action for the sustainable development goals: sustainable development report 2021» предлагает новые способы отслеживания реализации странами ЦУР ООН. В Отчете приведена экспериментальная система показателей преобразования ЦУР ООН в так называемых «шести направлениях изменений» [Vadell, Leite, Lo Brutto, с. 44]. Они призваны обеспечить прочную основу для построения всеохватывающих стратегий достижения ЦУР ООН. В их основе лежит понимание того, что все 17 целей могут быть достигнуты посредством преобразований в шести основных социальных сферах. В основе всех этих направлений изменений лежат два принципа: «никого не забывая» (англ. Leave No One Behind) и «взаимосвязь и неделимость» (англ. Ensure Circularity And Decoupling). Отчет Кембриджского университета 2021 г. предлагает новые способы отслеживания их реализации при помощи экспериментальной системы показателей преобразования ЦУР, которые дополняют Индекс ЦУР. Пороговые значения показателей в отчете были определены с использованием анализа распределения данных и экспертных оценок. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Показатели направлений изменений ЦУР ООН в странах БРИКС

Показатель	*Бразилия*	*Китай*	*Индия*	*Россия*	*ЮАР*
Образование, гендерная политика и неравенство					
Количество лет с момента закрепления в законодательстве бесплатного образования	15	12	11	14	15
Количество лет с момента закрепления в законодательстве обязательного уровня образования	15	12	11	14	12
Показатель усилий в сокращении неравенства: прогрессивность налогообложения и защита трудовых прав (2020)	0,57	0,54	0,45	0,67	0,69
Показатель уровня поддержки гендерного равенства в законодательстве (2021)	85	5,6	74,4	73,1	88,1
Расходы на исследования и разработки в процентах от ВВП в 2019 г.	1,3	2	0,7	1,1	0,8

Продолжение таблицы

Показатель	*Бразилия*	*Китай*	*Индия*	*Россия*	*ЮАР*
Здоровье, благополучие и демография					
Индекс ВОУЗ (2017 г.)	79	79	55	75	69
Расходы населения на здравоохранение более 10% дохода домохозяйства (%, 2016 г.)	25,6	19,7	17,3	4,9	1,4
Охват населения услугами здравоохранения (%, 2019 г.)	–	–	–	–	–
Снижение выбросов углерода и устойчивые индустрии					
Участник Альянса ООН по борьбе с изменением климата (2020)	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
Основанное на политике или ОНУВ обязательство по достижению нулевого уровня выбросов к 2050 г. (2021)	Да	2060	2070	2060	Да
Климатические действия, совместимые с Парижским соглашением по 1,5°С (2020)	Недостаточные	Крайне недостаточные	Придерживается 2°С	Критически недостаточные	Критически недостаточные
Объем государственных субсидий на ископаемое топливо (долл. США / чел., 2021 г.)	3	3	16	36	219
Цифровизация					
Индекс ООН развития электронных методов управления (оценка, 2020 г.)	0,77	0,79	0,6	0,82	0,69
Инвентаризация открытых данных: охват и доступность официальных данных (оценка, 2020 г.)	62,3	35,1	58,1	59	52
Глобальный индекс кибербезопасности (оценка, 2018 г.)	0,58	0,83	0,72	0,84	0,65
Индекс свободного Интернета (оценка, 2020 г.)	63	10	51	30	70

Показатели стран БРИКС по данным направлениям далеки от хороших. Так, у всех членов БРИКС есть проблемы по направлениям «Образование, гендерные вопросы и борьба с неравенством» и «Здоровье, благополучие и демография». Например, даже среди всех стран по миру граждане Индии, Бразилии и Китая тратят на здравоохранение довольно большую часть семейного бюджета. По направлению «Снижение выбросов углерода и устойчивые индустрии» показатели стран БРИКС также оставляют желать

лучшего. И это несмотря на то, что все члены БРИКС обязались достигнуть углеродной нейтральности. Однако крайний срок для этого странами был выбран разный. Так, Бразилия и ЮАР заявили, что станут углеродно-нейтральными к 2050 г., Россия и Китай – к 2060 г., а Индия – к 2070 г. Интересно, что есть одно направление, которое у всех среди БРИКС характеризуется как успешное – направление «Цифровизация».

Ранее считалось, что объединение БРИКС носило лишь консультативный характер [Коробова, Терентьев 2015, с. 241]. Однако сейчас все больше говорят о его политической роли. Не так давно можно было подтвердить приверженность членов БРИКС реализации климатического аспекта ЦУР ООН. Так, в 2021 г. все страны БРИКС заявили о своем намерении достигнуть углеродной нейтральности. Разница в сроках выполнения данной задачи объясняется особенностями структуры национальных экономик стран – участниц неформального объединения. Таким образом, есть общие целевые показатели по международным обязательствам. Поэтому существует вероятность, что члены БРИКС могут согласовать их внутреннее взаимодействие и выработать общую политику на мировой арене.

Внутреннее взаимодействие БРИКС по достижению Целей устойчивого развития ООН

Страны БРИКС стремятся к тесному сотрудничеству для улучшения и дальнейшего развития своей конкурентоспособности на международной арене. В связи с этим усиленное взаимодействие институтов и обмен опытом является общей задачей участников, которую предполагается решить через такие инициативы, как усиление торгово-инвестиционных связей и преодоление цифрового разрыва между странами БРИКС.

В БРИКС ставят достижение ЦУР ООН в приоритетные задачи. На сегодняшний день они усиленно развивают такие направления деятельности, как сокращение бедности, обеспечение населения доступным образованием, здравоохранение и охрана окружающей среды [Ли 2020, с. 257]. Достижению ЦУР ООН способствует совместная деятельность стран БРИКС на основе Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 г. В ней перечислены задачи, которые охватывают экономическую, экологическую и социальную сферы [Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г., с. 3].

Реализация Стратегии предполагается через обмен статистикой, опытом, лучшими практиками и подготовку предложений по укреплению сотрудничества, налаживание сотрудничества между ведомствами, деловыми кругами, молодежью и другими заинтересованными сторонами, а также через проведение совместных исследований и запуск совместных проектов вместе с организацией выставок, бизнес-мероприятий и других инициатив. В Стратегии

говорится, что для достижения ЦУР ООН страны БРИКС будут развивать сотрудничество внутри объединения и составлять собственную повестку в тесной связи с «Повесткой-2030». Так, в Стратегии выделены пять направлений: (1) изменение климата, (2) энергетика, (3) развитие инфраструктуры, (4) развитие человеческого капитала и (5) продовольственная безопасность, реализация проектов по которым в теории должна привести к осуществлению «Повестки-2030».

В 2020 г. Новый банк развития БРИКС выдал пяти программам кредиты общей стоимостью на 1 млрд долл., что доказывает развитие инвестиционного сотрудничества БРИКС. Также многие государства проявили интерес к участию в Новом банке БРИКС развития после его создания. Одной из задач, которую мог бы решить Новый банк развития БРИКС вместе с Пулом условных валютных резервов, является дедолларизация внутренних расчетов БРИКС, однако неустойчивость валют стран-участниц и взаимное недоверие национальных банков стран друг к другу не позволяет этого сделать [Кашуро, Ступенькова 2020]. Можно сказать, что Новый банк развития БРИКС как инструмент использования собственных валют выгоден для стран-участниц, так как снимает транзакционные издержки при конвертации и позволяет быстрее оказывать финансовую помощь, что в свою очередь укрепляет экономическое взаимодействие стран-участниц [Алексеенко 2017].

Еще одним важным трендом развития для БРИКС является цифровизация и цифровая экономика, что является элементом направления 3 «Развитие инфраструктуры». Его важность обусловливается раскрытием дополнительных возможностей традиционных видов экономики, которые могут оцениваться до нескольких десятков трлн долл. Активная цифровизация экономик стран БРИКС поможет им сократить отставание от развитых стран.

Для развития информационного общества в странах БРИКС нужно направить силы, во-первых, на улучшение правовой среды, во-вторых, на социальную сферу. Однако страны БРИКС уже добились некоторых результатов в налаживании кооперации по данному направлению, например согласовали и приняли План действий в сфере инновационного сотрудничества на 2021–2024 гг., и, вне всяких сомнений, будут продолжать двигаться в этом направлении.

Развитие цифровой экономики неминуемо связано с информационными рисками. Поэтому для борьбы с киберугрозами и защиты финансовой сферы страны БРИКС на XII саммите подписали Московскую декларацию и тем самым создали Канал по информационной безопасности, посредством которого сотрудничество стран-участниц в информационной области может осуществляться. Для стран БРИКС торговля определяет инклюзивный рост, и для правильного развития нужно совместное регулирование (разработка стратегий) этой сферы для скорейшего сокращения цифрового разрыва. В контексте

развития цифровых технологий был подписан Меморандум о взаимопонимании в области совместных исследований по вопросам распределенного реестра и технологий блокчейн, а также в рамках Делового совета БРИКС была создана рабочая группа по электронной торговле.

Направление 4 «Развитие человеческого капитала» также в большей степени раскрыто во второй главе данной работы. Вместе с тем некоторые пункты направления пересекаются с пунктами направлений 3 и 5.

Пятое направление «Продовольственная безопасность» в настоящее время отмечено активной работой по укреплению устойчивости сельского хозяйства путем углубления сельскохозяйственного сотрудничества Юг-Юг. Само по себе сотрудничество Юг-Юг является еще и альтернативой традиционных отношений «донор-реципиент». Так, желание вступить в ряды участников сотрудничества Юг-Юг все чаще возникает у развивающихся стран в контексте пересмотра условий получения иностранной финансовой помощи.

Место «новых доноров» из числа государств Глобального Юга оценивается по-разному: они пока что не помогают финансово в таких масштабах и объемах, как традиционные доноры, но скорость увеличения их потенциала в данной области позволяет делать прогнозы, что через десяток лет они превзойдут последних. В ООН данная тема также актуальна: «Повестка-2030» и Аддис-Абебская программа действий говорят о значимости сотрудничества развивающихся стран в достижении ЦУР и решении глобальных проблем.

Принципами сотрудничества Юг-Юг являются взаимная выгода партнеров и отсутствие обязанности выполнения специальных условий для получения помощи (в отличии от традиционной финансовой помощи, условием которой является проведение определенных реформ, таких как уменьшение дефицита госбюджета, приватизация, либерализация), что прописано в Декларации по результатам встречи в г. Найроби (2009). Среди недостатков сотрудничества Юг-Юг отмечают отсутствие четкой системы оценки, которая бы позволила узнать, насколько вклад доноров эффективен в достижении ЦУР, поэтому страны Глобального Юга призываются к более активному предоставлению отчетности.

К «новым донорам» можно отнести и БРИКС, среди которых Китай отводит сотрудничеству Юг-Юг особое место в своей внешней политике. Так, Китай стремится к сокращению разрыва Север-Юг путем оказания поддержки развивающимся странам в ускорении их развития. Сейчас считается, что китайская безвозмездная помощь, кредиты и инвестиции в Африку и Латинскую Америку намного превосходят тот объем помощи, который предоставляется Всемирным банком и МВФ.

Взаимодействие «Юг-Юг» является приоритетным не только для Китая. Так, Индия активно участвует в международных встречах в форматах «Индия-

Африка», «Индия-Центральная Азия», она также поддерживает контакты с Африканским Союзом, АСЕАН и участвует в БРИКС [Муратшина 2021].

В сотрудничестве Юг-Юг страны БРИКС в основном сосредоточены на помощи в отдельных секторах (помощь в гуманитарной области и области госуправления), но и приоритеты по этим секторам среди стран БРИКС тоже различаются. Так, Китай и Индия отдают предпочтение проектам в области энергетики и инфраструктурным проектам, в особенности развитию транспортной инфраструктуры, что увязано с идеей продвижения их товаров на зарубежных рынках. Распределение финансовой помощи представлено следующим образом: Китай – 21% на строительство транспортной инфраструктуры и 7,5% на другие инфраструктурные проекты, Индия – 23% на энергетические проекты и 13% на строительство транспортной инфраструктуры, Бразилия – 33% на образовательные проекты и 17% на здравоохранение.

На сегодняшний день у стран БРИКС есть программы перехода к «зеленой экономике», которые являются частями их национальных стратегий развития. Наличие в национальных стратегиях программ, непосредственно касающихся почти всех целей устойчивого развития, дает понять, что страны-участницы комплексно подходят к осуществлению «Повестки-2030».

Еще одним доказательством приверженности стран БРИКС к идее проведения согласованной политики могут являться ежегодные встречи министров иностранных дел стран-участниц и обсуждение ими важнейших вопросов и событий в данной области. Так, на встрече в 2021 г. министры подтвердили свою приверженность реализации «Повестки-2030» во всех трех измерениях – экономическом, социальном и экологическом – и выполнению ЦУР в полном объеме. Также они призвали страны-доноры выполнять взятые обязательства по ОПР, подтвердили свою приверженность осуществлению Киотского протокола и Парижского соглашения, выступили единым фронтом по вопросам современных международных военных конфликтов и глобальных угроз безопасности.

Ускорение осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. странами БРИКС

Важно отметить, что никто из стран БРИКС не инкорпорировал ЦУР ООН государственные бюджеты. По мнению специалистов, этот шаг помог бы в практическом осуществлении странами «Повестки дня на период до 2030 года».

Только в случае активного участия общества ЦУР могут быть достигнуты. Это требует прозрачности политики и вовлечения общественности в процесс принятия решений, но хотя многие страны наладили взаимодействие

с заинтересованными сторонами, оно часто ограничено по времени и сосредоточено на достижении конкретных целей (например, Добровольные национальные обзоры или разработка национальных проектов по достижению ЦУР ООН).

Сегодня выпуск Добровольных национальных обзоров по прогрессу в достижении ЦУР ООН среди стран мира стал распространенной практикой. Члены БРИКС также публикуют свои Добровольные национальные обзоры.

В Обобщающем отчете о добровольных национальных обзорах 2021 г., подготовленном UN DESA, описаны последние тенденции в достижении ЦУР в странах, которые опубликовали свои добровольные обзоры в 2021 г. Из стран БРИКС в обобщающий отчет вошел только Китай [Voluntary National Reviews Synthesis Report 2021].

В отчете Китай был отнесен к подгруппе стран, находящихся в «особой ситуации». Несмотря на это, страна показывает поразительные успехи в достижении ЦУР ООН. Так, Китай в своем Добровольном национальном обзоре сообщил, что достиг нулевого уровня нищеты, тем самым реализовав ЦУР 1. Также КНР сегодня реализует различные программы, помогая развивающимся странам сокращать бедность собственного населения (ЦУР 1.a, 1.b). В связи с этим Китаем были названы такие программы, как «100 инициатив по сокращению бедности», Десять программ сотрудничества по сокращению бедности и повышению уровня жизни в Африке, Фонд содействия сотрудничеству «Юг-Юг», а также Фонд мира и развития Китая и ООН.

В контексте ЦУР 2 и Сотрудничества «Юг-Юг» Китай заявил, что будет развивать международные связи в области сельского хозяйства, содействовать разработке правил международной торговли, а также добиваться укрепления системы здравоохранения.

В самом Добровольном национальном обзоре Китая 2021 г. (втором после обзора 2016 г. и последнем на данный момент) говорится о создании межведомственного координационного механизма из 45 госучреждений для реализации ЦУР [China's VNR Report 2021]. Также стратегия ЦУР была интегрирована в средне- и долгосрочные национальные планы развития, как, например, 13-й пятилетний план. Новая 14-я «пятилетка» Китая по экономико-социальному развитию страны вместе с программой «Перспектива до 2035 года» являются среднесрочными проектами и могут считаться совместимыми с ЦУР, которые объединяют экономико-социальные и экологические аспекты, а также охватывают пять ключевых элементов, таких как «люди», «планета», «процветание», «мир» и «партнерство». В следующие пять лет Китай будет стремиться к интенсивному развитию, прогрессу в социальной сфере и «зеленому» экономическому росту, что было заявлено и в Докладе на XX Всекитайском съезде КПК.

В контексте вопросов международного сотрудничества для достижения ЦУР Китай высказывается резко против блоковости и международного давления. Он придерживается сотрудничества со всеми по стратегии «выигрыш-выигрыш» и надеется развивать партнерство с новыми странами.

В 2020 г. вышел Добровольный национальный обзор Индии, второй после обзора 2017 г. и последний на данный момент. В нем утверждается, что стратегия Индии в реализации ЦУР завязана на партнерстве между центром и индийскими штатами вместе с союзными территориями, благодаря чему разрабатывается эффективная политика по продвижению идей устойчивого развития на национальном и региональном уровнях. Уже сегодня осуществляются такие проекты, как «Стратегия для новой Индии@75» и концепции отдельных штатов. Индия еще в 2018 г. запустила собственный индекс для отслеживания прогресса и укрепления конкурентного духа между штатами в достижении ЦУР. Он отражает комплексный характер ЦУР и при этом соответствует национальным приоритетам.

Правительство Индии считает наиважнейшим вопросом согласование национальных и региональных программ развития с ЦУР. В 2018 г. аналитический центр индийского правительства NITI Aayog (National Institution for Transforming India) провел широкую трансформацию планов центральных министерств и других государственных инициатив, чтобы почти все реализуемые правительством Индии программы были связаны с 17 целями и 169 задачами «Повестки-2030». Были предприняты попытки интегрировать ЦУР в планы развития на местном уровне. В целом реформа успешно пересмотрела руководящие принципы для оптимизации задач и показателей ЦУР.

В 2019 г. был выпущен Добровольный национальный обзор ЮАР (единственный на данный момент). Согласно ему, южноафриканское правительство в 2012 г. подготовило план страны по экономическому развитию «Национальный план развития: Видение 2030». В этом документе содержится анализ структурных вопросов, решение которых приведет к сокращению безработицы и неравенства, а также ликвидации бедности. Также была начата политика, направленная на реализацию обновленной программы развития Южной Африки: План действий по промышленной политике (англ. Industrial Policy Action Plan, IPAP), Операция Phakisa, Пакет экономических стимулов, Инвестиционный драйв, Обновление и рост в Южной Африке, Стратегия экономического развития сельских районов и поселков.

Бразилия одна из первых приступила к написанию Добровольного национального обзора. Обзор 2017 г. (единственный на сегодняшний момент у Бразилии) говорит о создании Национальной комиссии по достижению Целей устойчивого развития. Она будет являться основным механизмом реализации инициатив региональных организаций и гражданского общества. Цель Комиссии – распространение и обеспечение прозрачности процесса реализации

«Повестки-2030». Основным правительственным инструментом среднесрочного планирования является Многолетний план (Plano Plurianual, PPA), который охватывает большую часть целей и показателей «Повестки-2030». Так, 86% задач и 78% показателей ЦУР показывают сходство с пунктами текущего Многолетнего плана.

Говоря о российском Добровольном национальном обзоре 2020 г. (единственный на данный момент), важно заметить, что российское правительство включило в стратегические программные документы большинство целей и задач в области устойчивого развития. Поэтому можно сказать, что реализация Целей в области устойчивого развития ООН в России и в других странах – членах БРИКС находится в приоритете. Однако существует мнение, что Россия еще не полностью готова вывести идеи о стратегии устойчивого развития на практический уровень [Лось 2022 (№ 3), с. 29]. Рекомендации по ускорению достижения ЦУР ООН неформальным объединением БРИКС могут касаться внедрения Целей в области устойчивого развития ООН в государственные бюджеты. Сегодня для этого уже разработаны инструкции, которые вбирают в себя опыт устойчивого бюджетирования стран мира. Вместе с тем важно инвестировать в инновации, которые являются мотором глобального устойчивого развития. Поэтому ускорению развития членов БРИКС должно поспособствовать принятие ими согласованного Плана действий по инновационному сотрудничеству.

Заключение

Цели устойчивого развития являются новым призывом к действию различных по уровню развития и благосостояния стран для решения глобальных проблем, а их реализация даже рассматривается как возможное стратегическое направление позитивного цивилизационного динамизма [Лось 2022 (№ 2), с. 19]. В связи с этим была рассмотрена история формирования концепции устойчивого развития и было определено, что подход к определению устойчивого развития и формирование его концепции видятся по-разному зарубежными и отечественными учеными и теоретиками.

Некая приостановка задач по достижению ЦУР была связана с пандемией КОВИД-19. Она нарушила планы стран – членов БРИКС, однако развитие цифровой экономики объективно не могло остановиться. ЦУР были и остаются в области приоритет задач, однако на сегодня многие страны усиленно развивают ВПК и энергетическую безопасность. Хотя все страны БРИКС включили достижение углеродной нейтральности в свои законы, их климатические действия, связанные с ограничением роста температуры до 1,5°С по Парижскому соглашению, авторами Отчета Кембриджского университета расцениваются как недостаточные или крайне недостаточные. Даже действия

Индии, которая придерживается ограничения роста температуры до 2°С, не являются достаточными. Вместе с тем ни одна страна БРИКС не присоединилась к Альянсу ООН за климатические амбиции. Однако наличие у стран БРИКС в национальных стратегиях программ, непосредственно касающихся почти всех целей устойчивого развития, дает понять, что страны-участницы комплексно подходят к осуществлению «Повестки-2030».

Отмечается, что по уровню развития страны БРИКС имеют сильные отличия. Тормозом движения к устойчивому развитию являются недостаток инвестирования (в НИОКР, ВИЭ) и низкая конкурентоспособность стран-участниц на мировой арене (только Китай значительно вырывается вперед, занимая 16-е место, остальные страны БРИКС находятся между 43-м и 62-м местами) в связи с не лучшим состоянием всех видов инфраструктуры (базовой, технологической, научной, здравоохранения, образования и окружающей среды).

Осуществление странами БРИКС «Повестки-2030» также идет с разной скоростью, и достигнутые результаты имеют разный уровень (согласно рейтингу, у России первое место среди стран БРИКС и 46-е место по миру, у Индии – последнее и 120-е место соответственно). Наибольшие проблемы стран БРИКС связаны с сохранением биоразнообразия (ЦУР 14, 15) и с социальной сферой (ЦУР 3, 10, 16). Однако по тому, какое воздействие – положительное или отрицательное – отдельное государство оказывает на способность других достичь ЦУР, что показано через индекс вторичных эффектов, уже Индия стоит на первом месте среди стран БРИКС (32-е место в мире), а Россия – на последнем (119-е место соответственно). В контексте шести направлений изменений ЦУР ООН показатели стран БРИКС также неутешительны; исключением является направление «Цифровизация», где страны-участницы справляются значительно лучше.

Взаимодействие по достижению ЦУР между странами БРИКС основано на принятой Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 г., также перспективными направлениями являются конкурсы проектов стран-участниц по теме ЦУР, в которых сейчас активное участие принимают резиденты Китая, Индии и России, и так называемое Сотрудничество «Юг-Юг», в котором в наибольшей степени сейчас заинтересованы Китай и Индия, но которое в перспективе может заменить концепцию официальной помощи в целях развития (ОПР).

Таким образом, рекомендации для стран БРИКС по ускорению осуществления «Повестки-2030» будут заключаться во включении ЦУР в государственные бюджеты, что, по мнению специалистов, будет высокоэффективным решением для реального осуществления «Повестки-2030», ежегодное присуждение резидентам стран-участниц премий за представление идей устойчивого развития, что поспособствует регулярному обмену

опытом и укреплению связей, и развитие нормативно-правовой среды в информационной сфере, что поспособствует развитию информационного общества в странах-участницах и таким образом улучшит ситуацию в социальной сфере, подняв уровень жизни населения.

Несмотря на тяжелую ситуацию в России, реализация ЦУР является актуальной. И хотя мы вынуждены считаться с санкциями Запада, оценка степени их влияния на российскую экономику еще требует более глубокого анализа. На сегодняшний день взаимодействие и дальнейшее укрепление отношений со странами БРИКС остается в приоритете российской внешней политики, что отвечает движению к многополярности и обеспечению нашей экономической безопасности [Концепция внешней политики РФ 2023].

Библиография

Алексеенко О.А. Новый банк развития БРИКС и Пул условных валютных резервов, как катализаторы процесса реформирования Бреттон-Вудских институтов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 3. № 5. С. 53–59.

Кашуро И.А., Ступенькова З.Е. Страны БРИКС в современных экономических условиях // Глобалистика-2020: Глобальные проблемы и будущее человечества. 2020. С. 937–941.

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2023. 31 март. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 02.05.2023).

Коробова Н.Л., Терентьев А.А. Глобальные цели устойчивого развития до 2030 года и БРИКС: анализ целесообразности и эффективности синергии // Материалы I Международной научно-практической конференции. 2015. С. 241–245. URL: http://ukros.ru/archives/10221 (дата обращения: 02.05.2023).

Ли Ц. Цели в области устойчивого развития и БРИКС // Философия науки: история и современность. СПб.: Политех-Пресс. 2020. С. 257–271.

Лось В.А. РИО-92: предварительные итоги 30-летия стратегии устойчивого развития. Часть 1: Устойчивое развитие: исторические и теоретические основания // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2022. № 2. С. 3–22.

Лось В.А. РИО-92: предварительные итоги 30-летия стратегии устойчивого развития. Часть 2: Устойчивое развитие: от теоретических построений к практическим действиям // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2022. № 3. С. 16–34.

Морозкина А.К. БРИКС в системе содействия международному развитию // Материалы научно-практической конференции «Обеспечение устойчивого развития: финансовые инициативы стран БРИКС». 2017. С. 148–158. URL: https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/405659705.pdf (дата обращения: 10.05.2023).

Муратшина К.Г. Лидер и голос «Глобального Юга»: реализация фундаментальных принципов Основного закона Индии в ее многосторонней дипломатии // Актуальные проблемы глобальных исследований: глобальное развитие и пределы роста в XXI веке: Сборник статей участников VII Международной научной конференции. 2021. С. 305–315.

Си Цзиньпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического

государства. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая // РУСО. 2022. 16 окт. URL: https://csruso.ru/wp-content/uploads/2022/11/.pdf. (дата обращения: 02.05.2023).

Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года // BRICS RUSSIA 2020. Сайт председательства Российской Федерации в организации БРИКС в 2020 году. 2020. Нояб. URL: https://brics-russia2020.ru/images/114/81/1148133.pdf (дата обращения: 02.05.2023).

Урсул А.Д., Леонова К.С. Достижение глобальной устойчивости: проблемы и перспективы // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 3. С. 167–178.

ЮНАИ проводит панельную дискуссию на тему сотрудничества в формате Юг-Юг и системы развития ООН // United Nations. Официальный сайт Организация Объединенных Наций. 2019. 25 апр. URL: https://www.un.org/en/node/85443 (дата обращения: 30.05.2023).

China's VNR Report on Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2021 Jun. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/280812021_VNR_Report_China_English.pdf (дата обращения: 30.05.2023).

Hernandez D. Are «New» Donors Challenging World Bank Conditionality? // World Development. Elsevier. 2017, vol. 96(C), pages 529–549. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0305750X17301055?via%3Dihub (дата обращения: 23.04.2023).

Sachs J.D., Kroll C., Lafortune G., Fuller G., Woelm F. Sustainable development report 2021. The decade of action for the sustainable development goals. Cambridge: Cambridge University press, 2021. 505 p. URL: https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2021/2021-sustainable-development-report.pdf (дата обращения: 23.04.2023).

The Sustainable Development Goals Report 2021 // The Sustainable Development Goals website of the United Nations Department of Economic and Social Affairs Statistics Division. 2021. URL: https://unstats.un.org/sdgs/report/2021/ (дата обращения: 23.04.2023).

Vadell J., Leite A., Lo Brutto G. The Chinese South-South development cooperation: an assessment of its structural transformation. Revista Brasileira de Politica. 2020. Vol. 63. № 2. P. 1(22). URL: https://www.researchgate.net/publication/341503413_The_Chinese_South-South_development_cooperation_an_assessment_of_its_structural_transformation (дата обращения: 23.04.2023).

2021 Voluntary National Reviews Synthesis Report // Department of Economic and Social Affairs United Nations. 2021. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/294382021_VNR_Synthesis_Report.pdf (дата обращения: 25.05.2023).

References

Alekseenko O.A. Novy`j bank razvitiya BRIKS i Pul uslovny`x valyutny`x rezervov, kak katalizatory` processa reformirovaniya Bretton-Vudskix institutov [The BRICS New Development Bank and the Pool of Contingent Foreign Exchange Reserves as Catalysts for the Bretton Woods Institutions Reform Process]. E`konomika i upravlenie: problemy`, resheniya [Economics and Management: Problems, Solutions]. 2017. Vol. 3. N 5. P. 53–59. (In Russ.)

China's VNR Report on Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2021 Jun. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/280812021_VNR_Report_China_English.pdf (date of access: 30.05.2023).

Hernandez D. Are «New» Donors Challenging World Bank Conditionality? // World Development. Elsevier. 2017, vol. 96(C), pp. 529–549. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0305750X17301055?via%3Dihub (date of access: 23.04.2023).

Kashuro I.A., Stupen`kova Z.E. Strany` BRIKS v sovremenny`x e`konomicheskix usloviyax [The BRICS countries in modern economic conditions]. Globalistika-2020: Global`ny`e problemy` i

budushhee chelovechestva [Global studies-2020: Global problems and the future of mankind]. 2020. P. 937–941. (In Russ.)

Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putiny`m 31 marta 2023 g.) [The concept of the foreign policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023)]. Ministerstvo inostranny`x del Rossijskoj Federacii [Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]. 2023. 31 March. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (date of access: 02.05.2023). (In Russ.)

Korobova N.L., Terent`ev A.A. Global`ny`e celi ustojchivogo razvitiya do 2030 goda i BRIKS: analiz celesoobraznosti i e`ffektivnosti sinergii [2030 Global Sustainable Development Goals and BRICS: Analysis of the feasibility and effectiveness of synergy] // Materialy` I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [The proceedings of the I International Scientific and Practical Conference]. 2015. P. 241–245. URL: http://ukros.ru/archives/10221 (date of access: 02.05.2023). (In Russ.)

Li Cz. Celi v oblasti ustojchivogo razvitiya i BRIKS [Sustainable Development Goals and BRICS]// Filosofiya nauki: istoriya i sovremennost` [Philosophy of Science: History and Modernity]. Sankt-Peterburg: Politex-Press. 2020. P. 257–271. (In Russ.)

Los` V.A. RIO-92: predvaritel`ny`e itogi 30-letiya strategii ustojchivogo razvitiya. Chast` 1: Ustojchivoe razvitie: istoricheskie i teoreticheskie osnovaniya [RIO-92: preliminary results of the 30th anniversary of the sustainable development strategy (part 1: Sustainable development: historical and theoretical foundations)]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27: Globalistika i geopolitika [Moscow University Bulletin. Global studies and geopolitics]. 2022. N 2. P. 3–22. (In Russ.)

Los` V.A. RIO-92: predvaritel`ny`e itogi 30-letiya strategii ustojchivogo razvitiya [RIO-92: preliminary results of the 30th anniversary of the sustainable development strategy]. Chast` 2: Ustojchivoe razvitie: ot teoreticheskix postroenij k prakticheskim dejstviyam [Part 2: Sustainable development: from theoretical constructions to practical actions]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27: Globalistika i geopolitika [Moscow University Bulletin. Global studies and geopolitics]. 2022. N 3. P. 16–34. (In Russ.)

Morozkina A.K. BRIKS v sisteme sodejstviya mezhdunarodnomu razvitiyu [BRICS in the international development assistance system]. Materialy` nauchno-prakticheskoj konferencii «Obespechenie ustojchivogo razvitiya: finansovy`e iniciativy` stran BRIKS» [The proceedings of the scientific-practical conference «Ensuring sustainable development: financial initiatives of the BRICS countries»]. 2017. P. 148–158. URL: https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/405659705.pdf (date of access: 10.05.2023). (In Russ.)

Muratshina K.G. Lider i golos «Global`nogo Yuga»: realizaciya fundamental`ny`x principov Osnovnogo zakona Indii v ee mnogostoronnej diplomatii [Leader and voice of the «Global South»: implementation of the fundamental principles of the Basic Law of India in its multilateral diplomacy]. Aktual`ny`e problemy` global`ny`x issledovanij: global`noe razvitie i predely` rosta v XXI veke: Sbornik statej uchastnikov VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Actual problems of global studies: global development and growth limits in the 21st century: Collection of articles of the participants of the VII International scientific conference]. 2021. P. 305–315. (In Russ.)

Si Czzin`pin. Vy`soko nesya velikoe znamya socializma s kitajskoj specifikoj, splochenno borot`sya za vsestoronnee stroitel`stvo modernizirovannogo socialisticheskogo gosudarstva. Doklad na XX Vsekitajskom s``ezde Kommunisticheskoj partii Kitaya [Carrying high the great banner of socialism with Chinese characteristics, we will unite in the all-round construction of a modernized socialist state. Report at the 20th National Congress of the Communist Party of China]. RUSO. 2022. 16 Oct. URL: https://csruso.ru/wp-content/uploads/2022/11/.pdf. (date of access: 02.05.2023). (In Russ.)

Sachs J.D., Kroll S., Lafortune G, Fuller G., Woelm F. Sustainable development report 2021. The decade of action for the sustainable development goals. Cambridge: Cambridge University press, 2021. 505 p. URL: https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2021/2021-sustainable-development-report.pdf (date of access: 23.04.2023).

Strategiya e`konomicheskogo partnerstva BRIKS do 2025 goda [BRICS Economic Partnership Strategy until 2025]. BRICS RUSSIA 2020. Sajt predsedatel`stva Rossijskoj Federacii v organizacii BRIKS v 2020 godu [BRICS RUSSIA 2020. Website of the Russian Federation Chairmanship in the BRICS Organization in 2020]. 2020. Nov. URL: https://brics-russia2020.ru/images/114/81/1148133.pdf (date of access: 02.05.2023). (In Russ.)

The Sustainable Development Goals Report 2021. The Sustainable Development Goals website of the United Nations Department of Economic and Social Affairs Statistics Division. 2021. URL: https://unstats.un.org/sdgs/report/2021/ (date of access: 23.04.2023).

Ursul A.D., Leonova K.S. Dostizhenie global`noj ustojchivosti: problemy` i perspektivy` [Achieving global sustainability: problems and prospects]. Social`no-gumanitarny`e znaniya [Social and humanitarian knowledge]. 2019. N 3. P. 167–178. (In Russ.)

YuNAI provodit panel`nuyu diskussiyu na temu sotrudnichestva v formate Yug-Yug i sistemy` razvitiya OON [UNAI hosts a panel discussion on South-South Cooperation and the UN Development System]. United Nations. Oficial`ny`j sajt Organizaciya Ob``edinenny`x Nacij. [Official website of the United Nations] 2019. 25 Aprl. URL: https://www.un.org/en/node/85443 (date of access: 30.05.2023). (In Russ.)

Vadell J., Leite A., Lo Brutto G. The Chinese South-South development cooperation: an assessment of its structural transformation. Revista Brasileira de Politica. 2020. Vol. 63. N 2. P. 1(22). URL: https://www.researchgate.net/publication/341503413_The_Chinese_South-South_development_cooperation_an_assessment_of_its_structural_transformation (date of access: 23.04.2023).

2021 Voluntary National Reviews Synthesis Report // Department of Economic and Social Affairs United Nations. 2021. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/294382021_VNR_Synthesis_Report.pdf (date of access: 25.05.2023).

DOI: 10.31249/rsm/2023.03.14

Г.М. Мостаджеран, Р.Р. Габдуллин, А.С. Роженко

ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ИРАН В КОНТЕКСТЕ ЭФФЕКТИВНОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Аннотация. *Энергетическая дипломатия, как определено в этой статье, включает в себя набор планов и стратегий отдельных стран, которые направлены на достижение посредством международного взаимодействия, по крайней мере двух основных целей: обеспечение потребностей энергетического сектора и укрепление национальной и международной безопасности соответствующей страны. В качестве теоретической базы исследования использованы достоверные эмпирические данные. В работе утверждается, что уровень и степень значимой роли, которую страна играет в текущих мировых делах, а также в содействии формированию будущей международной системы, напрямую коррелируют с уровнем и степенью защищенности, которую она могла бы обеспечить для себя.*

В этом ключе будут кратко рассмотрены традиционные, а также современные перспективы энергетической дипломатии Ирана и важнейшие элементы макроплана для осуществления эффективной энергетической дипломатии. Более того, обсуждается, как энергетическая дипломатия используется в современном мире для обеспечения и продвижения национальной и международной безопасности государств и какие серьезные предпосылки уже имеются в Иране для ее применения не только для осуществления целей энергетического и экономического секторов. Значительное внимание уделяется Исламской Республике как крупной энергетической державе, хорошо подходящей для осуществления динамичной, многосторонней энергетической дипломатии. Основываясь на достоверных эмпирических данных, в статье утверждается, что Иран хорошо подходит для использования своих нефтегазовых ресурсов и возможностей таким образом, чтобы обеспечить себе соответствующее место, соизмеримое с его истинным потенциалом, и играть значимую роль в международном сообществе.

Ключевые слова: *Иран; запасы нефти; запасы газа; энергетическая дипломатия; международная безопасность.*

Мостаджеран Гортани Масуд – аспирант,
факультет глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова.
Россия, Москва.
E-mail: Mostajeran.m@mail.ru
Web of Science Researcher ID: C-1245-2019

Габдуллин Руслан Рустемович – кандидат геолого-минералогических наук, доцент, заместитель декана факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: gabdullin@fgp.msu.ru
Web of Science Researcher ID: A-9858-2019

Роженко Алексей Сергеевич – студент, Высшая Школа Менеджмента, РЭУ им. Г.В. Плеханова. Россия, Москва.
E-mail: alexey.rozhenko89@mail.ru
Web of Science Researcher ID: HKW-2883-2023

Mostageran G.M., Gabdullin R.R., Rozhenko A.S. Islamic Republic of Iran in the context of an effective implementation of energy diplomacy

Abstract. *Energy diplomacy as defined in this article includes a set of plans and strategies of individual countries that are aimed at achieving at least two main goals through international cooperation: ensuring the goals of the energy sector and strengthening the national and international security of the country concerned. Reliable empirical data was used as the theoretical basis of the study. The paper argues that the level and degree of the role that a country plays in current world affairs, as well as in contributing to the formation of the future international system, directly correlate with the level and degree of security that it could provide for itself.*

Thus, Iran's energy diplomacy's historic and contemporary potential and the most crucial parts of the macroplan for successful energy diplomacy will be briefly discussed. Energy diplomacy is also used to maintain and enhance national and international security in the contemporary world, and Iran has serious prerequisites for its use not just for energy and economic aims. The Islamic Republic is seen as a significant energy power capable of active international energy diplomacy. According to credible empirical facts, Iran is well-suited to utilise its oil and gas resources and capabilities to secure an acceptable position commensurate with its genuine potential and play a vital role in the international community.

Keywords: *Iran; oil reserves; gas reserves; energy diplomacy; international security.*

Mostajeran Gortani Masoud – Postgraduate student, Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: Mostajeran.m@mail.ru
Web of Science Researcher ID: C-1245-2019

Gabdullin Ruslan Rustemovich – Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Associate Professor, Deputy Dean of the Faculty of Global Processes of Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: gabdullin@fgp.msu.ru
Web of Science Researcher ID: A-9858-2019

Rozhenko Aleksei Sergeevich – Student, Graduate School of Management, Plekhanov Russian University of Economics. Russia, Moscow.
E-mail: alexey.rozhenko89@mail.ru
Web of Science Researcher ID: HKW-2883-2023

Введение

Энергетическая дипломатия, как определено в этой статье, включает в себя набор планов и стратегий отдельных стран, которые направлены на достижение посредством международного взаимодействия, по крайней мере двух основных целей: обеспечение целей энергетического сектора и укрепление национальной и международной безопасности [Griffiths 2009, с. 2–4, Bayne 2003, с. 60–78]. Следовательно, эффективная энергетическая дипломатия стремится определить международные отношения соответствующей страны таким образом, чтобы они учитывали и преследовали как конкретные цели энергетического сектора, так и сопутствующие национальной и международной безопасности [Nye 1990, с. 180].

На динамику энергетической дипломатии влияют две группы действующих лиц: государственные / правительственные субъекты и негосударственные / неправительственные субъекты. На государственном уровне можно было бы выделить трех основных игроков. Страны – производители нефти и газа, страны – потребители нефти и газа и страны, стремящиеся использовать потенциал транзитного положения или финансовые возможности для влияния на энергетические сделки и тенденции. На неправительственном уровне задействованы многочисленные субъекты, начиная от международных нефтяных компаний, национальных нефтяных компаний и заканчивая НПО, занимающимися вопросами изменения климата и зеленого движения.

Учитывая это сложное, многостороннее, динамичное и высококонкурентное глобальное энергетическое уравнение, искусство энергетической дипломатии любого субъекта, в нашем конкретном случае государства Иран, требует серьезного учета ряда факторов: признания реального положения дел задействованным кругом лиц, четкого, объективного определения приоритетов и формулирования необходимых стратегических планов и программ, направленных на эффективное достижение целей.

Важность нефтегазовых активов в современном мире

В современном мире энергия является одним из самых стратегических товаров. Более того, существует тесная связь между вопросами безопасности и энергетической политикой [Westphal 2004, с. 1–2]. Фоссильные виды топ-

лива, особенно нефть и газ, по-прежнему занимают доминирующее положение в качестве источников энергии в мировом масштабе, что делает их подходящим стратегическим активом для стран-производителей и экспортеров. Этот актив, несмотря на его исчерпаемость, фактически может быть использован в качестве инструмента внешней политики и политики безопасности. Приведенные ниже данные дают очень четкое представление о критической важности нефтегазовых ресурсов для мировой экономики в настоящее время и в обозримом будущем.

1. По оценкам, в будущем глобальный спрос на энергию значительно возрастет. Оценки ОПЕК в 2009 г. показывают, что потребление энергии должно вырасти на 42% к 2030 г. [OPEC Annual Report 2009].

2. Несмотря на развитие альтернативных источников энергии, по оценкам, ископаемое топливо останется основным источником энергии по крайней мере до 2050 г. По данным ОПЕК, доля ископаемого топлива в мировом энергобалансе составит более 80%, и нефть продолжит играть ключевую роль вплоть до 2030 г. [OPEC Annual Report 2009]. Доля нефти в энергобалансе сократится с 34% в настоящее время до 30% к 2030 г., что по-прежнему будет составлять самую большую долю среди всех источников. По данным Международного энергетического агентства (МЭА), текущий спрос на нефть в 85 млн баррелей в сутки вырастет до 105 млн баррелей в сутки к 2030 г. Это означает, что мировой рост и развитие будут в значительной степени зависеть от фоссильного топлива, и нефть будет единственным важнейшим фактором в этом контексте [Ladouccet 2007, с. 19–22]. Аналогична ситуация и с газом. В настоящее время мировой спрос на газ увеличивается на 1,5% в год. Это повысит нынешний объем спроса с 3 трлн $м^3$ до 4,3 трлн $м^3$ в 2030 г. По оценкам МЭА, доля газа в общем энергобалансе за тот же период возрастет с 20,9 до 21,2% [World Energy Outlook 2009].

3. Имеющиеся оценки показывают, что за последние 100 лет было израсходовано почти 2/3 мировых запасов нефти и осталось только 1/3. Более того, мировые запасы нефти и газа истощаются все более стремительными темпами. В конце концов, это исчерпываемые ресурсы.

4. Хотя в настоящее время довольно большое количество стран располагает значительными запасами нефти и / или газа, текущие и ожидаемые темпы потребления неизбежно ограничат будущие поставки нефти и газа, ресурсы будут поставляться в гораздо меньшее число стран. Известно, что пять стран – Саудовская Аравия, Иран, Ирак, Кувейт и ОАЭ – останутся крупными производителями нефти. В таблице 1 ниже приведены их разведанные запасы, согласно BP Statistical Review of World Energy June 2022.

Таблица 1

Страна	*Резервы ВВ*	*% от общего числа*
Саудовская Аравия	297,5	17,2
Иран	157,8	9,1
Ирак	145	8,4
Кувейт	101,5	5,9
Венесуэла	303,8	17,5
ОАЭ	97,8	5,6
Россия	107,8	6,2

Что касается газа, то только Россия, Иран и Катар, по-видимому, могут оставаться крупными мировыми его экспортерами. Россия с 43 трлн $м^3$ владеет 23,4% мировых запасов газа, в то время как Иран с 29% трлн $м^3$ – 16 %, а Катар с 25,4% трлн $м^3$ – 13,8% мировых запасов. При этом, как утверждает Эбрахимиторкаман, возможно развертывание геополитического соперничества между Ираном и Россией в регионе Каспийского моря и Центральной Азии за контроль над энергетическими коридорами [Эбрахимиторкаман 2022].

5. География мирового спроса быстро смещается в развивающиеся страны. Быстрый и устойчивый экономический рост, ускоренная урбанизация и разного рода планы развития во многих развивающихся странах в последние годы значительно увеличили их потребность в энергии. По оценкам ОПЕК, 80% чистого прироста спроса на нефть в период с 2008 по 2030 г. будет приходиться на развивающиеся страны Азии, причем Китай и Индия лидируют по темпам роста [OPEC Annual Report 2009]. Согласно тем же оценкам, на долю Китая и Индии, вместе взятых, до 2030 г. будет приходиться 40% прироста спроса на нефть.

6. Другой важный аспект глобального энергетического уравнения касается роли таких факторов, как финансовые ресурсы и инвестиции, технологические инновации и менеджмент проектов. Эти, особенно финансовые факторы, стали играть определяющую роль в энергетическом уравнении и на рынках. Некоторые эксперты даже приписывают первопричину волатильности цен на нефть финансовым рынкам, где бумажный баррель играет ведущую роль.

7. Роль крупных игроков в энергетической сфере, т.е. нефтегазовых транснациональных корпораций (МОК), национальных нефтяных компаний (ННК), а также специализированных региональных и международных организаций, форумов и институтов, таких как ОПЕК, МЭА и МАГАТЭ, постоянно меняется. В последние годы на мировой энергетической арене также появились и стали играть важную роль такие новые организации, как форум потребителей и производителей и недавно созданный Россией, Ираном, Катаром и Алжиром газовый форум (GECF).

8. Хотя влияние процесса изменения климата и связанных с ним международных соглашений (например, Киотского протокола) и «зеленых движений» может и не сыграть решающей роли в изменении нынешних моделей производства и потребления энергии, особенно в том, что касается фоссильного топлива, но есть признаки того, что воздействие будет ощущаться постепенно и неуклонно в долгосрочной перспективе. Продолжающийся после Копенгагенского саммита по изменению климата (2009) многосторонний процесс, направленный на заключение нового общеобязательного соглашения, скорее всего, окажет более сильное влияние в этой области в будущем, особенно в отношении ископаемого топлива.

Подходы к осуществлению энергетической дипломатии в Исламской Республике Иран

С момента открытия нефтяных месторождений в Иране в 1908 г. нефть служила одним из важнейших элементов международных отношений страны. Крупные державы рассматривали нефть как главный элемент, определяющий их стратегические взгляды, подход и политику в отношении Исламской республики. Таким образом нефть, а в последнее время и газ, стали влиять на внешнюю политику Ирана. Это влияние достигло своего пика в 1951 г., когда доктор Мохаммад Моссадык, премьер-министр страны, решил национализировать нефтяную промышленность.

Хотя политическая ситуация в Иране довольно резко изменилась с начала 1950-х годов, в частности далеко идущие последствия имела февральская революция 1979 г., нефть и нефтяные доходы как основной источник валютных поступлений продолжали играть ключевую роль в национальной экономике, и, как следствие, в международных отношениях и внешней политике страны. Господствующая роль нефти и нефтяной промышленности в иранской экономике обусловила существенные изменения руководства энергетической дипломатией в Иране в послереволюционный период. В этом смысле можно выделить следующие два основных подхода.

При традиционном подходе, фактически доминировавшем вплоть до окончания ирано-иракской войны (1988), управление экономикой и энергетикой было в значительной степени отделено от внешней политики и международной безопасности. Иными словами, можно было бы сказать, что традиционный подход в основном касался экономической сферы энергетики, а не ее политической составляющей. Рассматриваемые подобным образом, эти два аспекта учитывались отдельно и независимо друг от друга. Некогда воспринимавшиеся как чисто экономический вопрос, нефть и газ расценивались как источники дохода и как инструменты финансирования экономики страны. Обычным делом при таком подходе является использование доходов для

финансирования бюджета, а также для импортирования товаров и услуг для различных секторов экономики. Реализация такого подхода и политики со временем привела к серьезной зависимости государственных экономик от нефтяных доходов, что сопровождалось установлением весьма традиционных торговых отношений с иностранными партнерами. При таком использовании суммарное воздействие энергетических ресурсов (нефти и газа) на национальную и международную безопасность страны в этой ситуации было бы минимальным, а также нестабильным. Такой подход и политика применяются во многих странах – экспортерах нефти (энергии). Фактически, этот взгляд преобладал даже после того, как в начале 1960-х годов, а затем и в 70-х годах была создана коллегиальная организация ОПЕК. Энергетическая дипломатия, как она определена в настоящей статье, не стояла на повестке дня, равно как и комплексный план в рамках ОПЕК по продвижению в этом направлении.

Современный альтернативный взгляд на энергетическую дипломатию, в отличие от традиционного, основан на новом видении международных отношений и ином подходе к международной дипломатии. Этот подход опирается на широкий круг исследований, рассматривая мир как глобальную взаимозависимую сеть, в которой каждый участник (игрок / заинтересованная сторона) выполняет определенную роль, конкурируя с другими за повышение своего статуса и веса посредством партнерства, обмена и эффективного взаимодействия [Богомолов 2019]. Эта точка зрения способствует продвижению национальной повестки дня и развитию благодаря динамичному партнерству и взаимодействию с мировым сообществом. Сотрудничество и обмен являются ключевыми элементами политики в рамках данного подхода. Согласно такой всеобъемлющей концепции, нефтегазовые ресурсы, как и другие экономические активы, должны использоваться в контексте энергетической дипломатии и с заявленной функцией обеспечения национальных энергетических целей и решения проблем международной безопасности [Hossein Adeli 2005, с. 35]. Окончание холодной войны и последующие международные процессы во многом способствовали продвижению и широкому принятию этого современного взгляда, который был дополнительно подкреплен изменениями на энергетических рынках, а также растущей глобальной обеспокоенностью по поводу энергетической безопасности по всем направлениям.

В Иране энергетическая дипломатия, как определено здесь, получила признание в 1990-х годах, хотя потребовалось некоторое время, прежде чем она смогла быть реализована в качестве направления политики, отчасти из-за обеспокоенности правительства послевоенным восстановлением, а также частично из-за отсутствия консенсуса среди политических деятелей. В то же время, пока нефтегазовые мощности постепенно использовались для развития энергетического сектора, все же не удалось разработать никакого плана

энергетической дипломатии из-за отсутствия консенсуса среди руководящих лиц. Однако с конца 1990-х – начала 2000-х годов после завершения третьего пятилетнего плана развития, в четвертом плане развития (2004–2008) в энергетическом секторе были приняты новые меры и направления в политике. Четвертый план предусматривал создание нефтяного стабилизационного фонда для достижения стратегических целей экономического развития страны. Фактически это был первый эффективный шаг на пути к использованию нефтегазовых мощностей для содействия долгосрочному экономическому развитию Ирана. План также предусматривал «активное взаимодействие с мировой экономикой» и ряд конкретных положений, направленных на содействие международному взаимодействию. Проактивный характер четвертого плана и широкий спектр стратегий и мер, предусмотренных в его различных главах, отражают очень четкое понимание создателями этого плана необходимости конструктивного взаимодействия с международным сообществом. Этот конструктивный комплексный взгляд можно также увидеть в энергетическом секторе, что позволяет правительству активно взаимодействовать с ИОС для разработки нефтяных и газовых месторождений. Данный подход получил дальнейшее развитие благодаря принятию «20-летней экономической перспективы» – всеобъемлющего плана долгосрочного развития страны до 2024 г. Несмотря на то, что на пути к содержательной и эффективной энергетической дипломатии уже достигнут некоторый заметный прогресс, следует подчеркнуть, что полноценная политическая стратегия еще не сформулирована и не реализована. Не пренебрегая сдерживающими факторами внутренней политики, справедливо будет заявить, что неблагоприятная международная обстановка и разного рода внешнее давление также сыграли отрицательную роль в этом отношении.

Предпосылки к проведению энергетической дипломатии в целях реализации внешнеполитических целей

Иран – крупная страна-производитель энергии в мире со средней численностью населения и огромным экономическим потенциалом в различных областях, хорошо подходящая для осуществления динамичной, многосторонней энергетической дипломатии. Такая дипломатия может не только служить целям энергетического и экономического секторов, но и решать основные проблемы внешней политики и безопасности страны. Есть по крайней мере две основные предпосылки для того, чтобы Иран приступил к реализации такого проекта: во-первых, – весьма насущная необходимость в комплексном национальном энергетическом плане, который охватывал бы как внутригосударственные, так и международные аспекты энергетической деятельности Ирана; во-вторых, – столь же настоятельная необходимость достижения

государственного консенсуса в отношении принятия нового видения в собственной международной дипломатии, которое обеспечивало бы интересы страны и сглаживало разного рода риски посредством международного взаимодействия и партнерства.

Что касается первой необходимости, то четвертый план развития и 20-летняя экономическая перспектива предусматривают некоторые политические инструменты для достижения этой цели, в том числе политику реформ, направленную на рациональное использование значительных субсидий в энергетическом секторе. Несмотря на нужность, такие меры, по-видимому, недостаточны как с точки зрения проведения внутригосударственных реформ, необходимых энергетическому сектору, так и с точки зрения четкой стратегии международного сотрудничества, долгосрочного взаимодействия и партнерства. Что касается второй необходимости, стране следует принять реалистичный подход к международным отношениям и, что более важно, проявить волю к участию на глобальной арене, которая должна быть дополнена конкретным планом для эффективной деятельности в международной системе. Дело в том, что формирующаяся многополярность и подъем энергетики как глобального вызова сошлись – пусть и непреднамеренно – чтобы создать новую возможность для Ирана стать полноправным игроком на данной площадке [Hossein Adeli 2000, с. 21; Hossein Adeli 2006, с. 16; Hossein Adeli 2006a, с. 33; Hossein Adeli 2009, с. 16].

Неотъемлемые направления политики Ирана для проведения эффективной энергетической дипломатии

Следующие направления политики представляют собой важнейшие элементы макроплана для осуществления эффективной иранской энергетической дипломатии на предстоящие годы.

Добыча нефти. Иран был одним из основных поставщиков нефти ОПЕК с момента ее создания в начале 1960-х годов и в настоящее время занимает второе место (после Саудовской Аравии) с объемом производства 4,1 млн баррелей в сутки, что составляет 12–13% от общего объема добычи ОПЕК. Учитывая ожидаемый рост мирового спроса на нефть и предполагаемую добычу ОПЕК в 42 млн баррелей в сутки к 2030 г. (OPEC 2009), различные страны – члены ОПЕК инвестируют в разработку своих месторождений и увеличение своих производственных и экспортных мощностей. Так, Ирак реализует очень амбициозный план по добыче 10 млн баррелей в сутки примерно к 2015 г. Такая перспектива ставит Иран перед очень серьезной проблемой: если страна хочет сохранить свой статус и вес в процессе принятия решений ОПЕК, она должна сохранить свою относительную долю в добыче и экспорте. Согласно 20-летней экономической перспективе, добыча нефти

в Иране должна достичь 5,3 млн баррелей в сутки в 2014 г., что требует огромных инвестиций в нефтедобывающую деятельность. В противном случае Иран потеряет свой нынешний статус и вес в ОПЕК. Расширение производственных мощностей, пропорциональное подтвержденным запасам страны, не только упрочит положение Ирана внутри ОПЕК, но и укрепит его международные позиции, позволив играть более активную роль в переговорах между странами – членами ОПЕК и государствами, не входящими в ОПЕК, и в диалоге между производителями и потребителями.

Добыча газа. Добыча газа в Иране в настоящее время очень низкая (ниже 400 млн $м^3$/сут) по отношению к его запасам, а также намного ниже уровня 701 млн $м^3$/сут, предусмотренного в 20-летней экономической перспективе. В 2008 г. было добыто 116,3 млрд $м^3$ [BP Statistical Review of World Energy June 2022], что едва соответствует уровню внутреннего энергопотребления в период пиковых нагрузок. С разработанными запасами газа в 29 трлн $м^3$ Иран отстает от России с 43 трлн $м^3$, а за ним следует Катар с 25,4 трлн $м^3$ [BP Statistical Review of World Energy June 2022]. Вполне очевидно, что нынешний уровень добычи не позволит Ирану в будущем стать крупным экспортером газа. Реализуемый проект по ускоренной разработке месторождения Южный Парс свидетельствует о том, что иранское правительство осознает эту проблему. Иран увеличит добычу газа до 1427 млн $м^3$ в сутки к 2017 г. и 1820 млн $м^3$ в сутки к 2024 г. при условии, что его план по разработке Южного Парса будет реализован вовремя. Расширение производственных мощностей по добыче газа даст Ирану возможность занять прочные позиции среди экспортеров газа, а также позволит ему играть значительную роль на газовом рынке.

Доля рынка. В настоящее время Иран не занимает значительной доли рынка на глобальном уровне. Раньше он был крупнейшим экспортером нефти в Японию и Китай, но больше не имеет этого положения. Учитывая изменения на глобальном энергетическом рынке, а также в различных регионах, кажется, что Иран должен выбрать свои целевые рынки как на Востоке, так и на Западе и попытаться сохранить значительную долю на обоих направлениях. Эта доля рынка должна быть диверсифицирована только в той мере, в какой это позволяет стране играть значимую роль на рынке. Учитывая, что Иран действительно является одним из немногих стран, способных обеспечить альтернативные поставки газа европейским потребителям [Yarjani 2008, с. 38], Европу следует рассматривать как закономерный и значимый рынок газа для Ирана и уделять ему особое внимание. Расширяющиеся газовые азиатские рынки как Восточной Азии – в Китае и Корее, так и в Южной – Индии и Пакистане, открывают хорошие возможности для будущего экспорта газа Ираном.

Управление запасами и хранилищами. Страны – производители энергии, обладающие достаточными резервами, пространством и мощностями для

хранения, смогут стать полноправными участниками в нефтяной игре на глобальном уровне. Обладание такими возможностями и эффективное управление ими дает этим странам мощный рычаг для достижения своих целей на рынке. Это справедливо как для нефти, так и для газа, хотя нефть более релевантна в текущих рыночных условиях [Mehrabi 2013, с. 3]. Владение нефтехранилищами дает обладателю возможность играть определенную роль в ценообразовании, а также выступать в качестве посредника при подходящих обстоятельствах. Хотя Иран, возможно, сейчас не в состоянии играть важную роль в этой области, тем не менее его прошлый опыт в области плавучих хранилищ подчеркивает необходимость планирования эффективного и действенного управления своими запасами.

Инвестиции и финансовые ресурсы. Учитывая высокую капиталоемкость и технологичность энергетического сектора, доступ к достаточному объему финансовых ресурсов играет важную роль в освоении ресурсов энергетических и, как следствие, в обеспечении долгосрочной стабильности спроса и предложения. Недавний глобальный финансовый кризис и последовавший за ним экономический спад привели к существенному сокращению инвестиций в энергетический сектор в целом. Несмотря на нынешний спад, согласно прогнозу МЭА Global Energy Outlook, общий объем инвестиций в энергию до 2030 г. оценивается в 26 трлн долл., 53% из которых приходится на энергетический сектор. Те же оценки показывают, что развивающимся странам потребуется 50% от общего объема инвестиций, что свидетельствует о масштабах финансовых ресурсов, необходимых для развития нефтегазового сектора стран-производителей. По оценкам ОПЕК, инвестиции стран-членов этой организации в разработку нефтяных месторождений в размере порядка 150 млрд долл. увеличат их производственные мощности на 5 млн баррелей в сутки [Hamel 2007, с. 28]. Ожидается, что дополнительные инвестиции в нефтеперерабатывающую отрасль, оцениваемые в 50 млрд долл., позволят увеличить их мощность на 3 млн баррелей в сутки. Разумеется, что все страны планируют привлечь финансовые ресурсы для развития своих производственных мощностей, чтобы достичь целевого уровня добычи к 2030 г. Исходя из общей картины, разумно утверждать, что Ирану необходимо выделить для себя определенную долю в глобальном инвестиционном пуле или даже в инвестиционном пуле ОПЕК, которая в дальнейшем будет дополнена его собственными финансовыми ресурсами. Неспособность привлечь достаточные ресурсы неизбежно приведет к отставанию от конкурентов и потере позиций и влияния на рынке. По оценкам NIOC, Ирану потребуется около 500 млрд долл. инвестиций в нефтегазовую промышленность до 2024 г. для осуществления его 20-летней экономической перспективы, т.е. 25 млрд долл. ежегодно [Torkan 2008, с. 50].

Технологии и ноу-хау. Как уже указывалось, энергетический сектор отличается высокой степенью технологичности, и этот фактор со временем стал

неотъемлемой частью планов разработки месторождений нефти и газа. Страны с современными и передовыми технологиями смогут разрабатывать свои месторождения более эффективно по сравнению со своими конкурентами и обеспечить себе реальное преимущество перед другими. Учитывая все обстоятельства, можно сказать, что Иран сталкивается с серьезной проблемой в этой области из-за санкций. Поэтому настоятельная потребность развития нефтегазового сектора требует проведения активной дипломатии, чтобы позволить Ирану получить доступ к необходимым современным технологиям [Golafrouz 2015, с. 59–63; Falahi 2011, с. 15].

Географическое преимущество. Стратегическое расположение Ирана, находящегося между двумя богатыми энергоресурсами бассейнами Персидского залива и Каспийского моря, дало ему уникальное географическое преимущество, которое можно было бы использовать для укрепления положения и значимости страны в регионе и мире [Xešmatzade 2004, с. 7]. Служивший на протяжении тысячелетий основным транзитным маршрутом, связывающим Восток с Западом и наоборот, Иран сегодня продолжает обладать огромным транзитным потенциалом, в том числе в качестве регионального центра для обмена и транспортировки нефти и газа [BP Statistical Review of World Energy June 2022]. Быстрый рост крупных рынков и числа потребителей на востоке в таких странах, как Китай, Индия и Пакистан, и на западе, например, в Турции и Европе, является хорошим знаком для Ирана как в качестве производителя-экспортера нефти и газа, так и в качестве транзитного маршрута. Расположение Ирана таково, что ось добычи нефти и газа с Севера на Юг и ось потребления с Востока на Запад пересекают друг друга прямо на территории Ирана. Это уникальное положение также обеспечивает наиболее экономически выгодный транзитный маршрут, даже если ряд трубопроводов в регионе был переориентирован на другие, менее рентабельные маршруты по сугубо политическим причинам. Более того, запасы газа Ирана могут удовлетворить значительный и растущий спрос в странах Персидского залива, испытывающих дефицит газа, таких как Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ и Оман. Это, судя по всему, зависит от новой политической обстановки в регионе, основанной на снятии напряженности, взаимном доверии, подлинной вовлеченности и коллективном участии со стороны всех прибрежных государств.

Общие месторождения. Иран совместно с некоторыми из своих соседей эксплуатирует несколько нефтяных и газовых месторождений. Нефтяные месторождения на западе находятся в совместном владении с Ираком, а некоторые газовые месторождения – в совместном владении с Саудовской Аравией и Кувейтом. Крупнейшее газовое месторождение находится в совместном использовании с Катаром в Южном Парсе. Надлежащая и оптимальная эксплуатация и разработка этих общих месторождений требует активного подхода – и продуманных решений с обеих сторон.

Формы контрактов. Еще одна важная область, вызывающая обеспокоенность, связана с типом коммерческого участия транснациональных компаний в разработке нефтяных и газовых месторождений, которая оказалась предметом споров в течение последнего десятилетия. Учитывая многолетнюю практику работы в нефтяной промышленности и «болезненный» опыт национализации в 1950-х годов, Иран был довольно осмотрителен в период после 1979 г., заключая соглашения по распределению добычи. В результате такой настороженности республика разработала свою собственную версию соглашений о выкупе, которые, среди прочего, не связывают иностранные компании долгосрочными обязательствами. При этом представляется крайне важным, чтобы будущие контракты о распределении добычи были изменены таким образом, чтобы компания-участник взяла на себя обязательства на весь период эксплуатации месторождения, а не только до завершения проекта, как это было в прошлом.

Участие в международных проектах. Многолетний, богатый опыт Ирана в нефтяной промышленности и его нынешний статус крупного производителя-экспортера нефти и газа несут в себе потенциальные возможности активного участия в международных проектах. Участие в создании, владении и управлении нефтегазовыми проектами в области добычи и переработки нефти и газа за пределами Ирана, особенно в Центральной Азии, может способствовать укреплению энергетических позиций страны за его национальными границами. Успешный опыт таких компаний, как Statoil (Норвегия), Petronas (Малайзия), «Газпром» (Россия) и Petrobras (Бразилия), также может помочь в достижении этой цели.

Заключение

Принимая во внимание огромные запасы нефти и газа и стратегическое расположение, а также наличие многочисленной высококвалифицированной рабочей силы, справедливо утверждать, что Иран обладает потенциалом для развития в качестве энергетической державы в глобальном масштабе. Энергия для Ирана является источником власти, и ее можно и нужно использовать, как и другие инструменты влияния, для достижения национальных целей как на внутригосударственном, так и на международном уровнях.

В настоящее время энергетические ресурсы занимают очень важное место в мировой повестке дня. По общим оценкам, ископаемые виды топлива, в первую очередь нефть и газ, будут оставаться доминирующим источником энергии в будущем по крайней мере в течение следующих 50 лет. Поскольку ископаемые виды топлива являются исчерпаемыми ресурсами и быстро истощаются, поставки нефти и газа в будущем неизбежно будут ограничены. Одновременно ожидается, что глобальный спрос существенно возрастет

по мере того, как все больше и больше стран будут продолжать и расширять свою экономическую и промышленную деятельность в целях обеспечения роста и развития. Учитывая вышеизложенные тенденции, можно выделить две группы вопросов, требующих решения: устойчивость поставок со стороны потребителей энергии и устойчивость спроса со стороны производителей. Конкуренция, даже скрытое соперничество, растет среди стран-потребителей, особенно среди тех, кто владеет этими ресурсами и в силах их контролировать. Страны-потребители, обеспокоенные надежностью и устойчивостью поставок, стратегически планируют свое будущее, в том числе путем налаживания долгосрочного сотрудничества со странами – производителями энергоресурсов. Эта ситуация предоставляет странам – производителям нефти и газа возможность использовать свои ценные энергетические активы в качестве инструмента внешней политики для достижения собственных целей.

Библиография

Богомолов А.И. Тектология Богданова и диагностика глобальных процессов // Вестник Московского университета. Сер. 27: Глобалистика и геополитика. 2019. № 4. С. 5–13.

Эбрахимиторкаман А. Российско-иранские отношения в энергетической сфере (вызовы и возможности в XXI в.) // Россия и современный мир. 2022. № 1(114). С. 124–135.

Bayne N., Woolcock S. The new economic diplomacy // Decision-making and negotiation in international economic relations. 2003. Vol. 2. P. 60–78.

BP Statistical Review of World Energy June 2022 // BP: [official website]. URL: https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy/oil-demand.html. (дата обращения: 07.01.2023).

Falahi A. The Impact of Western Economic Sanctions on Iran – EU Commercial Relations // Europe Book on Relations between Iran and EU. 2011. Vol. 1. № 10. P. 10–29.

Golafrouz M. The Role of Energy Geopolitics in Iran National Security // Global Politics Quarterly. 2015. Vol. 4. № 3. P. 53–77.

Griffiths S. Energy diplomacy in a time of energy transition // Energy Strategy Reviews. 2019. Vol. 26. P. 1–10.

Hamel M. Oil outlook and investment challenges // Ministerial Symposium on «Providing Petroleum, Promoting Prosperity, Protecting the Plane». 2007. P. 1–44.

Hossein Adeli S.M. Iran's Role; Soft Power & Hard Power // Ravand-e Eghtessadi. 2006. Vol. 4. № 24. P. 15–43.

Hossein Adeli S.M. Prevailing Global Trends from Davos // Ravand-e Eghtessadi. 2006a. Vol. 4. № 30. P. 30–54.

Hossein Adeli S.M. Challenges of Foreign Policy of Iran // Ravand-e-Eghtessadi. 2009. Vol. 6. № 47. P. 1–25.

Hossein Adeli S.M. Iran; Center for Distribution of Oil & Gas // World Economic Forum. Davos: Ravand Institute for Economic & International Studies. 2000. P. 20–34.

Hossein Adeli S.M., Shahabi S., Mahdavian M.H. Connecting with the World Economy // Ravand-e-Eghtessadi. 2005. Vol. 2. № 11. P. 30–50.

Ladouccet V. Scenarios for Long-Term Demand // Ravand-e-Eghtessadi. 2007. Vol. 5. № 10. P. 18–36.

Mehrabi A., Safavi S.Y., Mahdian H. The Role of Energy Geopolitics in Iran National Security from View Point of Three National Security Approaches // Geopolitics Quarterly. 2013. Vol. 9. № 1. P. 1–18.

Nye J.S. The changing nature of world power // Political Science Quarterly. 1990. Vol. 105. № 2. P. 177–192.

OPEC Annual Report 2009 // OPEC: [official website]. URL: https://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/AR2009.pdf. (дата обращения: 09.01.2023).

Torkan A. Perspective for Investment in Oil and Gas Industry // Tehran: Ravand Institute for Economic and International Studies. 2008. P. 47–68.

Westphal K. Energy in International Relations–Dominance of Politics over Economics? // Annual Meeting of the International Studies Association. 2004. P. 1–9.

World Energy Outlook 2009 // IEA: [official website]. URL: https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2009. (дата обращения: 07.01.2023).

Xešmatzade M. Goftogu. Arzuha-ye D'Arsi; ta'm-e Konsorsiyum // Zamane. 2004. Vol. 3. № 30, P. 1–17.

Yarjani J. Europe Energy Consumption; Best Alternative // Ravand-e-Eghtessadi. 2008. Vol. 5. № 39. P. 24–41.

References

Bayne N., Woolcock S. The new economic diplomacy. Decision-making and negotiation in international economic relations. 2003. Vol. 2. P. 60–78.

Bogomolov A.I. Tektologija Bogdanova i diagnostika global'nyh processov [Bogdanov's tectology and diagnostics of global processes]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 27: Globalistika i geopolitika [Bulletin of Moscow University. Ser. 27: Global studies and geopolitics]. 2019. N 4. P. 5–13. (In Russ.)

BP Statistical Review of World Energy June 2022. BP: [official website]. URL: https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy/oil-demand.html. (date of access: 07.01.2023).

Ebrahimitorkaman A. Rossijsko-iranskie otnoshenija v jenergeticheskoj sfere (vyzovy i vozmozhnosti v XXI v.) [Russian-Iranian relations in the energy sector (challenges and opportunities in the 21st century)]. Rossija i sovremennyj mir [Russia and the modern world]. 2022. N 1(114). P. 124–135. (In Russ.)

Falahi A. The Impact of Western Economic Sanctions on Iran – EU Commercial Relations. Europe Book on Relations between Iran and EU. 2011. Vol. 1. N 10. P. 10–29.

Golafrouz M. The Role of Energy Geopolitics in Iran National Security. Global Politics Quarterly. 2015. Vol. 4. N 3. P. 53–77.

Griffiths S. Energy diplomacy in a time of energy transition. Energy Strategy Reviews. 2019. Vol. 26. P. 1–10.

Hamel M. Oil outlook and investment challenges. Ministerial Symposium on «Providing Petroleum, Promoting Prosperity, Protecting the Plane». 2007. P. 1–44.

Hossein Adeli S.M. Challenges of Foreign Policy of Iran. Ravand-e-Eghtessadi. 2009. Vol. 6. N 47. P. 1–25.

Hossein Adeli S.M. Iran; Center for Distribution of Oil & Gas. World Economic Forum. Davos: Ravand Institute for Economic & International Studies. 2000. P. 20–34.

Hossein Adeli S.M. Iran's Role; Soft Power & Hard Power. Ravand-e Eghtessadi. 2006. Vol. 4. N 24. P. 15–43.

Hossein Adeli S.M. Prevailing Global Trends from Davos. Ravand-e Eghtessadi. 2006a. Vol. 4. N 30. P. 30–54.

Hossein Adeli S.M., Shahabi S., Mahdavian M.H. Connecting with the World Economy. Ravand-e-Eghtessadi. 2005. Vol. 2. N 11. P. 30–50.

Ladouccet V. Scenarios for Long-Term Demand. Ravand-e-Eghtessadi. 2007. Vol. 5. N 10. P. 18–36.

Mehrabi A., Safavi S.Y., Mahdian H. The Role of Energy Geopolitics in Iran National Security from View Point of Three National Security Approaches. Geopolitics Quarterly. 2013. Vol. 9. N 1. P. 1–18.

Nye J.S. The changing nature of world power. Political Science Quarterly. 1990. Vol. 105. N 2. P. 177–192.

OPEC Annual Report 2009. OPEC: [official website]. URL: https://www.opec.org/opec_web/static_files_project/media/downloads/publications/AR2009.pdf. (date of access: 09.01.2023).

Torkan A. Perspective for Investment in Oil and Gas Industry. Tehran: Ravand Institute for Economic and International Studies. 2008. P. 47–68.

Westphal K. Energy in International Relations–Dominance of Politics over Economics? Annual Meeting of the International Studies Association. 2004. P. 1–9.

World Energy Outlook 2009. IEA: [official website]. URL: https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2009. (date of access: 07.01.2023).

Xešmatzade M. Goftogu. Arzuha-ye D'Arsi; ta'm-e Konsorsiyum. Zamane. 2004. Vol. 3. N 30. P. 1–17.

Yarjani J. Europe Energy Consumption; Best Alternative. Ravand-e-Eghtessadi. 2008. Vol. 5. N 39. P. 24–41.

DOI: 10.31249/rsm/2023.03.15

С.И. Коданева

ПОЛИТИКА УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАМИ В БРИТАНИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. *События последнего времени, особенно Брекзит и пандемия COVID-19 вновь ввели в политический дискурс Великобритании вопрос об отделении национальных регионов этой страны. Прежде всего речь шла о Шотландии, лидер национальной партии которой Н. Стерджен практически сразу после запуска процедуры выхода страны из ЕС заявила о том, что будет добиваться проведения нового референдума о независимости Шотландии. В Северной Ирландии, хоть и менее активно стали звучать призывы о проведении голосования по вопросу присоединения к Ирландии. И даже в Уэльсе, пусть и с некоторым запозданием начала подниматься волна национального самосознания, вылившаяся в создание комиссии для рассмотрения вопроса о возможном отделении. В политическом и научном дискурсе заговорили о том, что Великобритания скоро может распасться. В то же время, звучала и иная позиция, согласно которой региональные политики с помощью угроз отделения добиваются расширения автономии.*

Для того, чтобы ответить на вопрос о том, насколько серьезны высказываемые многими опасения по поводу предстоящего отделения Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии, необходимо проанализировать новейшую историю развития взаимоотношений между центральным правительством страны и этими регионами, как институционализировались эти отношения в последние десятилетия и какие факторы способствовали укреплению или, напротив, ослаблению территориальной целостности Великобритании.

Поиску ответов на эти вопросы посвящена настоящая статья. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что политика регионального управления Великобританией всегда строилась на принципах «конституционной неопределенности» и «двусмысленности». Британский политический истеблишмент избегал нормативного закрепления статуса национальных регионов, проведения системной реформы территориального управления, предпочитая реагировать на текущие вызовы преимущественно политическими средствами.

Ключевые слова: *Великобритания; деволюция; Шотландия; Уэльс; Северная Ирландия; Брекзит; региональная политика.*

Коданева Светлана Игоревна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела правоведения Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН.

Россия, Москва.

E-mail: kodanevas@gmail.com
Web of Science Researcher ID: V-2683-2018

Kodaneva S.I. Regional governance policy in Britain: history and modernity

Abstract. *Recent events, especially Brexit and the COVID-19 pandemic, have reintroduced the issue of the separation of the national regions of this country into the political discourse of Great Britain. First of all, it was about Scotland, the leader of the national party of which N. Sturgeon announced almost immediately after the launch of the procedure for the country's withdrawal from the EU that she would seek a new referendum on Scottish independence. In Northern Ireland, though less actively, there have been calls for a vote on the issue of joining Ireland. And even in Wales, though with some delay, a wave of national consciousness began to rise, resulting in the creation of a commission to consider the issue of possible secession. In the political and scientific discourse, there was talk that the UK could soon break up. At the same time, there was another position, according to which regional politicians seek to expand autonomy with the help of threats of secession.*

In order to answer the question of how serious the concerns expressed by many about the upcoming separation of Scotland, Wales and Northern Ireland are, it is necessary to analyze the recent history of the development of relations between the central government of the country and these regions, how these relations have been institutionalized in recent decades and what factors have contributed to the strengthening or, conversely, weakening of the territorial integrity of Great Britain.

This article is devoted to finding the answer to these questions. The conducted research allows us to conclude that the policy of regional governance of Great Britain has always been based on the principles of «constitutional uncertainty» and «ambiguity». The British political establishment has avoided the normative consolidation of the status of national regions, the systematic reform of territorial administration, preferring to respond to current challenges mainly by political means.

Keywords: *United Kingdom; devolution; Scotland; Wales; Northern Ireland; Brexit; regional policy.*

Kodaneva Svetlana Igorevna – Candidate of Law Science, Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.

E-mail: kodanevas@gmail.com
Web of Science Researcher ID: V-2683-2018

1. Введение

На протяжении большей части истории Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии (далее – Великобритания, Королевство) принято было рассматривать как образец унитарного национального государства, основанного на территориальной интеграции и функциональной дифференциации [Durkheim 1960], и представляющего собой самое однородное из индустриальных обществ середины XX в. [Blondel 1974].

Однако было бы неверным говорить о том, что в Великобритании полностью отсутствовал «национальный вопрос». Общеизвестно, что в состав Королевства входят три национальных территориальных единицы – Северная Ирландия, Шотландия и Уэльс. Первым в состав Англии в 1536 г. вошел Уэльс, договор об объединении Шотландии с Англией с образованием Великобритании был подписан в 1707 г., наконец, союз с Ирландией, в результате которого образовалось Соединенное Королевство, был заключен в 1801 г. В этом неизменном виде государство просуществовало до 1921 г., когда в результате религиозных распрей между католиками и протестантами южная часть Ирландии вышла из состава Королевства, образовав независимое государство, а оставшиеся шесть графств образовали Северную Ирландию. Затем вплоть до 1970-х годов региональная политика страны оставалась довольно стабильной, что и позволило исследователям говорить о Великобритании как об унитарном государстве, конституционное устройство которого построено на основополагающем принципе парламентского суверенитета.

Вместе с тем, как отмечает Ч. Джефри, эта неограниченная власть британской короны никогда не использовалась для создания территориально единого государства, как это происходило в период французского унитаризма [Jeffery 2009]. Каждый из трех национальных регионов всегда сохранял определенные особенности как в культурных, экономических, языковых, религиозных и т.п. аспектах, так и в конституционном плане. Среди жителей этих регионов, ученых и политических элит всегда существовала и вторая, альтернативная точка зрения на Великобританию, как на «союзное государство». Этот термин в научный оборот ввели С. Роккан и Д.В. Урвин в 1983 г. [Rokkan, Urwin 1983]. Данная концепция противопоставлялась концепции «унитарного государства», основанного на принципе неограниченного парламентского суверенитета. Одним из наиболее известных сторонников концепции «союзного государства» был лейборист, идеолог деволюции Дж.П. Макинтош [Walker 2013]. В основе данного взгляда на территориальное устройство страны лежала идея о том, что три национальных региона присоединялись к ней в разное время и на разных условиях, т.е. фактически они образовали союз, каждый из членов которого сохраняет собственные уникальные условия членства.

Из этого следовал крайне важный вывод о том, что парламентский суверенитет, на самом деле, не является абсолютным. Кроме того, поскольку в основе взаимоотношений между Англией и другими регионами лежат договоры, то, во-первых, эти договоры должны соблюдать обе стороны. А во-вторых, не существует «единого» государства, основанного на общих для всех его частей правилах. Вместо этого есть три набора правил, определяющих взаимоотношения между Англией и национальными регионами, которые, будучи равноправными сторонами договоров, вправе в любой момент потребовать возвращения суверенитета (как целиком, так и частично) [Keating 2022].

И хотя данная концепция на протяжении длительного времени не пользовалась значительной популярностью и практически не звучала ни в научном, ни в политическом дискурсе, но национальные элиты вспоминали о ней в периоды напряженности, а сам факт ее существования заложил основу для последующей двусмысленности в отношениях между центральным правительством и регионами Великобритании.

Именно эта двусмысленность, во многом, и стала причиной кризиса регионального управления, возникшего в процессе выхода Великобритании из состава ЕС. Чтобы понять причины кризиса и суть «конституционной двусмысленности», необходимо изучить историю развития отношений между четырьмя регионами страны и центральной властью. Анализ этой истории является целью настоящего исследования.

В работе использованы как общенаучные методы (аналитический метод, метод классификации и аналогии), так и методы исторического исследования: диахронный метод, историко-системный метод, методы актуализации и синхронизации и хронологический метод.

Исследование основывается на анализе научных публикаций британских специалистов по конституционному праву, истории, политологии и экономике, посвященных проблематике регионального развития страны.

2. Особенности региональной политики Великобритании в период с 1945 по 1997 г.

В послевоенный период, когда реализовывалась политика государства всеобщего благоденствия, асимметрия регионального управления нивелировалась благодаря единой социальной политике государства. Как отмечает М. Китинг, «наиболее близко Великобритания подошла к унитарному идеалу в послевоенные десятилетия кейнсианского государства всеобщего благосостояния. Эта модель государственного управления в то время оказала интегрирующее влияние в большинстве стран мира, включая Великобританию» [Keating 2022]. Одна из причин заключается в том, что кейнсианство опирается

на идеи эмоциональной солидарности, присущие унитарным демосам, соответственно, оно сопровождалось развитием идей общего социального гражданства. Даже парламент Северной Ирландии, наделенный широкими полномочиями в социальной сфере, своими актами фактически дублировал британскую политику социального обеспечения. А политический союз Шотландии и Уэльса с Англией в тот период не вызывал сомнений.

По мнению, Д. Эдгертона, впервые в истории это было территориально очерченное национальное хозяйство Великобритании и активное государство. Компромисс в области социального обеспечения был широко принят всем населением страны, а политика государства была направлена на перенаправление инвестиций в отстающие районы страны, в основном расположенные на периферии, и сдерживание развития в экономическом ядре, на Юго-востоке Англии [Edgerton 2019].

Однако имела такая политика и свои недостатки, главным из которых было увеличение зависимости регионов от решений, принимаемых центральной властью, и снижением их способности на эти решения влиять. В свою очередь, центральное правительство также стало все меньше внимания уделять проблемам и мнению регионов. Таким образом, как отмечал Дж.П. Макинтош, рост национализма в Шотландии в конце 1960-х годов был вызван чувством отчуждения правительства страны от интересов региона и недовольства, вызванного слишком централизованной системой управления [Walker 2013].

К этому следует добавить особенности партийной и избирательной системы Великобритании. Как известно, выборы в Вестминстер проходят по мажоритарной системе и за места в парламенте традиционно конкурируют две партии (после Второй мировой войны это консерваторы и лейбористы). Начиная с 1951 и до 1997 г., консервативная партия практически постоянно находилась у власти (не считая небольшого перерыва в 1964–1970 гг.). Следует отметить, что консервативная партия всегда стояла на позиции унионизма и полной автономии центральной власти, основанной на доктрине парламентского суверенитета.

При этом консерваторы никогда не пользовались поддержкой в Уэльсе, где абсолютное большинство мест получали сначала либералы, а потом – лейбористы. В Шотландии консерваторы пользовались поддержкой с 1912 до середины 1960-х годов, когда их стали вытеснять лейбористы [Jones 2006]. Это расхождение в партийных предпочтениях между Англией (которая избирала 529 из 659 членов британского парламента, обеспечивая консерваторам большинство) и национальными регионами также усиливало недовольство последних.

Лейбористы использовали этот факт в своей политике, обещая предоставить автономию Шотландии и Уэльсу, аналогичную той, которой на тот момент обладала Северная Ирландия, и даже предприняли попытку реализовать

свои обещания в период нахождения у власти в 1964–1970 гг. Однако предложенная ими реформа на тот момент не удовлетворила ни одну из заинтересованных сторон и не увенчалась успехом.

Одновременно в Северной Ирландии протесты, связанные с ущемлением прав католического меньшинства, постепенно переросли в политические, сопровождавшиеся массовыми беспорядками, что привело к приостановке работы североирландского парламента – Стормонта – и введению прямого правления. Правительство лейбористов видело решение проблемы в расширении автономии региона и формировании институтов совместного управления, где были бы представлены обе общины (сделка Саннингдейла). Однако заключение этого соглашения было сорвано протестантской общиной.

В итоге реформа территориального управления ограничилась созданием специальных правительственных служб по делам Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии, руководители которых входили в кабинет министров, а также правительственных офисов в этих регионах. Эти правительственные структуры были наделены собственными асимметричными полномочиями в отношении каждого из регионов, фактически выполняя функции территориальных органов управления. Таким образом, в этой конструкции уже de jure была зафиксирована асимметричная модель территориального управления страной.

Пришедшая к власти в 1979 г. М. Тэтчер сразу стала проводить политику, которая сочетала в себе крайний британский национализм с мерами, которые размывали политические и экономические основы союза. Приватизация и глобализация подорвали концепцию управляемой национальной экономики, а региональная политика, основанная на сплоченности, была заменена на концепцию территориальной конкурентоспособности, механизм регионального планирования и развития был упразднен. Расходы на всевозможные региональные гранты сократились более чем на 90% в период с середины 1970-х до начала 2000-х годов [Wren 2005]. Пространственные диспропорции, которые сокращались с 1960-х годов, резко возросли [McCann 2017].

Все это привело к росту недовольства регионов, особенно Шотландии, которая выступала против проводимых либеральных реформ. Однако консервативное представление об автономии центральной власти исключало саму возможность переговоров с регионами и учета их мнения при принятии политических решений. В результате проводимой политики консерваторы, которые и так уже не пользовались поддержкой в национальных регионах, постепенно стали терять ее и в Англии, особенно на севере (где неолиберальные реформы наиболее болезненно ударили по населению, приведя к снижению уровня жизни), и в 1997 г. проиграли выборы.

3. Расширение деволюции в 1997–2016 гг.

Новый премьер-министр лейборист Т. Блэр сразу заявил о предстоящей реформе территориального управления. В этой реформе ярко проявились особенности конституционной системы и политической культуры страны. Основной особенностью, которая характеризует эту реформу является то, что она заложила «конституционную двусмысленность» в отношения между центром и регионами. Это означает, что она была сконструирована таким образом, что позволила каждой стороне трактовать ее по-своему.

Так, передача полномочий была осуществлена не путем принятия единого закона, формализующего отношения между центральным и региональным уровнями власти. Были приняты отдельные законы для каждого региона, наделявшие их различной степенью автономии. Основная причина такого подхода заключалась в уже сложившейся региональной асимметрии, в результате которой каждый из регионов следовал собственной траектории развития и взаимодействия с центральной властью.

В Шотландии деволюции предшествовала более чем десятилетняя кампания, объединившая как парламентские партии (либерал-демократов и лейбористов), так и гражданское общество, включая профсоюзы, церковь, ученых и др. Эта кампания была ответом шотландского общества на растущее чувство национальной идентичности, недовольство невосприимчивостью центрального правительства к проблемам окраин и выступала за восстановление полномочий самоуправления. Она даже вызвала к жизни своеобразную, хотя и во многом мифическую «шотландскую конституционную традицию», в основе которой лежала идея о народном суверенитете населения Шотландии в противовес парламентскому суверенитету Великобритании.

Кроме того, поддержка лейбористами деволюции была подкреплена личной приверженностью ей Дж. Смита – известного шотландского политического деятеля и лидера партии лейбористов Великобритании в 1992–1994 гг. Именно его идеи составили основу Белой книги по деволюции, опубликованной после победы лейбористов на выборах 1997 г.

В Уэльсе ситуация была принципиально иной. Валлийское общество было более ассимилировано в результате более длительного союза с Англией и поэтому менее склонно требовать для себя особой автономии. Единственная напряженность, которая существовала между Уэльсом и центральным правительством заключалась в традиционной крайне низкой поддержке консерваторов в этом регионе и недовольстве валлийцев слишком долгим пребыванием этой партии у власти. Однако деволюционная реформа была, по сути, результатом закулисных сделок в Лейбористской партии при посредничестве Р. Дэвиса – представителя этой партии от Уэльса в Вестминстере. Поэтому на референдуме 1997 г. предложение о деволюции было поддержано с мини-

мальным перевесом. Парадоксально, но конституционные дебаты по этому вопросу и общественная поддержка передачи автономии в Уэльсе появились уже после избрания Национальной ассамблеи Уэльса в 1999 г.

В Северной Ирландии деволюция происходила в принципиально ином контексте. Как отмечалось выше, этот регион уже имел свой законодательный орган власти, однако в результате межконфессиональной розни Стормонт в 1979 г. был распущен и в регионе было введено прямое правление из центра. Однако столкновения между протестантами и католиками не прекратились и даже усилились при правительстве Дж. Мейджора. Поэтому цель реформ, предложенных правительством Т. Блэра, состояла в том, чтобы создать стабильные политические структуры, которые бы смогли сдерживать этот конфликт, перенести его с улиц в кабинеты Стормонта, устранить необходимость в прямом правлении и открыть новые возможности сотрудничества между севером и югом на острове Ирландия.

Соглашения, легшие в основу североирландской модели регионального управления, включали как компромисс между католиками и протестантами, так и договоренности между правительствами Великобритании и Ирландии (т.е. были подкреплены международным правом). На деле эта модель оказалась крайне неустойчивой, что приводило к длительным приостановкам в работе органов власти региона и введению прямого управления из Вестминстера (в 2002–2007 и 2017–2020 гг.).

С одной стороны, это требовало проведения постоянных переговоров, подписания новых соглашений[1] (в основном направленных не на пересмотр Белфастского Соглашения, а на попытку усовершенствовать созданную им модель управления), а также постоянных финансовых вливаниях из центра. С другой стороны, регион оказался наиболее консервативным в вопросе расширения автономии, поскольку его население боялось нарушить с трудом достигнутый баланс и вернуться к кровопролитной вражде.

Наконец, Англия, будучи основной частью Великобритании, вокруг которой и сформировался союз, не имела четкой традиции территориального самоуправления. Правительство лейбористов обсуждало различные варианты деволюции для английских регионов, однако на практике им так и не удалось выработать единого решения, а вынесенное в 2004 г. на референдум

1. С момента подписания соглашения в Белфасте (Соглашение Страстной пятницы) было заключено еще пять соглашений (Соглашение Сент-Эндрюс 2006 г., Соглашение Хиллсборо 2010 г., Соглашение Стормонт-Хаус 2014 г., Соглашение о новом запуске 2015 г. и Соглашение «Новое десятилетие, новый подход» 2020 г.) и Протокол по Северной Ирландии к Соглашению о выходе Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии из Европейского союза и Европейского сообщества по атомной энергии.

предложение о создании избираемой ассамблеи на Северо-Востоке Англии был проигран (80% голосов против). С тех пор Вестминстер стал играть двойственную роль, принимая общенациональное законодательство и выполняя функции представительного органа Англии.

К региональным особенностям стоит отнести языковой и культурный факторы. Так, в Уэльсе требования деволюции преимущественно сводились именно к культурной автономии, что в конечном итоге вылилось в принятие в 2012 г. Акта Национальной ассамблеи Уэльса об официальных языках, в соответствии с которым официальными языками Ассамблеи являются валлийский и английский. Валлийский язык является вторым официальным, и на нем сегодня говорят не только валийцы, но и многие англичане, проживающие в Уэльсе. В Шотландии два местных наречия: шотландский (Scots), на котором говорит около 24% населения Шотландии, и гэльский (Scottish Gaelic, Gàidhlig), которым владеет менее 2% жителей региона. Оба эти языка долгое время подвергались гонениям, но сегодня, согласно Акту Парламента Шотландии 2005 г., в качестве официального наравне с английским признан гэльский язык. При этом Scots позиционируется как диалект английского. Целью поддержки практически мертвого языка и нивелирования более распространенного наречия является не допустить возвышения скотс до возможного статуса языка, объединяющего шотландскую нацию. Но в целом проблема языка волнует шотландское общество гораздо меньше, чем валлийское. Примерно та же картина и в Северной Ирландии, где распространены несколько местных диалектов, но ни один из них не имеет статуса официального языка. Это связано с уменьшением роли национальных движений в Ирландии после событий 1990-х годов.

Таким образом, региональные особенности отразились на характере реформы территориального управления, подкрепленные британской конституционной традицией. Отсутствие писаной конституции в стране само по себе предполагает невозможность конституционной реформы в общепринятом смысле, поэтому правительство Т. Блэра рассматривало происходящее не как конституционную реформу, а как серию разрозненных ответов на меняющиеся вызовы, которые в любой момент можно пересмотреть в соответствии с принципом парламентского суверенитета. Характерно, что при проведении реформ не обсуждались системные последствия деволюции для функционирования власти в стране, включая вопросы разрешения возможных конфликтов или согласования и реализации общегосударственной политики.

Данный подход имел, с позиции правительства страны, важный плюс, который заключался в том, что предоставление большей автономии одному региону не порождало требований аналогичных прав остальным [Hazell 2007]. Кроме того, при возникновении разногласий с одним регионом это никак не затрагивало интересы остальных, а значит заинтересованный регион, не имея поддержки, вынужден идти на неформальные переговоры с центром.

Наконец, Вестминстер передавал регионам только «низовые», «второстепенные» вопросы, сохраняя за собой вопросы «политические» [Sandford, Gormley-Heenan 2020], проводя четкий водораздел между ними, с тем чтобы избегать дублирования полномочий. Иными словами, был использован принцип «передать и забыть» [Wincott 2018]. Это полностью устраивало центральное правительство, поскольку позволяло избегать институализации взаимоотношений с регионами, функционирования каких-либо формализованных инструментов разрешения спорных вопросов.

Еще одна важная особенность деволюции конца XX – начала XXI в. заключалась в том, что Великобритания к началу территориальных реформ уже входила в состав ЕС. В результате практически все «низовые» полномочия уже были переданы Евросоюзу и подчинялись праву последнего, что существенно ограничивало свободу усмотрения для регионов Великобритании. При этом само членство в ЕС и связанные с этим вопросы правительство Великобритании всегда относило к «политическим», т.е. зарезервированным. Именно этим и объясняется позиция, которую оно заняло во время Брекзита, отказав регионам в праве участия в этом процессе.

Таким образом, в глазах центрального правительства использованный подход, во-первых, полностью основан на принципе парламентского суверенитета, а, во-вторых, он не означает «конституционную» реформу. Это, в свою очередь, не требует от правительства давать четкие ответы на вопросы конституционного статуса регионов страны, сохраняя «конституционное молчание» по важным вопросам, касающимся природы государства, суверенитета и территориальной целостности. Следствием гибкости механизмов перераспределения полномочий является отсутствие определенности, а также то, что многие юрисдикционные вопросы в конечном счете остаются нерешенными.

Однако данная конструкция позволила регионам сформировать иное, альтернативное представление о конституционной сути происходящего. Так, в очередной раз в научный и политический дискурс вошла концепция «союзного государства», поскольку, формируя отдельное правовое регулирование для каждого региона, правительство тем самым de facto подтвердило (в глазах сторонников этой концепции) договорной и двухсторонний характер отношений между Англией и остальными частями страны. Соответственно, националисты уверены, что в результате реформы составные части союза договорились о новом компромиссе, не отказываясь полностью от своего суверенного права пересмотреть этот компромисс при изменении ситуации и даже отделиться, признавая, однако, что условия такого отделения должны быть предметом переговоров.

Кроме того, постоянное расширение автономии после реформы 1998 г. позволяет переданным администрациям заявлять, что произошла фундаментальная конституционная реформа, которая закрепила разделение суверенитета

между центральным и региональными парламентами [Sandford, Gormley-Heenan 2020]. Этот взгляд был поддержан как судебным толкованием, так и доктриной.

С этой точки зрения, региональные органы власти в результате серии межправительственных переговоров, референдумов и законодательных изменений получили новую конституционную правосубъектность. При этом регионы все чаще стали апеллировать к идее народного суверенитета, причем понимая под «народом» не всех граждан Великобритании, а совокупность жителей ее составных частей, каждая из которых обладает собственным суверенитетом [Sandford, Gormley-Heenan 2020].

Разногласия между центральным и региональными правительствами стали нарастать после региональных выборов 2007 г., на которых лейбористы потеряли свое абсолютное большинство. Отчасти этому способствовала смешанная избирательная система в регионах, которая обеспечила более пропорциональное представительство и дала шанс местным партиям, которым они и воспользовались. В результате правительство Шотландии сформировала Шотландская национальная партия (ШНП), а в Уэльсе лейбористам пришлось пойти на формирование коалиционного правительства с националистической партией Plaid Cymru (Партия Уэльса). В Северной Ирландии правительство также возглавила националистическая партия Шинн Фейн.

В результате этого внутрипартийные инструменты разрешения разногласий и обеспечения единства проводимой политики исчезли, что привело к росту напряженности между центральным и региональными правительствами. Так, например, Шотландия всегда выступала против неолиберальных реформ, заметно снизивших уровень социального обеспечения граждан. Теперь правительство этого региона стало принимать собственное законодательство, направленное на установление для жителей Шотландии более высокого уровня социальных гарантий. При этом ШНП заявляла о своем стремлении к отделению Шотландии, либо, как минимум, к существенному расширению полномочий Парламента Шотландии, особенно в налоговой сфере [Jeffery 2009].

Данная ситуация вынудила Вестминстер пойти на расширение автономии региона. Это был очевидный и простой способ решения очередного вызова – пойти на относительно безболезненные уступки со стороны центра. Однако принять необходимое для этого законодательство Вестминстер не успел, поскольку на выборах 2011 г. ШНП получила большинство, что сделало референдум о независимости Шотландии практически неизбежным.

Вслед за Шотландией в Уэльсе также стала нарастать поддержка расширения автономии по шотландскому образцу, включая передачу налоговых полномочий, при этом, как было отмечено выше, идея отделения никогда не пользовалась в Уэльсе такой же поддержкой, как в Шотландии. После прихода к власти в Вестминстере партия консерваторов сформировала в Уэльсе

Комиссию Силка (по имени ее председателя Пола Силка), которая должна была рассмотреть два вопроса: о создании специальных финансовых механизмов для Национальной ассамблеи Уэльса и о том, следует ли передать ей какие-либо дополнительные полномочия. В результате Комиссия опубликовала два доклада: в 2012 и в 2013 гг., рекомендовав расширить автономию региона по шотландской модели [Convery 2014].

Следует отметить, что Комиссия Силка была одним из подобных органов, готовивших доклады по различным вопросам территориального управления, включая Комиссии Калмана и Смита по передаче полномочий Шотландии, Комиссию Палат общин по последствиям деволюции, Комитет по политической и конституционной реформе (для Англии). То есть правительство Д. Кэмерона, так же как и правительство Т. Блэра отказались от системного подхода к проведению конституционной реформы и даже не пытались анализировать последствия реформы управления одним регионом для остальных частей страны. Правительство только ситуационно реагировало на возникающие вызовы. По образному выражению редактора журнала Conservative Home П. Гудмана, «если некоторые другие страны похожи на особняки в стиле Баухауза, спроектированные как единое целое, то Соединенное Королевство похоже на старинный загородный дом, который с течением времени постоянно достраивался и ремонтировался. В результате он выполнен в самых разных стилях и поддерживается в целости с помощью строительных лесов [Andrews 2021].

Со стороны такая конструкция может показаться неустойчивой, однако, по мнению Л. Эндрюса, это недооценивает политическую гибкость Консервативной партии: «Построение строительных лесов как стратегия, укрепление позиций, преодоление путаницы – вот консервативный подход к управлению государством на протяжении 150 лет» [Andrews 2021].

4. Региональная политика Великобритании и Брекзит

Серьезным испытанием верности данного подхода стал Брекзит, в ходе которого выкристаллизовалась и ярко проявилась давняя конституционная двусмысленность в территориальном устройстве Великобритании. Как отмечают многие исследователи [см., например, Keating 2022; Daniels 2021; Sandford, Gormley-Heenan 2020; Murphy, Evershed 2021; Lagana 2021], инстинктивной реакцией консерваторов в этой ситуации стало их традиционное стремление к унионизму, т.е. попытке возрождения Великобритании как традиционного унитарного государства, основанного на принципе парламентского суверенитета. Этим объясняется занятая правительством позиция: отказ регионам в праве участвовать в выработке соглашения о выходе из ЕС и включение в билль «О выходе из Европейского союза» нормы о «заморозке»

возвращаемых из ЕС полномочий (в первоначальной редакции эта норма гласила, что все возвращаемые полномочия сначала становятся полномочиями центрального правительства и только потом будут постепенно передаваться регионам). Интересно, что разработчики билля аргументировали это тем, что, поскольку эти вопросы подпадали под действие права ЕС, полномочия по их законодательному регулированию фактически никогда не передавались регионам, и теперь законодательство Великобритании просто заменит право ЕС [Keating 2022].

Позже в Акте 2020 г. о внутреннем рынке была закреплена система взаимного признания товаров и услуг, которая оставляет гораздо меньше возможностей для установления регионами собственных отличных друг от друга правил, чем это было доступно в рамках режима внутреннего рынка ЕС. В Белой книге, представляющей этот акт, было прямо указано, что такой порядок регулирования внутреннего рынка основан на том, что Великобритания является «унитарным государством» [UK internal market]. Таким образом, правительство страны использовало инструмент предполагаемой отмены, чтобы, не меняя законодательство о статусе регионов, лишить их части ранее переданных полномочий.

Однако, как было показано выше, региональные элиты имели принципиально иной взгляд на «территориальную конституцию» страны. В результате сразу после запуска процедуры выхода из ЕС первый министр Шотландии Н. Стерджен заявила, что правительство страны должно уважать голоса жителей Шотландии, проголосовавших против выхода из ЕС, что Брекзит является «существенным изменением обстоятельств» и делает возможным проведение нового референдума о независимости Шотландии.

В декабре 2016 г. правительство Шотландии опубликовало документ под названием «Место Шотландии в Европе» (Scotland's Place in Europe) [Reid 2017], в котором предложило три компромиссных варианта, которые, по утверждению Н. Стерджен, устранят угрозу независимости. Однако ни один из этих вариантов правительством страны даже не рассматривался [McHarg 2018].

Одновременно разгорелся спор относительно того, должно ли быть учтено мнение регионов в процессе запуска процедуры выхода из ЕС, вылившееся в судебное разбирательство, в результате которого Верховный суд Великобритании отказал Уэльсу и Шотландии, ссылавшимся на Конвенцию Сьюэла, указав, что эта Конвенция, даже будучи закрепленной в актах парламента, все равно остается политической декларацией, а не юридически обязательной нормой, поэтому согласия регионов на принятие парламентом решения о выходе из ЕС не требуется.

К 2018 г. напряженность достигла апогея, когда парламент Шотландии принял билль о юридической преемственности при выходе из ЕС (Шотлан-

дия)[2], который гласил, что правительство Шотландии обладает полномочиями по подготовке к Брекзиту, аналогичными тем, которые были предоставлены правительству Великобритании. И хотя Верховный суд Великобритании признал, что большая часть билля выходит за рамки компетенции шотландского парламента, сам факт его принятия достаточно красноречиво демонстрирует готовность региона бороться за свои полномочия и, при необходимости, принимать собственные законы, которые будут дублировать (а, возможно, и противоречить) законам страны.

Позиция Уэльса была значительно сдержаннее. Во-первых, это единственный регион, большинство населения которого проголосовало за выход из ЕС («за» – 52,5%, «против» – 47,5%). Во-вторых, уже в процессе Брекзита, Уэльс был менее настойчив в своих требованиях. И хотя сначала он поддержал Шотландию в споре с Вестминстером и даже опубликовал собственное видение по вопросу Брекзита в трех документах: «Брекзит и деволюция» (Brexit and devolution) (июнь 2017 г.) и «Брекзит и справедливое передвижение людей» (Brexit and Fair Movement of People) (сентябрь 2017 г.), а также в билле о преемственности, аналогичном Шотландскому. Однако затем правительство Уэльса пошло на переговоры с правительством страны и согласовало билль о выходе из ЕС.

В Северной Ирландии вопрос выхода из ЕС наложился на нарастающую напряженность между двумя общинами и «культурную войну», вылившись в прямое столкновение по вопросам поддержки возобновляемых источников энергии, которое завершилось в начале 2017 г. отставкой заместителя первого министра от Шинн Фейн М. Макгиннесса. Этот шаг привел к очередной длительной приостановке в работе органов власти этого региона и введению прямого правления из Вестминстера, что лишило Северную Ирландию возможности хоть как-то влиять на процесс Брекзита [Murphy, Evershed 2021].

Таким образом, правительство Великобритании столкнулось с ситуацией, когда ему потребовалось в крайне сжатые сроки найти достойную альтернативу существовавшим до выхода из ЕС политическим и финансовым инструментам противодействия сецессии национальных регионов страны, прежде всего Шотландии, а также, потенциально, Северной Ирландии, которая могла либо пойти на отделение в случае появления границы между Великобританией и Республикой Ирландией, либо постепенно отдалиться от страны экономически (при создании таможенной границы между Великобританией и Северной Ирландией). Это означало необходимость формирования принципиально новых механизмов взаимодействия и согласования принимаемых решений между правительством страны и регионами по трем ключевым направлениям:

2. В конце концов этот проект получил 29 января 2021 г. королевское одобрение как UK Withdrawal from the European Union (Continuity) (Scotland) Act 2021.

формирование общих правовых рамок в отношении переданных полномочий, которые бы гарантировали, с одной стороны, достаточный уровень самоуправления, с другой – достаточный уровень единообразия; формирование институтов для взаимодействия и управления в тех областях, которые будут пересекаться; разработка, ратификация и реализация новых международных соглашений.

Для этого был сформирован Совместный комитет министров (по переговорам с ЕС) (Joint Ministerial Committee (European Negotiations) (JMC(EN)), который в октябре 2017 г. приступил к разработке «Общих рамок». Суть данного механизма заключается в том, что представители правительства Великобритании и администраций Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии совместно вырабатывают некие общие правила в определенных областях, при этом регионы сохраняют право самостоятельно определять, как реализовывать эти правила. Таким образом, «общие рамки» допускают определенную степень расхождения в региональной политике внутри Великобритании, но, в то же время способствуют согласованным подходам между регионами, если те решат, что такая согласованность принесет пользу.

Все необходимые нормативные акты на сегодня уже приняты, а сами «Общие рамки» все еще проходят процедуру согласования, после окончания которой они станут новыми политическими соглашениями (конкордатами), заключенными между национальным правительством и правительствами трех регионов – Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии.

5. Заключение

Подводя итог, следует признать, что правительство Великобритании на протяжении всей истории придерживалось юнионистских взглядов на «территориальную конституцию» страны, однако при этом никогда не использовало системного подхода к институционализации конституционного статуса входящих в состав страны регионов. В рамках укоренившейся конституционной традиции правящие элиты предпочитали сохранять «конституционную двусмысленность», которая позволяла удовлетворять национальные амбиции регионов, а правительству страны при необходимости обращаться к традиционной концепции Великобритании как унитарного государства, построенного на краеугольном принципе парламентского суверенитета.

Данный подход позволял избегать «острых» вопросов, решая возникающие вызовы с помощью «кулуарной политики». Брекзит стал тем политическим и конституционным шоком, который высветил недостатки данной конституционной традиции Великобритании и едва не привел к распаду страны, поскольку слишком жесткий подход центрального правительства вызвал крайне негативную реакцию региональных политических элит. Однако гиб-

кость британской конституции позволила довольно быстро снять напряжение путем формирования традиционного для страны механизма неформальных переговоров и выработки согласованных политических позиций.

При этом интересы самих регионов довольно заметно различаются. Так, для Северной Ирландии важно, прежде всего, сохранение прозрачной границы на острове, для Уэльса – сохранение его культурной самобытности. Наиболее амбициозным регионом является Шотландия, имеющая собственное видение социально-экономической политики и довольно развитое чувство национальной идентичности.

Однако тем не менее можно ожидать в ближайшей перспективе, что если не произойдут новые шоковые события, такие как Брекзит, экономический кризис или COVID-19, то Великобритании удастся сохранить территориальную целостность при помощи традиционных инструментов «конституционного молчания», «кулуарной политики» и «ситуационной политики», придающих необходимую гибкость взаимоотношениям центра и регионов.

Библиография

Andrews L. The Forward March of Devolution Halted – and the Limits of Progressive Unionism // The Political Quarterly. 2021. Vol. 92. № 3. P. 512–521. URL: https://doi.org/10.1111/1467-923X.13044 (дата обращения: 01.08.2022).

Anthony G. Devolution, Brexit and the Sewel Convention, London: Constitution Society. 2018. 16 p. URL: https://www.consoc.org.uk/wp-content/uploads/2018/04/Gordon-Anthony-Devolution-Brexit-and-the-Sewel-Convention-1.pdf (дата обращения: 01.08.2022).

Blondel J. Voters, parties, and leaders. The social fabric of British politics. Penguin Books, 1974. 271 p.

Bogdanor V. The New British Constitution. Hart Publishing, 2009. 336 p.

Convery A. Devolution and the Limits of Tory Statecraft: The Conservative Party in Coalition and Scotland and Wales // Parliamentary Affairs. 2014. Vol. 67. Issue 1. P. 25–44. URL: https://doi.org/10.1093/pa/gst020 (дата обращения: 01.08.2022).

Daniels L.A., Kuo A. Brexit and Territorial Preferences: Evidence from Scotland and Northern Ireland // The Journal of Federalism. 2021. Vol. 51. Issue 2. P. 186–211. URL: https://doi.org/10.1093/publius/pjab004 (дата обращения: 01.08.2022).

Durkheim E. The division of labour in society. The Macmillan Company, 1960. 462 p. URL: http://fs2.american.edu/dfagel/www/Class%20Readings/Durkheim/Division%20Of%20Labor%20Final%20Version.pdf (дата обращения: 01.08.2022).

Edgerton D. The Rise and Fall of the British Nation. A Twentieth-Century History. Penguin, 2019. 720 p.

Hazell R. Out of Court: Why Have the Courts Played No Role in Resolving Devolution Disputes in the United Kingdom? // The Journal of Federalism. 2007. Vol. 37. Issue 4. P. 578–598. URL: https://doi.org/10.1093/publius/pjm020 (дата обращения: 01.08.2022).

Jeffery Ch. Devolution in the United Kingdom: Problems of a Piecemeal Approach to Constitutional Change // The Journal of Federalism. 2009. Vol. 39. Issue 2. P. 289–313. URL: https://doi.org/10.1093/publius/pjn038 (дата обращения: 01.08.2022).

Jones R.W., Scully R. Devolution and Electoral Politics in Scotland and Wales // The Journal of Federalism. 2006. Vol. 36. Issue 1. P. 115–134. URL: https://doi.org/10.1093/publius/pji034 (дата обращения: 01.08.2022).

Keating M. Between two unions: UK devolution, European integration and Brexit // Territory, Politics, Governance. 2022. P. 1–18. URL: https://doi.org/10.1080/21622671.2022.2050939 (дата обращения: 01.08.2022).

Keating M. State and Nation in the United Kingdom: The Fractured Union. Oxford Academic Press, 2021. 256 p. URL: https://doi.org/10.1093/oso/9780198841371.001.0001 (дата обращения 01.08.2022).

Lagana G. Has the European Union empowered the regions? A pre- and post-Brexit preliminary investigation of the United Kingdom // European Urban and Regional Studies. 2021. Vol. 28, № 1. P. 34–39.

MacCormick N. Questioning Sovereignty: Law, State, and Nation in the European Commonwealth. Oxford Academic Press, 1999. 224 p.

McCann Ph. The UK regional-national economic problem. Geography, globalisation and governance. Routledge, 2017. 576 p.

McHarg A. Navigating without maps: Constitutional silence and the management of the Brexit crisis // International Journal of Constitution Law. 2018. Vol. 16. № 3. P. 952–968.

Murphy M.C., Evershed J. Contesting sovereignty and borders: Northern Ireland, devolution and the Union // Territory, Politics, Governance. 2021. URL: https://doi.org/10.1080/21622671.2021.1892518 (дата обращения: 01.08.2022).

Reid C.T. Brexit and the devolution dynamics // Environmental Law Review. 2017. Vol. 19. № 1. P. 3–5.

Rokkan S, Urwin D W Economy, territory, identity: politics of West European peripheries. London: Sage, 1983. 218 p.

Sandford M., Gormley-Heenan C. «Taking Back Control», the UK's Constitutional Narrative and Schrodinger's Devolution // Parliamentary Affairs. 2020. Vol. 73. Issue 1. P. 108–126. URL: https://doi.org/10.1093/pa/gsy039 (дата обращения: 01.08.2022).

UK internal market. Policy paper // Official website of the UK government. URL: https://www.gov.uk/government/publications/uk-internal-market (дата обращения: 01.08.2022).

Walker G. John P. Mackintosh, Devolution and the Union // Parliamentary Affairs. 2013. Vol. 66. Issue 3. P. 557–578. URL: https://doi.org/10.1093/pa/gss002 (дата обращения: 01.08.2022).

Wincott D. Brexit and the state of the United Kingdom / The Routledge handbook of the politics of Brexit / eds. P. Diamond, P. Nedergaard, B. Rosamond. Routledge, 2018. P. 15–26. URL: https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781315169613-2/brexit-state-united-kingdom-daniel-wincott (дата обращения: 01.08.2022).

Wren C. Regional Grants: Are They Worth It? // Fiscal Studies. 2005. Vol. 26. Issue 2. P. 245–275.

References

Andrews L. The Forward March of Devolution Halted – and the Limits of Progressive Unionism The Political Quarterly. 2021. Vol. 92. N 3. P. 512–521. URL: https://doi.org/10.1111/1467-923X.13044 (date of access: 01.08.2022).

Anthony G. Devolution, Brexit and the Sewel Convention, London: Constitution Society. 2018. 16 p. URL: https://www.consoc.org.uk/wp-content/uploads/2018/04/Gordon-Anthony-Devolution-Brexit-and-the-Sewel-Convention-1.pdf (date of access: 01.08.2022).

Blondel J. Voters, parties, and leaders. The social fabric of British politics. Penguin Books, 1974. 271 p.

Bogdanor V. The New British Constitution. Hart Publishing, 2009. 336 p.

Convery A. Devolution and the Limits of Tory Statecraft: The Conservative Party in Coalition and Scotland and Wales. Parliamentary Affairs. 2014. Vol. 67. Issue 1. P. 25–44. URL: https://doi.org/10.1093/pa/gst020 (date of access: 01.08.2022).

Daniels L.A., Kuo A. Brexit and Territorial Preferences: Evidence from Scotland and Northern Ireland. The Journal of Federalism. 2021. Vol. 51. Issue 2. P. 186–211. URL: https://doi.org/10.1093/publius/pjab004 (date of access: 01.08.2022);

Durkheim E. The division of labour in society. The Macmillan Company, 1960. 462 p. URL: http://fs2.american.edu/dfagel/www/Class%20Readings/Durkheim/Division%20Of%20Labor%20Final%20Version.pdf (date of access: 01.08.2022).

Edgerton D. The Rise and Fall of the British Nation. A Twentieth-Century History. Penguin, 2019. 720 p.

Hazell R. Out of Court: Why Have the Courts Played No Role in Resolving Devolution Disputes in the United Kingdom? The Journal of Federalism. 2007. Vol. 37. Issue 4. P. 578–598. URL: https://doi.org/10.1093/publius/pjm020 (date of access: 01.08.2022).

Jeffery Ch. Devolution in the United Kingdom: Problems of a Piecemeal Approach to Constitutional Change. The Journal of Federalism. 2009. Vol. 39. Issue 2. P. 289–313. URL: https://doi.org/10.1093/publius/pjn038 (date of access: 01.08.2022).

Jones R.W., Scully R. Devolution and Electoral Politics in Scotland and Wales. The Journal of Federalism. 2006. Vol. 36. Issue 1. P. 115–134. URL: https://doi.org/10.1093/publius/pji034 (date of access: 01.08.2022).

Keating M. Between two unions: UK devolution, European integration and Brexit. Territory, Politics, Governance. 2022. P. 1–18. URL: https://doi.org/10.1080/21622671.2022.2050939 (date of access: 01.08.2022).

Keating M. State and Nation in the United Kingdom: The Fractured Union. Oxford Academic Press, 2021. 256 p. URL: https://doi.org/10.1093/oso/9780198841371.001.0001 (date of access: 01.08.2022).

Lagana G. Has the European Union empowered the regions? A pre- and post-Brexit preliminary investigation of the United Kingdom. European Urban and Regional Studies. 2021. Vol. 28, N 1. P. 34–39.

MacCormick N. Questioning Sovereignty: Law, State, and Nation in the European Commonwealth. Oxford Academic Press, 1999. 224 p.

McCann Ph. The UK regional–national economic problem. Geography, globalisation and governance. Routledge, 2017. 576 p.

McHarg A. Navigating without maps: Constitutional silence and the management of the Brexit crisis. International Journal of Constitution Law. 2018. Vol. 16. N 3. P. 952–968.

Murphy M.C., Evershed J. Contesting sovereignty and borders: Northern Ireland, devolution and the Union. Territory, Politics, Governance. 2021. URL: https://doi.org/10.1080/21622671.2021.1892518 (date of access: 01.08.2022).

Reid C.T. Brexit and the devolution dynamics. Environmental Law Review. 2017. Vol. 19. N 1. P. 3–5.

Rokkan S., Urwin D.W. Economy, territory, identity: politics of West European peripheries. London: Sage, 1983. 218 p.

Sandford M., Gormley-Heenan C. «Taking Back Control», the UK's Constitutional Narrative and Schrodinger's Devolution. Parliamentary Affairs. 2020. Vol. 73. Issue 1. P. 108–126. URL: https://doi.org/10.1093/pa/gsy039 (date of access: 01.08.2022).

UK internal market. Policy paper // Official website of the UK government. URL: https://www.gov.uk/government/publications/uk-internal-market (date of access: 01.08.2022).

Walker G. John P. Mackintosh, Devolution and the Union. Parliamentary Affairs. 2013. Vol. 66. Issue 3. P. 557–578. URL: https://doi.org/10.1093/pa/gss002 (date of access: 01.08.2022).

Wincott D. Brexit and the state of the United Kingdom. The Routledge handbook of the politics of Brexit / eds. P. Diamond, P. Nedergaard, B. Rosamond. Routledge, 2018. P. 15–26. URL: https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781315169613-2/brexit-state-united-kingdom-daniel-wincott (date of access: 01.08.2022).

Wren C. Regional Grants: Are They Worth It? // Fiscal Studies. 2005. Vol. 26. Issue 2. P. 245–275.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

DOI: 10.31249/rsm/2023.03.16

Г.Е. Гиголаев

РЕЦ. НА: ОКОНЧАНИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННИКОВ И ИСТОРИКОВ: 1985–1991 / ПОД РЕД. О.В. ПАВЛЕНКО, В.И. ЖУРАВЛЕВОЙ. М.: РГГУ, 2021. 300 с.

Аннотация. *Три десятилетия, прошедшие с окончания холодной войны представляют собой довольно комфортную дистанцию, с которой можно рассмотреть и осмыслить этот процесс. Особую актуальность этому вопросу придает начавшееся в последние годы новое обострение в отношениях между Востоком и Западом, которое ставит под вопрос существование миропорядка, сложившегося в результате завершения холодной войны. Рассматриваемая в рецензии книга представляет собой коллективное усилие российских и западных историков осмыслить некоторые важные процессы и аспекты заключительного этапа холодной войны. Отправной точкой для создания рассматриваемого коллективного труда выступила весьма представительная международная конференция, проведенная в Российском государственном гуманитарном университете в 2019 г. Именно на базе избранных 15 докладов участников конференции (известных ученых, представляющих Россию, США и Австрию) подготовлены главы коллективной монографии. Книга состоит из трех частей, выделенных по тематическому принципу. В первой части работы рассматриваются внешние и внутренние факторы, а также альтернативы в процессе завершения холодной войны с точки зрения советско-американских отношений. Вторая часть посвящена европейскому измерению процесса окончания холодной войны, главным образом, Германии и восточноевропейским странам. В третьей части, посвященной изменению настроений в советском и американском обществе, рассматриваются проблемы взаимного восприятия, народной дипломатии и научной дипломатии в процессе окончания биполярного противостояния. Книга представляет собой полезный пример академического диалога по актуальной и дискуссионной исторической проблеме, что приобретает особое значение в условиях замораживания научных связей между Россией и Западом.*

Ключевые слова: *международные отношения; международная безопасность; холодная война; новое политическое мышление; научная дипломатия.*

Гиголаев Герман Ефимович – кандидат исторических наук, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, доцент Государственного академического университета гуманитарных наук. Россия, Москва.
E-mail: g.e.gigolaev@yandex.ru

Gigolaev G.E. Review of the End of the Cold War in Representations of Its Contemporaries and Historians: 1985–1991 / ed. by O.V. Pavlenko, V.I. Zhuravleva. M.: RGGU, 2021. 300 p.

Abstract. *The three decades that have passed since the end of the Cold War represent a comfortable distance to consider and comprehend this process. The new tensions in relations between East and West that have begun in recent years, which call into question the existence of the world order formed as a result of the end of the Cold War, give special relevance to this issue. The book reviewed in this overview is a collective effort by Russian and Western historians to comprehend some important processes and aspects of the final stage of the Cold War. The starting point for the creation of the collective work was a very representative international conference held at the Russian State University for the Humanities in 2019. It is on the basis of the selected fifteen reports of the conference participants (well-known scientists representing Russia, the US, and Austria) that the chapters of the collective monograph were prepared. The book consists of three parts, divided according to the thematic principle. The first part of the work examines external and internal factors, as well as alternatives in the process of the end of the Cold War from the point of view of Soviet-American relations. The second part is devoted to the European dimension of the end of the Cold War, mainly Germany and Eastern European countries. The third part, devoted to changing attitudes in Soviet and American society, examines the problems of mutual perception, public diplomacy, and scientific diplomacy in the process of ending the bipolar confrontation. The book is a useful example of academic dialogue on an urgent and often discussed historical problem, which acquires particular importance in the context of the freezing of scientific ties between Russia and the West.*

Keywords: *international relation; international security; cold war; new political thinking; scientific diplomacy.*

Gigolaev German Efimovich – Candidate of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the State Academic University for the Humanities. Russia, Moscow.
E-mail: g.e.gigolaev@yandex.ru

В 2019 г. в стенах Российского государственного гуманитарного университета прошла трехдневная международная конференция «Поворотные моменты в окончании “холодной войны”: взгляд с Запада и с Востока. 1989–2019» [Журавлева 2019, с. 209–211]. В конференции приняли участие ведущие российские специалисты, представляющие как университеты, так и академические научно-исследовательские институты, а также зарубежные ученые из стран Европы, Азии и Северной Америки. Был представлен дипломатический корпус, выступали непосредственные участники событий. Помимо пленарного заседания программа конференции включала в себя несколько секций и тема-

тических круглых столов, посвященных таким блокам тем, как завершение холодной войны в Европе, роль народной дипломатии в ее завершении, отражение проблематики холодной войны в историографии и теории международных отношений, концепт «новой холодной войны» и т.д.

Книга, которой посвящена настоящая рецензия, как заявлено самими редакторами, является, во многом, результатом указанного выше научного мероприятия и состоявшегося в его рамках научного диалога. Тем не менее данная коллективная монография является таковой в полном смысле этого слова (это представляется необходимым отметить, принимая во внимание чрезмерную популярность этого названия в современном научном книгоиздании, хотя подчас за ним скрываются обычные сборники научных статей). Из нескольких десятков пленарных и секционных докладов, сообщений в рамках круглых столов были отобраны 15 тем, составивших 14 глав (плюс еще один вводный материал к разделу). Указанные структурные элементы были интегрированы в три тематических блока, связанные внутренним единством. Авторами стали одиннадцать российских, один австрийский и три американских ученых, представляющих ведущие научные и образовательные организации своих стран. Большинство членов авторского коллектива – ученые с мировым именем.

Первый тематический блок посвящен роли внутренних и внешних факторов и альтернативным сценариям развития событий в процессе окончания холодной войны (авторы О.В. Павленко, В.О. Печатнов, М. Крамер (США), Д. Холловэй (США), А.Б. Безбородов). В фокусе внимания находятся советско-американские отношения, советская дипломатия (включая то, что можно назвать ее «кухней»), военно-промышленный комплекс, ядерный фактор.

Второй раздел посвящен европейскому измерению процесса окончания холодной войны и трансформациям, которые последовали непосредственно за этим окончанием (авторы С. Карнер (Австрия), А.С. Стыкалин, Ф.О. Трунов, Б.Л. Хавкин. С.А. Романенко, Н.А. Цветкова). Если в первом блоке освещаются вопросы, связанные с двумя главными акторами в рамках биполярной системы международных отношений (в той степени, в которой о таковой можно говорить по состоянию на вторую половину 1980-х годов) – СССР и США, то в этой части книги речь идет о Европе, в которой, как известно, пролег первый «фронт» холодной войны и которая играла важную роль в процессе завершения этого противостояния. Учитывая важность «германского вопроса» как в развязывании, так и в завершении холодной войны, неудивительно, что наибольшее количество материалов посвящено Германии и Центральной Европе в целом.

Третий блок касается «человеческого измерения» процесса завершения холодной войны, в том, как советские и американские граждане взаимодействовали вне рамок традиционной государственной дипломатии, как они

непосредственно воспринимали друг друга (авторы Д. Фоглесонг (США), В.И. Журавлева, М.М, Сиротинская, Н.И. Ажгихина). Рассмотрены вопросы, связанные с «народной дипломатией», «научной дипломатией» и имагологией, в частности изменением визуальных образов противоположной стороны в советско-американских отношениях.

Наверное, нет необходимости подробно останавливаться на тематике каждой из глав данного коллективного труда, поскольку они были тщательно проанализированы в развернутой и блестяще выполненной рецензии известного отечественного специалиста по истории холодной войны А.М. Филитова, опубликованной в прошлом году в журнале «Новая и новейшая история» [Филитов 2022]. Следует отметить в целом важность, и даже злободневность, вышедшего труда (хотя, возможно, это прозвучит не вполне комплиментарно для фундаментального исторического исследования). Действительно, он был подготовлен и вышел в свет тогда, когда рушилась архитектура международной безопасности, установленная как раз в исследуемый в нем период. В 2019 г., как известно, с подачи США, фактически прекратил свое действие Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) 1987 г., являвшийся наиболее явным показателем прекращения гонки стратегических наступательных вооружений). Уже с середины 2010-х годов, на фоне обострения отношений между Россией и Западом, в комментариях экспертов и публицистов все чаще стало упоминаться словосочетание «новая холодная война». Причем, если говорить о современной фазе противостояния Россия – Запад, она больше напоминает ранний, наиболее острый период, когда каналы для взаимодействия, в том числе неформального, были очень ограничены, а правила поведения в условиях биполярной конфронтации, еще находились в стадии формирования (понадобилась череда международных кризисов, включая Карибский, чтобы они, наконец, сложились). Безусловно, с точки зрения профессиональных историков, холодная война, как исторический феномен, со всеми присущими ему уникальными чертами, завершилась в конце 1980-х годов, и то, что происходит сейчас, должно называться как-то иначе, но определенные параллели – налицо. В связи с этим серьезное международное научное исследование, посвященное окончанию холодной войны, каковым является работа, подготовленная коллективом авторов под руководством О.В. Павленко и В.И. Журавлевой, однозначно должна стать настольной книгой не только для ученых и студентов-историков и международников, но и для более широкого круга читателей, включая дипломатов и всех тех, кто участвует в процессе принятия решений во внешнеполитической сфере. Поскольку любая конфронтация рано или поздно заканчивается, обобщение исторического опыта, представленное в данной работе, будет полезно в том числе с точки зрения того, как нельзя выходить из конфликта. Анализ положения дел в позднем СССР позднесоветской («горбачевской») внешней

политики, который дан в коллективной монографии (в том числе американскими учеными), возможно, будет определенным подспорьем для того, чтобы избегать повторения в будущем ошибок, аналогичных тем, что были допущены советским руководством. В связи с этим особенно интересны рассуждения В.О. Печатнова о шансах сторон на победу и об альтернативных исходах завершения холодной войны. Вопрос альтернативных вариантов поднимается и в других текстах, например Б.Л. Хавкина или Ф.О. Трунова, притом, что там речь идет о куда более узких вопросах, конкретно, о германском, и, порой, чисто умозрительных вариантах.

Так уж получается, что настоящая рецензия не может не перекликаться с упомянутым выше обзором А.М. Филитова. Совершенно согласен с его утверждением о том, что нельзя смешивать окончание холодной войны с распадом СССР, поскольку зафиксированное на мальтийской встрече М.С. Горбачева с Дж. Бушем в декабре 1989 г. отсутствие состояния холодной войны приходится на период существования СССР [Филитов 2022]. Это позволило ряду отечественных ученых международников говорить о попытке преобразования биполярной модели из конфронтационной в кооперационную [Богатуров 2002] (впрочем, окончившейся, как известно, неудачей). Известно, что тезис об однозначной победе Запада над СССР в холодной войне стал раскручиваться с 1990-х годов на волне возобладания на Западе триумфалистского подхода, под влиянием которого многие, ранее вполне умеренные ученые (тот же Дж.Л. Геддис), стали «скатываться» к неоортодоксии. В связи с этим необходимо отметить и существующее в научной литературе альтернативное мнение о том, что в холодной войне не было проигравших (что было, в частности, сформулировано в названии упомянутой А.М. Филитовым книги Дж.Ф. Мэтлока). Речь идет о том, что человечество было избавлено (не навсегда, как выяснилось, но на несколько десятилетий) от риска глобальной конфронтации с применением термоядерного оружия, что, конечно, представляется, как общий выигрыш. Сторонники этой трактовки окончания холодной войны говорят также о том, что СССР не проигрывал, а добровольно отказался от гонки вооружений и конфронтации с Западом. Другое дело, что именно СССР понес все издержки в процессе избавления человечества от ужасов ядерного апокалипсиса. И тот факт, что СССР, завершив холодную войну, в одностороннем порядке отказался от собственной сферы влияния (объединение Германии, произошедшее полностью на западных условиях – один из наиболее ярких примеров) заставляет усомниться в том, что холодная война завершилась общим выигрышем. Тем более, что скинув бремя гонки вооружений и поддержки стран, входивших в его сферу влияния, СССР почему-то не смог использовать ресурсы, которые должны были высвободиться после этого, для решения собственных социально-экономических проблем.

Еще один важный аспект, который освещен в книге и на который А.М. Филитов обращает особое внимание, это «научная дипломатия». Будучи сам не просто очевидцем, но и участником процесса, он показывает на ряде конкретных примеров определенные ограничения возможностей этого инструмента [Филитов 2022]. Современная ситуация, характеризующаяся почти полным разрывом научных связей между Россией и Западом (по крайней мере, на институциональном уровне), в очередной раз показывает зависимость научной сферы от политической конъюнктуры. Тем не менее потенциал «научной дипломатии», как отмечают авторы книги и как отмечали участники конференции 2019 г. в устных выступлениях, нельзя сбрасывать со счетов.

Библиография

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 377 с.

Журавлева В.И. Международный академический диалог об истории и уроках «холодной войны» // Новая и новейшая история. 2019. № 6. С. 209–211.

Окончание холодной войны в восприятии современников и историков: 1985–1991 / Под ред. О.В. Павленко, В.И. Журавлевой. М.: РГГУ, 2021. 300 с.

Филитов А.М. Как закончилась холодная война и что за этим последовало. Размышления в связи с новой книгой российских и зарубежных историков (Окончание холодной войны в восприятии современников и историков. 1985–1991 / под ред. О.В Павленко, В.И. Журавлевой. М., 2021) // Новая и Новейшая история. 2022. Выпуск 5. С. 239–246. URL: https://nni.jes.su/s013038640022420-0-1 (дата обращения: 02.05.2023).

References

Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Xrustalev M.A. Essays on the theory and political analysis of international relations [Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodny`x otnoshenij]. M.: NOFMO, 2002. 377 p. (In Russ.)

Filitov A.M. How the Cold War Ended and What Followed. Reflections on a New Book by Russian and International Historians (The End of the Cold War in the Perception of Contemporaries and Historians. 1985–1991 / eds O.V. Pavlenko, V.I. Zhuravleva. Moscow, 2021). Novaia i noveishaia istoriia. 5 (2022). P. 239–246. URL: https://nni.jes.su/s013038640022420-0-1 (date of access: 02.05.2023). (In Russ.)

Okonchanie xolodnoj vojny` v vospriyatii sovremennikov i istorikov: 1985–1991 [Review of The End of the Cold War in Representations of Its Contemporaries and Historians] / Pod red. O.V. Pavlenko, V.I. Zhuravlevoj. M.: RGGU, 2021. 300 p. (In Russ.)

Zhuravleva V.I. Mezhdunarodny`j akademicheskij dialog ob istorii i urokax «xolodnoj vojny`» [International academic dialogue on the history and lessons of the Cold War]. Novaya i novejshaya istoriya. 2019. N 6. P. 209–211. (In Russ.)

DOI: 10.31249/rsm/2023.03.17

В.П. Любин

РЕЦ. НА: RIEFER F. RUSSLANDS AUßENPOLITIK UNTER PUTIN 2000–2018: WELCHEN EINFLUSS HABEN RUSSISCHE THINK TANKS AUF DIE AUSWÄRTIGE POLITIKGESTALTUNG DES KREMLS? BERLIN: SPRINGERVS, 2020. 189 S.

Аннотация. *Наблюдение за международными отношениями и внешней политикой государств является сферой деятельности так называемых аналитических / мозговых центров. Современные государства зависят от анализа и консультирования, а также от лоббистской деятельности этих институтов политических исследований.*

Роль аналитических / мозговых центров (Think Tanks) в формировании внешней политики России является спорным вопросом среди экспертов. Некоторые эксперты утверждают, что российские аналитические центры имеют значительное влияние на формирование внешней политики Кремля, в то время как другие убеждены, что они не играют существенной роли.

Автор монографии «Внешняя политика России при Путине, 2000–2018 гг.: Какое влияние оказывают российские аналитические центры на формирование внешней политики Кремля?» немецкий ученый Феликс Рифер поставил целью изучить воздействие аналитических разработок институтов Российской академии наук и ряда ведущих российских университетов на определение внешнеполитического курса Российской Федерации в период 2000–2018 гг. Исследователь удачно применил методику политической науки и социологии. Он взял ряд интересных интервью у ведущих аналитиков. Автор приводит многочисленные примеры деятельности российских аналитических / мозговых центров и их воздействия на внешнюю политику Кремля. В целом поставленная задача автором решена. Подводя итоги исследования, Рифер подтверждает, что мозговые центры в мире превратились в пятую власть (после легислативной, исполнительной, судебной, а также «четвертой» власти массмедиа). Они оказывают ощутимое влияние на принятие решений правящих кругов. Современные государства сегодня зависят от анализа, советов, а также от посреднической, пропагандистской и лоббистской деятельности аналитических центров. В этом отношении не является исключением и Российская Федерация.

Ключевые слова: *Россия; Кремль; Путин; внешняя политика; Запад; Think Tanks.*

**Любин Валерий Петрович – доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Отдела истории Института
научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН.
Россия, Москва.
E-mail: valerij.ljubin@gmail.com**

Lubin V.P. Review of Riefer F. Russlands Außenpolitik unter Putin 2000–2018: Welchen Einfluss haben russische Think Tanks auf die auswärtige Politikgestaltung des Kremls? Berlin: SpringerVS, 2020. 189 S.

Abstract. *The author of the monograph, German scholar Felix Riefer, has set out to study the impact of the analytical developments of the institutions within the Russian Academy of Sciences and leading Russian universities on the trajectory of Russia's foreign policy during the period of 2000–2018. The researcher has successfully applied the methodology of political science and sociology. He has conducted a number of interesting interviews with leading analysts. The author provides numerous examples of the activities of Russian think tanks and their impact on the Kremlin's foreign policy. Overall, the author has achieved his objective. Summing up the research, Riefer confirms that think tanks have become the fifth power in the world (after the Legislative, Executive, Judiciary, and the «fourth» power of the mass media). They have a tangible impact on the decision-making of the ruling circles. The Russian Federation is no exception in this regard.*

Keywords: *Russia; Kremlin; Putin; foreign policy; West; Think Tanks.*

**Lyubin Valery Petrovich – Doctor of Historical Sciences,
Leading Researcher of the Department of History of INION RAS.
Russia, Moscow.
E-mail: valerij.ljubin@gmail.com**

Монография «Внешняя политика России при Путине, 2000–2018 гг.: какое влияние оказывают российские аналитические центры на формирование внешней политики Кремля?» написана Ф. Рифером по защищенной на факультете экономики и социальных наук Кёльнского университета в июле 2020 г. диссертации. В основе исследовательской работы лежат документы и интервью известных представителей академических российских институтов и университетов. Рифер попытался определить, как воздействуют разработки аналитических / мозговых центров на определение внешнеполитического курса России.

Конечно, изученный им период (еще до событий военного российско-украинского конфликта 2022 г.) надо рассматривать как отошедшую в прошлое историю другого времени. Однако для понимания хода развития между-

народной ситуации в последние годы, осмысления основных векторов внешней политики России и роли российских аналитиков и ведущих научно-аналитических центров страны представляется актуальным.

Монография является, скорее всего, одним из первых, если не первым исследованием такого рода в немецкоязычной литературе. Мне довелось участвовать в обсуждении предварительного варианта диссертации Ф. Рифера на кафедре международной и внешней политики Кёльнского университета. Полемическая дискуссия специалистов, принявших участие в обсуждении, оказалась полезной для автора и, судя по конечному варианту диссертации и изданной книге, многие критические замечания были им учтены.

Во введении к монографии дается краткая характеристика понятия «Think Tanks» или по-немецки «Denkfabriken» (в прямом переводе: «фабрики мысли»), а по-русски: «мозговые» или же «аналитические центры», и подчеркивается, что «панорама мозговых центров» России выглядит пока что малоисследованной [Riffer 2020, с. 1], хотя работы об этом, отмечает автор, выходили на Западе, начиная уже с 1990-х годов (в книге представлен краткий обзор предыдущих, в основном англоязычных трудов по избранной тематике).

Обращаясь к стратегическим параметрам внешней политики Германии, Рифер перечисляет зафиксированные в документах «коалиционных договоров» последних правительств ФРГ в 2000-е и 2010-е (в начале 1998–2005 гг. это была красно-зеленая коалиция из Социал-демократической партии Германии (СДПГ) и «Зеленых» и правительства под руководством Герхарда Шрёдера, затем «большая коалиция» из партий Христианско-демократический союз Германии / Христианско-социальный союз в Баварии (ХДС / ХСС) и СДПГ в правительствах под руководством Ангелы Меркель в 2005–2021 гг.) те главные идеи, которые определяли политику кабинетов ФРГ в отношении России [Riffer 2020, с. 9–11].

Констатируя, что в отношениях двух стран и шире – Запада и России – не все шло гладко, автор ставит вопросы, как после 30 лет с момента распада СССР и восточного блока можно объяснить неудачу сближения России с Западом? В чем состоят причины новой конфронтации? Виноваты ли в этом внешние факторы, как например, отказ Запада принять Россию как полноправного члена своих структур? Или в этом виноваты внутренние российские факторы? «При этом нередко подоплека российской внешней политики аттестуется как имперский консенсус элит или же внешняя политика интерпретируется как инструмент удержания власти элитами режима» [Riffer 2020, с. 11–12].

Автор считает, что после окончания холодной войны и принятия в западных общественных науках взглядов наподобие высказанных Ф. Фукуямой, западные ученые-обществоведы сосредоточились в основном на разработках о трансформационных процессах в странах Восточной Европы. Они пишут

о переходе «от плановой экономики в социалистических диктатурах к рыночной экономике и правовому государству» [Riffer 2020, с. 18]. Приводятся мнения немецких специалистов по странам Восточной Европы, согласно которым научные исследования в Германии актуальных проблем внутренней и внешней политики России, ее общественного и экономического развития в сравнении с прошлым периодом до 1980-х годов в последние десятилетия заметно снизились количественно и потеряли в качестве, и необходимая научная экспертиза сильно ослаблена [Riffer 2020, с. 19].

Переходя к главной теме монографии, Рифер замечает, что во все более глобализированном, дигитализированном и технологизированном мире «Think Tanks утверждаются как институты, которые собирают и фильтруют информацию и занимают место между политикой и фирмами советников» [Riffer 2020, с. 12]. Поэтому в исследовании поставлен прямой вопрос: какое влияние оказывают российские мозговые центры (Think Tanks) на курс внешней политики Кремля?

После пояснений о концепции и поле исследования, примененных методах, а также выбранных российских аналитических центрах автор переходит к анализу материала, собранного им, в том числе во время пребывания в Москве в ноябре 2018 г. в ходе интервью с учеными-международниками из российских академических и университетских центров. Среди них Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Институт США и Канады РАН, Институт Европы РАН, Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Совет по внешней и оборонной политике (СВОП). Автору удалось получить интервью у таких представителей данных структур, как А. Дынкин, С. Караганов, Ф. Лукьянов, Д. Данилов, А. Никитин, А. Зубов, А. Загорский, И. Кобринская [Riffer 2020, с. 41–43].

Рифер напоминает, что в Индексе институтов Пенсильванского университета такие российские учреждения, как московский Институт Карнеги, ИМЭМО и МГИМО, занимали соответственно 24-е, 32-е и 123-е места в исследованиях мировой политики, тогда как в Панораме исследовательских центров Центральной и Восточной Европы, у них были второе, четвертое, 12-е места. Еще один академический институт – Институт Соединенных штатов Америки и Канады им. Г.А. Арбатова (ИСКРАН) занимал в Панораме 25-е место. К названным и прочим академическим и университетским центрам, Рифер добавляет также МГУ, ВШЭ и научные учреждения регионального направления: Институт Европы РАН, Институт востоковедения РАН, Институт Африки РАН, Институт Латинской Америки РАН, Институт

Дальнего Востока РАН, а также Российский совет по международным делам (РСМД), СВОП, Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, Фонд «Русский мир», Россотрудничество.

Особое внимание уделено истории создания и деятельности, начиная с 1992 г., Российского института стратегических исследований (РИСИ), получившего с 2009 г. государственное финансирование, и его руководителей Е. Кожокина, Л. Решетникова, М. Фрадкова. Задачей института является исследование актуальных международных и военно-политических проблем. Его разработки используются также аналитическими структурами Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Публикации и выступления сотрудников РИСИ в государственных СМИ в особенности после 2012 г., по мнению автора, показывают, что они взяли на себя роль «адвокатов новой националистической политики Кремля» [Riffer 2020, с. 94].

Освещая деятельность институтов Российской Академии наук (РАН) в разделе «Старая гвардия», Рифер кратко останавливается на деятельности подразделений ИМЭМО РАН и работающих в данном институте научно-аналитических центров – Центра международной безопасности, Центра европейских исследований и др., финансовой поддержке их проектов со стороны Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ).

Автор цитирует некоторые программные статьи и доклады занимающих ведущие позиции в институте ученых, например статью В. Барановского «Новая внешняя политика России: влияние на международную систему», опубликованную в журнале «Мировая экономика и международные отношения» [Барановский 2016] с изложением и характеристикой основных изменений во внешней политике Российской Федерации за последние годы. В тот же раздел «Старая гвардия» помещены МГИМО и его ответвления в различных странах постсоветского пространства, а также в Швейцарии [Riffer 2020 с. 117–127].

В следующем разделе «Новые партизаны» характеризуется деятельность таких относительно новых мозговых центров, как НИУ ВШЭ, СВОП, РСМД, фонд Горчакова, Фонд «Русский мир», Россотрудничество [Riffer 2020, с. 127–147].

Подводя итоги исследования, Рифер приводит точку зрения Джеймса Мак Гэнна, Шейлы Ясановой и др., считающих, что мозговые центры превратились в пятую власть (после легислативной, исполнительной, судебной, а также «четвертой» власти массмедиа) [Riffer 2020, с. 149–150]. Они оказывают ощутимое влияние на принятие решений правящих кругов. В этом отношении не является исключением и Российская Федерация. Автор приводит пример прихода в руководящие политические структуры РФ директора ИМЭМО Е.М. Примакова и его деятельности на правительственных постах.

Упущением автора монографии является то, что в заключительной ее части довольно невнятно прочерчены выводы, сделанные на основе изучения собранных материалов. Читатель вправе был бы ждать более конкретных ответов на поставленные в исследовании вопросы о воздействии на внешнюю политику страны мозговых центров. Какова степень влияния теоретических разработок российских мозговых центров на определение практической «внешней политики Кремля», какие конкретные примеры за изученный 18-летний период истории показательны в этом смысле, т.е. когда эти разработки вызывали необходимые, с точки зрения аналитиков, заметные адаптивные перемены в российской политике? Насколько важным было и остается поле отношений между Россией и гегемоном Запада США?

Как еще раз подтвердили события 2022 г., западные партнеры США (страны НАТО и Евросоюза) имели и имеют малосамостоятельную политику. Почти во всем политику этих стран определяют США. Как российские аналитические центры реагировали на изменения стратегии и тактики Штатов при президентах Буше-младшем, Обаме, Трампе?

Будем надеяться, что при переиздании книги Ф. Риферу удастся более четко ответить на эти и некоторые другие, так и оставшиеся в тени вопросы. Учитывая, что ему удалось как первопроходцу в немецкой научной литературе пройти столь нелегкий путь исследования сложной темы, применить методику прямых бесед-интервью с известными представителями мозговых центров (т.е. создать текст книги не только на основе открытых публикаций и лишь по ним оценивать результаты деятельности центров, но и благодаря прямым научным контактам и личному общению), молодой автор смог достичь в целом неплохого результата, и его первая научная монография оказалась успешной.

Библиография

Барановский В. Новая внешняя политика России: влияние на международную систему // Мировая экономика и международные отношения, 2016. Т. 60. № 7. С. 5–15.

Riefer F. Russlands Außenpolitik unter Putin 2000–2018: Welchen Einfluss haben russische Think Tanks auf die auswärtige Politikgestaltung des Kremls? Berlin: SpringerVS, 2020. 189 S.

Reference

Baranovskij V. Novaya vneshnyaya politika Rossii: vliyanie na mezhdunarodnuyu sistemu [Russia's New Foreign Policy: Impact on the International System]. Mirovaya e`konomika i mezhdunarodny`e otnosheniya [Its world economy and international relations], 2016. T. 60. N 7. S. 5–15.

Riefer F. Russlands Außenpolitik unter Putin 2000–2018: Welchen Einfluss haben russische Think Tanks auf die auswärtige Politikgestaltung des Kremls? Berlin: SpringerVS, 2020. 189 S.

DOI: 10.31249/rsm/2023.03.18

Д.С. Кузякин

ЭКОСИСТЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА: ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ

Аннотация. *В данной работе речь идет о весьма актуальной на сегодняшней день теме: экосистемах современных медиа. При этом под экосистемами понимаются структурированные взаимосвязи, относящиеся к конкретным сообществам, в данном случае – к сообществам, связанным работой в медиасфере. Разговор об экосистемах в медиа идет на примере коллективной научной монографии, вышедшей из печати в Челябинске в 2021 г. Автор статьи анализирует главы книги и приходит к выводу, что ее общее название не вполне соответствует содержанию. Однако подчеркивается важность заявленной темы как для развития современных отечественных СМИ, так и для науки, изучающей современную журналистику.*

Ключевые слова: *коммуникации; средства массовой информации; современные экосистемы; С.Л. Уразова.*

Кузякин Данила Сергеевич – магистрант,
Российский государственный
гуманитарный университет (РГГУ). Россия, Москва.
E-mail: kuzyakin.danila@yandex.ru

Kuzyakin D.S. Ecosystems of modern media: approaches to the problem

Abstract. *This paper concerns a subject which is very relevant today: ecosystems of modern media. Ecosystems are defined as structured relationships related to specific communities, in this case, to communities associated with work in the media sphere. The conversation about ecosystems in the media is based on the example of a collective scientific monograph published in Chelyabinsk in 2021. The author of the article analyzes the chapters of the book and comes to the conclusion that its general title does not quite correspond to the content. However, the importance of the stated topic is emphasized both for the development of modern domestic media and for the academic study of modern journalism.*

Keywords: *communications; mass media; modern ecosystems; S.L. Urazova.*

Kuziakin Danila Sergeevich – student, Russian State University for the Humanities (RGGU). Russia, Moscow.
E-mail: kuzyakin.danila@yandex.ru

Термин «экосистема» применительно к реалиям современной жизни: бизнесу, экономике, коммуникациям, медиа – все чаще попадает в поле зрения современных исследователей. Твердого, закрепленного в гуманитарной науке определения этого термина до сих пор нет, однако конвенционально под ним понимают структурированные взаимосвязи, относящиеся к конкретному сообществу, будь то завод, финансовая корпорация, издательский дом, холдинг, в который входят различные типы СМИ, и т.п.

Коллективная монография «Экосистема медиа: цифровые модификации», вышедшая в 2021 г. в Челябинске, как раз и посвящена этому новому явлению. Судя по названию, речь в ней должна идти о конвергентной трансформации современных медиа. Авторы монографии – И.И. Волкова (главы 2, 3, 4), И.Н. Кемарская (глава 5), Л.К. Лободенко (глава 6), С.Л. Уразова (введение, глава 1, общая редакция) и Л.П. Шестеркина (глава 6).

Во введении к книге отмечается, что ее тематика призвана обосновать «процессы изменений в медиасистеме за последние десять лет, фиксирует так называемые «реперные» точки, на которых выстраиваются преобразования современных медиаструктур» [Волкова, Кемарская и др., с. 7]. Согласно введению, быстрому развитию, реформированию современных СМИ способствовала эпидемия COVID-19, ситуация вокруг которой «оказалась одновременно и точкой отсчета для активной визуализации информационного пространства, а также масштабного, точнее, повсеместного использования массовых коммуникаций в дистанционном формате, который ныне превалирует» и в прессе, и в «организационно-управленческой среде», и во многих других сферах общественной жизни [там же, с. 5)].

Однако уже к концу введения выясняется, что название монографии шире ее содержания. Вместо полного описания цифровых модификаций экосистемы медиа читателям предлагается познакомиться лишь с избранными «научными изысканиями в области современных массмедиа» [там же, с. 9)].

В том же введении можно встретить и спорные утверждения. Так, автор введения, С.Л. Уразова, пишет: «Нынешняя практика показывает, что лишь тесное взаимодействие, в частности, *города и медиа,* являющихся разными институциями, и активная интеграция медиа в городской ландшафт позволяют совершить прорыв к осознанию широкими массами методик управления цифровыми данными» [там же, с. 8] Однако неясно, какие «широкие массы» имеются в данном случае в виду, зачем этим «массам» управлять цифровыми

данными и что может явиться следствием такого «управления». В данном случае речь, вероятно, должна идти о профессионалах-управленцах, в чьи обязанности входит именно управление такого рода данными.

Можно поспорить и с другим выдвинутым во введении тезисом: «Раскрыть в полной мере преимущества цифровой цивилизации, заронить и утвердить в общественном сознании интерес к преобразованиям современного мира способны лишь массмедиа» [Волкова, Кемарская и др., с. 9]. Не берясь, естественно, оспаривать роль СМИ в современном мире, можно отметить, что «интерес к преобразованию мира» человек может получить, например, в процессе обучения, работы, формирования житейского опыта и т.п.

Первая глава, «Цифровизация и медиатизация как модусы бытования в XXI веке», посвящена развитию медиасистем в целом. Изучаются векторы трансформаций в медиапространстве и социальной среде (параграф 1), разновидности цифровых коммуникаций (параграф 2), мультиреальность коммуникаций (параграф 3) и т.д. Сложно не согласиться с выводом о том, что уровень развития СМИ, степень его цифровизации и влияния в обществе определяется, в первую очередь, «индивидуальной культурой медиапотребителей» [там же, с. 50], и только во вторую очередь – современными возможностями техники.

При этом в главе упущен важный аспект бытования современных экосистем медиа: взаимодействие различных их частей. Автор главы утверждает, что использование термина «экосистема» наиболее полно раскрывает многоаспектность «функционирования средств массовой коммуникации как институциональной системы на современном этапе развития» [там же, с. 13]. Но, к сожалению, из главы сложно сделать конкретный вывод о том, как именно выстраивается такого рода экосистема в области медиа. Теоретические рассуждения автора в данном случае почти не подкреплены примерами.

Вторая, третья и четвертая главы («Игра в теории коммуникаций», «Игровые коммуникации в интернете: сотрудничество против манипуляций», «Игры в медиапространстве») посвящены технологиям применения игры в коммуникациях. Рассмотрены способы использования игры в разных ее проявлениях: игра–технология влияния, игра-шоу, игрофикация и инфотейнмент, игровой формат. Игровые методики в современных медиа безусловно важны и при создании продукта, и при коммуникации с аудиторией, воздействия на нее с целью удержания и количественного увеличения. Можно согласиться с автором и в том, что «феномен игрового действия используется в последние годы медиаиндустрией все активнее, становясь неотъемлемым элементом при создании современного медиапродукта» [там же, с. 7]. Игровой элемент входит и в современную коммуникацию в целом, и в общение в сети Интернет, и в медиа, применяясь, в частности, в современном телевидении. Прав автор главы и в том, что «в исследованиях медиа разграничивают похожие по фор-

ме, но различные по функционально-ценностным параметрам феномены – игру как *цель* и игру как *средство*. При нарушении этических норм смешение этих феноменов чревато изменением траектории развития общества. Подмена игры игрофикацией, даже из лучших гуманных побуждений, превращает игрока (субъект) в реципиента (объект) и делает его незащищенным, доступным для манипуляций. Особенно это опасно в ситуации глобального виртуального мира» [Волкова, Кемарская и др., с. 108].

Но и тут остаются вопросы: игра безусловно влияет на формирование экосистем медиа, однако неясно, каким образом следует преодолевать негативные последствия «игрофикации» для этих экосистем.

Пятая («Телевизионные форматы: археология и футурология») и шестая («Трансформация медиакоммуникаций и Интернет-СМИ региона: кросс-коммуникативный аспект») главы представляются наиболее отвечающими общему заглавию монографии. В пятой главе изучаются телевизионные форматы и жанры, та же «геймификация», т.е. игровая основа драматургии современного телевидения, и т.п. Речь идет о том, каким образом телевидение стремится завоевать зрителя, используя при этом и традиционные – телевизионные – способы подачи контента, и способы новые, через сеть Интернет. Именно взаимодействие этих способов и создает, по мнению автора главы, искомую экосистему медиа. С автором сложно не согласиться: конвергенция, т.е. слияние воедино классических информационных технологий с технологиями современными, коммуникативными есть основа большинства существующих в наши дни медиа.

В шестой главе рассматривается проблема развития интернет-СМИ в регионах. По мнению ее авторов, «функционал региональных интернет-СМИ также подвержен структурным преобразованиям, базирующимся ныне на мультимедийности, синтезе журналистики, рекламы и PR». Проблематика создания синкретического медиапродукта действительно «затрагивает не только экономическую направленность развития массмедиа, но и характеризует окончательное превращение медиасистемы в бизнес-индустрию» [там же, с. 8].

Таким образом, заявленная в названии монографии тема – «экосистема медиа: цифровые модификации» – раскрыта явно не полностью. Большая часть работы посвящена именно развитию медиасферы, цифровизации, геймификации. Лишь в двух из шести глав речь идет о способах использования, комбинирования различных подходов для продвижения медийного контента. В работе явно не хватает примеров самих экосистем, через призму которых можно было бы показать, как все теоретические навыки, описанные в данной монографии, применяются на практике для создания экосистемы именно медиа. К тому же неясно, на каком материале написана книга: в некоторых главах речь идет об опыте российских СМИ, в других же упоминаются СМИ иностранные. Однако целостной картины развития экосистем медиа в книге нет.

Было бы очень интересно прочитать исследование, посвященное именно и только этой теме: понять взаимосвязи отдельных сегментов медиа в целом, выяснить, как начавшийся уже давно процесс цифровизации СМИ перешел в конвергенцию, какую роль в этой конвергенции играет инфотейнмент, каково место творческой личности в современной конвергентной журналистике. Такого рода обобщающая работа еще не написана, она только еще ждет своего исследователя. И проанализированная монография, вышедшая в Челябинске, вполне может стать весьма важным шагом на пути изучения современных экосистем медиа.

Библиография

Волкова И.И., Кемарская И.Н., Лободенко Л.К., Уразова С.Л., Шестеркина Л.П. Экосистема медиа: цифровые модификации / под ред. С.Л. Уразовой. Челябинск: Изд. Центр ЮУрГУ, 2021. 252 с.

References

Volkova I.I., Kemarskaja I.N., Lobodenko L.K., Urazova S.L., Shesterkina L.P. Jekosistema media: cifrovye modifikacii. Pod red. S.L. Urazovoj [Media ecosystem: digital modifications. Ed. by S.L. Urazova]. Cheljabinsk: Izd. Centr JuUrGU, 2021. 252 p.

DOI: 10.31249/rsm/2023.03.19

В.И. Леонов

«ИНФОРМИРОВАННЫЙ СОТРУДНИК» В СОВРЕМЕННОМ БИЗНЕСЕ. РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ: «ИССЛЕДУЯ ВНУТРЕННИЕ КОММУНИКАЦИИ. ГОЛОС ИНФОРМИРОВАННОГО СОТРУДНИКА» (М., 2022).

Аннотация. *В современном бизнесе все большую роль начинает играть внутренняя коммуникация: внутренние социальные сети, позволяющие установить прочные связи между высшим менеджментом компании и ее рядовыми сотрудниками. С помощью таких коммуникативных практик сотрудник из простого исполнителя превращается в инициативного соучастника бизнес-процесса, становится «информированным сотрудником». Автор статьи анализирует книгу «Исследуя внутренние коммуникации. Голос информированного сотрудника», переведенную с английского языка и вышедшую в 2022 г. в издательстве Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». В статье отмечается важность этой книги для современного российского бизнеса. Подчеркивается, что в условиях западных санкций, осложнивших развитие современной российской экономики, она дает представление о векторе развития бизнеса в России, который может позволить стране сохранить конкурентоспособность в современной мировой экономике.*

Ключевые слова: *современный бизнес; внутренние коммуникации; К. Рак; «информированный сотрудник».*

Леонов Владислав Игоревич – магистрант, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). Россия, Москва.
E-mail: ussr2000200@gmail.com

Leonov V.I. **«The Informed Employee» in Modern Business. Reflections on the book: Exploring Internal Communications. The Voice of the Informed Employee. M., 2022.**

Abstract. *In today's business, internal communication begins to play an increasingly important role in the form of internal social networks that allow the establishment of strong ties between the company's top management and its rank-and-file employees. With the help of such communication practices, an employee turns from a mere worker into a proactive*

co-participant of the business process, becoming an «informed employee». The author of this article analyzes the book «Exploring Internal Communications. The Voice of the Informed Employee», translated from English and published in 2022 by the National Research University «Higher School of Economics». The article notes the importance of this book for modern Russian business. It emphasizes that under the conditions of Western sanctions, which have complicated the development of modern Russian economy, the book provides insight into the vector of business development in Russia, which may allow the country to remain competitive in today's global economy.

Keywords: *modern business; internal communications; K. Ruck; «the informed employee».*

Leonov Vladislav Igorevich – student, Russian State University for the Humanities (RGGU). Russia, Moscow.
E-mail: ussr2000200@gmail.com

В 2022 г. издательство Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» выпустило переведенную с английского языка книгу «Исследуя внутренние коммуникации. Голос информированного сотрудника» под редакцией Кевина Рака. Задача этой книги – помочь участникам бизнес-процесса в организации менеджмента компаний, обеспечив тем самым их конкурентоспособность в условиях современной высокой конкуренции.

О том, что эта книга будет весьма востребована в России, уверенно говорит А. Векслер, автор предисловия к переводному изданию. По ее мнению, главная ценность книги – в том, что она учит, «используя внутренние коммуникации, постепенно формировать новый модус – корпоративную культуру участия или соучастия». В этом «новом модусе» сотрудник компании «из объекта воздействия становится полноправным партнером и участником коммуникаций» [Исследуя внутренние коммуникации, с. 14]. Рецензируемая книга безусловно является одним из самых масштабных современных трудов в области внутренней коммуникации. Это обязательное пособие для практикующих специалистов в области внутренней коммуникации, PR и управления персоналом, которые хотят, чтобы их практика была направлена на максимально эффективное вовлечение сотрудников в жизнь компании.

Кевин Рак, под чьей редакцией вышла книга, – известный эксперт в области организации бизнеса, основатель английской PR Academy, крупнейшего центра квалификаций CIPR, предоставляющего образование, тренинг и коучинг для коммуникационных специалистов. Он имеет большой опыт работы: провел около 20 лет на различных должностях в секторах телекоммуникаций и ИКТ. В последние годы К. Рак инициировал и разработал

программу обучения менеджеров – специалистов по внутренним коммуникациям в бизнес-компаниях.

Книга состоит из нескольких глав, написанных разными исследователями и практиками. Первая – и, пожалуй, важнейшая в книге – глава, «Теория внутренних коммуникаций», написана самим К. Раком в соавторстве с Х. Яксли. Речь в этой главе идет, в частности, о том, как новые медиа меняют лицо компаний, бросают вызов монополии корпоративных СМИ, когда связь была односторонней: руководители компаний и высший менеджмент через такого рода СМИ доносили до сотрудников тот объем информации, который, по мнению руководителей, этим сотрудникам необходимо было знать.

В главе речь идет и о происхождении практики внутренних коммуникаций в современных компаниях. Авторы отмечают: «Практика современных внутренних коммуникаций восходит к публикациям, написанным сотрудниками и для сотрудников. Впоследствии материалы начали редактировать бывшие журналисты, которые перешли в компании и стали корпоративными редакторами» [Исследуя внутренние коммуникации, с. 44]. Появление такого рода публикаций свидетельствует, что руководители организаций начали осознавать ценность своих сотрудников и важность их взаимодействия как с высшим менеджментом, так и друг с другом.

В книге отмечается, что правильное функционирование современного менеджмента невозможно без понимания организационной культуры – т.е. совокупности способов организации жизни, структуры и связей, сформировавшихся в той иди иной компании. Организационная культура подразумевает привычный способ действий, в большей или меньшей степени разделяемый всеми членами коллектива. Чтобы быть принятым в коллективе, необходимо этому способу действий следовать [там же, с. 54–55]. Описанию этого понятия применительно к разного рода бизнес-ситуациям посвящена вторая глава книги, которая так и называется – «Организационная культура» (автор – Д. МакАлисэ).

В третьей главе, «Аспекты внутренних коммуникаций и их использование для вовлеченности сотрудников» (автор – М. Уэли), приводится множество конкретных моделей, советов и кейс-исследований, делающих книгу в целом незаменимым инструментом как для обучающихся менеджменту, так и для тех, кто давно и успешно работает в бизнесе. «Эффективные внутренние коммуникации, – подчеркивает М. Уэли, – жизненно важны для успешных организаций, так как влияют на способность стратегического менеджмента добиваться вовлеченности персонала и достигать намеченных целей. Внутренние коммуникации происходят в организации постоянно и на разных уровнях: от неформальных разговоров и обсуждения слухов до управляемых коммуникаций» [там же, с. 75].

Четвертая глава посвящена практике внутренних коммуникаций в Великобритании. Она написана самим К. Раком; автор анализирует собственный опыт построения такого рода коммуникаций.

В пятой и шестой главах рецензируемой монографии – «Голос информированного сотрудника» (автор – К. Рак) и «Коммуникации изменений» (автор – П. Харрисон) речь идет о новом типе сотрудников в успешных бизнес-корпорациях. «Голос информированного сотрудника» – это, согласно определению К. Рака, «процесс непрерывного диалога между сотрудниками и менеджерами, где сотрудникам регулярно предоставляется возможность выражать свои взгляды, тревоги, идеи и выдвигать практические предложения, касающиеся организации на всех уровнях менеджмента, где такую коммуникацию искренне приветствуют, принимают всерьез, рассматривают и дают на нее честные ответы». [Исследуя внутренние коммуникации, с. 134]. Такой подход имеет решающее значение для построения доверия и формирования позитивной культуры современного бизнеса.

В отличие от предыдущего этапа коммуникации в компаниях, когда ведущим компонентом были корпоративные СМИ, сейчас такого рода коммуникация становится многосторонней: она все больше переходит на цифровые платформы. Внутренние социальные сети служат, в частности, удобной формой общения руководителей и сотрудников. Важнейшая задача таких социальных сетей – превратить сотрудника из молчаливого исполнителя в инициативного члена коллектива, понимающего свою задачу в контексте общих задач, стоящих перед компанией. К. Рак предлагает практические советы и примеры из практики, чтобы помочь специалистам справиться с этой задачей. Автор главы подчеркивает: общение с помощью внутренних сетей предполагает различные коммуникационные роли; знание функций, которые составляют каждую из этих ролей – важнейшее качество современного менеджмента.

Однако на пути взаимодействия компании с «информированным сотрудником» крупный менеджмент поджидают подводные камни. С одной стороны, модерирование внутренних социальных сетей необходимо, поскольку разного уровня корпоративные тайны никто не отменял. Однако, по мнению К. Рака, «предоставление сотрудникам возможности озвучивать свою позицию, не информируя их о том, что происходит, является профанацией и говорит о недостаточной искренности. Недостаток доверия со стороны персонала к процессам и руководству будет подавлять стремление к участию, и сотрудники замолчат» [там же, с. 139–140]. Чтобы создать эффективные внутренние коммуникации, необходимо стремиться к открытости и прозрачности, предоставляя сотрудникам информацию о том, что происходит в компании, и давая им возможность высказывать свои мысли и позиции.

Также одной из важнейших частей книги является глава, написанная Л. О'Мороху, которая посвящена сторителлингу (буквально «рассказыванию

историй») – специальному приему, позволяющему путем рассказывания эпизодов из жизни компании, ее руководства и сотрудников добиваться большей вовлеченности партнеров, акционеров, клиентов и сотрудников в те или иные, происходящие в бизнесе, процессы [Исследуя внутренние коммуникации, с.168]. Сторителлинг является важной частью новых социальных медиа, именно такого рода «истории» зачастую определяют образ действий сотрудника, прививают корпоративную культуру, транслируют ценности компании. Это, в свою очередь, обеспечивает мотивированность и вовлеченность сотрудников в дела бизнес-организации. Вполне возможно, что сторителлинг – это базовый элемент бизнес-культуры завтрашнего дня.

Подводя итоги, следует отметить: современный российский бизнес в целом находится еще на предыдущей ступени развития. Крупные компании общаются с сотрудниками преимущественно через корпоративные СМИ, а «голос информированного сотрудника» редко когда бывает услышан руководством. Современные же условия: беспрецедентные западные санкции – ставят российский бизнес перед новыми жесткими задачами. Книга «Исследуя внутренние коммуникации. Голос информированного сотрудника», таким образом, оказывается очень важной: она показывает возможные пути сохранения Россией конкурентоспособности в современной мировой экономике.

Библиография

Исследуя внутренние коммуникации. Голос информированного сотрудника. Под ред. К. Рака; пер. с англ. А.Е. Айзенштадт; под науч. ред. А.Ф. Векслер, М.А. Реутской. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 440 с.

References

Issleduja vnutrennie kommunikacii. Golos informirovannogo sotrudnika. Pod red. K. Raka [Towards informed employee voice. Edited by Kevin Ruck]. Per. s angl. A.E. Ajzenshtadt; pod nauch. red. A.F. Veksler, M.A. Reutskoj. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2022. 440 p.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПОСТУПАЮЩИМ В ЖУРНАЛ «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»

I

Ежеквартальный мультидисциплинарный научный журнал «Россия и современный мир» публикует статьи по социально-экономическим, историко-культурным и политическим проблемам России, а также статьи, анализирующие роль и место России в современной системе международных отношений. Сайт журнала расположен в сети Интернет по адресу: www.rossovmir.ru

Журнал не перепечатывает материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях или в сети Интернет. Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Перепечатка публикаций журнала в других изданиях возможна лишь с указанием автора, названия журнала, номера и года публикации.

При публикации материала редакция заключает с автором лицензионный договор, согласно которому автор предоставляет редакции неисключительные права на свою статью; это означает, что редакция получает право распространять печатные экземпляры журнала с этой статьей вплоть до полной реализации, размещать на ресурсах журнала в сети Интернет. Автор также имеет право републиковать текст в другом печатном или сетевом издании, включить в книгу, выложить в сети Интернет.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

II

Объем присылаемых рукописей не должен превышать 1 п. л.

В имени файла необходимо указать фамилию и инициалы автора статьи на русском языке, например Иванов П.С. Рукописи принимаются по электронной почте на официальный адрес редакции: rossovmir@gmail.com. Кроме того, на сайте журнала предусмотрена специальная форма, заполнив которую, также можно прислать рукопись в редакцию.

Редакция организует экспертизу материалов. Если статья требует доработки, автору посылается письмо с соответствующими рекомендациями по

доработке текста на основании рецензии. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ с использованием материалов рецензии.

Главные требования к публикациям: наличие научной проблематики, соответствующей профилю журнала, новизна, хороший литературный язык. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать материалы рукописи, не меняя смысла информации. Автор несет ответственность за содержание работы, за точность и корректность цитирования и отсутствие плагиата. Мнение автора может не совпадать с позицией редакции и членов редколлегии.

III

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. После этого приводится аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (не более 10), употребляемые в тексте. Далее указываются фамилия, имя и отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, страна, город, e-mail. Также требуется указать Scopus Author ID и Web of Science Researcher ID.

Далее те же сведения даются в переводе на английский язык.

Цитируемые источники и литература оформляются однотипно. **Список цитированных источников и литературы** располагается после текста статьи, предваряется словом «Библиография» и располагается в алфавитном порядке. Сначала указываются русскоязычные издания, а затем иноязычные. Для источников и литературы из электронных изданий указывается URL и дата обращения.

Список источников и литературы, представленный на русском языке, дается в переводе на английский язык (с указанием языка оригинала); на английский язык также переводятся названия городов в библиографическом описании, буква р. – обозначение страницы и «дата обращения» – «data of access». Переведенный список помещается в списке под названием «References». Этот список также располагается по алфавиту. Кроме того, список должен быть транслитерирован латинскими буквами.

Опубликованные источники и литература описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место публикации, издательство (для изданий книжного типа), год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: Бутенко А.П. Историческая неудача или начало революции // Общественные науки и современность. 1992. № 4. С. 55–66.

В переведенном и транслитерированном виде описание выглядит так (символ слэш – // – не употребляется): Butenko A.P. Istoricheskaya neudacha ili

nachalo revolyutsii [Historical Failure or Beginning of Revolution]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 1992. N 4. P. 55–66. (In Russ.)

Архивные источники описываются так: фамилия автора, инициалы, название рукописи, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле (или те страницы, на которых помещен цитируемый документ). Или: название дела, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле. Например: Личное дело Харламова Николая Сергеевича // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65 а. Д. 14397.

В переведенном и транслитерированном виде это описание будет выглядеть следующим образом: Lichnoe delo Kharlamova Nikolaya Sergeevicha [Personal file. Kharlamov Nikolay Sergeevich]. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 495. Inv. 65 a. F. 14397. (In Russ.)

Источники и литература в электронном виде описываются по следующему образцу: Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127. URL: http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93 (дата обращения: 02.08.2019); Federal'nyj zakon ot 22 ijulja 2005 g. № 116-FZ «Ob osobyh ekonomicheskih zonah v Rossijskoj Federacii» [Federal Law of July 22, 2005 N 116-FZ «On Special Economic Zones in the Russian Federation»]. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2005. N 30 (part II). Art. 3127. URL: http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93 (date of access: 02.08.2019). (In Russ.)

В тексте статьи ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (если фамилия автора отсутствует – первые слова названия), год публикации и через запятую те страницы, к которым отсылается читатель. Для архивных документов после фамилии автора или названия дела указывается дата формирования дела и те листы, к которым отсылается читатель. Например: [Бутенко 1995, с. 170], [Личное дело Харламова, л. 2]. Отсылки к нескольким позициям приводятся в одних скобках через точку с запятой. Примеры: [Бутенко 1995, с. 170; Личное дело Харламова, л. 2]. Ссылки на тексты, размещенные в сети Интернет, даются без указания страниц. Например: [Федеральный закон от 22 июля 2005 г.].

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных (постраничных) сносках.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Россия и современный мир
№ 3 – 2023 (120)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка И.К. Летунова

Корректор
О.П. Дормидонтова

Подписано к печати 12.09.2023 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 23,2 Уч.-изд. л. 18,5
Тираж 870 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № 173

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
http://inion.ru

Отдел печати и распространения
изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У